

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА¹

А. Деборин

Товарищи! Последние пять лет ознаменовались жестокой борьбой между механистами и диалектиками. Мы вступили в такую «странную» полосу, когда основные положения марксизма для целого ряда товарищей стали «проблематическими» и «дискуссионными». В связи с этим накопилась такая масса проблем для нашего обсуждения, что исчерпать их в одном докладе представляется совершенно невозможным. Я поэтому решил остановить ваше внимание только на некоторых центральных проблемах, которые, с одной стороны, служили предметом наших споров, а, с другой стороны, являются весьма существенными по линии смычки философии с естествознанием.

Марксизм давно уже завоевал господствующее положение в общественных дисциплинах, где мы являемся хозяевами. Правда, надо сказать, что мы и в этой области отстаем, ибо практика опережает теорию, сознание часто отстает от бытия. Жизнь шагнула далеко вперед, а между тем теоретически мы еще далеко не осмыслили, не осознали всей сложности выдвигаемых жизнью вопросов, требующих серьезной научной разработки. Я считаю необходимым воспользоваться этой трибуной для того, чтобы указать, что теория исторического материализма может быть чрезвычайно обогащена серьезным исследованием всех форм и отношений, порожденных новой общественной формацией. Но нужно прямо сказать, что мы на этом фронте не можем похвастать большими успехами, что хотя работа и здесь ведется, но она не может быть признана достаточной. Надо употребить все усилия, чтобы оживить теоретическую работу в области исторического материализма.

В других общественных дисциплинах также накопилось много вопросов, требующих серьезной теоретической работы. Мало того. Мы живем в такую эпоху, когда вынуждены заново перестроить старые или создавать новые дисциплины. Многие представляется нам ныне в *новом свете*, благодаря новым фактам и тому всемирно-историческому опыту, который диктуется всем ходом развития социалистического строительства в нашей стране. Перед нами конкретно, практически выдвигается *задача овладения* теми научными дисциплинами, которые раньше представляли для нас чисто «теоретический» интерес. Мы являемся, далее, свидетелями целого ряда дискуссий, происходящих в различных общественных дисциплинах и касающихся главным образом вопросов *метода и предмета* соответствующей науки. Всех этих проблем я в своем докладе касаться не буду. Я сосредоточу свое внимание на этот раз преимущественно на вопросах философских и их связи с естествознанием.

¹ Доклад на 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений.

I

Прежде чем перейти к центральному узлу моего доклада, я считаю необходимым охарактеризовать, правда, в самых общих чертах, состояние философского фронта в целом. Естественно, что первое слово на нашей конференции должно быть посвящено нашему «вечному», так сказать, врагу — идеализму, ибо возрождение идеализма является, в особенности в наших условиях, ярким симптомом и прямым выражением обострения классовой борьбы. Можно сказать, что идеализма как организованного и влиятельного течения у нас не существует. Это до известной степени так. Но отсюда еще вовсе не следует, что мы не должны придавать значения выступлениям «вольных стрелков», т. е. отдельных представителей и главарей из этого лагеря. Необходимо подчеркнуть, что в условиях противоречивого развития нашего Союза классовая борьба принимает по временам очень обостренные формы, и тогда естественно, что на идеологическом фронте враждебные марксизму течения «прорываются» с особой силой и выступают с большим «задором». Такой момент мы переживаем в настоящее время.

На идеологическом фронте замечается довольно большое оживление враждебных марксизму течений, выражающееся в литературных выступлениях целого ряда писателей, начиная от мистика и идеалиста Лосева и кончая «механическим материалистом» Савичем. Идеализм носит у нас своеобразный характер в том смысле, что он разрабатывает не общие проблемы мировоззрения, а отдельные проблемы эстетики, логики, философии языка и... диалектики. Упомянутый мною Лосев интересен в том отношении, что он выступает главным образом как «реставратор» диалектики.

Какую же диалектику «реставрирует» Лосев? На этот вопрос мы получаем ответ: мистическую диалектику Плотина, Прокла и Ямвлиха. Не только Гегель, но даже Платон для Лосева неприемлем за его «рационализм». Античная диалектика в качестве «чистой диалектики» противопоставляется Лосевым диалектическому материализму. «Или нужно дать волю чистой диалектике, — пишет этот философ, — и тогда прощай, диалектический материализм и марксизм! Или мы выбираем последнее, и тогда прощай, античная диалектика с ее космосом и прочими бесплатными приложениями!» («Античный космос», с. 7). Лосев конечно предпочитает «чистую диалектику» Плотина и Прокла материалистической диалектике Маркса, Энгельса и Ленина.

Материализм Лосев считает разновидностью позитивизма. В основе современного материализма, утверждает Лосев, лежит миф. «Какая-то мифология, — говорит он, — лежит в основе новоевропейской культуры, наиболее оригинальным и своеобразным достижением которой является материализм и вообще позитивизм» («Философия имени», с. 216). Изложив «мифологию» материализма, Лосев продолжает: «Я спрашиваю, разве это не мифология, разве это не затаенная мечта нашей культуры, разве мы можем умереть, мы, новая Европа, не положивши свои кости ради торжества материализма? Нет, мы верим в нашу материю, поклоняемся и служим ей, и никто не в праве отнять ее у нас. Мы столько положили труда в жизни, чтобы спасти материю, и легко вам, идеалистам, не пострадавшим за материю, «критиковать материализм!» Нет, вы пойдите-ка пострадайте вместе с нами, а потом мы посмотрим, повернется ли язык у вас критиковать нас и нашу материю». Гр. Лосев издевается над материализмом и материалистами, в простоте душевной полагая, что его мистический бред

может нанести ущерб материализму. Разве не мистическим бредом является утверждение Лосева, что «было время, когда мира не было, и наступит такой миг, когда время кончится», что до времени было *имя* и после времени останется *имя*, ибо мир есть... *слово*. «Если сущность — имя и слово, — пишет наш «словесник», — то значит и весь мир, вселенная, есть имя и слово или имена и слова. Все бытие есть то более мертвые, то более живые слова. Космос — лестница разной степени словесности. Человек — слово, животное — слово, неодушевленный предмет — слово. Ибо все это — смысл и его выражение. Мир — совокупность разных степеней жизненности или затверделости слова. Все живет словом и свидетельствует о нем» («Философия имени», с. 166). В начале бе слово! — вот последняя премудрость «последнего» представителя религиозно-мистической идеологии. Именем и словом создан мир... Естественно, что гр. Лосев нападает на материализм за то, что он отвергает *откровения*.

Лосев — «диалектик», но его диалектика, разумеется, ничего общего не имеет с материалистической диалектикой. Представителей материалистической диалектики он всячески третирует, обращаясь к ним напр. со следующими словами: «Попробовали бы вы сами продумать и создать (?) хотя бы две или три последовательно развивающиеся диалектические категории. Дальше гегелевских «качества» и «количества», т. е. первой главы «Логики» Гегеля, никуда ведь сунуться не смеете и не умеете» («Философия имени», с. 18—19). Диалектика же Лосева, как мы уже знаем, не может итти в сравнение с диалектикой марксистов. Прежде всего, его диалектика требует *откровения*, или, как он иначе еще выражается, «абсолютного эмпиризма». «Если для вас диалектика не есть *непосредственное* знание (и стало быть не предполагает откровения), то лучше не занимайтесь диалектикой», — восклицает наш мистик. И в самом деле, что общего между мистической «диалектикой» Лосева и даже идеалистической диалектикой Гегеля? С точки зрения Лосева для диалектика «совершенно не важно, что мыслить. Диалектика занята чисто логической конструкцией вещи, а какая именно эта вещь, его совершенно не интересует» («Античный космос», с. 14).

Лосевский идеализм и лосевская диалектика, которые противопоставляются марксистской диалектике и марксистскому материализму, несут на себе и все черты средневековья. Нет сомнения, что лосевская идеология отражает *настроения самых реакционных элементов нашей страны*. Борьба с идеализмом и мистицизмом является нашей первой обязанностью.

Я остановился несколько подробнее на Лосеве потому, что он выступает более откровенно, чем другие мистики и идеалисты, не скрывая своих взглядов. Но было бы наивно думать, что идеалистический фронт представлен одним Лосевым. Лосев является крайним представителем и идеологом «реставрации». Не все представители идеализма идут так далеко, как он. У иных идеализм носит более «научный» и «современный» характер. К сожалению, я лишен возможности остановиться на разборе их взглядов, так как это отняло бы слишком много времени. Идеализм свил себе прочное гнездо в целом ряде отдельных дисциплин: в психологии, эстетике, истории, этике и проч. Надо указать еще на то, что в последние годы замечается возрождение идеализма (и даже мистицизма) в *естественно-научных дисциплинах*. Эта волна идет к нам отчасти и из Западной Европы, где крупные естествоиспытатели занялись исследованием сущности бога, видя в нем разрешение всех трудностей и противоречий, порождаемых развитием естествознания. Даже такой крупной физик, как Миликан, считает, что зна-

комство с развитием современной физики должно вселить в нас чувство смирения и сознание ограниченности человеческого разума. Поэтому он полагает, что *вера* должна занять место рядом с научным знанием. При таком положении вещей нет ничего удивительного в том, что у нас в специальных работах, даже в математических, проводятся чисто идеалистические и мистические взгляды. В области биологии мы наблюдаем проповедь витализма, в области же физики, наряду с указанными уже религиозно-мистическими тенденциями, замечается возрождение махизма.

Однако рядом с этими явлениями необходимо обратить внимание на складывающийся из отдельных элементов своеобразный *позитивизм*. Этот позитивизм сливается с *эмпиризмом* и также противопоставляется диалектическому материализму.

II

Все сказанное выше относится преимущественно к враждебному нам фронту, находящемуся, вообще говоря, вне марксизма или по ту сторону марксизма. Но было бы неправильно думать, что мелкобуржуазные и буржуазные течения в области философии, как они отражаются преимущественно в области отдельных научных дисциплин, не находят средств и путей для проникновения в среду марксистов. Мы должны констатировать, что в связи с общими условиями развития нашей страны, влияние буржуазной и мелкобуржуазной идеологии за последние годы дает себя сильно чувствовать в марксистской среде. Наш внутренний фронт переживает известные болезненные явления. Мы являемся свидетелями шатаний, колебаний, а то и просто отхода некоторых товарищей от ортодоксальных позиций марксизма и ленинизма. У нас сложилось целое течение, известное под названием *механистического материализма*, которое ведет очень упорную борьбу с диалектическим материализмом. Я не имею возможности подвергнуть анализу концепцию механистического материализма в целом; да в этом ныне нет уже надобности, поскольку наши противники достаточно разоблачены и поскольку их ошибки давно уже вскрыты. Но все же на некоторых пунктах придется остановиться. Прежде всего необходимо указать, что отдельные товарищи из механистического блока не избегли влияния идеализма. Достаточно напомнить, что некоторые из названных товарищей довольно серьезно увлеклись номогенезом Берга, обнаружив легкомысленное отношение к берговской критике дарвинизма. Критика же эта велась с точки зрения метафизической и телеологической. Таким образом эти товарищи подпали под влияние *идеализма*. Те же самые товарищи стоят обеими ногами на почве идеализма и в других вопросах, которые для марксистов считались давно решенными в материалистическом смысле и никаких сомнений не вызывали. Вот как рассуждает напр. т. Сараянов по вопросу об объективной истине: «Прежде всего оговорим,—пишет он,—что *никакой объективной истины вообще не существует*». «В своих работах я на этом почти не останавливался, потому что не считал нужным повторять старые прѣстарые азбучные истины, да и просто совестно — не за дурака же мы считаем нашего читателя! — убеждать, что всякая истина суб'ективна». И далее: «Тов. Столяров может сказать, что истина, соответствующая объективному положению дела, должна считаться объективной истиной, а которая не соответствует — суб'ективной истиной. Те товарищи, которые думают, что существует объективная истина, так именно и рассуждают. Но совсем нетрудно показать, что они обеими ногами стоят на почве идеализ-

ма¹». Оказывается, что на *почве идеализма* стоят те, кто в полном согласии с Лениным, в полном согласии с Марксом и Энгельсом, признает существование объективной истины. «Отрицание объективной истины Богдановым,—писал Ленин,—есть агностицизм и суб'ективизм»². Тов. Сараянов же переворачивает все вверх ногами³. С его точки зрения, материалист тот, кто *отрицает* существование объективной истины. Тот же, кто *признает* объективную истину, тот стоит «обеими ногами на почве идеализма». После этого нет ничего удивительного в том, что наши противники обвиняют нас в идеализме, ибо мы вместе с Лениным придерживаемся того взгляда, что *суб'ективный идеализм* приводит к отрицанию объективной истины. Но ни для кого не секрет, что т. Сараянов стоит на почве суб'ективного идеализма⁴.

¹ «Под знаменем марксизма», № 6, 1926, с. 67.

² Н. Ленин, Собр. сочин., изд. 1-е, т. X, с. 100.

³ Позиция т. Сараянова хорошо освещена в работах А. Столярова, Диалектический материализм и механисты, 1928; Суб'ективизм механистов и проблема качества, 1929.

⁴ В писаниях т. Сараянова мы вообще находим много диковинных вещей. Это — удивительный писатель. Он не в состоянии написать и пяти строк без путаницы. В этом отношении он удивительно похож на А. Варьяша. Послушайте, что пишет человек, преподающий нам уроки материализма и диалектики: «И действительно,—говорит он,—разве может материалист утверждать, что имеются представления, не соответствующие объективному положению вещей? Конечно, не может. Сознание определяется *всегда* бытием. Исключенный вы не найдете. *Представляет бога соответствует объективным процессам* (подчеркнуто мной.—А. Д.) Смешно думать, что мысли, напр. об ангелах, чертях и богах, появились сами по себе. Имеются объективные процессы, которым *соответствуют* (подчеркнуто мной.—А. Д.) наши представления». («Под знаменем марксизма» № 6, 1926, с. 67). Раз не существует различия между суб'ективной и объективной истиной, то естественно, что и «представление бога соответствует объективным процессам». Раз всякое *суб'ективное* представление истинно, т. е. соответствует объективному положению вещей, то и ангелы, черты, боги суть объективные истины. Это — чистейший суб'ективный идеализм, но т. Сараянов именно такую точку зрения квалифицирует как материалистическую. Вы видите, как можно софистически извратить любую точку зрения, как легко можно материализм об'явить идеализмом и идеализм — материализмом.

В свете сараяновского суб'ективного идеализма становятся «понятными» и такие его глубокомысленные рассуждения: «Представим себе,—пишет он,—что буржуазия, научно изучая законы общественного развития, познавая объективную необходимость, выступает в согласии с этой необходимостью против рабочего класса. Пролетариат выступает против буржуазии. И тот и другой действует верным, научным образом. И буржуазия права, и пролетариат прав». «Созерцатель-об'ективист,—говорит наш несравненный «марксист»,—пожмет плечами: чего борются? Ведь оба правы. Но мы — активисты. Мы скажем: именно потому, что буржуазия действует научными методами, что ее цели не утопичны, а научно обоснованы, мы должны еще решительнее бороться с буржуазией. Мир знает не одну правду, а множество их. Монархия разумна, но и борьба с нею тоже разумна, говорил Герцен. Не угодно ли выбирать?». («Под знаменем марксизма», № 12, 1925, с. 188—189). Оказывается, все на свете одинаково истинно, одинаково разумно, одинаково необходимо, одинаково объективно! И этому будто бы учит марксизм!

Для довершения картины приведем еще одно рассуждение т. Сараянова насчет *условности* истины вообще. Всякая истина, утверждает т. Сараянов, условна. «Наша относительность абсолютна,—говорит он,—ибо все течет и изменяется, нет точки покоя иной, как обусловленной нами, и нас конечно релятивизмом не запугаешь». «Абсолютность относительна,—продолжает он,—Наполеон умер такого-то числа, говорит Энгельс. Но действительно ли он умер в этот именно день? спрашивает Богданов. Так ли уже наивен этот вопрос? Сама смерть есть условное понятие. Тов. Столяров боится условности, он склонен увидеть здесь идеализм. Но ведь смерть действительно условное понятие» («Под знаменем марксизма» № 12, 1925, с. 190—192). Не ясно ли для всякого грамотного читателя, что т. Сараянов бесповоротно скатился к суб'ективному идеализму? Всякая истина условна, твердит он. Смерть и жизнь —

В сущности, совершенно непонятно, почему т. Сарабьянова считать механистическим *материалистом*. Впрочем, к идеализму скатываются и другие представители механистического материализма. На почве же вульгарного позитивизма и ползучего эмпиризма стоят они все одинаково. Заслуживает внимания, между прочим, то обстоятельство, что механистические материалисты воскресли *иероглифический материализм* и в настоящее время ведут борьбу против *теории отражения*, представляя ее конечно в самом грубом и упрощенном виде. Нет надобности напоминать короткий спор по поводу иероглифов между Лениным и Плехановым. По существу Плеханов отказался от своих иероглифов. Но нынешние защитники этой теории идут гораздо дальше Плеханова и скатываются вследствие этого к *агностицизму*.

Если мы познаем внешний мир посредством символов, иероглифов, особых знаков, которые лишь напоминают нам о существовании чего-то вне нас, но ничего общего с ним не имеют, не отображают самих вещей, то понятно, что таким путем мы *действительного* познания мира не достигаем. Вот почему наши противники ведут такую ожесточенную борьбу против тех, кто утверждает, что наши понятия являются *отражениями* объективного мира, что общие понятия представляют отражения того общего, что есть в самих вещах.

Послушаем на этот счет другого представителя механистов — Л. Аксельрод. «Карев и его единомышленники-деборинцы, — пишет она, — идут быстрым шагом к теодицею, выражаясь проще — к поповщине, отступая тем же шагом от диалектического материализма. Его главное положение, которое противопоставлялось им высказанным мною взглядам, гласящее, что «общие понятия, создаваемые нашим мышлением, представляют лишь *отражения* того общего, что есть в самих вещах», — является основанием *онтологического доказательства бытия божьего во всех моментах этого пресловутого доказательства*. Ибо сущность онтологического доказательства бытия божьего сводится к тому, что раз существует понятие бога, то этому понятию соответствует подлинная реальность, т. е. *бог*» («В защиту диалектического материализма», с. 250).

Этот автор любит, вообще говоря, крепкие выражения и страшные слова, которые заменяют у него логическую аргументацию. Тут, как видите, и теодицея, и поповщина и онтологическое доказательство бытия божьего и всякая прочая белиберда. Вся эта «словесность» потребовалась автору для того, чтобы, в противоположность «деборинцам», доказать, что общие понятия не являются отражениями того общего, что имеется в *самых вещах*. Наш глубокомысленный автор привел свой «поразительный» аргумент насчет онтологического доказательства бытия божьего, который должен поразить и сразить т. Карева и в то же время разоблачить всех нас как идеалистов. Однако такие приемы рассчитаны на простачков. Всякому ясно, что рассуждение т. Карева ничего общего не имеет с онтологическим доказательством бытия божьего. Это две совершенно различные постановки вопроса. В первом

одно и то же. В действительности, нет ни жизни ни смерти, ибо эти понятия «словесны». У т. Сарабьянова *диалектика* превратилась в *софистику*. Релятивизм привел его к абсолютному скептицизму и агностицизму. Все, что по этим вопросам писали марксисты и, прежде всего, Ленин, прошло мимо него. Он сам по себе, сам себе «хозяин». И вот спрашивается, разве взгляды т. Сарабьянова, вся его «философская» концепция не являются перелевом махизма. Разве его «идеология» отличается чем-нибудь от мелкобуржуазных, индивидуалистических, субъективных, агностических концепций. *Решительно ничем*.

случае говорится об *отражении* в нашем сознании того общего, что есть в *самых вещах*. Во втором случае речь идет о понятии, которое не является отражением объективной реальности, а продуктом нашего субъективного мышления. В первом случае мы имеем понятия потому, что существует *объективная реальность*, которая отражается в нем; во втором случае реальность бога существует потому, что существует *понятие* бога. Думаю, что дальше останавливаться на этой путанице нет надобности.

Наши противники перестали понимать самые азбучные истины. Они постоянно твердят о *нашем идеализме*, с очевидной целью отвлечь внимание читателя от своего собственного идеализма. Всем известна та полемика, которая за последние годы вновь вспыхнула вокруг *общеобязательных законов права и нравственности*. Но ведь и в области эстетики проповедуются те же общеобязательные нормы и оценки. Проповедники эти стоят на точке зрения Канта и прямо уже смыкаются с враждебными марксисту идеалистическими тенденциями и течениями. Правда, они свои идеалистические воззрения об *являют* чисто марксистскими. Но, к счастью, не все оказывают доверие этим «марксистам». Можно было ожидать, что товарищи из механистического блока найдут в себе мужество отмежеваться хоть от этих явно идеалистических идей. Но не тут-то было. Блок основан на взаимной амнистии. И в самом деле, как может т. Сарабьянов выступить против идеализма в области этики, права и эстетики, когда он сам стоит обеими ногами на почве субъективного идеализма в вопросах теории познания. Товарищи из механистического блока не сочли нужным также реагировать на выступление Л. Аксельрод в связи с юбилеем Л. Толстого. В этом своем «замечательном» выступлении, которое конечно выдается как ортодоксально-марксистское, наш автор пишет следующее: «Низшие, угнетенные классы лишены, по существу, традиции и крепких осознательных связей со своими прошедшими поколениями. Однообразный и тяжелый труд, вечные лишения, нищета, томящая нужда, которая отличается необычайным разнообразием в смысле мучения, сливается в однообразный поток, не оставляющий ничего для ярких воспоминаний. Другое дело — жизнь человека высшего, господствующего класса, класса, игравшего в продолжение столетий командующую, господствующую роль. Тут накопленные явления жизни сохраняются в памяти каждого члена этого класса; разнообразные события, яркие действия, все формы наслаждения своих предков, все семейные события, которые обставляются у высших классов так торжественно, — словом вся красочная жизнь и память о ней передаются из поколения в поколение, образуя собою внутренний мир каждого члена этого класса: освобиться от этого мира представляет собою огромную трудность. И чем на более высокой ступени данного класса стоит личность, тем, разумеется, труднее ей порвать с этой тяготеющей над ней исторической традицией класса». И далее: «Господствующие классы, ведя по существу эпикурейский образ жизни, чуждые религиозной аскетике, хранят, тем не менее, несравненно больше, чем классы угнетенные, религиозные традиции. Это, во-первых, потому, что религия является для них единственной формой идеологии, к которой они прибегают в моменты пресыщения, отмирания и боязни смерти. Люди высших классов больше боятся смерти, чем личности из трудящихся масс, что *вполне естественно*. Люди второй категории, уходя из жизни, мало что теряют» (курсив мой. — А. Д.). Что вы скажете по поводу такого, с позволения сказать, «марксистского» рассуждения? Все, что написано в вышеприведенной цитате, ничего общего с марксизмом не имеет. Однако товари-

щи-механисты не считают нужным отмежеваться от всей этой нищенской философии. Впрочем, как они могут отмежеваться, когда сами объявляют все основные положения марксизма спорными, дискуссионными.

В предшествующем изложении мною затронуты отдельные вопросы, которые однако дают достаточно материала для характеристики физиономии механистического блока. Заметьте, что я совершенно не коснулся целого ряда проблем, стоявших в центре наших споров с механистами. А не коснулся я их потому, что они бесповоротно решены уже в нашу пользу, поэтому совершенно бесполезно тратить время для их освещения. Я сознательно ограничиваюсь отдельными штрихами, чтобы лишь иллюстрировать общее положение на нашем философском фронте.

Для полноты картины необходимо еще напомнить товарищам выдвинутое механистами новое определение сущности материализма, которая якобы сводится к механической причинности. Эта постановка вопроса вполне гармонирует с их общим *позитивистским* направлением, так как такое определение материализма дает возможность причислить к материалистическому направлению чуждые ему по существу течения идеалистического и полуидеалистического, т. е. эклектичного характера. Механистический блок обнаруживает чрезвычайно либеральное отношение ко всем ревизионистским течениям. В этом его особенность. Беспринципность составляет основу механистического блока. Он ведет ожесточенную борьбу только против диалектического материализма, но по отношению ко всем антимарксистским течениям он проявляет удивительную «мягкость». Этим обстоятельством объясняется то, что в состав механистического блока входят и те товарищи, которые пытались нам навязать фрейдизм, выдавая его за марксизм или дополняя им марксизм. Эти товарищи писали целые трактаты, в которых доказывали, что взгляды Фрейда во всем существенном чуть ли не совпадают с воззрениями Маркса и Энгельса. «Более того, Фрейд и его последователи,—пишет г. Варьяш,—«пролили новый свет» на образование мифов и религий, первобытных учреждений людей, на «проблемы смерти, возникновения власти и законов». Фрейдизм фактически отождествлялся с марксизмом. Естественно, что мы выступили против этих тенденций. Нас за это сильно ругали. Нам ставили в вину, что мы якобы задерживаем в Союзе развитие науки, что мы не даем развернуться на советской почве великим достижениям западноевропейской мысли. Но я должен открыто признаться, что мы не слушались этих, очень почтенных, вообще говоря, товарищей: мы шли своим путем и добились известных успехов. Мы заставили наших фрейдистов сойти со сцены. Кто из вас скажет ныне, что мы были не правы. Мы не могли мириться с тем, чтобы фрейдисты образовали новое «марксистское» течение. Фрейдизм как социологическое учение, призванное якобы обогатить или заменить марксизм, был нами разбит. Может быть, он ушел «в подполье», но, поскольку мы знаем, он ныне популярностью не пользуется.

Я считаю нужным оговорить, что я вовсе не думаю отрицать за учением Фрейда известных положительных заслуг в области медицины или даже психологии; но, поскольку речь идет о попытках превратить фрейдизм во всеобъемлющее мировоззрение или социологическую теорию, способную будто бы конкурировать с историческим материализмом, то против таких попыток мы будем бороться и впредь, считая эти попытки неправильными и вредными. Выступали ли механисты против наших фрейдистов? Нет, не выступали. Напротив того, они с товарищем Варьяшем заключили прочный союз.

Наши противники считают себя «специалистами» по части махизма. Правда, некоторые из них имеют довольно смутное представление о махизме. Но как бы то ни было, на словах они всегда готовы бороться с махизмом. К сожалению, они видят его там, где его в действительности нет, и не видят его там, где он процветает. Они напр. обвиняют нас, диалектиков, в махизме, хотя никаких доказательств в подкрепление своего обвинения до сих пор привести не могли. В то же время на страницах издаваемых механистами сборников, носящих название «Диалектика в природе», развиваются явно махистские взгляды, и подвергается критике... диалектика Энгельса. Вот что мы читаем на с. 255 второго сборника «Диалектика в природе»:

«Более новый критик Берман, жестоко расправляющийся с целым рядом положений классической диалектики, как «с лобряжушками гегелевского схематизма», приходит к выводу, что вся суть диалектики в эволюционном, историко-генетическом воззрении на бытие и сознание; остальное, связываемое с диалектикой, искусственно или не существенно. Берман отмечает, что напр. Энгельс в «Фейербахе» «ни одним словом уже не упоминает о переходе количественных изменений в качественные различия, ни об отрицании отрицания» и с еще большей ясностью, чем в «Анти-Дюринге», выдвигает «принцип всеобщей эволюции», который «есть то, что называют диалектическим методом». Мы не собираемся здесь подписываться под мнениями названных критиков, но их выступления, думается, выявляют, что именно в диалектике уже не может быть оспариваемо и представляется наиболее устойчивым. Это все тот же принцип «становления» (и генетической связи), который, как мы видели, и классики диалектики считают самой главной ее частью,—«ядром» диалектического материализма.

Наконец, только-что вышедший сборник «Marxismus und Naturwissenschaft», словами Адлера, высказывается еще определеннее: «Wir können konstatieren, dass die Bezeichnungen «Materialismus» und «Dialektik» bei Marx und Engels sich vollständig mit den Begriffen der modernen Naturwissenschaftlerführung» und «Entwicklung decken». Очень знаменательно, что на страницах «Диалектики в природе», издаваемой механистами, мы встречаемся с проповедью *махизма*. В высшей степени интересна ссылка на Бермана и Адлера. Оказывается, что механисты солидаризируются с махистами Берманом и Адлером в их критике диалектики и материализма. Но этот один факт доказывает, что механисты очень плохо знакомы с историей марксизма. Впрочем, во всем этом есть своя логика. Махисты выступили против энгельсовского материализма и против диалектики во имя «спасения» *естествознания*. То же самое повторяется ныне с механистами, которые во имя того же *естествознания* пустились в поход против диалектического материализма. Махисты доказывали, что диалектика составляет схоластический пережиток идеалистической философии, который несовместим с достижениями *естествознания*. Такова же точка зрения и нынешних механистов, считающих необходимым подвергнуть пересмотру диалектический материализм с точки зрения современного *естествознания*. Мы покажем ниже, что современное *естествознание* не только не пришло в противоречие с диалектическим материализмом, но как раз наоборот,—блестяще подтверждает правильность его. Пока же напомним товарищам механистам, что диалектические материалисты еще двадцать с лишком лет тому назад подвергли уничтожающей критике воззрения Бермана и Адлера. Эти товарищи должны были бы, по крайней мере, знать ту суровую отповедь, которая была дана упомянутым критикам Лениным. Механисты, хотя и называют себя *материали-*

листами, на самом деле давно уже скатились к *позитивизму*, а некоторые даже к *суб'ективному идеализму*. Что же касается специально диалектики, то она ими интерпретируется в духе обычного вулгарного *эволюционизма*.

III

Центральным пунктом нашей почти пятилетней дискуссии являлась материалистическая диалектика. Этот факт требует объяснения. Почему наши споры вращались именно вокруг диалектики? Можно, пожалуй, сказать — потому что материалистическая диалектика является основным стержнем всего марксизма, что метод является, как любил говорить покойный Плеханов, душой всякого научного познания. Поэтому естественно, что споры велись по поводу диалектики. Это конечно так. Но есть целый ряд других обстоятельств, которыми обуславливается обостренный интерес в наше время к диалектике. Это конечно прежде всего самый факт пролетарской революции. Это *новое явление* само по себе требует объяснения, а все то, что происходило и происходит у нас на протяжении 11—12 лет, все явления, которые характеризуются раскрытием *новых взаимоотношений, новых тенденций, новых форм, новых закономерностей* и т. д., естественно должны были обусловить сугубый интерес к методу, при помощи которого новые явления могут быть объяснены. Перерождение, если будет позволено употребить такое выражение, старых закономерностей в новые закономерности, развитие ряда качественно новых явлений, тенденций, форм и т. д. — все это могло быть и может быть осмысливаемо исключительно с точки зрения нашего метода, с точки зрения *материалистической диалектики*; и поэтому также естественно, что у нас, независимо от всего прочего, выдвинулись такие проблемы, которые многим кажутся иногда схоластическими, — проблема *качества*, проблема *сведения*, вопрос о формах *движения*, сущности и явления, формы и содержания и т. д. Это не является плодом досужих философов, как многие думают: все эти проблемы поставлены жизнью.

Мы не книжные марксисты. Мы стремимся осмыслить нашу эпоху и наше социалистическое строительство. Мы, кажется, поняли, где центральный пункт, центральный узел, в который увязываются теоретически решительно все проблемы нашего социалистического строительства и всей нашей жизни. Это есть, прежде всего, материалистическая диалектика. Наша эпоха раскрывает *новые типы связей, новые формы взаимоотношений* между явлениями в общественной жизни прежде всего. И вот, естественно, что мы в качестве марксистов стремимся осознать самих себя, свою собственную работу, свою собственную деятельность и свою эпоху. Мы не действуем вслепую, мы сознательно и преднамеренно ведем свою работу в определенном направлении. К сожалению, я не имею возможности остановиться здесь на увязке материалистической диалектики как метода с общественными дисциплинами, но и здесь есть о чем поговорить. Я вынужден ограничить свою задачу, потому что наша дискуссия по преимуществу шла в плоскости смычки философии с естествознанием. Диалектический материализм в наших условиях стал захватывать все новые и новые области, в которые мы раньше не заглядывали. Естественно, что после победы пролетариата, когда у нас установилась гегемония марксизма, перед нами встала задача овладения также и естествознанием. Я не должен распространяться о значении *естествознания* для *техники*, для овладения

материей, для овладения *миром вообще*. Мы стоим ныне перед необходимостью перестройки всего нашего хозяйства. При таких условиях необходимо было броситься на фронт естествознания и здесь завоевать какие-то позиции. Мы бросились на этот фронт. Нам, правда, давали очень мудрые советы. Нам говорили: не лезьте в естествознание. У нас коммунистов-естествознавцев нет, или их очень мало, очень тонкий слой. Что же вы можете сделать? Мы этому совету не последовали, и я после укажу, что вопреки многим товарищам, которые считали, что мы будто бы последние годы много говорили о диалектике и о диалектике естествознания в особенности, но ничего конкретного не дали, вопреки этим товарищам я укажу, что сделано очень много и сделано основное, и не наша вина, если товарищи, которые могли бы с нами идти в том же направлении, которые могли бы вместе с нами работать, заняли «позицию оппозиции».

Нас часто упрекали в том, что мы якобы оторвали методологию от положительной науки, что мы хотим якобы строить «априорную» философскую систему и проч. Все это сумасшедшие пустяки. Ничего подобного не имело места, и тот, кто действительно следил за нашей работой, тот знает, что мы одержали кое-какие победы на этом фронте именно потому, что мы *увязали диалектику с естествознанием*, а вовсе не занимались априорными построениями каких-то диалектических схем. Два обстоятельства заставляют нас обратить особое внимание на естествознание. Первое — это то, что современное естествознание переживает *глубочайший кризис* и что этот кризис — и в этом надо отдать себе отчет — знаменует собою не *упадок*, а *развитие* естествознания, — мы снова переживаем в естествознании величайшую революцию, которая связана с перестройкой всего здания науки. В настоящее время, в силу чрезвычайно обострившегося противоречия между *результатами* естествознания и устаревшими формами мышления, выдвигается на первый план необходимость новой логики, нового метода. Это ныне сознают все крупнейшие естествоиспытатели.

В чем же смысл современного кризиса или, как Ленин постоянно говорил, *революции* в естествознании? Смысл кризиса заключается, с одной стороны, в том, что само естествознание ставит все *коренные вопросы философии*, а с другой стороны, в том, что естествознание подтверждает истинность диалектического материализма. Увязка диалектического материализма с современным естествознанием является поэтому для нас необходимостью. Товарищи механисты, которые выставили своим лозунгом: «Наука сама себе философия», считали возможным и необходимым ликвидировать диалектический материализм. Диалектический материализм конкретизируется, мол, в отношении общественных явлений, в историческом материализме, в отношении естественных наук, в современном механистическом естествознании, а потому — долгой философию диалектического материализма. Но что же оказалось? Оказалось то, что сама наука, сама физика ставит ныне *философские вопросы*, и крупнейшие физики говорят, что они без философии не могут обойтись. Надо ли приводить здесь по этому вопросу мнение Планка, Иордана и целого ряда других крупных ученых, которые понимают смысл и значение происходящих в современном естествознании процессов?

Каков характер современного кризиса в естествознании? В эпоху «Материализма и эмпириокритицизма», т. е. в первое десятилетие нашего века, основной проблемой была проблема *реальности материи*. Вокруг этой проблемы главным образом вращались все споры и все вопросы. В связи

с открытием *новых форм материи* среди естественников образовались идеалистические направления, которые учили тому, что материализм потерпел крах; так как открыты новые формы материи, то материи не существует, — так можно формулировать ход мыслей идеалистов-естественников.

Ленин внес очень серьезную главу не только в *историю философии* и не только в наше мировоззрение, но и в *историю науки*, в *историю физики* в первую очередь тем, что он подверг критике физический идеализм и дал марксистское решение поставленных тогдашней физикой вопросов. Надо сказать, что «Материализм и эмпириокритицизм» за границей встретил среди естественников (разумеется, не среди профессиональных философов, которые в своем идеалистическом высокомерии не станут же читать книги о материализме) очень хороший прием. Отзывы об этой книге были напечатаны в «*Monistische Monatshefte*», «*Naturwissenschaften*». Даже физик Филипп Франк счел необходимым скрестить шпаги с Лениным. Одну из глав своей книги Ленин закончил словами: «Физика лежит в родах, она рождает диалектический материализм». Я должен сказать, что если в первое десятилетие XX века такая постановка вопроса была совершенно чужда и непонятна естественникам, то ныне мы подвинулись в этом отношении настолько далеко, что сами естественники заговорили диалектической прозой.

Диалектический материализм делает огромные завоевания. Мы находимся накануне, да будет позволено так выразиться, рождения *материалистической диалектики* в области естествознания. В нашу эпоху в центре внимания стоит не только проблема реальности материи. Этим я не хочу сказать, будто нет таких естественников, которые не сомневаются в существовании материи. Напротив, ныне в связи с новыми открытиями снова заговорили о том, что атом и электрон — не реальности, а одни лишь понятия. Одним словом, махизм, идеализм и даже мистицизм снова возродились и имеют своим непосредственным источником естествознание. Из этого видно, насколько правы те товарищи, которые полагают, что философия — «язва наших мест», что от нее все беды и что естествознание само по себе свободно от идеализма. Ничего подобного! Ленин тысячу раз был прав, когда писал и подчеркивал, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки не выдержат напора буржуазных идеалистических идей. Современный «текущий момент» характеризуется тем, что крупнейшие физики ударились в *мистику*, *спиритуализм* и т. п. чертовщину. Из крутой ломки современной физики рождаются идеалистические и мистические настроения. Основной центральный пункт, вокруг которого вращаются ныне проблемы физики, — это *формы связи явлений*. Наука открывает новые *формы движения*, новые *формы взаимоотношений*, связей, закономерностей; поэтому ряд основных категорий, основных законов и формы связи выдвинулись ныне на первый план: проблема времени и пространства, проблема причинности, проблема движения и пр. Центральный же узел всего современного естествознания — проблема единства противоположностей. Вокруг этого основного закона диалектики вращаются ныне все споры, и каждое новое открытие в области физики подтверждает правильность этого закона. Вот какие чудеса творятся на нашей грешной земле!

Небесполезно будет напомнить товарищам, что мы в этой области одержали блестящую победу. Мы утверждали, что в основу теоретической физики должен быть положен принцип единства противоположностей. Наши противники обвиняли нас за это в идеализме, в схоластике, словом,

во всех смертных грехах. Я был об'явлен т. Тимирязевым «упразднителем естествознания». Кому же, как не т. Тимирязеву, спасти естествознание от наших покушений?

Расхождение наше с механистами имеет своим основанием полное непонимание ими переживаемого ныне естествознанием этапа. Наши противники не понимают, что кризис современного естествознания есть кризис его *методологических* основ. Ленин еще в «Материализме и эмпириокритицизме» писал, что «современная физика идет к единственно верному *методу* и единственно верной *философии естествознания*, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ошупью, шатаясь, иногда даже задом». Со времени «Материализма и эмпириокритицизма» кризис в физике все более и более углублялся. На нынешнем этапе все продолжающегося кризиса на первый план выдвигается проблема связи между различными формами движения, проблема причинности, непрерывности и прерывности и т. п. Своеобразие нынешнего кризиса состоит в том, что он ставит на очередь *признание закона единства противоположностей, закона взаимного их проникновения*. С нашей точки зрения, научное разрешение всех трудностей, связанных с нынешним кризисом и порождающих реакционные идеалистические и религиозно-мистические течения мысли, может дать только диалектический материализм. Мы считаем, что материалистическая диалектика является для современного естествознания самой правильной формой мышления. Разрыв между *результатами* современного естествознания и *методом мышления* должен быть устранен и преодолен. А это возможно лишь на основе материалистической диалектики. Мы ничего нового здесь не открывали; мы только следуем во всем Энгельсу и Ленину. Поэтому я еще несколько лет тому назад формулировал стоящую перед физической задачей в следующих выражениях: «В основу теоретической физики должно быть положено *учение о единстве противоположностей, о взаимном их проникновении*... вся эмпирическая физика, можно сказать, проникнута насквозь «тождеством противоположностей», но это не осмыслено». В другом месте я писал следующее: «Основная задача, стоящая перед современным теоретическим естествознанием, состоит не в том, чтобы продемонстрировать диалектический характер процессов природы на отдельных примерах: вот тут показать «скачок», а там пример перехода количества в качество; задача состоит в том, чтобы *охватить с диалектической точки зрения естествознание в целом*. А для этого необходима точная диалектическая формулировка основных естественно-научных понятий, и в первую очередь эту работу следует проделывать в физике. Нет ни одного конкретного понятия в физике, которое не явилось бы выражением единства противоположностей» («Диалектика природы», с. 238—239). Против этих общетеоретических методологических соображений выступил со своей критикой А. К. Тимирязев. Вот что он писал: «Теперь мы подходим к самому корню наших разногласий. Те, кого называют механистами, полагают, что изучение конкретных фактов и явлений природы и общества должно быть доведено до такой ступени, чтобы диалектика этих процессов выступила из них самих. Наши противники считают, что в области естествознания надо формулировать раз навсегда общие положения, в роде: «Нет положительного электричества без отрицательного; нет рассеяния энергии без ее концентрации; нет действия без противодействия и т. п.» (Деборин, с. 59). «Задача состоит в том, чтобы охватить с диалектической точки зрения естествознание в целом» (Деборин, там же). Эти общие и расплывчатые формулировки

дают полное и ясное объяснение тому непонятному на первый взгляд обвинению, которое было выдвинуто против меня т. Дебориным, именно, будто я проповедаю хвостизм в естествознании!» Так и пишет т. Тимирязев.

Ниже мы увидим, что, с точки зрения т. Тимирязева и его единомышленников, диктуемая всем развитием естествознания задача охвата его с диалектической точки зрения об'является «гегельянством» и «идеализмом». Тов. Тимирязев не подверг критике центральный пункт моих рассуждений, что в основу физики должен быть положен принцип единства противоположностей. В качестве «ловкого» полемиста он предпочитает обходить центральные идеи, требующие теоретического анализа и освещения, а выхватывает отдельные выражения и примеры, приводимые мною для иллюстрации основной мысли. Я, разумеется, и от примеров не отказываюсь. Но характерно, что механисты критикуют нашу центральную принципиальную установку не прямо, а «бочком», обходящим путем, ухватываясь за ту или иную иллюстрацию. Однако т. Тимирязев все же раскрыл свои карты, когда отнесся отрицательно к выставленному мною положению, что необходимо «охватить с диалектической точки зрения естествознание в целом». Ведь это же основная идея энгельсовской «Диалектики природы». Или механисты полагают, что Энгельс шутил с диалектикой? В «Диалектике природы» Энгельс в отделе «Общий характер диалектики как науки» проводит ту мысль, что законы диалектики по существу сводятся к основным трем законам: закон перехода количества в качество и обратно; закон взаимного проникновения противоположностей и закон отрицания отрицания.

«Диалектические законы,—пишет Энгельс,—являются реальными законами развития природы и, значит, действительными и для теоретического естествознания». Точку зрения Энгельса разделяли, как это всем известно, Маркс и Ленин. Но механисты придерживаются на этот счет другого мнения. Поэтому вполне понятно, что т. Тимирязев считает нашу формулировку «расплывчатой». Но о чем говорит наша формулировка? Она говорит о том, что закон взаимного проникновения противоположностей является реальным законом развития природы, и поэтому он действителен и для теоретического естествознания. Если т. Тимирязев считает, что наша формулировка неудовлетворительна, то пусть даст свою, более удовлетворительную. Что же он противопоставляет нашей формулировке? Механисты полагают, пишет он, что «изучение конкретных фактов и явлений природы и общества должно быть доведено до такой степени, чтобы диалектика этих процессов выступила из них самих». Эта тимирязевская формула на деле означает отрицание диалектики.

«В том-то и дело,—пишет т. Тимирязев,—что, по Деборину, диалектику в естествознании следует применять не так, как ее применял Маркс, Энгельс и Ленин. В общественных науках, по Деборину, может оставаться марксистская диалектика, по крайней мере он против нее не возражает, а естествознанию достаточно и гегелевской, предписывающей природе ее законы, а не извлекающей эти законы из природы. А для извлечения этой диалектики из природы необходимо в каждом конкретном случае тщательное исследование, которое надо довести до того, чтобы диалектика сама выступила в качестве результата всего исследования» («Диалектика в природе», сб. III, с. 46—47).

Тов. Тимирязев имеет одинаково смутное представление как о марксистской, так и о гегелевской диалектике. Подобно всем механистам, он совершенно не понимает взаимной связи между теорией и фактами. Стоя

на точке зрения ползучего эмпиризма и «хвостизма», он отрицает роль диалектики как орудия исследования, и поэтому он истолковывает нашу точку зрения в том смысле, будто мы «предписываем природе ее законы». Разница между нами, диалектиками, и механистами состоит в том, что последние стоят на почве голых фактов, обнаруживая непонятный страх перед теоретической мыслью, мы же «увязываем» факты с теорией, понимая их единство и связь. Тов. Тимирязев уверен, что Маркс, Энгельс и Ленин применяли диалектику так, как это хочет он, Тимирязев. Но это — сущие пустяки. Ибо это означает, что они не пользовались диалектикой как орудием исследования, а занимались лишь собиранием голых фактов. Впрочем, до какой степени механисты запутались в своем понимании диалектики, доказывает тот «факт», что они говорят о применении диалектики (не будет ли это означать, по Тимирязеву, «предписывание природе ее законов»), так как отрицать факт применения Марксом, Энгельсом и Лениным диалектики к исследованию явлений не осмеливаются даже механисты. Но что значит «применять» диалектику? Это значит пользоваться открытыми уже законами движения и развития для изучения новых областей явлений, в которых, согласно предположению, должны действовать те же основные законы. Поэтому применение диалектики не только не противоречит изучению конкретных фактов и явлений, но, напротив, предполагает такое изучение. Более того, применение диалектики, т. е. пользование диалектикой как орудием исследования, делает возможным действительное, научное изучение «конкретных фактов и явлений». Что же нам предлагают механисты? Не пользоваться диалектикой как орудием исследования, ибо это мол, по их пониманию, означает «предписывать природе ее законы», а изучать конкретные факты и явления природы и общества так, чтобы «диалектика сама выступила из них». Не применять диалектику предполагают они, а только извлекать ее из природы и общества, что на деле означает отказ от диалектики. Но допустим, что мы уже извлекли диалектику из природы. Что же дальше с ней делать? Не может ли «извлеченная диалектика» стать исходным пунктом для дальнейшего исследования? Как будто может. Если может, то мы снова возвращаемся к исходному пункту наших споров, т. е. к вопросу о том, может ли вообще диалектика служить орудием исследования. Механисты, хотя и в завуалированной форме, решительно отрицают это,— вот почему они с такой горячностью отстаивают «изучение конкретных фактов и явлений природы и общества». Что всегда и во всем требуется тщательное исследование,—это само собой разумеется, но что у механистов за этими тщательными исследованиями, за изучением фактов скрывается бегство от теории, от теоретической мысли, отрицание диалектического метода,—это тоже само собой разумеется.

IV

Механисты не поняли всей нашей установки, потому что они порвали с марксизмом. Подобно всем ревизионистам, они сосредоточили свою «критику» на диалектике. И так как мы считали своим долгом выступить против ревизии диалектики, то они нас стали обвинять в увлечении гегелевской, т. е. идеалистической, диалектикой. Но как же быть, если наша диалектика оправдывается развитием естествознания, если практика подтверждает правильность наших теоретических положений? Тов. Тимирязев, как известно, любит всегда ссылаться на «практику», хотя, по правде говоря,

он плохо понимает роль практики в марксизме. Практика у механистов часто отождествляется с мешанским делячеством, с непосредственным созерцанием данных «фактов». Этим об'ясняется в значительной степени фатальное непонимание ими роли теории. Механисты, как известно, выдвинули против нас обвинение в отрицании электронно-нуклеарной теории строения материи. На это коньке изящно гарцует, в частности, т. Тимирязев, который квалифицировал меня как «упразднителя естествознания». Но мы увидим, что наш естествовик ничего не понял в движении современного теоретического естествознания. Я не понимаю, почему нельзя критиковать ту или иную теорию с точки зрения более общей теории, с точки зрения общеметодологической. Для ограниченных эмпириков каждый данный факт составляет «практику», каждый последний вывод науки — истину в последней инстанции. К чему сводилась моя «критика» электронной теории материи? Я указывал на то, что взгляд на материю, как на сумму раздельных мельчайших частиц, является односторонним. К этому именно и сводилось мое мнимое «отрицание» электронно-нуклеарной теории строения материи. «Атомистическая структура материи и электричества», — писал я, — является величайшим завоеванием науки, но только ограниченные эмпирики и механисты не понимают того, что дискретность требует, как своего «дополнения» или противоположности, непрерывности. Чисто атомистическое представление материи ведет к распылению ее на материальные точки, из которых складывается, как бы посредством сложения, механическая масса... Материя так же непрерывна, как и прерывна». Величайшее достижение диалектики, как высшей формы мышления, состоит в том, что она «синтезирует» непрерывность и прерывность, качество и количество, экстенсивность и интенсивность, материю и энергию и т. д. Но как раз кризис современного естествознания в значительной степени об'ясняется метафизическим разрывом этих противоположностей. И только за самое последнее время мы наблюдаем в самой науке поворот в сторону преодоления метафизической точки зрения. Что же выставили в противовес нашим взглядам механисты? Ровно ничего. Они только то и делали, что ругали нас последними словами, отстаивая с пеною у рта абсолютно «гождественные частицы», ссылаясь при этом на «практику». Однако посмотрим, как обстоит дело в современной науке. Оказывается, что за последние годы произошел в этом отношении существенный перелом. Если взять конкретно область физики, то электроны ныне уже не рассматриваются только как *частицы*. Противоречие в области теоретической физики сводилось до сих пор к разрыву между физикой поля и корпускулярной физикой. Понятие *волны* связывает два противоположных понятия континуума и дисконтинуума, что, с точки зрения формальной логики, представляется, пожалуй, непонятным. Частица имеет только *относительно* дискретный характер, но в то же время и континуум следует мыслить *относительно* непрерывным. Вот это новое понимание непрерывности и прерывности, мне кажется, дает ключ к пониманию диалектических *переходов*, скачков и проч. прежде всего в самой физике.

«Основная причина», — пишет Дж. Томсон, — которая, по-моему, заставляет отказаться от прежних воззрений на электрон, состоит в том, что, как было недавно показано, движущийся (в частности равномерно движущийся) электрон всегда сопровождается цугом волн. Эти волны как бы несут его с собой и определяют его путь. Таким образом движущийся электрон представляет собой значительно более сложную вещь, чем простой точечный заряд. «Более того», — продолжает Томсон, — оказалось, что именно эта

сложность, эта тонкая структура атома сообщает материи ее электрические и химические свойства. Для об'яснения этих свойств недостаточно просто предположить, что материя состоит из большого числа маленьких частиц; это об'яснение непосредственно связано с вопросом о внутреннем строении этих частиц, с их электронной структурой». В дальнейшем Томсон высказывает предположение о существовании *различных типов электронов*. Вы помните, товарищи, с каким негодованием механисты обрушились на нас за то, что мы отказывались признать их метафизические взгляды на «материю как таковую» и на «качественно тождественные мельчайшие частицы» правильными. Но послушаем дальше Дж. Томсона: «Электронные волны», — пишет он, — представляют собой совершенно новый тип излучения, свойства которого могут во многом отличаться от свойств всех известных нам до сих пор типов излучения.

Подобно тому как понятие световых частиц оказалось недостаточным для об'яснения свойств света, и пришлось ввести понятие световых волн, так и понятие электрических частиц недостаточно для об'яснения свойств электронов, и пришлось предположить, что эти частицы сопровождаются системами волн. Дуализм волны-частицы имеет, таким образом, место в самых разнообразных областях физики и, повидимому, коренится в самой физике» (см. «Успехи физических наук», сент.—окт. 1929 г., ст. Дж. Томсона «За пределами электрона»).

Дуализм волны-частицы или, точнее, единство их составляет конкретизацию единства непрерывности и прерывности. И вот оказывается, что, с точки зрения Томсона и с точки зрения других крупных физиков нашего времени, это единство частицы-волны, единство непрерывности и прерывности (еще более отвлеченно — *единство противоположностей*) коренится, повидимому, в самой природе, т. е. составляет как бы первичный «факт».

С точки зрения современных воззрений, «электрон не является конечной ступенью в структуре материи», как выражается Дж. Томсон. Мы боролись с метафизическими представлениями механистов о материи, как таковой, и о мельчайших тождественных частицах. И. И. Степанов чуть ли не на каждой странице своей направленной против нас книжки твердит о том, что вся материя состоит из тождественных мельчайших частиц, а именно из *положительных ядер и отрицательных электронов* и что «материя, как таковая, чувственно существует для нас как *отрицательные электроны и положительные ядра*» (ср. И. Степанов, Диалектический материализм и деборинская школа, с. 135—140). Мы критиковали эти воззрения с точки зрения *материалистической диалектики* и оказались правыми. То же самое приходится сказать и относительно непрерывности и прерывности. С точки зрения материалистической диалектики, действительность может быть полностью охвачена только посредством синтеза непрерывности и прерывности. «В оптических явлениях», — говорит Томсон, — волны играют основную роль, и потому мы вполне можем ограничиться волновой теорией; в электрических же явлениях речь идет об энергии, и потому наиболее пригодной является корпускулярная теория, концентрирующая внимание на частицах энергии. Говоря о волнах, мы получаем волновую теорию; говоря об энергии — корпускулярную теорию. Таким образом, каждая из этих теорий охватывает только часть истинной действительности (курсив мой—А. Д.). Строго говоря, во всех оптических явлениях, точно так же, как при движении электрических частиц катодных x - и u -лучей, нужно принимать во внимание и частицы и волны» («Успехи физических наук», сент.—

окт. 1928 г., с. 582—583). Противоположность между светом и материей, благодаря развитию атомной теории, значительно сгладилась, как выражается физик Гааз. «Существенные особенности материи — ее дискретность и импульс — найдены также у света и обратно: волновой характер света обнаруживается и в материи. Корпускулярные и волновые воззрения оказываются дополняющими друг друга» (*Arthur Haas, Materiewellen und Quantenmechanik*, 1928, с. 144—145).

Из всего мною сказанного следует, что развитие естествознания, в частности развития физики, за последние годы блестяще подтверждает правильность диалектического материализма. Приведенные мною «факты» с неопровержимостью доказывают, что только материалистическая диалектика является единственным научным методом исследования, способным действительно обогатить науку. Но по какой-то странной иронии судьбы против диалектики со всем жаром выступают люди, называющие себя марксистами, и выступают в такой момент, когда естествознание само вступает на путь материалистической диалектики.

Мы лишены возможности уделить внимание другим вопросам, на которых мы также могли бы иллюстрировать нашу основную мысль, что естествознание ныне переживает новую фазу и вместе с тем новый кризис, своеобразия которого выражается в том, что на первый план выдвигается закон единства противоположностей.

Я остановлюсь еще в двух словах на химии, где мы замечаем тот же самый процесс. Противоположность между физикой и химией прежде усматривали в том, что в то время как в физике превращение протекает непрерывно и обратимо и каждое состояние физической системы представляет равновесие, в химии, напротив, переход от одного чистого вещества к другому совершается посредством скачка, посредством разрыва в составе и свойстве вещества. Учение акад. Курнакова примиряет идею непрерывности превращения с разрывами, характеризующими определенные соединения. Синтез идей непрерывности и прерывности покончил у Курнакова на единстве вещества и пространства, которые взаимно проникают друг друга и кажутся неотделимыми. «Идеи соотношения между пространством и веществом, которые привели Курнакова к синтезу идей непрерывности и прерывности, — пишет проф. Степанов, — дают возможность глубже проникнуть в тайны строения пространства и вещества, дают новые орудия к овладению этим веществом, а с другой стороны, возводят нас к самым грандиозным обобщениям современной картины мира»¹.

Таким образом современная наука начинает пользоваться диалектикой в широких размерах и в гораздо более глубоком смысле, чем это имело место до сих пор. Закон единства противоположностей, конкретизируясь в единство прерывности и непрерывности, времени и пространства, пространства и вещества, волны и частицы, материи и энергии и т.д., становится действительно принципом современной науки.

V

Современный кризис физики поставил, далее, в центре внимания проблему причинности. Надо сказать, что на этой проблеме «споткнулись» крупнейшие ученые, не будучи в состоянии преодолеть трудности, связан-

¹ «Природа» № 7—9, 1925 г., «Новый метод в химии и Институт физико-химического анализа».

ные с ней; они пытались элиминировать закон причинности. Следствием этого явилось сомнение в пространственно-временной конструкции явлений. Некоторые физики перешли к индетерминизму и в этом отношении зашли так далеко, что готовы допустить у электрона «свободу воли». Так, напр., Иордан в своей статье «Причинность и статистика в современной физике» пишет по вопросу о детерминизме следующее: «Развитие физики за последние десятилетия вновь и вновь выдвигает на первый план гносеологические вопросы. В теории относительности проблема пространства и времени предварительно получила законченное объяснение. Новые вопросы выдвигаются теорией квант. К их числу принадлежит в особенности вопрос: существует ли причинность в элементарном физическом бытии? Полностью ли предопределена судьба отдельного атома, или же существуют пробелы в каузальной определенности элементарных событий?»

Физики в настоящее время не сомневаются в том, что вопрос о существовании полной причинности может быть решен только опытом, что причинность, таким образом, не есть априорная необходимость мышления. Правда, известная доза причинности является необходимой предпосылкой возможности физической науки вообще, так же, как и закономерного человеческого существования. К счастью, в нашем макрокосмическом мире и на самом деле существует причинность, повидимому, не знающая исключений. Но для области атомных размеров из этого следует только то, что эта область *подлежит причинным законам* лишь в статистическом среднем. Остается еще вопрос: предписана ли для каждого отдельного атома полностью его судьба?»¹.

Попытаемся в нескольких словах напомнить, в чем здесь трудности. Классическая физика имела своим основным принципом непрерывность, которая господствует в макрокосмосе. С понятием непрерывности связано понятие динамической закономерности, определяющей явление однозначно и необходимо. Однако принцип непрерывности оказывается неприменимым к внутриатомным процессам, к микрокосмосу, так как движение электрона носит прерывный характер и не поддается однозначному определению. Внутриатомные процессы подчинены особому типу закономерности, а именно статистической, которая для единичного явления не дает однозначного определения. Согласно современным воззрениям, мы можем вычислить лишь вероятность нахождения электрона в определенном месте. «Теория дает нам средние величины, — как говорит Иордан. — Она говорит, сколько квантовых скачков должно произойти в известный промежуток времени в среднем, взятом для многих отдельных экспериментов. Следовательно, можно отсюда заключить, — теория делает для единичного квантового скачка вероятность того, что он произойдет в определенный заданный наперед момент времени. И следовательно, — можно было бы теперь заключить дальше, — истинный момент наступления квантового скачка на самом деле не детерминирован, и существует лишь вероятность квантового скачка» (там же, с. 326). Все эти соображения приводят к той мысли, что элементарные процессы не детерминированы и с одинаковой вероятностью могут осуществляться различными способами. Отсюда некоторые ученые приходят к мысли, что «электрон» свободен в выборе момента скачка и пути своего движения, так как из известного числа «возможностей» он выбирает ту, которая ему угодна. Таким образом мы должны отказаться, поскольку речь

¹ «Успехи физических наук», т. VII, 1927, с. 318.

идет о внутриатомных процессах, о микрокосмосе, от закона причинности и от временно-пространственного определения явлений. Стало быть, отрицание закона причинности ведет к отказу от локализации материальных частичек и вообще к отказу от временно-пространственного изображения явлений. Но дело обстоит, в сущности, еще сложнее, если попытаться выяснить соотношение между *статистической* и динамической закономерностями, или, иначе говоря, между макрокосмосом и микрокосмосом, между видимым миром и внутриатомными явлениями. Если в мире элек тронов господствует *беспричинность, беспорядочный хаос*, то следствием его является *космос*, подчиненный строгой причинной закономерности. Но в таком случае основанием динамической закономерности является статистическая закономерность, т. е. *беспричинность, «свободная воля» электронов*. В основе космоса лежит беспорядочный хаос элементарных явлений, мир видимый, макрокосмос, выступает сам в качестве «частного случая» микрокосмоса, в качестве среднего результата беспорядочного движения электронов. Очевидно, что эта концепция чревата весьма важными последствиями: она опрокидывает все наши научные представления о мире. Недаром Ридлер характеризует современное положение вещей в следующих выражениях: «Если вера в непоколебимый порядок колеблется,— пишет он,— то должны возникнуть сомнения в достоверности существования самой абсолютной действительности». «Наших теперешних знаний,— продолжает он,— хватает лишь на то, чтобы брать под сомнение всякие установившиеся понятия, но отнюдь не на то, чтобы создавать новые. Физики не сходятся во взглядах как на результаты своих исследований, так и на свои умозаключения. Одни из них стали спиритуалистами, другие сенсуалистами. Что касается не-физиков, соприкасающихся с проблемами живого духа, то они начинают постепенно освобождаться от влияния железного закона природы и вступают в туманную область одних лишь возможностей, где под видом научной теории господствуют всевозможные чудеса, суеверия и пр.»¹.

С нашей точки зрения дело не обстоит так трагически, как это изображает Ридлер. Что современный кризис снова вызывает к жизни мистические и спиритуалистические настроения,—это, конечно, верно. Но преждевременно было бы осудить физику наших дней и отнестись к ней с таким скептицизмом и отрицанием. Мы уверены, что дальнейшее развитие физики преодолеет нынешний кризис и найдет правильный выход из создавшегося положения. Мы переживаем не крушение физики, а углубление ее. Наука, нам кажется, подошла к синтетическому охвату всей действительности в целом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что старые *понятия* нуждаются в коренных изменениях. На прежних этапах своего развития наука имела дело главным образом с отдельными сторонами действительности, с отдельными формами существования материального мира, с отдельными формами связи, которые, так сказать, обособлялись от целого и рассматривались изолированно, как самостоятельные сущности или формы связи. Нынешний этап развития характеризуется синтетическим «воссозданием» действительности. Отсюда попытка грандиозных обобщений, стремление к единству, к синтезу всех форм связей, всех «сторон» действительности в единое целое.

¹ Riezler Kurt. Die Krise der Wirklichkeit («Die Naturwissenschaften», 1928, Н. 37/38).

С другой стороны, наука открывает все более сложные *типы закономерностей*. «Кризис» причинности вовсе не означает отрицания причинности вообще, а только лишь старой ее формы. Неправильно было бы думать, что существует лишь один вид причинности, одна лишь форма связи в виде *механической* причинности. Поэтому мы полагаем, что в форме «статистической закономерности» раскрываются более *сложные*, чем обычные, *типы связей*, более *сложные закономерности*, которые требуют серьезного изучения и экспериментального исследования. Ленин правильно говорит, что «каузальность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи» и что «всесторонность и всеобъемлющий характер мировой связи лишь односторонне, отрывочно и неполно выражается каузальностью».

В другом месте он пишет по этому вопросу следующее: «Когда читаешь Гегеля о каузальности, то кажется на первый взгляд странным, почему он сравнительно так мало останавливается на этой излюбленной кантианцами теме. Почему? Да потому, что для него каузальность есть лишь *одно* из определений универсальной связи, которую он гораздо глубже и всесторонне охватил уже раньше, во *всем* своем изложении, всегда и с самого начала подчеркивая эту связь, взаимопереходы etc., etc. Очень бы поучительно сопоставить «потуги» новоэмпиризма (respectively «физического идеализма») с решениями, вернее, с диалектическим методом Гегеля» («Ленинский сборник», IX, с. 167).

Словом, обычно понимаемую каузальность следует рассматривать только как одну из форм связей, как один тип закономерности. Столкнувшись с новым, быть может, более сложным, типом закономерности, естествоиспытатели стали отрицать детерминизм вообще, полную детерминированность элементарных явлений и перешли на почву индетерминизма. Но надо сказать, что уже делаются серьезные попытки преодолеть эти трудности и нет сомнения в том, что они увенчаются успехом. Я не имею возможности останавливаться на различных теориях, ставящих себе эту задачу. Но мы убеждены, что победит та теория, которая будет лучше «фундаментирована» в диалектическом отношении. Противоположность между динамической закономерностью и закономерностью статистической покоится на противоположности между непрерывным характером процессов макрокосмоса и прерывным характером внутриатомных процессов. Очевидно, что разрешение проблемы лежит в плоскости сближения или «совмещения» прерывности с непрерывностью. Впрочем, от дальнейших соображений на этот счет я воздержусь. Во всяком случае одно несомненно—это то, что разрешение этой, как и всех других проблем, возможно лишь при помощи материалистической диалектики. Наши научные понятия усложняются и обогащаются вследствие углубления познания, результатом которого является раскрытие более сложных форм связей и закономерностей.

Что касается, в частности, понятия причинности, то надо сказать, что в различных областях оно принимает различные формы. В области механики мы имеем один вид причинности, в области биологии — другой, а в области социальных явлений — третий вид причинности.

VI

В этой связи необходимо сказать несколько слов о состоянии современной буржуазной философской мысли, поскольку она пытается по-своему разрешить выдвигаемые развитием науки проблемы. Не имея возможности

остановиться на различных течениях буржуазной философии, я позволю себе дать общую характеристику ее состояния и несколько подробнее остановиться на так наз. «диалектическом идеализме», который начинает играть на Западе заметную роль.

Современное состояние буржуазной мысли характеризуется прежде всего *распадом* старых форм мышления и *методов*, растерянностью и беспомощностью перед выдвигаемыми положительными науками проблемами, усилением за последние годы мистических и реакционных тенденций, порождаемых, с одной стороны, обострившейся классовой борьбой, а с другой стороны, переживаемым естествознанием «кризисом». Все чаще и чаще начинают раздаваться голоса, провозглашающие крушение науки и необходимость ограничить права разума во имя религии. Надо, между прочим, подчеркнуть, что эти реакционные тенденции присущи не только философам, но и значительной части естествознавцев, в особенности физиков.

С другой стороны, среди известной части физиков снова возрождается махизм, который исходит из отрицания внешнего мира и признания ощущения единственной реальностью. С этими мистическими и идеалистическими направлениями, имеющими своих приверженцев и у нас в Союзе, надлежит бороться всеми силами, так как они являются выражением реакционных настроений буржуазии и части мелкой буржуазии. В частности, эти реакционные течения задерживают дальнейшее развитие научной мысли.

Наряду с указанными направлениями в области философии, за последние годы замечается поворот в сторону «диалектики». И это вполне естественно, если принять во внимание происходящие в области естествознания процессы. Мы уже показали, что выдвигаемые естествознанием проблемы могут быть правильно разрешены только при помощи диалектического метода. Отсюда усиленный интерес части философов к проблемам методологии естествознания (подобно тому как, с другой стороны, среди части естествознавцев замечается живой интерес к проблемам философии). Кризис современной буржуазной философии, в свою очередь, характеризуется кризисом старых форм мышления и сознанием необходимости «новой логики». В особенности эта характеристика применима к тем философам, которые стремятся осуществить «смычку» между философией и естествознанием, которые пытаются делать свои философские обобщения, опираясь на результаты положительных наук. Мы имеем в виду то течение философской мысли, которое может быть названо «диалектическим идеализмом». Надо сказать, что интерес к диалектике и, в частности, к Гегелю за последние годы чрезвычайно усилился. Представители диалектического идеализма проводят ту мысль, что нам не обойтись без «новой таблицы категорий», как выражаются одни, без «новой логики», как говорят другие, без «*новой диалектики*», как это утверждают третьи. В ряде работ буржуазных мыслителей обосновывается необходимость *возрождения диалектики*. Само собой разумеется, что их диалектика, поскольку она получила уже известное развитие, носит очень странный характер. Стремления этих «диалектиков» направлены прежде всего к тому, чтобы вытравить из диалектики революционное содержание и превратить ее в формальную систему, в мистическую философию жизни (вспомним советского «диалектика» Лосева), или же в искусство рассуждения и доказательства. В большинстве случаев попытки обоснования «новой диалектики» сводятся к синтезу кантианства и гегельянства. Гегелевская диалектика оказывается неприемлемой не в силу

ее идеалистического характера, а вследствие того, что она проникнута оптимизмом и «гармонизмом». «Идея гармонии и гуманизма, — пишет Артур Либерт, — вытекала у Гегеля из его веры в возможность осуществления в пределах истории конечной цели»¹. Это должно означать, что недостаток гегелевской диалектики, видите ли, состоит в преодолении ею противоположностей; диалектика, по Гегелю, говорят они, есть процесс разрешения противоречий, между тем как, по мнению современных диалектических идеалистов, противоречия по существу неразрешимы. Гегель, правда, понимает спидифическое развитие полюсов, но у него они все же «снимаются», примиряются в *синтезе*, т. е. в высшем единстве.

Современная диалектика, в отличие от гегелевской, носит не оптимистический, а *пессимистический* характер, так как она отстаивает *невозможность разрешения противоречий*. Поэтому представители современного диалектического идеализма величают свою диалектику также *трагической диалектикой*. По существу же, испытывая «тоску по чистой гармонии», как они выражаются, они остаются на почве философии *антиномизма* и *антагонизма*. Истинные антиномии неразрешимы, утверждали они. Раз это так, то нет места оптимизму. Таким образом представители диалектического идеализма готовы признать принцип *единства противоположностей*, но в их устах диалектика приобретает *реакционный* характер, поскольку они отстаивают *необходимость* классовых противоположностей в обществе и отрицают возможность их «преодоления». Поэтому они свою «диалектику» противопоставляют не только гегелевской, но и марксистской диалектике. И это делается ими вполне сознательно. «Там, где уничтожается полярность, — пишет один из них, — возникает хаос». Коммунизм, — продолжает он, — это хаос, так как он уничтожает социальные полярности, т. е. классовые противоположности. Таким образом одни более откровенно, другие менее откровенно высказываются против гегелевской и в особенности марксовой диалектики по той причине, что она, при правильном ее понимании, ведет к «преодолению» классового общества. Единство противоположностей понимается ими как неизменное *застывшее* единство, в котором противоположности как бы существуют *вечно* в данной форме, не подвергаясь изменению и развитию. Современный диалектический идеализм, далее, подобно всем буржуазным философским направлениям, относится крайне враждебно к материализму, усматривая сущность мира *в духе, в разуме*. В этом отношении он близко примыкает к гегелевскому *идеализму*, хотя между ними существуют и весьма существенные различия, на выяснении которых здесь останавливаться я лишен возможности.

Мною уже было подчеркнуто, что диалектический идеализм является выражением осознания всей совокупности процессов, происходящих в современном естествознании и в области общественной жизни. С одной стороны, развитие современной науки выдвигает необходимость *новой логики, новой диалектики*. Но, с другой стороны, буржуазная философия *не может разрешить* этой проблемы вследствие ее *классового характера, классовой ограниченности*. При таком положении вещей становится очевидным, что только диалектический материализм в состоянии поднять науку на более высокую ступень, что только материалистическая диалектика является тем научным методом, который способен вывести науку на новый путь и открыть ей новые горизонты и новые перспективы. Новый общественный класс приходит в мир с новым мировоззрением и новым методом.

¹ Arthur Liebert, Geist und Welt der Dialektik, 1929, I B., S. 387.

VII

Я попытался коротко охарактеризовать современное состояние философской и научной мысли. Из всего мною сказанного следует, что наука и общественная жизнь ставят перед нами весьма сложные проблемы и что в связи с этим выясняется крушение старой логики и идеалистического мировоззрения, которые оказываются бессильными перед новыми фактами и явлениями. Положительный вывод, который напрашивается сам собой, — это полное торжество по всей линии диалектического материализма.

Что же, спрашивается, нового внесли наши механисты? Что они предложили для разрешения всех сложных проблем, стоящих перед нами? Ведь мы ныне находимся в таком положении, что не можем ограничиваться одним отрицанием. Единственное «предложение», которое было сделано нашими противниками, сводится к пересмотру диалектического материализма и к необходимости «реставрации» *механического материализма*. Основную свою задачу они видели в том, чтобы «указать, каких изменений *«формы» требует материализм Энгельса в связи с новейшим развитием физики, химии и биологии»*. Наши механисты ровно ничего не понимают «в новейшем развитии физики, химии и биологии», ибо если бы они хоть сколько-нибудь в этом деле понимали, они не могли бы говорить о том, что необходимо ревизовать диалектический материализм. Новейшее развитие физики, химии и биологии блестяще подтверждает истинность диалектического материализма, между тем как, по мнению механистов, это «развитие» якобы опровергло Энгельса. Пересмотр энгельсовского материализма вызывается якобы электронной теорией строения вещества. Но Ленин, как известно, написал специальное исследование в доказательство того, что электронная теория не опровергает, а подтверждает истинность диалектического материализма. Ведь механисты в свое время тоже требовали пересмотра «формы» энгельсовского материализма на том основании, что развитие естествознания будто бы пришло в противоречие с диалектическим материализмом.

Далее, что значит изменить «форму» материализма? Для всякого понятно, что речь идет о замене *диалектического материализма механическим материализмом*. Иного смысла словечко «форма» иметь не может. Но кризис современного естествознания — это по преимуществу кризис *механического материализма*, кризис *механических* представлений и понятий. И вот находятся такие марксисты, которые, вопреки здравому смыслу, требуют ревизии диалектического материализма как раз в такую эпоху, когда он празднует свои величайшие победы. Нас, диалектиков, они всячески третируют за то, что мы не видим никаких оснований для ревизии диалектического материализма. «Деборинцы, — писали они, — превратили натурфилософские положения Гегеля и Энгельса в закостенелую систему». Но такие обвинения обычно исходят от противников марксизма. Ничего положительного механисты, таким образом, не были в состоянии дать. Их работа носила исключительно «критический» и отрицательный характер. С их точки зрения, «перед теми ответами на производные вопросы, которые Гегель и Энгельс давали с отрицательным знаком, надо только поставить положительный знак, и мы получим то понимание процессов природы, к которому так быстро идет современное естествознание». Надо прямо сказать, что все ссылки на «электронно-нуклеарную теорию строения вещества», которая будто бы опрокидывает диалектический материализм, никакой цены не имеют. Это одно только пустословие.

Ревизия «формы» энгельсовского материализма означает отказ от диалектического материализма и возврат к устарелой форме материализма — к механической его форме. Пересмотр формы энгельсовского материализма неразрывно связан с отрицанием диалектики. Механисты поэтому прямо заявляют, что для них основная характеристика диалектики сводится к признанию *непрерывности*, к отрицанию перерывов непрерывности, т. е. скачков. Вульгарно-эволюционистская точка зрения механистов связана с непониманием ими основного закона диалектики — закона единства противоположностей. Недаром Ленин подчеркивает, что только правильное понимание закона единства противоположностей дает понимание перерыва непрерывности, скачков, перехода к новому и проч. В связи со всем сказанным становится понятным, почему механисты относятся так отрицательно к диалектике как к методу исследования и почему они разрешают ей только «выступить из природы». Диалектику они рассматривают как априорную систему, как игру в понятия, как схоластику, как «прилагательную», т. е. как второстепенную часть марксизма. Надо ли еще доказывать, что вся установка механистов носит насквозь ревизионистский и антинаучный характер. Достаточно указать хотя бы на блестящие как по своей сжатости, так и по насыщенности мыслями определения диалектики, данные Лениным, чтобы всякий убедился, как далеко отошли от марксизма механисты, утверждающие, что основной принцип диалектики — непрерывность. Вся современная наука говорит против них, но они, видите ли, вычитали из старых популярных книжек, что «природа не делает скачков», и этого для многих из них достаточно, чтобы выступить с требованиями пересмотреть «форму» диалектического материализма, которая якобы опровергается «новейшим развитием физики, химии и биологии». Я не буду, далее, останавливаться на других проблемах, которые служили предметом наших споров и разногласий: я имею в виду проблемы качества, движения, «сведения», соотношения философии и естествознания, связи различных форм движения, различных закономерностей и проч. По всем этим вопросам они отстаивают неправильные взгляды.

Механисты не понимают сущности кризиса современного естествознания. Они не понимают того, что основу кризиса составляет противоречие между *содержанием* естествознания и *формами мышления*, при помощи которых осмысливается это содержание. По своим результатам современное естествознание насквозь уже диалектично, но по методу мышления оно все еще в плену у метафизиков. Мы доказывали, что выход из современного кризиса — в *сознательном* применении *материалистической диалектики*. По этому пути отчасти уже идет, хотя и ощупью, современная наука. Наши же противники считали и считают, что *диалектическое естествознание*, как его понимали Энгельс и Ленин, — это «метафизическая натурфилософия» и что необходимо вернуться к механическому естествознанию. Раз встав на этот путь, они естественно дошли в своих выводах до того, что выдвинули тезис, согласно которому общественные закономерности *сводятся* или могут быть сведены к «физико-химико-биологическим» закономерностям. Точку зрения Энгельса, что высшие формы имеют свои специфические закономерности и поэтому не могут быть «механически» сведены к низшим формам, они объявили витализмом, дуализмом и идеализмом.

Проблема качества имеет огромное, актуальное значение. Механисты легко расправляются с качеством, объявляя его простой *видимостью* и

сводя его к *количеству*. Они даже не понимают того, что мы разумеем под качеством, они даже не понимают самой проблемы.

Необходимость осмыслить возникновение новых качеств, т. е. структур, и, стало быть, самую природу качества, процесс становления новых закономерностей вызывается одинаково как характером переживаемой нами исторической эпохи, так и характером кризиса современного естествознания.

Материалистическая диалектика в нашу эпоху является теоретическим орудием в деле строительства социализма, в деле осознания, осмысления уроков революции, всего своеобразия нашей эпохи, всех особенностей развития нарождающейся качественно-новой общественной формации с присущими ей специфическими закономерностями. Только материалистическая диалектика, изучающая законы движения и развития, дает возможность раскрыть новые тенденции, осмыслить новые процессы и возникновение новых форм. Необходимость изучения во всем их *качественном* своеобразии новых форм движения, новых явлений, необходимость намечения на их основе *перспектив дальнейшего развития* нашего социалистического строительства, необходимость правильного и точного учета объективных условий, конкретного подхода к новым явлениям, на основе изучения *связи и переходов* одних форм в другие,—все это является первой и основной причиной повышенного интереса к материалистической диалектике.

Ленин справедливо видел основной методологический грех социал-демократии в пренебрежении диалектикой, чем и обяснял беспомощность ее в осознании новых явлений нашей эпохи и новых выдвигаемых ею задач. «Решающего в марксизме,— говорит Ленин,— они не поняли: именно его революционной диалектики». Огромное большинство, если не все поголовно, теоретиков социал-демократии стоят ныне на почве *позитивизма и эволюционизма*. Они отстаивают идею чисто «количественного» и эволюционного развития или вернее *врастания* капитализма в социализм. На этом основании они считают «ненаучным» *метод и мировоззрение* революционного марксизма.

Что касается естествознания, то оно ныне более, чем когда бы то ни было, «идет к единственно верному *методу* и единственно верной философии естествознания» (Ленин), т. е. к диалектическому материализму. Надо понять, что материалистическая диалектика является для современного естествознания самой правильной формой мышления. Мы стоим и здесь перед грандиозной задачей об *единении* результатов всей науки на основе материалистической диалектики, как единственно верного метода естествознания.

Единство метода для наук общественных и естественных является назревшей уже задачей. Мы стоим перед необходимостью *перестройки* всей науки на основе единого метода, на основе материалистической диалектики. К этой задаче объективно вплотную подошло и естествознание.

Поэтому очевидно, что перед нами выдвигается также задача дальнейшей разработки материалистической диалектики, как всеобщей *методологии* наук. Ленин еще в 1922 г. писал: «Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон». Необходимо осмыслить всю науку в целом с точки зрения диалектического материализма. Но, с другой стороны, необходимо далее разрабатывать диалектический материализм на основе всей совокупности современного знания. Одна из самых важных задач, стоящих ныне перед нами,— это разработка диалектической логики, разработка *теории материалистической диалектики*, ибо эта задача диктуется всем развитием современной науки и общественной жизни. Но, когда

произносят слова «теория диалектики», то некоторые товарищи впадают в панику. Теория диалектики — значит *система* диалектики, значит отрыв от науки, значит отрыв от естествознания. Из всего, что я говорил, вы видите, что у нас не только нет никакого отрыва, но как раз наоборот—мы считаем, что вся наша теория диалектики, вся диалектическая логика должна строиться в теснейшей связи с наукой, на основе всей совокупности знания. Вот как стоит вопрос. Но, с другой стороны, надо же понимать, что диалектический материализм не сливается с физикой, не сливается с химией, что он составляет самостоятельную дисциплину. Материалистическая диалектика должна стать — потому что она еще не стала — *всеобщей методологией* наук.

Таковы те основные задачи, которые ныне стоят перед нами. «Современными проблемами марксистской философии» является совокупность теоретических проблем, общеполитических, выдвигаемых наукой и развитием философской мысли. В центре современного естествознания стоят чисто философские, т. е. гносеологические и методологические, проблемы, как проблема причинности, непрерывности и прерывности, случайности, времени и пространства, субстанции и т. п. Все эти проблемы должны получить теоретическое освещение и разрешение с точки зрения нашего метода и нашего мировоззрения. Поэтому «современные проблемы марксистской философии» охватывают всю совокупность вопросов методологического и гносеологического характера, выдвигаемых развитием общественных и естественных наук.

Товарищи! В течение почти пяти лет у нас шла дискуссия. Точка зрения «сторон» достаточно выяснена. Конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений должна поставить на обсуждение все так наз. спорные вопросы и принять по ним *определенные решения*. Мы должны, конечно, стремиться к единству в наших рядах, ибо только при наличии этого единства, при наличии коллективной и дружной работы мы в состоянии будем осуществить стоящие перед нами задачи огромной важности. Но единство возможно лишь на основе общности взглядов, на основе *платформы*, определенной, четкой и выдержанной в духе марксизма—ленинизма.

ЛЕНИНСКИЙ КОНСПЕКТ «НАУКИ ЛОГИКИ» И ПРОБЛЕМЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

(продолжение) ¹

И. Подволоцкий.

IV

Категории бытия—качество, количество, мера, как мы показали в первой статье, суть категории *описания* внешних связей и многообразия. Они дают *описание* развития, устанавливают мерные связи предметов, но не *объясняют* их, не дают *познания* внутренних противоречий и внутренних существенных связей, лежащих в основе развития, не дают *познания* необходимости, причинности, законов развития. Научное познание, а, следовательно, и диалектический метод, не останавливается на *описании* непосредственно данного. Описание внешних связей и многообразия является хотя и необходимой, но лишь первой ступенью познания. Основная задача науки заключается в *познании* внутренних существенных связей и законов развития и в *объяснении* внешних связей и многообразия из существенных связей, закономерности. Поэтому познание в своем необходимом развитии переходит от категорий бытия к категориям *сущности*, выражающим всеобщие связи, закономерность, необходимость. Тем самым совершается переход от *описания* к научному *объяснению* явлений.

В противоположность вульгарному эмпиризму, ограничивающему задачи науки познанием непосредственно данного, останавливающемуся на *описании* явлений, Ленин постоянно подчеркивал необходимость познания сущности, *объяснения* явлений, «сведения внешнего и кажущегося к коренным движущим силам». Мы уже показали в предыдущих главах, что Ленин считал переход от описания к объяснению необходимым путем развития всякого научного познания и поэтому считал необходимым переход от категорий бытия к категориям сущности как в процессе всякого конкретного познания, так и в ходе категорий логики.

«Понятие (познание),—писал Ленин,—в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождество, различие); таков действительно *общий* ход всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и естествознания, и истории, и политической экономии. Диалектика Гегеля есть, постольку, обобщение истории мысли».

Этот переход от категорий бытия к категориям сущности имеет под собою об'ективную основу. Внешние связи и многообразие, качественные

и количественные отношения в действительности неразрывно связаны с внутренними существенными связями. Они являются лишь формой проявления внутренних существенных связей. Поскольку категории бытия и сущности выражают неразрывно связанные, одновременно существующие связи действительности, познание одних связей ведет к познанию других связей. Мы познаем вначале внешние связи вещей и, лишь углубляясь в предмет, раскрываем внутренние, существенные связи.

Поэтому переход от *описания* к *объяснению* является не отходом от действительности в сферу суб'ективных абстракций, как думают эмпирики, эмпириокритики и пр., а познанием об'ективных существенных связей вещей, лежащих в основе внешних связей и многообразия, т. е. является более глубоким и верным, более конкретным познанием действительности.

«Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит, если оно правильно, от истины, а подходит к ней. Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее» (183).

Познание существенных связей предметов не является *непосредственным* знанием. Существенные связи проявляются в форме внешних связей и отношений. Но сущность не является простой суммой внешнего многообразия; она есть их всеобщая, внутренняя, необходимая связь. Поэтому описание внешнего многообразия и внешних связей не дает познания сущности. Знание многообразия сходных явлений еще далеко не означает знания их всеобщих связей, законов. Знание многообразия товарных сделок, всех цен товаров при этих сделках, эмпирическое выведение средней цены еще не означает *познания* закона стоимости. Описание многократной *повторяемости* явлений, *премущественности* изменений, *совместности* фактов, говорит Гегель, еще не *объясняет* их *необходимую* связь. Многообразие, постоянная повторяемость лишь указывает на существование всеобщих необходимых связей, но всеобщность и необходимость нельзя познать путем простого описания всех многообразных явлений, их повторяемости и последовательности. Действительно научное познание должно углубиться в предмет, познать его внутренние, всеобщие, необходимые существенные связи, определяющие многообразие и повторяемость одинаковых фактов и явлений. Научное познание,—пишет Ленин,—есть поэтому «не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формулирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» (203).

Познание сущности, научное объяснение явлений есть таким образом *опосредствованное* знание.

Если бы наука не была опосредствованным знанием, если бы простое созерцание давало исчерпывающее познание,—наука была бы не нужна. «Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишней» (Маркс). Ленин отмечает «*близость к материализму*» Гегеля, когда последний развивает положение «о тиете одного восхищения богатством и сменой явлений природы и о необходимости... «двигаться вперед к все более точному пониманию *внутренней* гармонии и *закономерности* природы» (289).

Познание от непосредственно данного углубляется в его сущность и, познав сущность, поднимается к познанию непосредственного как опо-

¹ См. «ВКА», кн. 31(1).

средствованного, как явления сущности, синтезируя эти два момента в единстве действительности.

Категории сущности *опосредствованы*. В этом их отличие от категорий бытия, являющихся категориями *непосредственности*.

Для характеристики перехода от *непосредственного* к *опосредствованному* знанию Ленин приводит следующее положение Гегеля:

«...Бытие есть непосредственное. Так как познание хочет познать истину того, что такое бытие в себе и для себя, то познание не останавливается (NB) на непосредственном и его определениях, но проникает (N B) через (NB) них в предположении, что за этим бытием есть еще нечто иное, чем самое бытие, что эта основа составляет истину бытия. Это познание есть познание *опосредованное*, так как оно не находится непосредственно при сущности и в сущности, но начинает с другого, с бытия, и должно пройти предварительный путь, путь выхода за бытие или правильное вхождение в оно» (105). «Лишь поскольку знание углубляется из непосредственного бытия во внутрь (sich erinnert),—продолжает Гегель,—лишь через это опосредование находит оно сущность»¹.

Ленин отмечает далее гегелевскую критику отвлеченного, метафизического понимания сущности.

Когда мышление останавливается на одном внешнем многообразии и отрывает его от сущности, оно останавливается по существу на механическом понимании: движение представляется как внешнее движение, связи выступают как внешние связи, а предметы—как чуждые друг другу. Всеобщие определения и связи выступают тогда как определения субъективной рефлексии (отсюда возможность идеализма). С другой стороны, метафизическое мышление ищет внутренний момент действительности *вне* многообразия и внешних связей. Чтобы найти «внутреннее», срывают, отбрасывают многообразие и всякую чувственную определенность предметов. Вне их хотя бы увидеть «внутреннее», как какой-то особый предмет, который можно чувственно воспринять. Но внутреннее, понимаемое таким образом, само становится *внешним*. Так как отбрасывание всех многообразных определений предмета есть вместе с тем разрыв и отбрасывание его внутренних связей, и после отбрасывания всего многообразия определений от предмета ничего не остается, то внутренняя сущность представляется как пустое тождество, чуждое определенности; определенность и

¹ «Точка зрения сущности есть вообще точка зрения взаимной связи предметов между собой, или точка зрения рефлексии. Мы употребляем выражение «рефлексия» в отношении к свету, когда он, в своем прямолинейном движении, встречает зеркальную поверхность и отражается от нее. Мы имеем тогда предмет двояким: во-первых, в его непосредственном бытии и, во-вторых,—поскольку он существует через посредство другого и поставлен им. То же самое бывает, когда мы рефлексируем о предмете, или, как обыкновенно говорят, когда мы размышляем о нем; мы хотим знать его не так, как он представляется нам в своей непосредственности, но как он существует через посредство другого. В этом отношении говорят, что философия должна иметь своей целью, или свою задачу, узнать сущность вещей, и хотя бы этим сказать, что она не должна оставлять вещи так, как находят их непосредственно, а должна проникнуть в их истинное основание. Следственно, представляют себе, что непосредственное состояние вещей есть как бы кора или завеса, за которою скрыта сущность».

Выражение, что все вещи имеют сущность, также означает, что в их истине они не таковы, какими представляются непосредственно. И в этом случае признают, что недостаточно знать различные качества предмета или переходить от его частных определений к количественным и обратно, чтобы судить о нем, но что для этого необходимо знать то, что в нем есть неизменного, именно его сущность» («Логика», 200).

многообразии бытия представляются внешними по отношению к сущности, сохраняющимися без связи с ней. «Внешнее отрицание, которое есть отвлечение, снимает определенности бытия *прочь* с того, что сохраняется как сущность; она лишь поставляет их как бы в другом месте и оставляет их сущими, как прежде» (Н. Л. II. 2). Но сущность тем самым понимается как субъективная абстракция, отвлечение от определенности бытия; «она есть *через другое*, через внешнюю, отвлекающую рефлексии; она есть *для другого*, именно для отвлечения и вообще для остающегося вне ее сущего». Такое понимание сущности превращает ее в пустую абстракцию, лишенную всякой определенности, «она есть поэтому мертвое внутри себя, пустое отсутствие определения» (Н. Л. II, 2).

Но сущность не является пустой субъективной абстракцией от многообразия бытия. Сущность об'ективна, как, равным образом, об'ективна и связь бытия и сущности. Сущность есть выражение *внутренних существенных связей* действительности. Внешние связи, вечно изменяющееся многообразие бытия суть проявление внутренних существенных связей и их движения. В конечном содержится бесконечное. В свою очередь сущность существует лишь в движении бытия. «Сущность,—приводил Ленин положение Гегеля,—есть то, что она есть, не через внешнюю для нее отрицательность, а через свое собственное *бесконечное движение бытия*» (107, курсив Ленина). Сущность проявляет себя в движении бытия, и поэтому познание бытия *ведет* к познанию сущности. В изменениях бытия, смене мер сознание раскрывает внутренние существенные связи, лежащие в их основе.

Переход от непосредственного к опосредствованному знанию, от категорий бытия к категориям сущности обусловлен субординацией, соподчинением связей бытия и сущности в самой действительности. Ленин отмечает об'ективную основу, «*об'ективное значение*» (105, курсив Ленина) связи категорий бытия и сущности.

Но марксистское понимание связи, субординации категорий бытия и сущности коренным образом отличается от гегелевского понимания. Гегель в понимании перехода от бытия к сущности, как и всюду, *гносеологическое* отождествляет с *онтологическим*: воспроизведение конкретного в мышлении он принимает за создание самого конкретного. Поэтому Гегель поддается иллюзии, и переход от бытия к сущности в познании (обусловленный субординацией этих связей в действительности) рассматривает как рождение сущности из логического развития бытия, как переход бытия в сущность. Но вместе с тем под мистической формой этот переход содержит гениальнейшее «рациональное зерно»: правильное изображение пути развития познания, правильное изображение следования категорий в логике, об'ективное понимание сущности.

Деление об'ективной логики на учение о бытии и учение о сущности правильно и имеет своей основой: 1) процесс развития познания: переход от описания к научному об'яснению явлений, переход от непосредственного к опосредствованному познанию, 2) соотношение и соподчинение внешних связей и многообразия и внутренних существенных связей в самой действительности.

Внутренние связи действительности, отражающиеся в категориях сущности, и *внешние* связи, отражающиеся в категориях бытия, суть два противоположных момента действительности, их нельзя отождествлять, как, равным образом, нельзя метафизически противопоставлять и отрывать один от другого. Соответственно отражающие их об'яснение и описание

суть два аспекта познания действительности, возникающие как исторические и методологические ступени познания. Они также должны быть поняты в их своеобразии; их также нельзя отождествлять, как и нельзя отрывать друг от друга.

Познание не останавливается только на внешнем или только на внутреннем, но берет их в связи и единстве. «Природа,—пишет Ленин,—и конкретна и абстрактна, и явление, и суть, и мгновение, и отношение» (249). «Философы более мелкие спорят о том, сущность или непосредственно данное взять за основу (Кант, Юм, все махисты). Гегель вместо или ставит и, об'ясняя конкретное содержание этого «и» (115).

Последнее положение Ленина замечательно в том отношении, что оно не только указывает необходимость брать и сущность и бытие, но предупреждает от эклектического понимания этого «и.» Сущность и бытие нужно не только взять вместе, сопоставить, эклектически соединить при помощи «и», «также», «с одной стороны, с другой стороны», но необходимо указать их действительную связь.

Внутренние и внешние связи в действительности субординированы. Внешние связи, внешнее многообразие суть проявление внутренних существенных связей. Поэтому и в процессе познания внешние связи должны быть поняты, об'яснены из внутренних существенных связей. Категории, отражающие эти связи, должны быть субординированы.

Описание внешних связей вещей и исследование внутренних существенных связей, об'ясняющих первые, необходимо применять в процессе исследования в их действительной связи. Не нужно забывать, что это—два аспекта познания, отражающие противоположные моменты действительности, поэтому их нельзя отождествлять, смешивать, беспорядочно и эклектически переплетать и перемешать одно другим. Только познание сущности дает об'яснение явлений и раскрывает истинное значение и роль категорий бытия. Поэтому описание внешних связей должно быть понято, об'яснено из внутренних связей, как своей основы. Маркс видел недостаток А. Смита в том, что он в своем исследовании ставил рядом исследование внутренних существенных связей и законов и описание внешнего многообразия и внешних связей, переплетая их, смешивая сущность и непосредственность, об'яснение и описание, вместо того, чтобы вывести последние из первых, соподчинить внешнее внутреннему. Заслуга Рикардо заключается в том, что он, напротив, потребовал об'яснения всех проявлений капитализма, исходя из основного принципа—определения ценности рабочим временем—как основы внутренних экономических связей. Все остальные категории науки должны были соответствовать этой своей основе. Рикардо пытался представить всю буржуазную систему экономики подчиненной одному закону¹.

¹ «Смит,—пишет Маркс,—с большой наивностью возвращается в постоянных противоречиях. С одной стороны, он исследует внутреннюю связь экономических категорий—или скрытое строение буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она, следовательно, представляется несведущему в науке наблюдателю, совершенно так же, как и человеку, практически участвующему и заинтересованному в процессе буржуазного производства. Эти оба способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь, так сказать, в физиологию буржуазной системы, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешним образом обнаруживается в жизненном процессе, и притом так, как оно обнаруживается и проявляется,—эти оба способа исследования

Но если описание и об'яснение необходимо ясно различать друг от друга, то их в то же время нельзя метафизически разрывать и противопоставлять друг другу как два совершенно различных вида познания, ибо различие описания и об'яснения, непосредственного и опосредствованного знания *относительно*. Они лишь ступени и моменты развития научного познания. Научное об'яснение явлений, опосредствованное знание необходимо предполагает описание. Без последнего не было бы первого. С другой стороны, описание ведет к опосредствованному знанию и только в нем находит об'яснение описанных им внешних связей. Оба являются лишь моментами, ступенями научного познания. Поэтому различие между категориями бытия и сущности, которые являются *противоположностями* по отношению друг к другу, также *относительно*. «Различие бытия от сущности,—замечает Ленин,—относительно» (231).

Мы рассматриваем категории бытия как категории *описания* и *непосредственности*, категории сущности как категории *об'яснения* и *опосредствования*. Это определение правильно, если брать его как общую характеристику связи этих двух основных ступеней научного познания. Но как и всякое общее определение оно верно лишь в этом основном аспекте.

Категории бытия непосредственны в том смысле, что познание на этой ступени отражает внешние связи действительности, причем берет эти связи в их непосредственности, не понимает, что они обоснованы, являются лишь внешней стороной внутренних существенных связей действительности. На ступени познания «бытия» еще не выступает двойственность, «раздвоение» действительности, опосредствование «бытия» «сущностью». Они поэтому непосредственны и в том смысле, что они не являются результатом углубления познания от внешних к внутренним связям. Но вместе с тем качество, количество и особенно мера не есть начальное непосредственное

у Смита идут непринужденно не только рядом друг с другом, но и переплетаются и постоянно противоречат друг другу. Это имеет у Ад. Смита свое оправдание, за исключением отдельных детальных исследований, как, напр., о деньгах, ввиду того, что его произведение действительно преследовало две цели. С одной стороны, оно являлось попыткой проникнуть во внутреннюю физиологию буржуазного общества; с другой же стороны, Смит хотел отчасти впервые описать его внешним образом проявляющиеся жизненные формы, обрисовать его внешнюю связь и отчасти также найти для этих явлений номенклатуру и соответствующие рассудочные определения; следовательно, отчасти впервые воспроизвести их в языке и в процессе мышления. Одна работа интересует его в такой же степени, как и другая, и так как обе производятся независимо друг от друга, то в труде и находят себе место два совершенно противоречия друг другу: один, который более или менее правильно выясняет внутреннюю связь; другой, который с таким же правом и без всякого внутреннего отношения—без всякой связи с другим способом понимания—обрисовывает внешнюю связь... Наконец, выступает Рикардо и кричит науке—стой! Основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы—понимания ее внутренней органической связи и жизненного процесса—есть определение *ценности рабочим временем*. Отсюда исходит Рикардо и требует от науки, чтобы она оставила свою прежнюю рутину и дала себе отчет в том, насколько остальные развитые, выясненные ею категории—отношения производства и обращения—соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту; насколько вообще наука, только отражающая, воспроизводящая формы проявления процесса, точно так же, как и сами эти явления соответствуют основе, на которой покоится внутренняя связь, действительная физиология буржуазного общества, или которая составляет его исходный пункт; как вообще обстоит дело с этим противоречием между кажущимся и действительным движением системы. В этом-то и заключается великое историческое значение Рикардо для науки». (Маркс, Теории прибавочной ценности, т. II, ч. I, с. 10—11).

впечатление. Они являются результатом длинного пути познания. Поэтому, как и всякое познание, включают в себя моменты опосредствования.

Равным образом, поскольку мы под *описанием* понимаем не простое первоначальное впечатление и фотографирование внешнего многообразия, а описание связей, поскольку далее мы отвергаем махистское понимание описания,—различие между описанием и познанием внутренних связей, между описанием и обяснением также *относительно*.

«Мера,—пишет Гегель,—уже содержала в себе понятие сущности, и диалектическое развитие меры только поставляет то, что в ней содержалось» («Логика», 195). Внешние и внутренние связи действительности не являются самостоятельными и независимыми, не лежат рядом друг с другом, но суть лишь два момента одной и той же действительности. Внешние связи суть внешняя сторона внутренних существенных связей, и внутренние существенные связи содержат в себе определения, присущие внешним связям. Категории бытия и сущности отражают одну и ту же действительность, но берут различные ее моменты, нераздельно связанные друг с другом. «Так как одно и то же понятие лежит в основании всего, то в развитии сущности являются те же самые определения, как и в развитии бытия, но с тем различием, что они имеют относительную форму. Так, место бытия и ничто заступают здесь *положительное* и *отрицательное*. Первое, имеющее характер тождества, соответствует бытию, имеющему противоположность; второе, которое развивается как различие, соответствует небытию. Таким же образом возникновению соответствует *основание* существования, которое, находясь в неразрывной связи со своим основанием, есть уже не непосредственное, а относительное существование и проч.» (там же, 199).

Категории бытия (качество, количество, мера) содержатся как моменты в определениях сущности. «Определение бытия,—пишет Гегель,—сняты в ней (в сущности); она содержит их в себе» (Н. Л. II, 2).

Но сущность не сводится в то же время к определениям бытия, и не в этих определениях заключается *суть* существенных связей. Тем более нельзя сводить сущность к какой-либо одной категории бытия, например, к количеству (количественная определенность присуща существенным связям, но она не исчерпывает сущности этих связей). Основное содержание и научное значение категорий сущности состоит в том, что они отражают внутренние, всеобщие, существенные связи действительности, необходимость, причинность, закономерность.

Внутренние существенные связи вещей суть *всеобщие* связи, свойственные всем единичным предметам данного вида. Поэтому сущность является также *истинной бесконечностью*, проявляющейся во всех единичных, конечных вещах. Таким образом мы имеем единство единичного и всеобщего, конечного и бесконечного. Поэтому, познавая единичное конечное, раскрывая его существенные связи, мы приходим к познанию *всеобщего* и *бесконечного*, ибо существенные связи суть всеобщие, бесконечные связи. Познание по своему существу означает переход от единичного ко всеобщему,—от конечного к бесконечному¹.

¹ Отвечая Гегели, утверждающему, что мы познаем только конечное, Энгельс пишет: «Мы можем познавать только конечное и т. д.». Это совершенно верно лишь постольку, поскольку в сферу нашего познания попадают лишь конечные предметы. Но это положение нуждается в дополнении: «По существу, мы можем познавать только бесконечное». Действительно, всякое реальное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях извлекаем единичное из его единичности и переводим его

Сущность, как всеобщая, бесконечная связь вещей, есть внутреннее *единство* и устойчивость многообразия. Но сущность, как всеобщность и единство, не является абстрактной всеобщностью, абстрактным тождеством. Сущность, как внутренняя связь вещей, есть отношение противоположных определений. Сущность является конкретным тождеством, тождеством предмета с самим собою в своем развитии. Поэтому *единство* сущности существует как единство противоположностей.

Определения сущности опосредствованы в самих себе. Каждое из них существует лишь в *отношении* к своей противоположности, опосредствовано ею и опосредствует ее. Определения сущности всегда даны в их *двойственности* и в то же время в *единстве раздвоенного*. Их нельзя отождествить и нельзя отделить одно от другого, ибо они не имеют самостоятельности вне их *отношений*. Снятие одного ведет к снятию другого определения. Так, тождество существует лишь в *отношении* с различием, положительное — с отрицательным, сущность — с явлением, причина — с действием и т. д. Таким образом определения сущности существуют только как *моменты отношений*. Каждый из этих моментов существует лишь в той связи, которая ведет к его противоположности и не может существовать вне этой связи. Каждый из них в самом себе содержит отношение к другому, в своем содержании отражает другое и сам отражается в другом. Каждый из них относится к себе лишь соотносясь к другому. Они являются таким образом *рефлексивными, относительными определениями*, ибо каждое из них существует лишь в *отношении* к своему другому, во взаимной связи и отражении одного в другом. «То, что составляет *отличительное определение сущности*,... различает ее от непосредственного бытия,— это ее *относительность*»... «Определения в сфере сущности имеют чисто *относительный характер*». «Все ее определения поставлены так, что соотносятся к самим себе и в то же время указывают за предел самих себя; их бытие есть бытие *относительное*, так что в нем отражается другое и само оно отражается в другом» («Логика», 197—200). Истинная природа категорий сущности «состоит лишь в их взаимоотношении, а потому в том, что каждое из них в самом своем понятии содержит другое; без этого познания нельзя собственно сделать никакого шага в философии». «Истинная природа всяких определений сущности,— пишет Энгельс,— дана самим Гегелем: «в сущности все *относительно*» (например, положительное и отрицательное, которые имеют смысл только в своем взаимоотношении, а не каждое само по себе)» (Энгельс).

в особенность, а из этой последней во всеобщность, заключается в том, что мы находим бесконечное в конечном, вечное в преходящем. Но *форма всеобщности есть форма в себе замкнутости, а следовательно, бесконечности*; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное. Мы знаем, что хлор и водород, под действием света, соединяются при известных условиях температуры и давления в хлористоводородный газ, давая взрыв; раз мы это знаем, то мы знаем также, что это происходит, при вышеуказанных условиях, повсюду и всегда, и для нас совершенно безразлично, произойдет ли это один раз или повторится миллионы раз и на скольких планетах. *Формой всеобщности в природе является закон*, и никто не говорит так много о вечности законов природы, как естествоиспытатели. Поэтому, если Гегели говорит, что мы делаем конечное непонятным, если не ограничиваемся исследованием только этого конечного, а применяем к нему вечное, то он отрицает либо познаваемость законов природы, либо их вечность. Всякое истинное познание природы есть познание вечного, бесконечного, и поэтому оно по существу абсолютно» (Энгельс, Диалектика природы», 149—151).

Основная характеристика определений сущности состоит в том, что они суть определения рефлексии, определения отношений и внутренней связи.

В «сущности» дается как бы раздвоение всей действительности и вместе с тем единство, неразрывность раздвоенного. Сущность и явление, основание и обоснованное, причина и действие и т. д. являются противоположными моментами «раздвоенного» единства. *Единство противоположностей является поэтому общей формой всех категорий сущности.* Каждое из определений сущности неразрывно связано со своей противоположностью, существует лишь во взаимном отношении с нею и вместе с тем относится к ней отрицательно. Определения сущности находятся в «отрицательном единстве» друг с другом. Но *отрицательность* сущности не означает простого уничтожения или *перехода* в безразличное другое, но является соотношением противоположных моментов, *самодвижением*, где постоянное отрицание единства и полагание различий является в то же время постоянным возвратом в себя, объединением противоположных моментов в единстве самодвижения. *«Отрицательность сущности есть рефлексия, и ее определения суть рефлексированные, положенные самою сущностью и сохраняющиеся в ней как снятые»* (Н. Л. II, 3).

В сфере сущности диалектика выступает в наиболее глубоком понимании как *наука о внутренних связях и развитии*. Именно эту сторону диалектики особенно подчеркивает Ленин, рассматривая все категории лишь как моменты *всеобщей универсальной об'ективной связи*. Понятие связи и основная форма всех моментов связей — единство противоположностей — выступает как центральный узел ленинского понимания диалектики. У Гегеля, — пишет Ленин, — «гениальная основная идея: *всемирной, всесторонней, живой связи всего со всем и отражения этой связи — материалистически на голову поставленный Гегель — в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едны в противоположностях, дабы обнять мир»* (139). И далее: «Река и капли в этой реке. Положение каждой капли, ее отношение к другим; ее связь с другими, направление ее движения; скорость; линия движения — прямая, кривая, круглая и т. д. — вверх, вниз. Сумма движения, понятия, как учеты отдельных сторон движения, отдельных капель («вещи»), отдельных «струй» и т. д... Вот приблизительно картина мира по логике Гегеля, — конечно минус боженка и абсолют» (139).

Отдельные категории сущности являются лишь отдельными моментами универсальной об'ективной связи и могут быть поняты лишь как моменты этой всеобщей об'ективной связи вещей. «Причина и следствие, — пишет Ленин, — едго, лишь моменты всемирной взаимосвязности, связи (универсальной), взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи» (161). «Каузальность есть лишь *одно* из определений универсальной связи, которую (связь) он (Гегель) гораздо глубже и всесторонне охватил уже раньше, во *всем* своем изложении, *всегда* и с самого начала подчеркивая эту связь, взаимопереходы и т. д. и т. д.» (167).

Имеются различные *связи и отношения* — сущности: основание, закон, необходимость, причинность и т. д. Вместе с тем одни и те же связи и отношения принимают различный характер в различных формах движения. Наука в своем развитии углубляется в предмет, познает все более существенные, более конкретные и глубокие формы внутренних связей и исследует специфическое проявление этих связей в различных формах движения. Различные формы существенных связей фиксируются в раз-

личных категориях. Движение этих категорий отражает движение познания, обусловленное различием существенных связей в самой действительности. Ленин следующим образом определяет это движение категорий сущности:

«Бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. *от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности.*

От сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей» (277).

Различие между категориями бытия и категориями сущности Гегель определяет следующим образом:

«Обыкновенное сознание берет вещи в их непосредственном бытии и рассматривает их качество, количество и меру. Но эти непосредственные определения не тверды, но изменчивы, и результат их диалектики есть сущность. В сущности, уже нет перехода одного определения в другое, а есть только их взаимное соотношение. В сфере бытия определения связываются нашей мыслью; в сущности, они внутренне связаны одно с другим. В первом случае нечто исчезает, перешедши в другое. Во втором — оно сохраняется и только различается от противоположного ему определения или соотносится с ним. Следственно, в сущности, переход от одного определения к другому собственно не есть переход; когда различающееся определение переходит в свое противоположное, оно не исчезает, но остается в связи с ним. Так, *бытие* и *ничто* совершенно разделены. Напротив, *положительное* не существует отдельно от *отрицательного* или *причина от действия* и проч. Положительное соответствует бытию, как отрицательное небытию. Но положительное не имеет смысла без отрицательного, оно необходимо вызывает его, и наоборот. Эта связь или это соотношение содержится в бытии только подразумеваемо; в сущности, она поставлена. Этим формы бытия различаются от форм сущности. Все формы бытия непосредственны, тогда как все формы сущности относительны» («Логика», с. 195—196).

Эту же характеристику, дополняя ее различием между бытием, сущностью и понятием, Гегель повторяет в следующем положении:

«В сфере бытия диалектическое движение совершается посредством перехода одного определения в другое; в сфере сущности оно происходит через средство соотношения одного определения к другому. Напротив, движение понятия есть развитие, которым только ставится то, что подразумеваемо уже содержалось в предмете. В природе понятию соответствует органическая жизнь» («Логика», 283).

Перенесение Гегелем развития в понятие является чисто идеалистическим положением. Это идеалистическое понимание развития в сильнейшей мере сказалось на всей философии Гегеля и особенно на его философии природы. Гегель устраняет развитие из природы. Природа, как идея в ее *внешнем* существовании, как непосредственное бытие идеи, по мысли Гегеля, неспособна к развитию во времени, она лишь развертывает все разнообразие своих форм в пространстве. «Она одновременно и одну рядом с другой выставляет все заключающиеся в ней ступени развития» (Энгельс). Гегель приписал способность к развитию только духу. Поэтому он рассматривал диалектику как диалектику понятия¹.

¹ Категории логики являются для Гегеля определениями понятия. Об'ективное содержание, взятое в логику из природы, Гегель выражает в определениях и терми-

Этим обусловлено то обстоятельство, что Гегель устраняет развитие из действительности (из бытия и сущности), в которой он видит лишь внешние переходы или еще не имеющие истинной связи относительные, рефлексивные определения. В «действительности», по мысли Гегеля, еще нет целостности, полной конкретности, и поэтому нет «развития конкретно». Это вызвало у Гегеля резкое отделение перехода и отношения друг от друга и от развития.

Материалистическая диалектика рассматривает развитие самой материальной действительности. Все определения действительности суть моменты развития. Поэтому категории бытия и сущности отражают законы развития, как равным образом переход и внутренние отношения суть моменты развития. В действительности существуют лишь переходы в отношениях и отношения в переходах. Но категории бытия и сущности рассматривают различные связи развития, и этим определяется относительная правомерность гегелевской характеристики категорий бытия как категорий *перехода* и категорий сущности как категорий *отношений*.

Категории бытия не раскрывают внутренних связей, противоречия, внутреннего импульса самодвижения и развития. Они дают лишь описание развития, рассматривают его *внешние связи*. Поэтому в «бытии» предметы и их определения — нечто, качество, мера — даны как *непосредственные, внешне связанные*. Становясь другим, нечто исчезает; другое нечто появляется. Связь в развитии выступает здесь лишь как внешняя связь, *внешний переход*. На данной ступени познания еще не раскрыты внутренние существенные связи, поэтому еще не познана внутренняя связь самих предметов и внутренняя связь в переходе одного предмета и определения в другое. Переходы еще не объяснены. Внутренние связи и отношения лишь предполагаются размышлением, но еще не раскрыты как определения самой действительности.

Напротив, связь и отношение раскрыты в «сущности» как определения самой действительности. В определениях сущности раскрываются *внутренние* связи вещей, поэтому все определения сущности необходимо связаны друг с другом, существуют лишь как моменты *отношения* (причина и действие,* случайность и необходимость, тождество и различие и т. п. существуют и могут быть поняты лишь в их соотношении). *Относительность* является основным моментом определений сущности.

Внутренняя «связь или соотношение содержится в бытии только подразумеваемо, в сущности она поставлена». Равным образом «в сфере сущности поставлено противоречие, которое только подразумеваемо содержалось в сфере бытия» («Логика», 200).

Но и это различие перехода и отношений само относительно. Внутренние и внешние связи нераздельны. Определения бытия — качество и количество — находятся в необходимой связи. В мере даются мерные связи вещей. Но в категориях бытия не выясняется внутренняя связь вещей, не познаются относительные определения сущности, и поэтому не дается также и истинного понимания связи качества и количества.

нах, отражающих движение мысли, поэтому нередко в определениях, свойственные только движению мысли, Гегель пытается вогнать движение об'ективной действительности. Ввиду этого при материалистической переработке гегелевской диалектики необходимо не только пересмотреть *содержание* определений гегелевской диалектики, но и конкретно исследовать, можем ли мы заимствовать ту или иную терминологию у Гегеля.

Равным образом существенные связи развертываются в процессе развития. В каждом отдельном явлении проявляется тот или иной момент существенных отношений. *Вся полнота существенных связей проявляется лишь в историческом ряде явлений*. Развивая все свои связи и противоречия, раскрываясь в явлениях, сущность исчерпывает себя и, достигая крайнего напряжения и интенсивности, необходимо самоотрицается, переходит в другую сущность (так, существенные связи, закономерность одной общественной формации необходимо переходят в другие существенные связи и закономерности со сменой формаций).

Сущность, таким образом, не только не исключает, но необходимо предполагает и обуславливает переходы, а категории сущности *об'ясняют переходы*.

В «сущности» дается понимание единства противоположностей всеобщих внутренних связей, необходимости, причинности, закономерности, являющихся внутренним импульсом самодвижения и самоотрицания, основанием *перехода* в противоположность. Процесс изменений выступает как *самодвижение*, происходящее на основе *внутренних закономерных связей, в определенном направлении*. Между последовательными моментами изменений устанавливается имманентная, необходимая, закономерная связь: каждая ступень в этом изменении необходимо возникает из развития предшествующих ступеней и подготавливает последующие в силу своего внутреннего развития.

Раскрывая *отношение* противоположных определений и внутреннюю связь действительности, категории сущности *об'ясняют* переходы из внутреннего самодвижения и закономерности. Тем самым дается точка зрения *развития*. Развитие выступает как единство внутренних связей и перехода. Следовательно, познание существенных отношений ведет к понятию *развития*, устанавливает *исторический* подход к исследованию явлений.

Отдельные категории сущности, отражающие отдельные связи и отношения сущности, еще не дают полного понимания развития. Развитие есть единство, целостность всех отношения и связей. Для Гегеля этой *целостностью* было понятие. Развитие конкретного для него было развитием понятия. Для нас такой *целостностью* является сама конкретная действительность. Взаимодействие выражает развитие конкретной действительности. Под идеалистической формой перенесения развития в понятие скрывается у Гегеля зерно истины, если мы будем рассматривать его положение со стороны *гносеологической*, а не *онтологической*. Истинное понятие предмета мы создаем лишь познав взаимодействие, т. е. целостность основных связей действительности, и формулировав их в законах развития. Познание законов развития есть итог процесса познания об'ективной действительности. Лишь познание законов развития дает истинное понятие предмета, и понятие предмета отражает законы его развития.

Сущность проявляется в явлениях. Каждое явление содержит в себе существенные связи. Все содержание сущности должно выступить в явлениях, должно явиться. Но сущность не исчерпывается в единичном явлении. *Сущность развивается и исчерпывает себя полностью лишь в историческом ряде явлений*. Поэтому необходимо подходить исторически к познанию сущности предмета: необходимо исследовать сущность на всем протяжении ее развития. Сущность не сводится в то же время к простой сумме явлений, но есть их всеобщая, внутренняя необходимая связь, их единство, всеобщность, устойчивость в релятивности внешнего, многообразия.

Существенные связи не привносятся в действительность суб'ектом, но принадлежат самим предметам. Отрицание реальности сущности превращает все наше знание в чисто суб'ективное, превращает явления в суб'ективную видимость идеализма.

Поскольку категории сущности устанавливают закономерность, причинность, всеобщность, тем самым существенное *единство*, устойчивость процесса развития познания их составляет *существенный* момент научного познания. Поэтому Энгельс называет учение Гегеля о сущности «наиболее значительной частью логики» и истинной философией природы.

«Сущность,—замечает Ленин,—стоит посредине между бытием и понятием, как переход к понятию (абсолют)» (107). Гегель понимал этот переход как переход к об'ективному понятию, являющемуся—по мысли Гегеля—глубочайшей основой всей действительности. Бытие и сущность оказываются таким образом моментами движения понятия. Но здесь Гегель как и всюду отождествляет гносеологическое с онтологическим. Переход от сущности к понятию у Гегеля, взятый как онтологический переход, является совершенной мистификацией. Но в этой мистической форме Гегель правильно отражает движение познания: конкретное понятие предмета, являющееся отражением его существенных связей, мы можем иметь только после исследования этих существенных связей. Конкретное понятие предмета мы получаем не в начале, а в конце исследования. Поэтому и в логике конкретное понятие может быть исследовано только после исследования бытия и сущности.

Сущность есть внутренняя необходимая связь явлений, об'ективно существующее всеобщее, единство, устойчивость во внешнем многообразии. Уже в соотношении сущности и явления таким образом мы приходим к познанию связи и отношения единичного и всеобщего. Познание единства сущности и явления, познание действительности ведет к образованию понятия и к исследованию самого процесса *познания*.

Общее построение логики: бытие, сущность, понятие является правильным, отражающим процесс познания.

* * *

Общим недостатком догегелевской философии был разрыв между сущностью и явлением, конечным и бесконечным, единичным и всеобщим, многообразием и единством, закономерными связями и непосредственностью, короче: разрыв между нераздельными рефлексивными определениями. Метафизическое мышление берет эти противоположные моменты как совершенно самостоятельные определения, ставя их в совершенно внешние связи, не понимая их истинной связи, их единства, их относительности. «Учение о сущности,—говорит Гегель,—труднейшая часть логики, содержит преимущественно категории, употребляемые в метафизике и опытных науках, как произведения размышляющего рассудка, который принимает различия за самостоятельные определения, и в то же время признает их связь. Но он высказывает эти мысли одну вслед за другой, или одну рядом с другой, связывая их словом *также*, но не совмещает их в единстве понятия» (Логика, 199—200). Отсюда разрыв между чувственностью и мышлением, между логическими основами и конкретным знанием.

Гегель противопоставил: 1) метафизическому разрыву между сущностью и явлением—их диалектическое единство; 2) метафизическому

и суб'ективному пониманию сущности, как *тождественной* основы или суб'ективной абстракции—*об'ективность* сущности и ее *противоречивый* характер; единство противоположностей становится сущностью, лежит в самом *основании* вещей; 3) метафизическому суб'ективистскому пониманию явлений противопоставил об'ективное явление, как проявление сущности.

V

Общий порядок категорий бытия и переход от категорий бытия к категориям сущности можно считать уже установленным. Мы имеем на это указания у Ленина, Маркса и Энгельса. Предстоит «лишь» громадная работа по разработке *содержания* этих категорий на основе результатов современной науки и разработке таких определений, как пространство и время. Порядок же связи категорий сущности гораздо менее разработан.

Дать порядок категорий сущности, который отражал бы в логической форме основные ступени развития познания и субординацию существенных связей действительности, и дать содержание этих категорий на основе всех достижений современной науки—является труднейшей задачей при разработке материалистической диалектики. Гегель построил свою идеалистическую диалектику на основе исследования грандиозного материала: истории форм мышления, истории философии, человеческой истории вообще, изучения логического состава естественных наук, математики и т. д. Чтобы дать материалистическую переработку Гегелевской диалектики, нужно заново исследовать весь этот грандиозный материал плюс движение и результаты науки за последнее столетие после Гегеля, на основе того, что дано основоположниками марксизма. Дать материалистическую диалектику можно только на основе исследования: субординации связей в самой действительности, изменения форм отношения человека к природе в практической деятельности, истории человечества, исторических ступеней в развитии научного познания, истории философии и философии Гегеля в особенности, исследования логического состава всех основных научных дисциплин и связи категорий в этих дисциплинах, и в первую очередь исследования всего содержания марксизма—как основы. Ленин подчеркнул этот момент, когда он писал, что «*продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники*» (139).

Пока не проделана указанная работа, всякие попытки изображения связи категорий будут проблематичными. Пока можно указать лишь общий принцип, что движение категорий должно идти от абстрактного к конкретному, должно отражать все более конкретные, существенные связи действительности, все более тесные, неразделимые связи и отношения сущности и явления. И поэтому, вероятно, общий порядок основных категорий, развитых Гегелем, исходя из этого принципа, является в общем правильным.

Мы не думаем исследовать здесь порядок категорий. Мы остановимся лишь на отдельных категориях, обративших внимание Ленина.

* * *

В книге о сущности Гегель шаг за шагом дает понимание все более конкретных существенных связей действительности, все более тесную связь и нераздельность рефлексивных определений, единства сущности

и явлений. Пытаясь дать идеалистическое самодвижение категорий частных сущностей, Гегель на деле исходит из исторического процесса связи категорий в научном познании. Он сам указывает, что категории сущности суть категории, употребляемые «в опытных науках».

Поэтому Гегель начинает с простейших форм выделения сущности в познании: сущность и явление выступают вначале в познании как определения *существенного* и *несущественного*, т. е. в самом абстрактном виде. «Существенное и несущественное» отмечает вначале и Ленин в своем конспекте.

Бытие, взятое как несущественное, предполагает отношение к существовавшему, предполагает опосредствование. Мышление не останавливается на непосредственно данном, но предполагает, что действительность не такова, как она дана непосредственно, что непосредственное имеет существенную основу.

В определениях существенного и несущественного, в отличие от категорий бытия, отражается как бы *раздвоение* действительности, *опосредствование*; предметы рассматриваются уже не только в их непосредственности, но и как они «существуют через посредство другого». В этих категориях дается новый аспект познания, вносятся новые определения, по сравнению с категориями непосредственности.

Но здесь еще не раскрыта рефлексивная природа сущности; непосредственное бытие еще не выступает как проявление сущности. Непосредственное удерживается как самостоятельное в отношении к существовавшему. Существенное и несущественное выступают не как рефлексивные определения, но как самостоятельные стороны предмета, существующие друг подле друга. Мы не имеем их деятельной связи, взаимного перехода: они даны в их раздельной неподвижности. «Бытие и сущность снова относятся между собою таким образом как *другие* вообще, ибо тому и другой *свойственно бытие, непосредственность*, они взаимно безразличны и по этому бытию имеют одинаковую ценность» (Н. Л. II, с. 4). Вместе с тем, бытие признается *несущественным* в противоположность сущности. Но поскольку оно относится к сущности как лишь вообще другое, «то сущность не есть собственно сущность, но только другое, иначе определенное существование, *существенное*» (там же).

Поскольку на этом этапе еще нет понимания сущности как внутренних существенных закономерных связей, как бесконечного рефлексивного движения самого бытия, постольку существенное и несущественное берутся внешне, как непосредственно существующие другие—выбор существенного и несущественного может быть субъективным. «Поскольку поэтому в существовании различаются между собою *существенное* и *несущественное*, это различие есть внешнее положение, есть не затрагивающее самого существования отделение одной части его от другой, разделение, относящееся к чему-то *третьему*. Поэтому остается неопределенным, что принадлежит существенному и что несущественному. Оно сводится к внешнему отношению и соображению, и потому одно и то же содержание может считаться то существенным, то несущественным» (Н. Л. II, 5).

Существенное и несущественное даны в их раздельности. Но существовавшему, взятое лишь как другое, существующее рядом с несущественным, само становится или простым существованием или абстрактным тождеством. «Сущность,—говорит Гегель,—первоначально понимается как нечто *непосредственное*, а не такую, какова она в себе» (Н. Л. II, 8). Существенное,

взятое метафизически, теряет характер сущности. Но существенное и различие существенного и несущественного имеют *объективное* значение, и существенное раскрывается в дальнейшем ходе развития научного познания как *сущность*.

С другой стороны, *несущественное* хотя и берется здесь в отношении к существовавшему, но в таком отношении, что несущественное кажется хотя и внешней, несущественной, но непосредственной, самостоятельной, независимой от сущности стороной отношения, чем-то просто другим относительно сущности, не имеющим основания в сущности, не являющимся проявлением сущности, не имеющим сущности внутри себя. Метафизическое мышление, полагая бытие наряду с сущностью, хочет тем самым утвердить его самостоятельность. Но бытие, метафизически противопоставленное сущности и поэтому лишенное сущности, теряет свою самостоятельность, ибо оно не имеет в себе никакой *объективной* устойчивости, необходимости, закономерности, причинности, не имеет основания в субстанции. Оно эфемерно, ничтожно; бытие его заключается в постоянном отрицании бытия, в небытии. Бытие, метафизически противопоставленное сущности и поэтому лишенное сущности, становится *видимостью* (Schein).

Таким образом «бытие есть видимость»... «Видимость есть единственный остаток, сохранившийся из сферы бытия. Но она еще кажется имеющей сама независимую от сущности непосредственную сторону и вообще чем-то *другим* относительно сущности» (Н. Л. II., 5). «Видимость содержит в себе непосредственное предположение, сторону независимости от сущности» (Н. Л. II., 6). Но «бытие или существование не сохранилось тем самым, как другое, вследствие бытия сущности, и еще отличаемое от сущности непосредственное не есть только несущественное существование, а в себе и для себя уничтожаемое непосредственно; оно есть *не-сущность* (Unwesen), *видимость*» (Н. Л. II., 5). «Оно есть *лишенное сущности бытие, видимость*» (Н. Л. II., 4).

«Видимость,—пишет Ленин,—*есть (1) нечто несуществующее, которое существует (2), бытие как момент*» (111).

Бытие как видимость не имеет никакой самостоятельной устойчивости. Оно поэтому становится абсолютно зависимым. Оно может иметь свое существование лишь в сущности, и взятое вне сущности оно становится уничтоженным в самом себе. Таким образом мысль движется к другой крайности. Единственно истинным, имеющим самостоятельность, кажется сущность. Бытие, несущественное не является уже самостоятельным моментом на ряду с существенным, но рассматривается лишь как призрак, тень самой сущности, лишь как видимость сущности в ней самой. Такое понимание бытия как видимости дает Гегель при переходе к сущности. В рефлексии у него отражен переход от непосредственности к сущности, но такой переход, в котором непосредственность превращается лишь в тень и призрак, совершенно лишенный момента самостоятельности. «Бытие видимости состоит единственно в снятии бытия, в его уничтоженности; эту уничтоженность оно имеет в сущности, и вне своей уничтоженности, вне сущности его нет» (Н. Л. II., 5). «Бытие,—приводит Ленин,—*есть небытие в сущности. Его уничтоженность в себе есть отрицательная природа самой сущности*» (111). Сущность, метафизически взятая без отношения к непосредственности, поэтому есть лишь «движение от ничто к ничто и тем самым к самому себе» (113).

В действительности сущность осуществляется в *явлении*. «Явление есть не просто несущественное, а обнаружение сущности» — приводит Ленин слова Гегеля и, соглашаясь с ними, резюмирует: «явление есть проявление сущности» (187). Явление содержит в себе два момента: существенные связи и внешние связи, определения бытия. Если существенное и несущественное понимались еще в их раздельности и само разделение на существенное и несущественное в познании вначале носило в себе моменты суб'ективизма, то сущность и явление и отношение внутренних существенных и внешних связей в явлении даны в их нераздельной об'ективной связи. Явление так же об'ективно, как и сущность. Неправильно было бы рассматривать явление только как отражение вещи в суб'екте. Явление есть проявление сущности во внешних связях и свойствах, в отношении ко всем другим вещам. «Внешние предметы суть явления не для нас одних, но и сами по себе», ибо они содержат в себе существенные связи, отражающиеся во внешних связях и отношениях.

Видимость или кажимость есть отражение об'ективных явлений в суб'екте, вернее, видимость есть одностороннее отражение одного из моментов явления, именно его внешней стороны, в суб'екте. Поскольку внешнее есть проявление внутреннего, видимость в известной мере отражает сущность в одном из ее моментов. Но познание на ступени «видимости» отрывает, совершенно освобождает видимость от сущности, односторонне берет лишь внешнюю сторону явлений и рассматривает ее как якобы самостоятельную. Основная характеристика «видимости» заключается таким образом в ее односторонней внешности, оторванности от сущности.

Познание останавливается на видимости, когда оно берет связи вещей так, как они даны непосредственно «видимым образом», когда оно подводит под схематизирующие определения рассудка то, что «внешним образом обнаруживается», при том «так, как оно обнаруживается и проявляется» (Маркс). На ступени «видимости» эти связи еще не познаны из сущности, не опосредствованы сущностью, не выступают еще как проявление сущности. Познание движется на этой ступени лишь от видимости к сущности.

Познав сущность, мышление движется от сущности к внешним связям, об'ясняя их из сущности. Внешние связи познаются из существенных связей вещей, они выступают как проявление сущности, как опосредствованные сущностью, имеющие в ней свое основание, содержащие сущность внутри себя, т. е. как *явление*.

Нередко не различают явления от видимости, отождествляют их, понимают под явлением непосредственно данное в восприятиях, непосредственную чувственную достоверность. Явление сводится таким образом к видимости. Но явление не есть непосредственно данное, видимость. В познании явление выступает лишь после познания сущности, когда внешние связи опосредствуются сущностью, познаются как проявление сущности. Так, связи, данные непосредственно, «видимым образом в явлениях конкуренции», в движении цен выступают в познании как видимость, пока не познана их сущность; опосредствованные же сущностью, об'ясненные из сущности — они познаются как проявление сущности, как явление¹.

¹ Явление, — говорит Гегель, — нельзя смешивать с видимостью. Явление содержит в себе существенные связи, обосновано в сущности, и, в отличие от видимости, явление не исчерпывается только явлением вещи суб'екту. Оно есть также проявление сущности вещи в отношении ко всем другим вещам. «Когда сущность *является*, то она есть *реальная* видимость, поскольку моменты видимости осуществлены» (Н. Л. II, 91).

Познание, останавливающееся на видимости, не имеет еще понятия об'ективных существенных связей, субстанции, являющихся об'ективной основой видимости. Но видимость не имеет основания и в самой себе, поэтому предполагает опосредствование и основание. В этом заключена возможность гипостазирования суб'ективного момента видимости, отказа от об'ективных существенных связей и об'ективной основы видимости, перенесения основы видимости на суб'ект, т. е. возможность суб'ективного идеализма (Беркли, махизм и пр.). Разрыв между сущностью и явлением ведет к скептицизму и критицизму, превращению явления в видимость.

Суб'ективный идеализм и скептицизм сводит все содержание действительности к видимости, т. е. к содержанию непосредственно данного. Тем самым видимость признается совершенно самостоятельной, не имеющей никакой сущности и об'ективной основы. Многообразное и смена многообразного и текучего содержания видимости тем самым не связаны никакими об'ективными связями. Поэтому феномен скептицизма и явление идеализма превращены в простой призрак, суб'ективную видимость. Они не есть вещи, не есть бытие, существующее вне отношения к суб'екту; видимость не имеет никакой опоры в реальном бытии. Поэтому вещь в себе, реальное бытие не вступает в познание. Суб'ективный идеализм, — говорит Гегель, — «не позволил себе смотреть на познание как на знание вещей в себе», а скептицизм принципиально не позволяет себе говорить о том, что есть явление.

«Но вместе с тем скептицизм допускал многообразные определения своей видимости, или, правильнее, его видимость имела содержанием все многообразное богатство мира. Равным образом, явление идеализма включает в себе весь об'ем этих многообразных определений» (109).

Непосредственно данная *видимость* является лишь отражением об'ективных явлений в нашем созерцании. Суб'ективный идеализм переносит в видимость все содержание об'ективного мира и рассматривает видимость и включенное в нее содержание чисто суб'ективно.

«Явление» есть не что другое как развитая видимость... Сущность развивает свои относительные определения в среде самой себя, но, определившись как основание, она переходит во внешнее существование. Существование, которое имеет свое основание не в самом себе, а в другом существовании, есть явление... Сущность не остается позади явления, или по ту сторону явления, но... дает своему проявлению непосредственное существование и радости бытия» (Логика, 232). Поэтому явлению стоит выше бытия. Явление образует истину бытия и богаче его по своим определениям» (Логика, 233).

В противоположность видимости, не имеющей в себе существенных связей и устойчивостей, *явление* осуществлено из сущности, содержит ее в себе, поэтому совершенно релятивные моменты «имеют в явлении вид непосредственной самостоятельности». Но в противоположность непосредственному бытию, кажущемуся самостоятельным в своей непосредственности, явление понижает эту самостоятельность непосредственности в момент. Непосредственное выявляется как опосредствованное движением сущности, как поставленное и поэтому зависимое. Явление есть единство сущности и непосредственного бытия. Гегелевское положение в мистифицированной форме содержит правильное отражение движения познания. Видимость опосредствованная и понятая из существенных связей действительности становится «явлением». Задача науки заключается в том, чтобы понять непосредственность и видимость как *явление* сущности. «Явление есть важная ступень в развитии логической идеи, и философия различается от обычного сознания тем, что она рассматривает как явление все то, чему последнее приписывает самостоятельное бытие» (Логика, 233).

«Вы включаете в видимость все богатство мира и вы отрицаете об'ективность видимости!»—говорит Ленин (109)¹.

Критицизм, признавая вещи в себе, отрывает их от явлений и переносит «всякую определенность вещей как по форме, так и по содержанию» (143) в суб'ект. Поскольку сущность (вещь в себе) оторвана от явления и превращена в «пустое отвлечение от всякой определенности» (143), внешнее многообразие лишено тем самым об'ективного единства, всеобщих необходимых связей, как и всякой об'ективной основы вообще.

Упорно удерживаясь на отвлеченной вещи в себе, противопоставляя рефлексию или определенность и многообразие качеств вещи в себе, критическая философия лишь суб'ективно понимает рефлексию и явление и переносит в суб'ект всеобщность и необходимость, рассматривая их как априорные формы суб'екта. «Юм и Кант в «явлениях» не видят являющейся вещи в себе, отрывают явления от об'ективной истины, сомневаются в об'ективности познания, все эмпирическое открывают от вещи в себе...» (245).

Поскольку в видимости нет существенных об'ективных связей, каждая из определенностей видимости не связана ни с предшествующей, ни с последующей. Все они непосредственны, не содержат никакого опосредствования, все они «взаимно другие» по отношению одна к другой. «Поэтому видимость есть непосредственно определенное. Она может иметь то или иное содержание, но каково последнее, это не положено ею самою, а присуще ей непосредственно» (109). Суб'ективный идеализм не выходит за пределы «непосредственно данного», превращаемого в видимость. Поэтому, с точки зрения суб'ективного идеализма, имеется лишь многообразие сменяющихся друг друга феноменов, не связанных друг с другом внутренне-необходимой всеобщей связью, не имеющих никакой устойчивости, никакого определенного, закономерного порядка изменений. Изменения хаотичны и бессвязны, ибо нет сущности, нет вещи, которая об'единяла бы многообразие, нет об'ективных всеобщих связей, закономерности. Феномены не возникают один из развития другого на основе существенных связей. Они появляются один возле другого, один после другого и также бесследно исчезают. Даже по отношению к Лейбницу Гегель пишет: «Лейбница монада развивается из себя самой свои представления; но она не есть их производящая и связующая сила, а они всплывают в ней, как пузыри; они безразличны, непосредственны одно относительно другого, а следовательно, и относительно самой монады. Равным образом и Кантово явление есть *банное* содержание восприятия, предполагающее впечатления, определения об'екта, которые одно относительно другого и относительно его непосредственны» (109—111).

¹ «Вещь в себе,—комментирует Гегеля Энгельс,—Hegel, Logik II, с. 10, и в дальнейшем целый отдел об этом. Скептицизм не позволяет себе говорить: *это есть*; новейший идеализм (id est Кант и Фихте) не позволял себе рассматривать познание как знание о вещи в себе. Ср. Enz. I, с. 252. Но в то же время скептицизм сохранял за своей видимостью разнообразные определения, или, вернее, его видимость имела своим содержанием все разнообразие и богатство мира. Точно также и явление идеализма (id est what Idealism calls Erscheinung, т. е. то, что идеализм называется явлением) содержит в себе всю полноту этих разнообразных качеств... Таким образом основой этого содержания может и не служить никакое бытие, никакая вещь или вещь в себе; оно для себя остается таким, каким оно есть,—оно лишь было переведено из бытия в видимость. Таким образом, Гегель здесь гораздо более решительный материалист, чем современные естествоиспытатели» (Архив Маркса и Энгельса. Кн. II. «Диалектика природы», с. 13).

Такое понимание исключает точку зрения развития и научного познания явлений. Остановливаясь лишь на вечно изменчивой видимости, подобный взгляд может дать лишь *описание* вечно текущего непосредственно данного.

Ленин постоянно подчеркивает все положения Гегеля, направленные против кантовского, скептического и суб'ективно-идеалистического отрыва явлений от вещей, от об'ективных существенных связей и суб'ективного понимания всеобщих связей и самих явлений. Он считал, что «суть» гегелевской критики направлена «против суб'ективизма и разрыва вещи в себе и явления» (145).

Но содержание непосредственно данного — видимости — вовсе не является только нашим суб'ективным определением, но отражением об'ективно существующих вне нас явлений. Поэтому Ленин подчеркивает момент об'ективной обусловленности видимости. Приведя гегелевское положение об об'ективности видимости, Ленин пишет: «Не та ли мысль, что об'ективна и кажимость, ибо в ней есть *одна из сторон об'ективного мира*? Не только сущность, но и видимость об'ективны. Различные суб'ективного и об'ективного есть, но и оно имеет свои границы» (51).

Непосредственность бытия, выражаемая в кажимости, есть поверхностный, переходящий, релятивный момент действительности. Но это непосредственное и релятивное само определяется движением об'ективной сущности. «В несущественном, в кажимости,—пишет Ленин,—*есть момент небытия, т. е. несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как «сущность»*. Например: движение реки—пена сверху и глубокие течения внизу. Но и пена есть выражение сущности!» (107).

Но поскольку видимость отражает внешнюю сторону явлений и не совпадает с сущностью, исходящее из видимости мышление может давать неверное и часто обратное отражение существенных связей. Примером последнего может служить геоцентрическая система, представление о неизменности видов и т. п. В понимании общественных отношений, таким образом, примером может служить идеалистическое понимание истории, когда выступающие на поверхности сознательные цели и мотивы представляются как самостоятельная основа движения общества. Напротив, после познания сущности исторического процесса, они выступают как явления, определяемые общественными отношениями. Надстройки, кажущиеся самостоятельными, после познания их сущности выступают как явления, имеющие свое основание в базисе. Буржуазная демократия, кажущаяся надклассовой, при познании сущности, оказывается проявлением классового господства буржуазии и т. д.

Извращенное отражение в «видимости» реальных явлений и существенных связей Маркс изобразил в товарном фетишизме, когда «общественные отношения производителей в общей массе труда представляются людям как вне их существующее общественное отношение между самими». С развитием денег и капитала в различных его формах, отражение производственных отношений принимает все более фетишистский характер, наконец «в капитале, приносящем проценты, капиталистическое отношение достигает своей наиболее внешней и фетишистской формы»¹. Вытекающие

¹ «Вещь (деньги, товар, стоимость) просто как вещь теперь уже является капиталом, а капитал кажется просто вещью; результат всего процесса воспроизводства

из природы капиталистического способа производства явления, при поверхностном рассмотрении их внешней видимости, представляются в ложном и превратном виде¹. В отношении буржуазных экономистов Маркс отмечал, что они «ослеплены присущим товарному миру фетишизмом или вещной видимостью (Schein) общественных атрибутов труда». Содержание их теорий «составляется из ходячих предвзятых мнений, почерпнутых из поверхностнейшей внешней видимости вещей» («Капитал», т. III, ч. 1, с. 310). Вульгарная политическая экономия «вращается в сфере видимой (scheinbaren) внешности» капиталистического строя, «систематизирует банальные и самодовольные представления деятелей буржуазного строя». Аналогично «реставрированная меркантильная система (Marill и др.) в стоимости видит лишь общественную форму, или, вернее, ее лишенный субстанции призрак (substanzlosen Schein)».

Неверное отражение общественных явлений в поверхностной внешней видимости отмечает и Энгельс. «С экономическими, политическими и другими отражениями,—писал он,—дело обстоит так же, как и с отражениями в человеческом глазу. Они проходят через собирающую их чечевицу и поэтому представляются в перевернутом виде, стоящими на голове. Только отсутствует тот нервный аппарат, который для представления поставил бы их снова на ноги. Деятели денежного рынка (der Geldmarktmensch) видят движение промышленности и мирового рынка только в перевернутом отражении денежного и бумажного рынка, и следствие становится тут для него причиной»².

кажется свойством, принадлежащим вещи самой по себе; от владельца денег, т. е. товара в той его форме, в которой его можно во всякое время обменять, зависит, израсходовать ли их как деньги или отдать в ссуду как капитал. Поэтому в капитале, приносящем проценты, перед нами выступает выработанный в чистом виде этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, выживающие деньги, и в этой форме он уже не несет на себе никакого следа своего происхождения. Общественное отношение получило законченный вид, как отношение некоей вещи, денег, к самой себе. Вместо действительного превращения денег в капитал здесь имеется лишь бессодержательная форма этого превращения» (Маркс, «Капитал» т. III, ч. 1, с. 305).

¹ «То, вытекающее из природы капиталистического способа производства, явление, что при возрастающей производительности труда цена отдельного товара или данного количества товара понижается, число товаров увеличивается, масса прибыли на отдельный товар и норма прибыли на сумму товаров понижается, а масса прибыли на всю сумму товаров увеличивается,—это явление, при поверхностном рассмотрении, выражает только понижение массы прибыли, приходящейся на отдельный товар, понижение его цены, увеличение массы прибыли на увеличившееся общее число товаров, произведенных всем капиталом общества или же и отдельным капиталистом. Таким образом составляет воззрение, как будто капиталист по доброй воле берет меньшую прибыль на отдельном товаре, но вознаграждает себя тем, что производит большее количество товаров. Такое же понимание основывается на представлении прибыли, вытекающей из продажи (profit upon alienation), а оно в свою очередь абстрагировано из способа понимания, свойственного торговому капиталу...

Так как при конкуренции все представляется в ложном, в превратном виде, то отдельный капиталист может воображать: 1) что он понижает свою прибыль с отдельного товара, понижая его цену, но вместе с тем выручает большую прибыль вследствие увеличения массы товаров, которые он продает; 2) что он устанавливает цену отдельного товара и посредством умножения определяет цену продукта, тогда как первоначальный процесс—деление (см. книга I, гл. X), умножение же оказывается правильным лишь во вторую очередь, в предположении такого деления. Вульгарный экономист в действительности только и делает, что переводит удивительные представления капиталистов, захваченных конкуренцией, на язык, представляющийся более теоретическим, обобщающим, и убивает над тем, чтобы конструировать правильность этих представлений» (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, с. 172—173).

² К. Маркс и Ф. Энгельс, «Письма», 2-е изд., с. 307.

И далее: «Отражение экономических отношений в виде правовых принципов необходимо является точно так же стоящим вверх ногами. Это отражение совершается так, что этот процесс не доходит до сознания действующего. Юрист воображает, что действует с априорными положениями, а это всего лишь экономические отражения. Таким образом все стоит на голове» (Там же).

Содержание видимости еще не опосредствовано сущностью, не имеет в ней своего основания. Но, с другой стороны, видимость, как бытие, лишенная сущности, не имеет основания и в самой себе и поэтому должна найти свое основание. Видимость предполагает опосредствование. В «видимости» бытие уже не имеет самостоятельности и независимости; но вместе с тем еще не раскрыто основание бытия, поэтому оно есть только видимость. Видимость «есть первое определение, которое составляет истину бытия или непосредственности. Непосредственное бытие не таково, как оно нам кажется; оно не имеет самостоятельности и независимости; оно есть только призрак, и потому оно входит в простое единство сущности» (Логика, с. 232). Поэтому дальнейшее движение познания заключается в раскрытии внутренних существенных связей, основания непосредственного бытия. Человек в своем воздействии на природу углубляется от ее внешности, познает ее свойства, законы, ее существенные связи, лежащие в основании внешних связей и многообразия. «Деятельность человека,—пишет Ленин,—составившего себе об'ективную картину мира, изменяет внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (=меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (=об'ективной истиной)» (269).

Развитие науки идет от внешней видимости к познанию существенных связей, познанию основания непосредственно данного бытия, познанию опосредствованности его в сущности. Вульгарное представление останавливается на видимости. Но тем самым наука делается не нужной. «Вульгарный экономист думает, что делает великое открытие, когда он раз'яснению внутренней связи гордо противопоставляет тот факт, что в явлениях вещи имеют иной вид. И выходит, что он гордится тем, что пресмыкается перед видимостью, принимает видимость за конечное об'яснение. К чему же тогда вообще наука?» (Маркс). Лишь исследование об'ективных существенных связей раскрывает действительную природу бытия, находит основание непосредственного бытия. Вместе с тем это исследование раскрывает причины неверного отражения в «видимости» реальных отношений и связей и показывает, что моменты неверного отражения видимостью сущности сами об'ективно обусловлены существенными связями вещей и связями вещи с суб'ектом.

* * *

В соотношении сущности и непосредственного бытия мы имеем как бы раздвоение всей действительности. Но раздвоенные моменты не являются абсолютно самостоятельными. Метафизическое мышление, рассматривая эти моменты только в их раздельности, лишает их определенности: сущность, лишенная многообразия бытия, превращается в пустое суб'ективное тождество, суб'ективную рефлекссию; бытие, лишенное сущности, перестает быть об'ективным бытием, превращается в суб'ективную кажимость идеализма. Но познание не останавливается на понимании существенного и видимости. Дальнейшее движение познания раскрывает их отношение и необходимую

связь, находит истину в их единстве, рассматривает их как противоположные и поэтому нераздельные моменты, существующие лишь во взаимном отражении и проникновении одного в другом. Таким образом существенное и видимость даются как соотносительные рефлексивные определения, совершается переход к пониманию сущности и явления. В главе о «рефлексии» Гегель, разбирая опосредствование видимости сущностью, в самой общей и абстрактной форме дает общее понятие рефлексивных определений. Тожество и различие, основание и условие, сущность и явление, форма и содержание, целое и часть, сила и проявление, внешнее и внутреннее, субстанция и акциденция, необходимость и случайность и т. д.—являются все более конкретными формами рефлексивных определений, выражающими все более «уплотняющуюся» связь сущности и непосредственного бытия.

Ленин достаточно подробно останавливается на «рефлексии», являющейся одним из важнейших определений гегелевской логики.

Познание исходит из бытия, как непосредственно данного. Последнее необходимо *предполагается* как исходный пункт познания. В видимости раскрывается несамостоятельность бытия, необходимость его опосредствования. Видимость необходимо предполагает переход к познанию сущности.

Но метафизическое мышление, превращающее бытие в суб'ективную видимость, рассматривает и сущность как абстрактное суб'ективное тождество. Переход от видимости к сущности понимается как подведение внешнего многообразия под общие суб'ективные представления. Устраняются об'ективные всеобщие связи вещей, как единство и основа внешнего многообразия. Таким образом об'ективная рефлексия, об'ективное деятельное отношение сущности и бытия заменяется суб'ективной рефлексией.

«Рефлексия,—приводит Ленин положение Гегеля,—понимается обыкновенно в *суб'ективном* смысле, как движение силы суждения, выходящей за данное непосредственное представление и исследующей или тем самым сравнивающей общее его определения» (131). «Тем самым,—продолжает Гегель,—рефлексия есть здесь как бы восхождение над непосредственным к общему... Та рефлексия, которой Кант приписывает подыскание общего к данному частному, и есть... лишь внешняя рефлексия, относящаяся к непосредственному как к данному». Познание доимается как чисто-формальная деятельность, подыскивающая суб'ективные общие принципы под непосредственно данное содержание представлений. Но тем самым все наше знание становится суб'ективным. И если мы имеем об'ективное знание, то это показывает, что мышление отражает об'ективные связи и отношения, об'ективную сущность самих вещей. «Здесь идет речь,—приводит Ленин,—не о *рефлексии сознания*, не о более определенной рефлексии рассудка, имеющей своими определениями частное и общее, а о рефлексии вообще» (113), об об'ективной рефлексии. Переход от непосредственного бытия к сущности является переходом к об'ективным, всеобщим существенным связям вещей. «То общее, принцип, или правило, или закон, к которому она (суб'ективная рефлексия) восходит в своем определении, признается за сущность того непосредственного, с которого начинают» (Н. Л., II, с. 13). Углубляясь в предмет, познание находит внутренние существенные связи, сущность непосредственно данного бытия. «Таким образом оказывается, что внешняя рефлексия есть не внешняя, но столь же имманентная рефлексия самой непосредственности; или что то, что получается через полагающую рефлексию, есть суцая в себе и для себя сущность» (Н. Л., II, с. 12). Видимость ведет к сущ-

ности. Сущность выявляется как об'ективное единство, об'ективные связи внешнего многообразия¹. Многообразие изменений, постоянно отрицающие себя определения видимости имеют свое основание не вообще в другом, но во внутренне-присущих им существенных связях. Следовательно, непосредственно данное не относится к сущности как к чему-то другому, по отношению к которому оно самостоятельно; но оно имеет сущность в себе самом как свое единство, как основу своего бытия.

Бытие, выступающее в познании как кажимость, видимость, в действительности неразрывно связано с сущностью. Непосредственное бытие, находясь в отношении к сущности, не сохраняет метафизической самостоятельности и независимости, не находится, *наряду* с внутренними существенными отношениями, как просто другое по отношению к ним. Но непосредственно-данное бытие есть проявление сущности и содержит сущность внутри самого себя, является проявлением ее моментов. «Кажущееся,—говорит Ленин,—есть сущность в *одном* ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов. Сущность кажется тем-то. Кажимость есть явление сущности в самом себе» (113). «Кажимость (кажущееся) есть *отражение* сущности в себе (ней) самой» (113).

Непосредственно данное не имеет самостоятельного бытия. Оно имеет основу в сущности, есть проявление движения сущности, оно *положено* сущностью. Таким образом, возникновение непосредственно данного есть *положение* его сущностью, сущность обуславливает существование и движение непосредственности. Непосредственность постоянно определяется сущностью: полагается ею и возвращается в нее. Непосредственность является поэтому *рефлектированной непосредственностью*, ибо она *опосредствована, положена* сущностью, имеет существование лишь в своем отношении к сущности. Непосредственное бытие есть опосредствованное, т. о. *непосредственность* бытия есть лишь момент².

«Уничтоженность,—приводит Ленин,—которая есть вместе с тем сохранение, и бытие, которое есть лишь момент, иначе—суцая в себе отрицательность и рефлектированная непосредственность, составляющие моменты видимости, суть тем самым моменты сущности» (111). «Видимость есть сущность в определенности бытия», приводит Ленин (111). «Таким

¹ При переходе от видимости к сущности познание ищет внутреннее единство многообразия, устойчивый субстрат, лежащий в основе смены мер, поднимаясь до понимания его как внутренних существенных связей, лежащих в основе внешних связей и многообразия. На основе эмпирического материала мышление строит ту или иную гипотезу, предполагает существенные отношения, *об'ясняющие* внешние связи и многообразие. «Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является *гипотеза*». Гипотеза, созданная для об'яснения внешних связей, сама проверяется в их движении, подтверждаясь, видоизменяясь или устраняясь ими. При этом открытии новых факторов часто делает «непригодным прежний способ об'яснения относящихся к той же самой группе фактов. С этого момента возникает потребность в новых способах об'яснения, опирающегося сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон» (Энгельс). Следовательно, познание существенных отношений не остается только гипотезой, суб'ективным предположением. Подтверждаясь на практике, оно выступает как действительное отражение существенных связей вещей.

² Непосредственность, которую определенность имеет в видимости, в противоположность сущности, есть поэтому не что иное, как собственная непосредственность сущности, но не суцая непосредственность, а просто опосредственная или рефлектированная непосредственность, которая есть видимость; бытие не как бытие, а как лишь определенность бытия в противоположность опосредствованию, *бытие как момент*» (Н. Л., II, с. 7).

образом, видимость есть сама сущность, но сущность в некоторой определенности, при том так, что последняя есть лишь момент сущности» (111).

Непосредственное бытие само оказалось опосредствованным, *положенным*, сущностью. «Вместо того, чтобы быть началом, эта непосредственность есть скорее возврат или сама рефлексия» (Н. Л., II, с. 10). *Положение, опосредствование* сущностью является основной характеристикой бытия в сфере сущности. «Существованию в сфере сущности соответствует *положенное... Существование есть только положение*: таково суждение сущности о существовании». Это определение бытия является более конкретным определением, содержащим в себе больше связей и *опосредствований*. Оно возникает на более высокой ступени познания. Непосредственное существование, — говорит Гегель, — «признается за нечто высшее, чем *положение*, и последнее приписывается внешней рефлексии, суб'ективизму. Но в действительности *положение* есть высшее» (Н. Л., II, с. 14). Итак, непосредственное бытие *положено* сущностью, есть рефлексированная непосредственность.

Но тем самым и сущность не является лишь отвлеченной тождественной основой внешнего многообразия, не относится к многообразию лишь как к равнодушному другому. Но она существенно предполагает это различное многообразие и содержит его в самой себе. Она существует лишь в соотношении с этим многообразием, лишь как единство, основа, существенные связи в этом многообразии. Движение сущности заключается в *имманентном возникновении различий*. Все многообразие непосредственно-сти положено движением сущности. *Сущность полностью выявляет себя лишь во всем своем движении*. Полагая свои различия, многообразии определений, сущность в своем движении обращает вместе с тем положение определения и полагает новые. «Сущность, — приводит Ленин, — содержит видимость внутри себя самой, как бесконечное движение внутри себя» (113). Движение сущности есть постоянное отрицание своего тождества, постоянное положение себя в различие и внешнее многообразие. Рефлексивное движение сущности есть *«абсолютное отталкивание»* (Gegenstoss) в себе самом» (Н. Л., II, с. 11). Но, отталкивая себя от себя, полагая свои различия и отрицая их, сущность не переходит в просто другое, но отрицает свое отрицание и *возвращается* в себя. Поэтому сущность движется в себе¹. Бесконечное отрицание, являющееся вместе с тем возвратом в себя, бесконечное отчуждение различных моментов и их снятие в единстве и есть рефлексия сущности. «Сущность есть рефлексия, движение становления и перехода, остающееся внутри себя самого, вследствие чего отличное от нее определяется просто как отрицательное в себе, как видимость» (Н. Л., II, с. 8). Единство сущности осуществляется только в постоянном *полагании* различий и многообразия. Сущность может существовать лишь в постоянном отрицании равенства с самим собою, в имманентном, необходимом положении различий. «То единственно, в силу чего сущность есть равен-

ство с собою, есть снятие ее равенства с собою» (Н. Л., II, с. 10). Она «должна быть *самой собою и не самой собою* и при том в одном единстве» (Н. Л., II, с. 1).

Раздвоение, различие единства является необходимой формой движения. Без отрицательности и различия, без полагания многообразия не было бы движения сущности. Она была бы тогда абстрактным, безжизненным тождеством. Но различия и многообразие не распадаются равнодушно, а вбираются в единство сущности. В своем различии и неравенстве сущность сохраняет свое единство. Единство, всеобщность существенных связей и многообразие непосредственности являются противоположными, неразрывными моментами движения: сущность существует лишь в своем постоянном различии и положении многообразия; многообразие, являющееся относительно самостоятельным моментом, вместе с тем существует лишь в единстве сущности. Они существуют лишь во взаимном единстве и нераздельности; и вместе с тем они противоположны. Поэтому их единство есть их рефлексивная связь и движение¹. Движение сущности происходит через имманентные возникновения различий. Поставляя и отрицая различие, сущность движется в себе самой, опосредствует себя сама. «Она (сущность), — приводит Ленин, — есть движение через различаемые моменты, абсолютное опосредование собою» (115). Рефлексивное движение сущности есть процесс самодвижения. «*Движение как прогресс вращения непосредственно в себе самом, и таким образом получается лишь самодвижение, движение, исходящее от себя*, поскольку полагающая рефлексия есть предполагающая, а предполагающая есть просто полагающая» (Н. Л., II, с. 11). И обратно. Процесс самодвижения есть *рефлексивное* движение и связь сущности и бытия. «Сущность в этом своем самодвижении есть рефлексия» (113). В рефлексии Гегель показал единство непосредственности и сущности, обособил сущность как об'ективные внутренние связи самой действительности, как основу движения непосредственной действительности. Сущность «составляет *существенное* в бытии потому только, что она содержит в самой себе свое отрицание, свое соотношение к иному, свою посредственность. Следовательно, она включает в себе несущественное, как свой собственный *призрак*» (199).

Ленин приводит следующее положение Гегеля: «Следует показать, что определения, отличающие ее (видимость) от сущности, суть определения самой сущности, и далее, что *определенность сущности*, составляющая видимость, снята в самой сущности» (Н. Л., II, с. 6).

Гегель показал это в главе о рефлексии. Он раскрыл рефлексивность, т. е. соотносительность, единство и нераздельность, взаимопроникновение сущности и непосредственности, и выявил основную роль существенных связей в этом единстве. Вместе с тем Гегель раскрывает не только об'ективность непосредственности, но и об'ективность сущности, об'ективность рефлексии. Приведя положение Гегеля об об'ективности рефлексии, Ленин пишет: «Итак, и здесь Гегель обвиняет Канта в *суб'ективизме*. Это NB Гегель за «об'ективную значимость» (sit venia verbo) кажимости, «непо-

¹ «Рефлексия есть равенство с самой собой в ее отрицании; ее отрицание есть поэтому сама рефлексия в себя... Рефлексия есть остающееся внутри себя определение. Сущность не выходит в ней из себя; ее различия просто *положены*, подобраны обратно в сущность... отрицание, как отрицание, рефлексировано в равенство с ним самим... Поскольку положение есть вместе с тем рефлексия в себя, определенность рефлексии есть *отношение к ее иному бытию в ней самой*» (Н. Л., II, с. 15—16).

¹ Мы уже отмечали, что сущность нужно рассматривать исторически. Движение в себе данной сущности может происходить лишь до определенного предела. Сущность развивается, разветвляется все свои определения и проявляет всю свою определенность во внешних связях. На определенном уровне развития данного предмета существенные противоречия ведут к переходу в противоположность и, следовательно, к снятию данной сущности и возникновению новой. Поэтому сущность предполагает не только движение внутри данной сущности, но и переход в новую сущность. У Гегеля достаточно подчеркнут этот момент перехода сущности.

средственно данного» (термин «данное» обычен у Гегеля вообще). Философы более мелкие спорят о том, сущность или непосредственно данное взять за основу (Кант, Юм, все махисты). Гегель вместо или ставит и, об'ясняя конкретное содержание этого «и» (115). Конкретное содержание этого «и» и выясняется в рефлексии. Это, как мы видели, не эклектическое «и», а диалектическое выяснение об'ективных рефлексивных связей и неразрывности сущности и непосредственности.

В рефлексии—1) Гегель дает в самом общем виде соотношение между сущностью и непосредственностью, которые далее конкретизируются в категориях сущности и явления и достигают наибольшей конкретности в категориях действительности. Но уже здесь Гегель устанавливает принцип их рефлексивности, их нераздельности, принцип опосредствования. 2) Гегель дает понятие рефлексии: нераздельности противоположных определений, их взаимного отношения и проникновения, их взаимной отраженности друг в друге, их взаимного *опосредствования*. Дальнейшие категории дают конкретные формы этих отношений. 3) В понятии рефлексии дается понятие *самодвижения*. Только в категориях сущности, дающих понятие об'ективной рефлексии, внутренних связей многообразия, закономерности, устанавливающих необходимость и имманентное возникновение различий, внутреннюю связь изменений, раскрывается понятие *самодвижения* и *развития*.

Итак. Познание, исходя из внешних связей и многообразия, переходит к внутренним существенным связям вещей. В единичных и конечных предметах оно раскрывает об'ективную всеобщность и бесконечность, в постоянном изменяющемся многообразии—*единство*, существенную основу, необходимые существенные связи, дающие понимание развития.

Сущность выступает прежде всего как всеобщность, устойчивость, как *единство* в многообразии, как *конкретное тождество*.

Метафизическое мышление отрывает сущность от внешнего многообразия, лишает сущность всякой определенности, превращает сущность, *единство* сущности в *абстрактное тождество*.

Гегель доказал неистинность абстрактного тождества. Он доказал, что сущность неразрывно связана с внешним многообразием, что тождество существует лишь в единстве с различием. Но сущность находится не только в единстве с внешним многообразием. Сущность есть рефлексия, существенные связи и поэтому содержит в своем единстве различные определения. Сущность есть *конкретное тождество*, единство различных рефлексивных определений. Поскольку существенные различия суть противоположности, то все существенные отношения и связи суть *единство противоположностей*.

VI

Если Гегель рассматривает единство противоположностей после категорий бытия, то это вовсе не означает, что оно возникает из категорий бытия и что категории бытия не содержали в себе единство противоположностей. Движение, говорил Гегель, есть существующее противоречие. Поэтому единство противоположностей является общей формой всех связей и отношений материального движения и отражающих их понятий и категорий. Именно потому, что все моменты действительности противоречивы, являются единством противоположностей, мы имеем связь и движение в действительности и отражающую их связь и субординацию

категории. Чтобы понять связь категорий логики нужно понять их как моменты противоречивого движения и положить движение, единство противоположностей как *принцип* исследования категорий. Во всем движении логики мы имеем конкретные формы единства противоречивостей. Поэтому единство противоположностей мы имеем и в движении категорий бытия: противоречивость становления (единство конкретно понимаемых бытия и небытия); нечто и иное; бытие-в-себе и бытие-для-другого; противоречивость понятия границы; единство качества и количества; прерывность и непрерывность и т. д.

Но Гегель прав в том, что испытанное понятие единства противоположностей как рефлексивных определений мы достигаем только при исследовании сущности.

Категории сущности относительны, каждая из них нераздельно связана с своей противоположностью. Единство противоположностей является общей формой всех отношений сущности. Поэтому Гегель исследует сначала эту общую форму существенных связей. Только познание единства противоположностей и противоречия дает понимание самодвижения, развития, самоотрицания, перехода в противоположность, т. е. перехода в новую форму. Только единство противоположностей раскрывает активность качества, переход качества в количество и обратно, об'ясняет скачки и новообразование. Ленин с особенной силой подчеркивает, что единство противоположностей есть основной закон движения и, следовательно, основной закон диалектики. *Ленин не просто сопоставляет законы и категории диалектики, он соподчиняет их закону единства противоположностей*.

В понимании принципа единства противоположностей лежит основной водораздел между диалектикой и формальной логикой. Гегель прав, что именно здесь он дает основной бой формальной логике и поражает ее в самое сердце, доказывая несостоятельность основных ее принципов.

Формальная логика понимает *сущность как абстрактное тождество*, абстрактную всеобщность. Закон тождества об'является поэтому основным законом мысли. Прежде всего,—пишет Ленин,—«Гегель выясняет односторонность, неправильность «закона тождества» ($A=A$)» (115).

Всякое движение противоречиво, начиная с механического перемещения, кончая движением понятий. Поэтому отрицание противоречия, признание абстрактного тождества означает отрицание всякого движения, изменения и связи в реальной действительности. Это с большой глубиной было доказано уже Зеноном. Предмет тождественный (хотя бы на мгновение) не обладает движением и не может выйти из тождества. Он не может также получить движение извне, ибо он тождественен, и тождественными и, следовательно, неподвижными в себе считаются и все остальные предметы. Он не может иметь связей с другими предметами, ибо связи, взаимодействие и есть движение¹. Абстрактно-тождественный предмет существовал бы вне связей мира, т. е. не мог бы существовать. Он не обладал бы свойствами, не имел бы никаких определений, ибо признание свойств и определенности означает уничтожение тождественности, признание движения. Абстрактное тождество—есть чистейшее *ничто*. Нет материи без движения, поэтому нет

¹ «Из того, что... тела находятся во взаимной связи, логически следует, что они действуют друг на друга, и это их взаимодействие и есть именно движение. «Уже здесь обнаруживается, что материя немислима без движения» (Энгельс, «Диалектика природы», с. 231).

непротиворечивых вещей. Абстрактный закон тождества не применим к действительности.

В органической природе,—пишет Энгельс,—неприменимо абстрактное тождество $a=a$. «Растение, животное, каждая клетка в каждое мгновение своей жизни тождественны сами с собой и в то же время отличаются от самих себя, благодаря усвоению и выделению веществ, благодаря дыханию, образованию и умиранию клеток, благодаря процессу циркуляции,—словом, благодаря сумме непрерывных молекулярных изменений, которые составляют жизнь и итог которых выступает наглядно в разных фазах жизни—эмбриональной жизни, молодости, половой зрелости, процессе размножения, старости, смерти. Мы оставляем в стороне развитие видов. Чем больше развивается физиология, тем важнее становятся для нее эти непрерывные, бесконечно-малые изменения, тем важнее также становится для нее рассмотрение различия *внутри* тождества, и старая, абстрактная, формальная точка зрения тождества, согласно которой органическое существо рассматривается как нечто просто тождественное с собой, постоянное, оказывается устарелой. Несмотря на это, основополагающий на ней образ мышления продолжает существовать вместе со своими категориями. Но уже в неорганической природе тождество как таковое в действительности не существует. Каждое тело подвержено постоянно механическим, физическим, химическим воздействиям, которые производят в нем непрерывные изменения, модифицируют его тождество.

Постоянное изменение, т. е. снятие абстрактного тождества с собой, имеется также в так называемой неорганической природе. Геология является историей этого. На поверхности—механические изменения (размывание, мороз), химические (выветривание), внутри земли—механические (давление), теплота (вулканическая), химические (вода, кислоты, связывающие вещества), в большом масштабе—поднятия почвы, землетрясения и т. д. Современный сланец радикально отличен от ила, из которого он образовался, мел—от несвязанных между собой микроскопических раковин, которые его составили; еще более известняк, который, по мнению некоторых ученых, совершенно органического происхождения, песчаник—от несвязанного морского песка, который, в свою очередь, возник из размельченного гранита и т. д., не говоря уже об угле» («Диалектика природы», сс. 13—15).

Закон абстрактного тождества не применим и к мышлению. Всякое суждение, а суждение есть «клеточка» мышления, опровергает этот закон. В каждом суждении указывается и тождество и различие между субъектом и предикатом, устанавливается связь единичного и всеобщего. Связка «*есть*» в суждении указывает, «что единичное, субъект, есть столь же и не единичное, а всеобщее» (235). Это имеет свои корни в единстве единичного, особенного и всеобщего в самой действительности. Сама форма суждения дает различие между субъектом и предикатом. «Суждение» же $A=A$ не дает этого различия, которого требует *сама форма* суждения. Листья на деревьях зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. «Уже здесь,—пишет Ленин,—(как гениально заметил Гегель) есть диалектика: *отдельное есть общее*»¹. Всякое суждение, любое предложение является, таким образом, выражением связи отдельного с общим, содержит в себе

¹ «Факт, что тождество содержит в себе различие, выражен в *каждом предложении*, где сказуемое необходимо отлично от подлежащего. Лилия есть растение, роза—красна; здесь либо в подлежащем, либо в сказуемом имеется нечто такое, что не покрывается сказуемым или подлежащим» (Энгельс, «Диалектика природы», с. 15).

тождество и различие субъекта и предиката, поэтому исключает абстрактное тождество.

Закон тождества $A=A$,—говорит Ленин,—выражает «*пустое тождество*» (117). Здесь в сказуемом повторяется то, что было сказано в подлежащем (роза есть роза). Он поэтому противоречит сам себе. Как закон мысли, он должен выражать собою *движение* мысли, и сама форма суждения A есть... требует, чтобы в предикате было дано новое определение субъекту. На деле повторяется лишь то же самое, мысль возвращается к самой себе (A есть A) и не дает никакого нового определения, никакого движения, и тем самым не говорится ничего. Сама форма суждения противоречит закону тождества. Поэтому «нет человека, который бы мыслил, представлял или говорил согласно этому закону, и нет вещи, какого бы рода она ни была, которая бы существовала сообразно ему» (Логика, с. 204). Формальная логика,—приводит Ленин слова Гегеля,—обращает «тождество в одностороннюю определенность, которая как таковая лишена истинности» (117).

Обычно говорят, что закон тождества необходимо присущ мышлению, ибо в мышлении необходимо удержать предмет в его определенности, тождественности с собою. Это правильно. Но это не делает истинным абстрактное тождество. Положение: роза есть роза еще не дает определения предмета. Чтобы удержать предмет как определенный, необходимо указать ряд определений, но определение предмета означает вместе с тем *различие* его от других предметов и различие внутри самого предмета. «Всякое определенное содержание имеет многочисленные соотношения с самим собою и с другими предметами». Поэтому «знать—значит определять предмет, или иметь определенную мысль; пустой разум, неопределенная мысль ничего не мыслят. Когда сводят разум к мысли пустого тождества, его, в свою очередь, счастливо освобождают от всех противоречий, но в то же время его лишают всякой реальности и всего содержания...

Все существующее содержит в себе противоположные определения, и потому понять предмет—значит узнать противоположные определения, содержащиеся в единстве предмета» (Логика, сс. 89—90).

Чем большую определенность получит предмет, тем больше указывается различий его от других предметов и внутренних различий в самом предмете, т. е. определение предмета означает снятие абстрактного тождества¹. Это прекрасно выражено Спинозой в положении, что всякое ограничение и определение есть вместе с тем отрицание.

Это движение мысли абстрактно выражается формальной логикой, когда она наряду с тождеством выдвигает различие; последнее должно

¹ «Закон тождества в старо-метафизическом смысле есть основной закон старого мировоззрения: $a=a$. Каждая вещь равна самой себе. Все было постоянным—солнечная система, звезды, организмы. Естественное опровергло этот закон в каждом отдельном случае, шаг за шагом; но теоретически он все еще продолжает существовать, и приверженцы старого все еще противопоставляют его новому. Вещь не может быть одновременно сама собой и чем-то другим. И, однако, естественное в последнее время доказало в подробностях тот факт, что истинное, конкретное тождество содержит в себе различие, перемену. Как и все метафизические категории, абстрактное тождество годится лишь для домашнего употребления, где рассматриваются незначительные отношения или короткие промежутки времени; границы, в рамках которых оно пригодно, различны почти в каждом случае и обуславливаются природой того объекта, к которому его применяют,—в планетной системе, где для обыкновенных астрономических выкладок можно без чувствительной погрешности принимать эллипсис за основную форму, эти границы значительно шире, чем в случае какого-нибудь насекомого, прелепляющего свои превращения в течение нескольких недель (приве-

помочь охватить многообразие. Тем самым формальная логика показывает недостаточность, односторонность закона тождества. Абстрактное тождество ведет к абстрактному различию. Как только мы останавливаемся на одной стороне противоположности «все тождественно», она сразу превращается в свою противоположность «все различно», ибо, говоря: роза есть роза, железо есть железо, мы рассматриваем эти предметы вне их связи и определенности, как совершенно равнодушные и совершенно различные, имеем мысли различия, а не тождества. «Когда рассудок приступает к исследованию тождества, он, на самом деле, уже оставил ее за собой и останавливается на различии, под видом разности» (Логика, сс. 207—208). И рассудок тогда ухватывается за другую противоположность, рассматривая ее изолированно от первой. Он берет их и ставит рядом друг с другом, не замечая, что эти определения, абстрактно взятые, исключают друг друга. Ибо абстрактное тождество уничтожает всякую определенность предметов, всякое различие между предметами. Все они превращаются в пустое тождество, в ничто.

С другой стороны, «все различно» взятое вне тождества означает отрицание всяких связей, отношений между вещами. Но вещи, взятые вне их связей, лишены всяких свойств, превращаются в абстрактные вещи в себе, в абстрактное тождество.

Точно так же закон противоречия ставится рядом с законом тождества. Но в своей абстрактной форме он исключает закон тождества, ибо тождество означает, что всякая вещь соотносится только с самой собою. Закон же противоречия предполагает, что вещь всегда противопоставляется или соотносится с противоположностью.

Закон исключенного третьего выдвигается рассудком, желающим избежать противоречия, но вместе с тем впадающим в формальное противоречие. Нечто должно быть или А или не-А и ничем третьим, тогда как «есть третье в самой этой тезе,—комментирует Гегеля Ленин,—само А есть третье, ибо А может быть и +А и —А. «Итак, само нечто есть то третье, которое должно было бы быть исключено» (121). Каждая вещь, каждое предложение содержит в себе единство единичного и всеобщего и т. д. и тем самым доказывает неистинность этого закона.

Противоположные определения берутся в этом законе не как утвердительные, а как отвлеченные, чисто-отрицательные определения, «предложение в таком тривиальном смысле переходит от определенности к ее небытию вообще, возвращается в неопределенность» (Н. Л., с. 41). Этот закон так же пуст, как и закон тождества. Понимание, «что из всех предикатов либо данный, либо его небытие,—«тривиально»! Дух... сладкий, несладкий? зеленый, незеленый? Определение должно идти к определенности, а в этой тривиальности оно идет к ничему» (121),—пишет Ленин.

* * *

сти другие примеры: например, изменение видов, происходящее в течение многих тысячелетий). Но для синтетического естествознания абстрактное тождество совершенно недостаточно даже в любой отдельной области, и хотя в целом идея о таком тождестве практически теперь отвергнута, но теоретически она все еще властвует над умами, и большинство естествоиспытателей все еще воображают, что тождество и различие являются непримиримыми противоположностями, а не односторонними полюсами, имеющими значение только в своем взаимодействии, во включении различия в тождество» (Энгельс, «Диалектика природы», с. 37).

Мышление не довольствуется тем, чтобы брать вещи только в их тождестве или только в их различии. Мышление пытается сопоставить вещи друг с другом, найти в них и тождественные и различные определения одновременно, найти *сходство* и *несходство*. Здесь имеется шаг вперед: сходство и несходство составляют два определения, находящиеся в необходимой связи, ибо при сравнении мы соглашаемся, «что можно сравнивать предметы, только предполагая, что в них есть различие и что их можно различать только тогда, когда они сходны» (Логика, с. 209). При этом при сравнении мы углубляемся, находя все более существенные сходства и различия. «Не припишут большего остроумия тому, кто может различать только такие предметы, которых различие слишком очевидно, как, например, перо и верблюд; и, с другой стороны, не признают большой способности к сравнению у того, кто может сравнивать одни близкие предметы, напр., бук с дубом, или храм с церковью» (Логика, с. 209). Следовательно, сравнивая и различая, мы при различии требуем тождества, а при тождестве—различия.

Но если в процессе сравнения указывается на связь тождества и различия, то, во-первых, тождество и различие берутся как внешнее сходство и несходство, получающиеся при сравнении различных предметов: в одном отношении вещи равны, в другом неравны. Поэтому «хотя сравнение имеет один и тот же субстрат для сходства и несходства, рассудок раз'единяет эти определения и полагает, что они составляют разные стороны субстрата и разные точки зрения на него» (Логика, с. 207). Следовательно, здесь нет понимания единства тождества и различия, их необходимой связи. Поэтому «часто забывают одно из этих определений за другим, и однажды стараются только сводить необходимые различия к тождеству, а в другой раз, с одинаковой односторонностью, ищут новых различий» (Логика, с. 210). И сравнение и сравнительный метод ставит своей задачей, прежде всего, *свести различия к тождеству*. Во-вторых, сравнение указывает наличие общих свойств и различий у вещей, дает представление сходства в многообразии и поэтому известное представление о внешних связях вещей. Но вещи берутся вне их внутренней необходимой связи, как просто внешние, существующие одна рядом с другой, одна после другой, а не связанные общей цепью развития. Сравнение дает лишь внешнее сходство и различие, но не дает законов развития. Внешнее различие и сходство вовсе не исчерпывает связей вещей, а является лишь моментом в этих связях. Поэтому «одно сравнение не может окончательно удовлетворить требованиям науки. Результаты этого рода составляют необходимые, но только подготовительные труды для истинного, разумного знания» (Логика, с. 208). Отсюда недостаточность сравнительного метода. Он неистинен, когда берет его как самостоятельный метод, а не как момент в общем процессе развития знания, и момент диалектического метода.

* * *

Понимание связи тождества и различия как внешней связи сходства и несходства различных предметов является недостаточным; нужно понять связь тождества и различия в единстве одного и того же предмета. При этом недостаточно простого представления, что тождество связано с различием и различие связано с тождеством. Нужно понять эту связь в ее

истине. Метафизическое мышление хотя и связывает тождество и различие, но связывает чисто-внешне: тождество и различие берутся при этом как самостоятельные определения, хотя и связанные и переплетающиеся друг с другом в одном субстрате, но остающиеся тем, что они есть. Такое мышление, — говорит Гегель, — представляет, «что разум есть не более, чем ткацкий станок, на котором основа — тождество и уток — различие, внешним образом соединяются и сплетаются между собой; или при новом анализе выделяет сначала тождество, а затем оставляет рядом с ним различие, является сначала отождествлением, а затем снова различием, поскольку *отвлекается* от различия, различием, поскольку *отвлекается* от отождествления» (Н. Л., II, с. 19). Но различие существует не около тождества, а *внутри* тождества и обратно: тождество существует не рядом с различием, а *внутри* различия, как единство многообразия, как единство предмета с самим собою в своем движении. Тождество само есть момент в различии и различие — момент тождества. Чтобы понять истинную связь тождества и различия, их нужно понять как *рефлективные определения*, в их взаимном опосредствовании и положении, в их нераздельности и единстве, как моменты движения.

Тождество предмета заключается в определенности, устойчивости, закономерности его движения. Формой существования предметов является движение. Тождество в развитии состоит в том, что предмет в своем движении исходит из себя самого и, полагая различия и изменяясь, не переходит в другое, а лишь ставит новые определения себя самого, возвращается в себя. Он воспроизводит все новые и новые круги в спирали своего собственного развития, постоянно воспроизводит себя самого. Так, капитал может быть капиталом лишь в постоянно воспроизводящем его движении, в постоянном кругообороте, а стоимость движется в бесконечном многообразии цен. Капитал, — пишет Маркс, — есть «движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии и сам в свою очередь заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое. Те, кто полагает, будто стоимость приобретает самостоятельное существование лишь в абстракции, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция *in actu*» («Капитал», II, с. 60). Сохранение предмета в его равенстве с собою возможно лишь через процесс постоянного воспроизводства, постоянного движения.

Следовательно, предмет тождественен себе лишь в воспроизводящем его движении, его тождество с собою есть результат движения, необходимого имманентного положения различий. Тождество есть «движение становления и перехода, остающееся внутри себя самого». Тождество поэтому является результатом самовоспроизводящего себя движения предмета. Тождество в движении есть постоянно отрицающее себя тождество, и в этом отрицании абстрактного равенства воспроизводящее себя как тождество. Тождество «есть простая, относящаяся к себе, отрицательность» (Н. Л., с. 19).

Отрицательность в *самодвижении* не является поэтому формальным отрицанием, уничтожением. Поставляя различия, отрицая предшествующую ступень своего развития, предмет не уничтожается, но воспроизводит новый круг своего развития. Следовательно, мы имеем не только отрицание, но и отрицание отрицания, т. е. положительный результат, имеем

как бы возврат движения к исходной точке, но на более высокой ступени развития. Диалектическое отрицание означает *самодвижение*, воспроизводство новых и новых кругов в спирали развития. Поэтому «в постоянно вращающемся кругу каждый пункт есть одновременно и исходный пункт и пункт возвращения... Все предпосылки процесса оказываются его результатом, предпосылкой, произведенной им самим. Каждый момент является исходным пунктом, переходным пунктом и пунктом возвращения» (там же, сс. 56—57). Равенство, тождество выступает как постоянный возврат движения в себя. Предмет тождественен себе лишь в постоянном отрицании своего тождества, в постоянном *самодвижении*, он есть «абсолютное отталкивание в себе самом» и равенство с самим собою в своем отрицании. Предмет существует и воспроизводится именно потому, что он постоянно движется, отрицается. И сущность вещей состоит именно в этом *самодвижении*. «Ее (сущность) отрицательность есть ее бытие; она равна самой себе в своей абсолютной отрицательности» (Н. Л., с. 18).

Обратно, различие в развитии выступает, как различие внутри данного движения, как «различие не от другого, а себя от самого себя» (Н. Л., с. 23). Поэтому оно в себе самом содержит момент отношения к тождеству. Различия связаны единством движения, поэтому дают основу развития, закономерно возникая друг из друга, а не всплывая как пузыри (как писал Гегель о «видимости» идеалистов). Они выступают как моменты единства и воспроизводят единство предмета.

Поэтому «рассмотрение всего, что есть в нем самом, показывает, что оно в своем равенстве с собою неравно и противоречиво, а в своем различии, в своем противоречии тождественно с собою» (Н. Л., с. 19).

Тождество выступает лишь как момент единства тождества и различия или, как выражается Гегель, содержит себя самого и противоположный момент. Точно так же и различие содержит в себе тождество. «Различие есть и целое, и свой *собственный момент*, так же, как тождество есть и целое, и свой момент. Это должно считаться существенною природою рефлексии и *определенною основою всякой деятельности и самодвижения*. Различие и тождество становятся *моментами* или *положенными*, так как они, как рефлексия, суть отрицательное отношение к себе самому.

Различие, как единство себя и тождества, есть *само в себе определенное* различие. Оно не есть переход во что-либо другое, отношение к другому вне себя; оно имеет свое другое, тождество, в себе самом; так же точно, как и последнее, переходя в определение различия, не теряется в нем, как в своем другом, но сохраняется в нем, есть своя рефлексия в себя и свой момент» (Н. Л., II, сс. 23—24).

Такое понимание единства тождества и различия связано с пониманием *самодвижения*. «Движение как прогресс вращается непосредственно в себе самом и таким образом получается лишь *самодвижение*, — движение, исходящее из себя». Таким образом тождество и различие и их единство не являются моментами внешней рефлексии. Они есть моменты *самодвижения*, они ставятся в своем единстве самим ходом развития предмета, имманентно присущи самой сущности вещей. Сущность существует лишь в постоянной смене явлений, и явления существуют лишь в единстве, закономерности сущности. Единство и многообразие, единство и всеобщность — есть рефлективные, т. е. неразрывно связанные в единстве определения.

И отдел «рефлексии» содержит эту важнейшую мысль о рефлексивности всех определений, о *самодвижении* всего существующего.

Вещи в самих себе и тождественны, и различны. Рассудок, отрицая этот основной момент действительности, не разрешает тем противоречий, а переносит их в *суб'ект*, во внешнюю рефлексию.

* * *

В единстве предмета мы имеем многообразие различных определений. Они поставлены движением самого предмета и находятся в его единстве, в его конкретном тождестве. Тождество не является поэтому *суб'ективным*, абстрактным тождеством. Конкретным тождеством является единство самого предмета в его различении и движении. Это движение и различение предмета происходит во многообразных связях со всем окружающим. Различные моменты самого предмета есть вместе с тем выражение связи со всеми другими предметами. Движение предмета дает все новые различия и связи, раскрывает все новые и новые стороны предмета. Определение предмета предполагает познание многообразных связей и различий предмета как в нем самом, так и в отношении к другим предметам, возникновение и изменение этих связей и различий. «Чтобы действительно знать предмет, — говорит Ленин, — надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления» (XVIII, ч. 1, с. 55). Поэтому Ленин подчеркивает необходимость исследования моментов различий, связей предмета с другими предметами, как необходимый момент научного познания. Диалектика требует, чтобы была исследована «вся совокупность многообразных *отношений* этой вещи к другим» (275). При этом «отношения каждой вещи (явления etc.) не только многообразны, но всеобщы, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с *каждой*» (276). Исследование внешних связей является необходимым моментом познания многообразного содержания данной вещи, ибо внутренняя определенность вещи неразрывно связана с отношением ее к другим вещам и проявляется в них.

Но познание не останавливается на многообразии внешних связей данного предмета с другими предметами и на различных определениях, сторонах, свойствах самого предмета. Необходимо познать то конкретное тождество, те внутренние связи, которые полагают и об'единяют в себе различия и определяют внешние связи, т. е. познать *сущность* предмета. Без предварительного исследования внешних связей предмета и различий в предмете невозможно найти существенные связи; но, в свою очередь, существенные связи, полученные в результате опосредствования, сами оказываются основой внешних связей и различий и опосредствуют их, являются их единством и их основой.

Таким образом многообразные связи и различия необходимо познать как моменты развития, самодвижения предмета. «Диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении» (XVIII, ч. 1, с. 55). Необходимо познать «развитие этой вещи (respective явления), ее собственное движение, ее собственную жизнь» (275)¹. Процесс самодвижения есть процесс имманентного

¹ В дальнейшем я руководствуюсь Ленинским изложением элементов диалектики. Так как при изложении приходится разбивать их на отдельные моменты, то для цельности впечатления я считаю необходимым вначале привести их полностью.

возникновения различий. Различия возникают в единстве предмета. Основу внешних различий нужно искать в сущности, во внутренних связях предмета. Сущность не является абстрактным тождеством, но объективными противоречивыми связями самого предмета, поэтому она полагает различия и различается в самой себе. «Противоречие явлений, — писал Маркс, — имеет своей сущностью *существенное противоречие*». Движение познания должно углубиться от внешних различий предмета, найти *существенные различия*, лежащие в их основе. Эти *существенные различия предмета суть противоположности*. «Различие сущности, — говорит Гегель, — есть *противоположность*». Сущность поэтому является *единством противоположностей*. Таким образом мышление от познания различий углубляется к познанию единства противоположностей.

Каждый предмет с момента его возникновения имеет свойственные ему существенные связи, единство противоположностей, являющиеся основой его самодвижения. И поэтому выявляется каждая «вещь (явление etc.) как сумма и *единство противоположностей*» (275).

Но вместе с тем в действительности наряду с существенными различиями — противоположностями существуют различия, хотя и возникшие на основе сущности, но не являющиеся существенными различиями. При определенных условиях эти различия переходят в противоположность. Так различия в размерах имущества у товаропроизводителей могут перейти в качественные различия: один становится пролетарием, другой капиталистом. Такие различия, как многообразные свойства вещей, часто случайные, могут перейти в необходимые, существенные определения предмета. Дарвин обосновал теорию естественного отбора, исходя из понимания такого развития случайных признаков в существенные моменты предметов. Но не все различия могут развиваться в существенные различия и, следовательно,

Ленин следующим образом определил «*Элементы диалектики*»:

- 1) *об'ективность* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе);
- 2) вся совокупность многообразных *отношений* этой вещи к другим;
- 3) *развитие* этой вещи (respective явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь;
- 4) внутренние противоречивые *тенденции* (и стороны) в этой вещи;
- 5) вещь (явление etc.) как сумма и *единство противоположностей*;
- 6) *борьба* (respective) развертывание этих противоположностей, противоречивость стремлений etc.;
- 7) соединение анализа и синтеза, — разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе;
- 8) Вкратце диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики, но это требует пояснений и развития;
- 9) отношения каждой вещи (явления etc.) не только многообразны, но всеобщы, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связана с *каждой*;
- 10) не только единство противоположностей, но *переходы каждого* определения, качества, черты, стороны, свойства в *каждое* другое (в свою противоположность?);
- 11) бесконечный процесс раскрытия *новых* сторон отношений etc.;
- 12) бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности
- 13) *тот* сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей;
- 14) повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc. низшей и
- 15) возврат *якобы* к старому (отрицание);
- 16) борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, перделка содержания;
- 17) переход количества в качество и vice versa.

[15 и 16 суть *примеры* 9-го)] (275—277).

стать противоположностями. Правда, Гегель не устанавливает здесь резких граней. Поскольку различные определения предмета являются различиями в одном и том же отношении, различиями одного и того же единства (единства предмета), они являются в известном отношении противоположностями¹. Но истинные противоположности суть различия, существующие в единстве сущности, существенные различия.

Гегель берет противоположности в самой общей форме—как положительное и отрицательное. Положительное и отрицательное неразрывно связаны друг с другом и могут быть взяты лишь в их единстве. Так что положительное, отдельно взятое, становится отрицательным и отрицательное—положительным: «как только собираешься ухватиться крепко за одну сторону противоречия, так она незаметно превращается в другую» (Энгельс). «Уже незначительного опыта над рефлектирующим мышлением,—приводит Ленин,—достаточно для удостоверения в том, что если нечто определяется как положительное, то, исходя от этой основы, оно непосредственно сейчас же превращается в отрицательное, и, наоборот, определенное отрицательно—в положительное» (119). Обычное представление, «рефлектирующее мышление запутывается и противоречит себе в этих определениях». Отсутствие понимания истинной, объективной природы противоположностей «приводит к тому мнению, будто эта запутанность есть нечто ложное, чего не должно быть и что должно быть приписано некоторой суб'ективной погрешности. Действительно, этот переход одного в другое остается просто запутанностью, покуда не существует сознания его необходимости» (119). Необходимость связи противоположных определений обусловлена самой природой определений сущности, которые являются рефлективнымими, поэтому нераздельно связанными, определениями, существующими лишь во взаимном отражении и опосредствовании.

Единство противоположностей, как единство существенных различий, является развитой формой рефлексии, выражающей теснейшую связь и нераздельность рефлективных определений. Каждая из противоположностей существует лишь в единстве с другой противоположностью. Они нераздельны (напр., общественные классы: капиталисты и пролетариат). Каждая из них имеет момент самостоятельности и устойчивости, но вместе с тем существует лишь в отношении к своей противоположности, необходимо ее предполагает и полагает. Таким образом каждая из противоположностей и самостоятельна и поставлена, каждая имеет свое определенное содержание, исключает из себя противоположное и вместе с тем имеет это содержание, лишь поскольку она относится к другому и определяется через это отношение. Тем самым само содержание ее не самостоятельно: она содержит в себе отношение к другому и определяется другим, есть лишь момент их единства². Каждая из противоположностей

¹ «Две вещи совершенно равны; они вместе равны и неравны; равны уже потому, что они суть две вещи или вообще две, что каждая из них есть одна вещь, есть одно так же, как и другое, и что поэтому каждая есть то же самое, что и другая; неравные же они по предположению. Тем самым дано определение, что оба момента, равенство и неравенство, различны в одном и том же, или что разделяющее их различие есть вместе с тем одно и то же отношение. Тем самым они перешли в противоположность» (Н. Л., II, с. 28).

² «Даже для внешней рефлексии легко сообразить, что, во-первых, положительное не есть нечто непосредственно тождественное, отчасти противоположное отрицательному, и что оно имеет значение лишь в этом отношении, что, следовательно, отрицательное само дано в понятии положительного; отчасти же, что положительное в нем

получает свою определенность лишь в отношении с другой противоположностью.

Каждое относится к самому себе, лишь относясь к своему другому; каждое существует, лишь поскольку существует его противоположное. Каждая из противоположностей предполагает существование другой противоположности и вместе с тем противопоставляется ей. ведет с ней борьбу, отрицает ее. Таким образом они относятся друг к другу и положительно, и отрицательно. Но отрицание одной из противоположностей означает отрицание другой¹.

«Различия сущности есть, следовательно, противоположность, по которой различающееся определение имеет против себя не другое определение вообще, но свое собственное иное; другими словами, каждая сторона имеет свое собственное определение только в ее соотношении с противоположной стороной; отражается в себя, поскольку отражается в другую. Каждое есть необходимое другое с противоположной стороны» (Логика, сс. 210—211).

«Одно из важнейших познаний,—приводит Ленин,—состоит в усмотрении и удержании того взгляда на эту природу рассмотренных определений рефлексии, что их истина состоит лишь в их взаимоотношении, а потому в том, что каждое из них в самом своем понятии содержит другое; без этого познания нельзя сделать собственно никакого шага в философии» (121).

Единство противоположностей является общей формой всех связей действительности.

Основание и условие, вещь и свойство, всеобщее и единичное, форма и содержание, целое и часть, сила и проявление, внутреннее и внешнее, случайность и необходимость и т. д. являются лишь конкретными формами единства противоположностей.

Всем формам движения необходимо присуща свойственная им форма единства противоположностей. «Тождество противоположностей,—пишет Ленин,—...есть признание (открытие) противоречивых взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)». И Ленин приводит примеры из всех основных научных областей:

«В математике + и —, дифференциал и интеграл.

В механике действие и противодействие.

В физике положительное и отрицательное электричество.

В химии соединение и диссоциация атомов.

В общественной науке классовая борьба».

Только единство противоположностей дает понимание самодвижения и развития. Только диалектическое понимание определений в их противоположности и неразрывной связи «вносит необходимость и внутреннюю связь в содержание науки» (Логика, с. 133).

Единство противоположностей является основным законом диалектики, принципом построения диалектической логики и всякой науки вообще.

самом есть относящееся к себе отрицание простого положения или отрицательного, т.-е. есть абсолютное отрицание внутри себя. Равным образом отрицательное, противопоставляемое положительному, имеет смысл лишь в таком отношении к этому своему другому, следовательно, содержит последнее в своем понятии» (Н. Л., II, с. 3).

¹ Диалектическое понимание тождества, различия, противоположности было хорошо развито А. М. Дебориным в его работе «Маркс и Гегель».

Диалектика,—пишет Ленин,—*есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности*,—при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга,—почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» (69).

И еще «*вкратце диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей*. Этим будет схвачено ядро диалектики, но это требует пояснений и развития» (277).

Корень метафизики заключается, напротив, в том, что он рассматривает противоположные, нераздельно связанные моменты действительности и отражающие их понятия как просто различные, абсолютные, неподвижные определения, существующие одно рядом с другим, одно вне другого. Противоположные определения, противоречие,—пишет Гегель,—удерживается метафизикой «одно вне другого в сосуществовании и последовательности, и таким образом выступает перед сознанием без взаимного соприкосновения». Приведя это положение Гегеля, Ленин замечает: «*выступает перед сознанием без взаимного соприкосновения—вот суть антидиалектики*» (287).

Если метафизическое мышление и замечает противоположности, то оно понимает их чисто-метафизически, как раздельные, существующие «без взаимного соприкосновения». Мышление останавливается на этой точке зрения, когда, видя противоположные определения, оно не видит их единства и деятельной связи и поэтому превращает противоположность во внешнюю противоположность, в простое различие.

Напротив, истинные противоположности существуют в единстве сущности и только в своем единстве и деятельной связи они и являются противоположностями. Противоположные моменты относятся друг к другу положительно и отрицательно. Они положительны и отрицательны в самих себе и поэтому *противоречивы* по самому существу, следовательно противоречива и их связь. Таким образом противоположности выступают по отношению друг к другу энергически и жизненно. Единство противоположностей выступает как *противоречие*. Противоречие является деятельной формой связи противоположностей¹.

Противоречие является всеобщим моментом действительности. В противоположность формально-логическому отрицанию противоречия Гегель выдвигает положение «*все вещи в самих себе противоречивы*». «Что касается утверждения, что противоречия нет, что оно не есть существующее налицо,—приводит Ленин,—то о таком утверждении нам нет надобности заботиться; абсолютное определение сущности должно быть присуще всякому опыту, всему действительному, как и всякому понятию» (125).

¹ «Противоположность между отсутствием собственности и собственностью есть еще не дифференцированная, не рассматриваемая в своем активном отношении к своему внутреннему отношению противоположность, она не есть еще противоречие, пока она не рассматривается, как противоположность между трудом и капиталом. Эта противоположность может выражаться в первой форме и без наличия прогрессивного движения частной собственности (в древнем Риме, Турции и т. д.). В этом виде она еще не кажется вытекающей из самой частной собственности, но труд, субъективная сущность частной собственности, как исключаящий собственность момент,—такова частная собственность, как развитая до степени противоречия форма указанной противоположности, а поэтому как энергичная, побуждающая к разложению форма ее» (К. Маркс, Подготовительные работы для «Святого семейства», Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 3, с. 250).

Поэтому и «представление,—отмечает Ленин положение Гегеля,—конечно, повсюду имеет своим содержанием противоречие, но не приходит к его сознанию» (129). Оно внешне берет противоположные определения, сопоставляет их, внешне связывает или рассматривает как противоречащие и исключают друг друга. Оно доходит даже до признания постоянного сосуществования противоположных определений. Но не берет их в деятельной связи, в рефлексивном отношении и поэтому не доходит до познания противоречия. «Оно противопоставляет внешним образом оба эти определения одно другому и имеет в виду лишь их, а не их переход, который и есть существенное и содержит в себе противоречие» (131). «Обычное представление,—пишет Ленин,—схватывает различие и противоречие, но не переход от одного к другому, а это самое важное» (131). Ленин приводит положение Гегеля о том, что метафизическое мышление прежде всего устраняет противоречие из вещей, особенно из сущности вещей и выставляет положение, что «нет ничего противоречивого». Устраняя противоречие в вещах, оно тем самым перемещает его в мышление. Но далее противоречие устраняется и из мышления, так как с метафизической точки зрения «противоречивое не может быть представляемо и мыслимо». Поэтому противоречие принимается как нечто случайное, ненормальное, а в мышлении—как результат ошибки. «Обычная нежность к вещам, заботящаяся лишь о том, чтобы они не противоречили себе как в этих, так и в других случаях, забывает, что таким путем противоречие не разрешается, а переносится лишь в другое место, в субъективную или внешнюю рефлексию вообще, и что последняя действительно содержит оба момента, которые вследствие такого удаления и перемещения высказываются просто как положенное, как снятые и отнесенные к другому в одном единстве» (117). Приведя это положение Гегеля, Ленин замечает «*хорошо сказано...*» [Эта ирония мила! «Нежнучанье» с природой и историей (у филистеров)—стремление очистить их от противоречий и борьбы] (117).

Величайшей заслугой Канта является доказательство того, что мысль необходимо впадает в противоречие, когда она хочет познать вещи в себе. Но Кант переносил это противоречие в мышление и ограничил его известными антиномиями. Между тем противоречие принадлежит самим вещам и не исчерпывается 4 антиномиями, но необходимо присуще всем предметам и всем понятиям. Скептицизм находил противоречие во всех определениях мысли и высказывал его. Но он имел своим материалом лишь внешние противоречия представления, не углублял их, не доходил до понимания противоречивости самого основания, самой сущности вещей. Он не видел поэтому *положительной* стороны диалектики, положительного результата противоречия и отрицания. «Остроумие,—пишет Ленин,—схватывает противоречие, высказывает его, приводит вещи в отношении друг к другу, заставляет «понятие светиться через противоречие», но не выражает понятия вещей и их отношения» (131).

Диалектическое мышление, рассматривая противоположности в их единстве, как рефлексивные определения, возвышается до познания противоречия.

«Мыслящий разум (ум),—пишет Ленин,—заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до существенного различия, до противоположности. Лишь подняться на вершину—противоречия, разнообразия становятся подвижными и живыми по отношению одного к другому, приобретают ту негативность,

которая является внутренней пульсацией самодвижения и жизненности» (133)¹.

Единство противоположностей, противоречие есть источник самодвижения. Возникновение, разрешение и воспроизводство противоречий и есть движение². Поэтому противоречие «должно считаться не просто ненормальностью, встречающейся там и сям, но отрицательным в его существенном определении принципом всякого самодвижения, состоящего не в чем ином, как в изображении противоречия» (125).

Обычное представление и формальная логика не считает противоречие столь же существенным и внутренне-присущим вещам моментом, как и тождество, напротив, противоречие, как мы отмечали, признается как нечто случайное и несущественное. Диалектическая логика—по мысли Ленина—признает, напротив, что единство противоположностей и противоречие нужно считать за основное и существенное. «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение». Поэтому Ленин подчеркивает мысль Гегеля, что противоречие следует считать «за нечто более глубокое и существенное. Ибо в противоположность ему тождество есть определение лишь простого непосредственного, мертвого бытия; противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, обладает побуждением и деятельностью» (125).

Всякое движение противоречиво. Даже простое механическое движение есть существующее противоречие. Древние диалектики (Зенон) раскрыли противоречивость движения, но сделали неверный вывод, что движения быть не может, ибо оно противоречиво. Истина же заключается не в том, что нет движения, а, напротив, в том, что «движение есть само существующее противоречие» (127).

Поскольку противоречие составляет сущность вещей, то и наши понятия не являются абстрактными всеобщностями, но противоречивы, содержат в себе единство противоположных определений. «Понятия,— пишет Ленин,—обычно кажущиеся мертвыми, Гегель анализирует и показывает, что в них есть движение. Конечный?—значит, двигающийся к концу! Нечто?—значит, не то, что другое. Бытие вообще?—значит, такая неопределенность, что бытие=небытию. Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей,—

¹ «Мыслящий же разум,—пишет Гегель,—обостряет, так сказать, притупленное различие различного, простое многообразие представления в существенное различие, в противоположность. Лишь таким путем многообразные, обостренные в противоречие, противопологаются энергически и жизненно и приобретают в нем ту отрицательность, которая, есть присущее самодвижению и жизненности бытие пульса» (131).

² «Процесс обмена товаров,—пишет Маркс,—заключает в себе противоречие и исключают друг друга отношения. Развитие этого процесса, который обнаруживает двойственный характер товара, являющегося потребительной стоимостью и меновой стоимостью, и приводит к разделению товарного мира на простые товары и денежный товар,—не устраняет этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, например, в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть форма движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается» (К. Маркс, «Капитал», т. I, с. 71). «Постоянное возникновение и вместе с тем разрешение противоречия именно и есть движение» (Энгельс, «Анти-Дюринг», с. 108).

вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная объективно, т.е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» (71).

Поскольку мы имеем противоположности, связанные в единстве сущности, «энергически и жизненно» противостоящие друг другу, мы имеем противоречие в той или иной степени его развития. С развитием противоположных моментов противоречие развивается и доходит до резких конфликтов, взрывающих наконец данное единство противоположностей. Поэтому Ленин требовал познания единства противоположностей, противоречия в их развитии.

Он отмечал следующие моменты этого развития противоположностей и их противоречия «борьба respective развертывание этих противоположностей, противоречивость стремлений etc.», «не только единство противоположностей, но переходы каждого определения, качества, черты, стороны, свойства в каждое другое (в свою противоположность?)», «бесконечный процесс раскрытия новых сторон, отношений etc.» (275—277).

Процесс развития противоположностей и противоречия заключается во все более резко «раздвоении единого» на противоположные моменты, в росте обособления, отчуждения противоположностей и вместе с тем в усилении их противоречия и борьбы, являющихся формой их связи и единства. Чем сильнее происходит процесс раздвоения противоречивого единства на противоположные моменты, чем более новых сторон возникает в развитии, тем более обостряется их противоречие, тем детальнее обнаруживается их связь и единство. На основе данного единства противоположностей возникают новые формы единства противоположностей. Вместе с тем, раздвоенные моменты, поскольку они противоречивы в самих себе, снова могут дать «раздвоение единого» и рост противоположностей и противоречия и т. д. Так происходит развитие противоречивого единства. «Развитие,—пишет Ленин,—есть «борьба» противоположностей... раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними».

Единство существует лишь в постоянном раздвоении на противоположные моменты. Предмет деятелен, самодвижется, он отрицательно относится к себе самому, «внутреннее, собственное самодвижение... состоит не в чем ином, как в том, что нечто в себе самом и недостаточность, отрицательное себя самого, суть одно и то же. Отвлеченное тождество с собою еще не есть жизненность, но так как положительное в себе самом есть отрицательность, то тем самым оно выходит из себя и приводит себя в движение» (127).

Но нечто не только имеет противоположные определения, но и удерживает их в своем единстве. Односторонность скептицизма состоит в том, что, разлагая единство на противоположные определения, он останавливается на этом распадении единого, на отрицательном результате. Тогда как истинная диалектика имеет положительный результат. Противоположные определения неразрывно связаны, их постоянное противоположение есть вместе с тем и постоянное сохранение их единства, постоянный возврат от различия в единство предмета. Поэтому предмет не только раздваивается на противоположные определения, но удерживает их в своем единстве. Все существующее противоречиво. Это не означает, что оно разлагается на противоположности или превращается в нуль.

Формой постоянного возникновения, удержания и разрешения противоречий в единстве предмета является его *самодвижение*. «*Нечто жизненно, лишь поскольку оно содержит в себе противоречие и есть именно та сила, которая схватывает в себя и сохраняет противоречие*. Если же нечто существующее не в состоянии в своем положительном определении вместе с тем перейти в свое отрицательное и удержать каждое из них в другом, обладать в нем самом противоречием, то это нечто не есть живое единство, не есть основание, но уничтожается через противоречие. Умозрительное мышление состоит именно в том, что оно удерживает противоречие и в нем себя само, а не в том, что, как это свойственно представлению, находится во власти противоречия и дает ему разложить лишь в другое или в ничто свои определения» (127—129).

Ленин подчеркивает оба момента: раздвоение единого и объединение раздвоенного, как неразрывные моменты диалектического движения, как единство объективно происходящих анализа и синтеза в самодвижении. Поэтому и в научном познании необходимо «раздвоение единого и познание противоречивых частей его» и синтез раздвоенного, единство противоположностей. «По отношению к простым и первоначальным, «первым» положительным утверждениям, положениям etc.,—пишет Ленин,—«диалектический момент», т. е. научное рассмотрение, требует указания различия, связи, перехода. Без этого простое положительное утверждение неполно, безжизненно, мертво. По отношению ко «2-му» отрицательному положению «диалектический момент» требует указания «единства», т. е. связи отрицательного с положительным, нахождения этого положительного в отрицательном. От утверждению к отрицанию—от отрицания к «единству» с утверждаемым—без этого диалектика станет голым отрицанием, игрой или скепсисом» (287). «Соединение анализа и синтеза, разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе» (175).

* * *

Понимание противоречия и самодвижения есть понимание саморазвития и вместе с тем *самоотрицания* предмета, перехода его в *противоположность*. Развитие предмета есть развитие противоречий, и следовательно развитие момента отрицания, ведущее к взрыву единства. Противоречие есть основание самодвижения предмета, но вместе с тем и основание самоотрицания предмета. Все конечное, все предметы ограничиваются не только извне, но в силу собственного внутреннего противоречия приходят к своему отрицанию. Так, капитализм отрицается не от столкновения с внешним препятствием для его развития, а в силу роста внутренних противоречий, являющихся необходимой основой самого развития капитализма. Отрицательное есть определение самого предмета. Отрицание предмета лежит в нем самом¹. Ленин считает, что Гегель выразил «*соль диалектики*», когда он следующим образом определил роль *отрицательности* в развитии: «Отрицательность образует *поворотный пункт*

¹ «*Жизнь и смерть*. Уже и теперь не считают научной ту физиологию, которая не рассматривает смерти, как существенного момента жизни, которая не понимает, что отрицание жизни по существу заложено в самой жизни так, что жизнь всегда мыслится в отношении к своему неизбежному результату, заключающемуся в ней постоянно в зародыше,—к смерти. Диалектическое понимание жизни именно к этому и сводится... Жить значит умирать» (Энгельс, «Диалектика природы», сс. 15—17).

в движении понятия. Она есть простая точка отрицательного отношения к себе, внутренний источник всякой деятельности, живого и духовного самодвижения, диалектическая душа, которая есть истинное внутри его самого, через которую оно есть единственная истина» (289).

Диалектика,—писал Маркс,—«*объемлет не только положительно? понимание существующего, но также и понимание его отрицания, его необходимой гибели, потому что она всякую осуществленную форму созерцает и в ее движении, а стало быть, как нечто переходящее*»¹.

Таким образом *противоречие разрешается*. Одна из противоположностей отрицается другою. Но, отрицая другою, отрицает самое себя. Старая форма отрицается. Но результат двойного отрицания, результат разрешения противоречий есть вместе с тем *положительный* результат, возникновение новой формы единства противоположностей. Разрешение противоречия и возникновение новой формы есть результат имманентного развития и отрицания предшествующей формы. «Второе отрицательное, отрицательное отрицательного... есть снятие противоречия, но это снятие так же мало, как и противоречие, есть действие некоторой внешней рефлексии; оно есть *внутренний, наиболее объективный момент жизни и духа*» (291). Нарастание противоречий в недрах старой формы есть нарастание противоречивого содержания, которое на определенном уровне своего развития вступает в противоречие с своей формой. Это содержание внутренне противоречиво: являясь необходимым содержанием данной формы, оно является в то же время основанием для перехода к новой форме и чем больше развивается содержание, существующее в данной форме, тем более оно подготавливает возникновение новой формы и нуждается в этой новой форме для своего дальнейшего развития.

Содержание может развиваться только в ряде определенных форм и посредством их. При этом, на каждом этапе развития, т. е. в каждой данной форме, содержание развивается на основе определенных закономерностей данной формы. Так, процесс производства развивается в ряде социально-экономических форм. Общие закономерности развития модифицируются в различных общественно-экономических формациях. Различные социально-экономические формации дают различные закономерности развития производства. Переход от одной формы к другой, имеющий своей основой противоречивое развитие содержания, противоречие между содержанием и данной его формой,—совершается на основе конкретных закономерностей данной формы и через развитие ее противоречий. Противоречие между содержанием и формой выступает, как внутреннее противоречие формы. Поэтому смена форм, вследствие развития содержания, есть *необходимый* переход этих форм друг в друга, на основе собственных им закономерностей.

Процесс, ведущий к отрицанию данной формы, есть процесс, подготавливающий все элементы для нового формирования. Поэтому ни одна форма не исчезает, пока в ней не разовьется все содержание, все противоречия, которые она может удержать в себе, и ни одна новая форма не появляется раньше, чем созреют все ее материальные предпосылки в недрах старой формы—как это прекрасно выразил Маркс в отношении смены общественных формаций. Новая форма есть необходимый результат развития старой формы. Она не есть простое отрицание старой формы, но отрицание отрицания, снятие.

¹ Маркс, Послесловие ко II изд. I тома «Капитала».

Она сохраняет в себе все положительное содержание предшествующей формы и возводит его на новую высшую степень. Она является продолжением предшествующей формы, связана с ней необходимой связью, необходимо из нее возникает. Новая форма есть отрицание предшествующей формы и другое по отношению к ней, но такое «другое», которое есть результат ее собственного развития, т. е. необходимо связанное с нею ее собственное другое, другое ее самой. Связь между ними не есть внешняя и случайная связь просто различных вещей, находящихся друг подле друга, а необходимая связь звеньев в цепи развития. Связь есть переход в развитии. «Связь и есть переход»,—пишет Ленин (199). Поэтому вещи выступают не как внешние и просто различные и равнодушные друг к другу, а как необходимые и существенно связанные и исключющие друг друга, как *противоположности*. Таково вообще отношение вещей, когда мы рассматриваем их в их истине, в их необходимых связях, т. е. в развитии. Ступени развития одного и того же предмета, как и сменяющие друг друга предметы, не являются результатом внешних случайных изменений, но результатом имманентного развития. Каждая форма необходимо подготовлена противоречивым движением предшествующей формы, ее содержание является продуктом всего предшествующего движения и в свою очередь лишь материалом для высших форм, которые она необходимо подготавливает своим развитием. Каждая из форм есть лишь звено, ступень, круг в спирали развития, она является лишь сгустком, итогом всего содержания, приобретенного на прежних ступенях развития, и в свою очередь—исходным пунктом, материалом для дальнейшего развития. Каждая форма необходимо, имманентно связана жизненной, «кровной» связью со всем предшествующим и последующим. Все звенья отрицают друг друга, противоположны друг другу, и вместе с тем являются лишь моментами единого развития, формирующими через это имманентное отрицание и переход в противоположность жизнь и движение целого. «Почка пропадает при распускании цветка, и можно сказать, что она вытесняется этим последним; точно так же через появление плода цветок оказывается ложным бытием растения, и вместо него плод выступает как истина растения. Эти формы не только различаются, но вытесняются как непримиримые друг с другом. Но их преходящая природа делает их, вместе с тем, моментами органического единства, в котором они не противостоят друг другу, но один столь же необходим, как и другой; и эта равная для всех необходимость образует жизнь целого». Отрицательное поэтому «есть по существу не пустое отрицательное, не ничто, признаваемое об'ективным результатом диалектики, а другое первого, отрицательное непосредственного; следовательно, оно определено, как опосредованное, вообще содержится внутри себя определение первого. Тем самым первое *сберегается и сохраняется* и в другом. Удержать в результате положительное в его отрицательном в содержании предположении,—вот что есть главнейшее в разумном познании; вместе с тем достаточно лишь простейшей рефлексии для того, чтобы убедиться в абсолютной истине и необходимости этого требования, и если нужно привести примеры для доказательства этого, то не в чем ином состоит вся логика» (283).

Приведя это положение Гегеля, Ленин замечает, что оно «очень важно к пониманию диалектики» (283). Вслед за этим Ленин дает следующее замечательное определение диалектического отрицания: «не голое отрицание, не зрящее отрицание, не скептическое отрицание, колебание, сомнение

характерно и существенно в диалектике,—которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент,—нет, а отрицание, как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики» (283).

Таким образом пониманием сущности как единства противоположностей, противоречия,—пишет Ленин,—об'ясняется самодвижение, имманентное происхождение различий, внутренне об'ективная логика эволюции и борьбы различий полярности» (49). Тем самым устанавливается закономерность развития, «необходимая связь, об'ективная связь всех сторон, сил, тенденций etc. данной области явлений» (49), необходимая связь в развитии. Переход в противоположность есть форма необходимых связей в развитии.

Механическая точка зрения об'ясняет все изменения из односторонне понимаемого и возводимого в абсолют внешнего воздействия. Поэтому внутреннее единство противоположностей и противоречие заменяется действием противоположно направленных сил и т. п. Энгельс правильно указывал в свое время, что такое понимание устраняет противоречие. Ибо при рассмотрении внешнего отношения вещей, столкновения сил «мы находим известные свойства, отчасти общие, отчасти различные, даже противоположные, но в последнем случае они распределены между различными вещами и, следовательно, не содержат в себе никакого противоречия»¹. Противоречие есть деятельная связь противоположностей, неразрывно связанных в единстве. Только противоречие является источником самодвижения. Поэтому Энгельс резко выступал против замены Дюрингом противоречия внешним столкновением и противодействием противоположно направленных сил. Энгельс писал тогда, что это устраняет гегелевское учение о сущности, ибо суть учения о сущности заключается в раскрытии внутренних противоречивых связей, закономерностей вещей, обуславливающих ее самодвижение, развитие. Заменить противоречие противоположно-направленными силами значит: 1) свести дело к внешним связям, внешнему воздействию, перенести источник движения и изменения во вне и, тем самым, 2) устранить внутренние связи, необходимость, имманентную закономерность движения, заменить самодвижение и развитие внешне обусловленными случайными изменениями².

Сводя единство противоположностей и противоречие к внешней реальности и превращая единство в абстрактное тождество, формальное мышление тем самым устраняет источник самодвижения, развития предметов, переносит движущую силу во вне, превращает развитие в хаос случайных изменений, возникающих под действием внешних сил.

Обычное метафизическое представление, заменяющее противоречие внешними различиями, устраняет точку зрения самодвижения и развития и, тем самым, лишает себя возможности рассматривать вещи как моменты развития в их необходимой генетической связи, в их противоположности. Вещи рассматриваются поэтому одна рядом с другой, одна после другой, как равнодушные, просто различные, лишь внешне связанные друг с другом. Они существуют рядом в пространстве, но не связаны генетической связью во времени. Предметы внешне сравниваются, приводятся

¹ «Анти-Дюринг», с. 107.

² В наше время повторение дюринговской точки зрения на противоречие мы находим у механистов.

в связь внешней рефлексией. «Обычное сознание полагает, что различающиеся определения равнодушны одно к другому; говорят: я человек, а вокруг меня есть воздух, вода, животные и многое другое. Все эти вещи не имеют между собою никакой связи» (Гегель). Диалектика, по мысли Гегеля, должна изгнать это обычное представление о равнодушии, бес-связности и случайности вещей. Она должна показать, что предметы не только находятся бок-о-бок в пространстве, но что они генетически связаны во времени, что они—ступени лестницы развития. *Диалектика должна показать внутренний генезис, необходимую связь предметов*¹.

Метафизическое мышление рассматривало все формы материи, все предметы природы как чуждые, находящиеся лишь друг подле друга в пространстве, но не связанные генетически во времени. Для метафизического мышления XVII и XVIII вв.,—пишет Энгельс,—*природа вообще не представлялась тогда чем-то исторически развивающимся, имеющим свою историю во времени. Интересовались только пространственной протяженностью; различные формы группировались не одна за другой, а одна подле другой, естественная история считалась чем-то неизменным, вековечным, подобно эллиптическим орбитам планет* («Диалектика природы», с. 39)².

Так, виды животных рассматривались метафизически только в их сосуществовании, в их равнодушном различии друг от друга и во внешней связи. Дарвин показал их генетическую, «кровную» связь в развитии, показал, что внешнее, разбросанное в пространстве многообразие видов есть лишь результат развития их во времени.

Равным образом, метафизическое мышление рассматривает различные моменты общественных отношений лишь в их одновременности и равнодушном сосуществовании. Напротив, Маркс показал, что эти моменты

¹ «Вульгарная критика впадает в догматическую ошибку. Так, например, она критикует конституцию. Она обращает внимание на противоречивость властей и т. д., она везде находит противоречия, это все еще догматическая критика, борющаяся со своим предметом, подобно тому, как в прежнее время спорили против догмы святого триединства указанием противоречивости между одним и тремя. *Истинная критика, напротив, показывает внутренний генезис святого триединства в человеческом мозгу, она описывает акт рождения этой догмы. Точно так же и философская критика современного государственного строя не только вскрывает существующие противоречия, но и объясняет их; она понимает их генезис, их необходимость.* Она берет современный государственный строй в его специфическом значении. Это понимание, однако, не сводится к тому, чтобы, как это представляет себе Гегель, везде находить определения логического понятия, а в том, чтобы *постигнуть своеобразную логику своеобразного предмета*» (К. Маркс, «Критика философии права Гегеля», Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 3, с. 216).

² Кант,—пишет Энгельс,—пробил первую брешь в метафизическом мировоззрении: по его гипотезе «земля и вся солнечная система предстали как нечто ставшее в ходе времени». В открытии Канта,—пишет Энгельс,—лежал зародыш всего дальнейшего развития. «Если земля была чем-то ставшим, то чем-то ставшим должны были быть также ее теперешнее геологическое, климатическое, географическое состояние, ее растения и животные, они должны были иметь историю не только в пространстве один рядом с другим, но также и во времени один за другим». Великие открытия в физике, учение о превращении энергии внесли идею становления в понимание различных форм движения. «Различные физические силы—эти, так сказать, неизменные «виды» физики—превратились в различно дифференцированные и переходящие по определенным законам друг в друга формы движения материи. В науке удалось избавиться от случайности наличия такового-то и такового-то количества физических сил, ибо была доказана их взаимная связь и переходы друг в друга. Подобно астрономии, и физика пришла к тому неизбежному результату, что последним выводом является вечный круговорот движущейся материи» («Диалектика природы», сс. 163—165).

общественных отношений суть *моменты развития*, показал, что одновременность их существования обусловлена их последовательностью. «Капитал как целое,—пишет Маркс,—одновременно находится в своих различных фазах, расположенных последовательно в пространстве. Но каждая часть постоянно переходит из одной фазы, из одной функциональной формы в другую и, следовательно, поочередно функционирует во всех формах. Таким образом *формы суть текущие формы, одновременность которых достигается их последовательностью*» («Капитал», II, с. 60).

Рассматривая все с точки зрения самодвижения, диалектика обосновывает *необходимость развития* и перехода форм, противопоставляет точку зрения развития точке зрения внешне-обусловленных, случайных изменений. Поэтому диалектика на все смотрит исторически. Вещи суть ступени развития, связанные необходимой связью в процессе развития. Если задача науки заключается в познании необходимой связи вещей, то только с точки зрения развития можно правильно понять *связь вещей*, как внутреннюю, необходимую, генетическую связь. Рассматриваемые в развитии, с точки зрения их необходимой связи, вещи перестают казаться равнодушными и просто различными одна к другой,—но выступают как необходимо связанные противоположности. «Философия имеет своей целью изгнать равнодушные и узнать необходимость вещей, так что каждая вещь является в противоположности со *своею* другою вещью» (Гегель).

Таким образом диалектика изгоняет равнодушие не только по отношению к различным моментам одного предмета, но и равнодушие между предметами. Она познает их необходимую генетическую связь, показывает, что каждый предмет в своем развитии необходимо переходит в противоположность. Тем самым она обостряет различие представления в противоположность. Диалектика,—пишет Ленин,—«заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до *существенного различия, до противоположности*» (133).

Самодвижение вещи предполагает бесконечно-многообразную внешнюю связь со всеми вещами (каждая вещь в себе есть вещь для другого), получение материального движения извне, переделку его во внутреннее движение самого предмета. Без такой связи не может быть развертывания развития предмета, ибо движение не может быть создано, оно может быть только *передано* и следовательно получено извне. Но если самодвижение невозможно без внешней связи вещей, то, с другой стороны, 1) сама внешняя связь вещей есть результат внутренней их активности, 2) основа, необходимость, закономерность развития определяется внутренними законами его движения, внутренними противоречиями. Самодвижение является основой движения и развития вещи, основой ее взаимодействия со всеми другими вещами. Поэтому в диалектике,—пишет Ленин,—«главное внимание устремляется именно на познание *источника «само»-движения*», тогда как в метафизике, которая устраняет принцип внутреннего противоречия вещей, «остаётся в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во-вне*, бог, суб'ект etc.)».

Исследование предмета в его *самодвижении* является основным принципом диалектики. Объяснение, раскрытие самодвижения предмета дается пониманием единства противоположностей, противоречия. «Условия познания всех процессов мира в их *самодвижении*» в их спонтанном развитии, в их живой жизни есть познание их как единства противополо-

ложностей. Развитие есть «борьба» противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение. И развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая—жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего». В этом суть гегелевского положения о единстве противоположностей. «Движение и «самодвижение»,— пишет Ленин [это NB! самопроизвольное (самостоятельное),— спонтанное, *внутренне-необходимое* движение], «изменение», «движение и жизненность», «принцип всякого самодвижения», «импульс» к «движению» и к «деятельности»—противоположность «мертвому бытию»— кто поверит, что это суть «гегельянщины», абстрактной и abstrusen (тяжелой, нелепой?) гегельянщины?? Эту суть надо было открыть, понять, спасти, вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс.

Идея универсального движения и изменения (Логика, 813) угадана до ее применения к жизни и обществу. К обществу провозглашена раньше (1847), чем доказана в применении к человеку» (127—129).

Каждый предмет в своем развитии необходимо переходит в свою противоположность. Борьба противоположностей, все обостряющееся противоречие ведет к взрыву данной формы единства противоположностей и *переходу* предмета в его противоположность. Этот переход в противоположность и есть скачок, отрицание старого и возникновение нового. Таким образом, единство противоположностей обуславливает самодвижение, активность качества, переход качества в количество и обратно, скачок, образование нового. Только единство противоположностей,— пишет Ленин,— «дает ключ к «скачкам» к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового». Качественное многообразие форм материи можно понять лишь в развитии, ибо развитие означает переход в *противоположность*, возникновение качественно новых форм. И в то же время саморазвитие возможно лишь при существовании качественно разнообразных *форм* материи и может совершаться на основе конкретной закономерности этих форм. Развитие есть *развитие конкретного*, развитие качественно определенной материи.

Глубочайшее понимание диалектики Лениным заключается в том, что он сильнее других подчеркнул соподчинение диалектических законов и основную роль единства противоположностей. Ленин не просто перечислил и сопоставил три основных диалектических закона, но соподчинил их закону единства противоположностей. Единство противоположностей является общей формой всех связей действительности. Излагая элементы диалектики, Ленин поставил единство противоположностей в центре, более того, он пишет, что «переход количества в качество и *vice versa*», а также «борьба содержания с формой и обратно» и «сбрасывание формы и перделка содержания»—«суть примеры» единства противоположностей. (277).

Равным образом все последующие категории сущности суть конкретные формы единства противоположностей.

В единстве противоположностей Гегель рассмотрел существенные связи в их самой общей форме, исследовал их *суть*. Дальнейшие категории должны конкретизировать это общее определение сущности, должны показать конкретные ее формы.

(Окончание следует).

НОВЫЙ ВИД ЭКЛЕКТИЗМА ПОД ФЛАГОМ НОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЫ

Шария, П.

В 1925 году в Грузии и в Германии вышла книга прсф. Нуцубидзе, трактующая проблему истины. Эта работа, давно обещанная автором¹, является, по его предположению, первой частью «целого ряда исследований», которые должны «всесторонне изучить мышление». Одним словом, автор предполагает дать новую философскую систему под названием «Алетс-логики»².

Поскольку в вышедшей первой части этой работы освещены принципиальные основы «нового», предлагаемого автором мировоззрения, нам представляется возможным дать общую оценку и предполагаемых частей.

Ввиду отсутствия книги на русском языке, следовало бы, по общепринятым правилам, критическому разбору предпослать сжатое изложение основных мыслей автора, но вследствие невозможности свести взгляды автора к определенным общим положениям (настолько они противоречивы), мы сочли более целесообразным излагать попутно с критическим разбором. Вместе с тем считаем необходимым оговориться, что целью данной работы является, главным образом, *разоблачение* идеалистической сущности концепции Нуцубидзе, поскольку последняя выступает в *замаскированном* виде. Поэтому здесь нам не придется останавливаться на *общих принципах* критики идеализма, это—более специальная задача.

Начнем с проблемы реальности внешнего мира, так как в этом вопросе расходятся основные философские направления.

Вначале читателю может показаться, что автор признает объективное существование мира. Он заявляет, напр., что «истину нельзя вывести из мышления, поскольку она связана с действительностью. Тогда пришлось бы и самую действительность выводить из мышления. Такая

¹ См. В. Нуцубидзе, Болцано и теория науки, «Вопросы философии и психологии», 1913, кн. 117, с. 173.

² Это название, по всей вероятности, происходит от греческого слова *αληθη*—что означает истину. С этим согласуется и смысл, вкладываемый самим автором, называющим свою теорию «теорией истины». См. «Вопросы философии и психологии», кн. 117, 147.

попытка... должна кончиться неудачей»¹. Этим как будто высказана независимость действительности от мышления. Сам автор называет свою точку зрения реализмом, но, как сейчас увидим, этот реализм совершенно иного рода... «Наше воззрение реалистическое, поскольку существующее истинно и истина существует, но оно существенно отличается от обычного или догматического реализма, поскольку мы утверждаем не существование вообще в его противоположности сознанию, а существование истины, т. е. мы утверждаем не истинное существование сущего, а его существование в форме истины. Поэтому наш реализм—*алетологический* реализм»². Отсюда следует, что, кто утверждает «существование вообще в его противоположности сознанию», т. е. более, определенно, независимое от сознания существование, по определению автора является догматическим реализмом. Этот эпитет должен быть синонимом материализма, поскольку именно материализм утверждает такое независимое от всякого сознания существование об'ективного мира.

Посмотрим поближе, что же собой представляет недогматический «алетологический» реализм. Последний признает не «истинное» существование действительности, а ее существование «в форме истины», т. е. не реальное, а идеальное существование. Это является выражением старого, обыкновенного (и догматического) идеализма в терминах Болцано и Гуссерля. Идеализм, начиная с Платона, утверждает, что за иллюзорной действительностью или *над* нею находится истинное, идеальное бытие.

Истина предполагает моменты отношения и устанавливается в противопоставлении познания и действительности как об'екта познания³. Выражение действительности, взятой независимо от познания в терминах «истины» или «неистины», имеет определенный идеалистический характер. Еще более ясно увидим это при разборе «истины самой по себе» проф. Нуцубидзе.

Насколько неправомерным признано противопоставление бытия сознанию, настолько неправомерным считает проф. Нуцубидзе постановку проблемы познания в отношениях суб'екта-об'екта. Эта мысль автора тоже не является оригинальной после Болцано и Гуссерля.

Рассмотрим пока, как разрешает автор вопрос об отношении суб'екта-об'екта. «Я» и «не-Я» коррелятивные категории... Их противопоставление, как частей действительности—онтологическое»⁴. Эту онтологизацию отношения суб'екта-об'екта мы считаем совершенно ошибочной. При такой постановке вопроса, если будет соблюдена логическая последовательность, неизбежен онтологический дуализм. Если суб'ект-об'ект суть части дей-

¹ Нуцубидзе, Основы алетологии, ч. I «Проблема истины», Тифлис, 1922, стр. 6. В дальнейшем мы будем ссылаться на грузинское издание. См. то же произведение в немецком издании *Nuzubidse Schatwa, Prof., Wahrheit und Erkenntnisstruktur. Erste Einl. in den Aletheologischen Realismus*, Berlin, 1926.

² Цит. раб., с. 14. Курсив мой П. Ш.

³ Для иллюстрации приведем трактовку этого вопроса у Болцано, у которого Нуцубидзе заимствовал свое учение. Для Болцано истина предполагает момент отношения и, поскольку «истина сама по себе» признана независимой от нашего сознания, она должна находиться в божественном сознании (см. В. Нуцубидзе, Болцано и теория науки, «Вопросы философии и психологии», 1913, кн. 117, с. 75). Интересно отметить, что в этой своей работе о Болцано Нуцубидзе усердно борется против тех мест его «Наукоучения», где «его (Болцано, П. Ш.) мышление испытывает неуклонное стремление к реализму». См. «Вопросы философии», с. 93 и сл.

⁴ Цит. раб., сс. 59, 60.

ствительности, тогда и об'ективно должен существовать суб'ект. Будет ли это «идея» Платона, «духовная субстанция» Декарта или же «субстанция-суб'ект» Гегеля—существо дела от этого не меняется. В пределах коррелятивности суб'екта и об'екта (что утверждает автор), такая постановка вопроса означает элиминацию об'екта, как это было выражено в «принципиальной координации» Авенариуса, с которой Нуцубидзе явно соглашается¹.

С этой точки зрения об'ект лишается главного своего признака—*независимости от всякого сознания*. Потому Ленин характеризовал «принципиальную координацию» Авенариуса, как один из видов суб'ективного идеализма².

В действительности (мы должны здесь повторить азбучные истины материализма) противопоставление суб'екта-об'екта только *гносеологическое*, но не *онтологическое*. Суб'ект-об'ект снимаются в абсолютном об'екте. Суб'ект есть не часть действительности в смысле независимого существования—он есть самосознание (и вместе с тем сознание своего отношения) высоко организованной формы движущейся материи, какой является человек с его нервно-мозговой системой. *Об'ективизация* суб'ективного как *суб'ективного* есть начало всякого идеализма. В этом смысле совершенно правильна мысль Тейлора, поясненная Плехановым относительно связи идеализма с первобытным анимизмом (а вместе с тем и с религией)³. В действительности суб'ективное с об'ективной стороны есть то же об'ективное. Прсф. Нуцубидзе не понимает или не хочет понять, что вопрос об отношении суб'екта-об'екта есть иное выражение «великого вопроса всякой философии», как говорит Энгельс, вопроса об отношении мышления и бытия⁴.

Дуализм проявляет себя прежде всего в противопоставлении специальных наук и философии. «Специальная наука всегда стремится к рассмотрению существующего. Действительность—ее задача и ее цель в исследовании того, что есть». Она видит свою задачу «в установлении неизблемых положений между частями действительности, но этим отнюдь не кончается все дело науки. С высказанной действительностью наличествует и высказывание действительности. В первом случае познаны... отношения действительности, во втором случае истина»⁵. Таким образом, как видно из этой цитаты, по мнению автора, специальная наука не достигает истины, но, поскольку целью науки является именно познание истины, должно по мнению автора существовать другое познание, поднимающееся до истины. «Дело науки—познание действительности... Наряду с ней и *над* ней должна существовать более высокая наука, которая познание наук превратит в специальный предмет исследования. Это будет наука науки или теория науки»⁶. Как видим, автор чисто-идеалистически определяет философию,

¹ Там же, с. 59.

² См. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Собр. соч., т. X, 1923 г., сс. 49, 50 и сл.

³ См. предисловие Плеханова к «Введению в философию диалектического материализма» Деборина.

⁴ Нужно отметить, что материализм вообще и марксизм в частности совершенно не упоминаются автором. Мы не будем утверждать, что автор незнаком с марксистской философией, но нельзя не признать странным тот факт, что мысль Энгельса по затронутому вопросу, высказанная им в 1888 году, приписывается автором без всякой оговорки Риккертю.

⁵ Цит. соч., с. 1.

⁶ Там же, с. 5. Курсив мой. П. Ш.

как «науку наук», которая находится *над* науками, и противопоставляет ее наукам, изучающим действительность.

Если специальные науки изучают действительность, то что же остается для науки наук? Быть может, автор диалектико-материалистически понимает задачу философии, как всеобщей методологии наук? Ничуть не бывало. «Познание не должно заключать в себе ничего кроме того, что *есть*—таков императив науки; познание... больше того, *что есть*—таков императив познания познания»¹. Как все это согласуется с положением автора, что «предмет философии—тот же предмет науки? Дело в том, что «наука его (предмет. П. Ш.) рассматривает, как эмпирическую данность, философия—как определенность этой данности. Науку интересуют реальные отношения существующих реальных явлений, философию—выраженная в существующем истина или выражение сущего в форме истины»². Что же из всего этого следует? Философия относится к тому, что «больше» действительности. Оказывается, что это «больше» есть сама истина в виде *определенности*. Этим сама действительность раздваивается: одно—эмпирическая действительность, другое—действительность-истина (определенность действительности). Наука, изучающая эмпирическую действительность, достигает истин только фактических, принципиально отличающихся от истин философских. Это различие Нуцубидзе выражает в форме различия «истинного предмета» и «истины-предмета»³.

Таким образом, как выяснилось, наука изучает эмпирическую действительность, а философия—идеальную. К этому вопросу мы еще много раз вернемся, а пока разберем еще один вопрос. «...Наука берет существование своих предметов и само существование не превращает в предмет специального исследования. В термине «существует» науку интересует существующее, но не само существование... Этот недостаток должна восполнить философия или, как бы мы сказали, наука наук»⁴. Из этого следует, что *существование* действительности превращается в *логическую* проблему. С этой точки зрения действительность сама не предполагает существования, последнее должно быть *обосновано* логически. *Фактическое* существование должно быть выведено из *истинного* существования. О природе последнего мы узнаем впоследствии; здесь же ясно, что мы имеем дело с метафизической попыткой логического обоснования бытия. Такая попытка настолько стара, насколько стара сама идеалистическая метафизика.

Объективное существование отнюдь не является проблематическим, наоборот, оно—исходная точка всякой науки и философии, если последняя претендует на научность. Только при этом условии можно ставить проблему познания вообще, поскольку целью познания является познание *объекта*. Поэтому всякая наука, если она действительно наука, а не фантазия, должна опираться на материалистическое мировоззрение. На основе всякого идеализма объективный принцип является логической контрабандой, поскольку в исходной точке отождествлено бытие с мышлением на основе мышления, но эта логическая контрабанда есть необходимое условие для избежания тупика солипсизма. Достаточно привести в пример Беркли с его *esse—percipi*, который в конце концов все же вынужден был допустить

¹ Там же, с. 3.

² Там же, с. 29.

³ Цит. раб., с. 1. Ср. Э. Гуссерль, Логические исследования, пер. Бернштейна, СПб., 1909, сс. 201—206.

⁴ Цит. раб., сс. 53, 22.

объективный принцип хотя бы с помощью бога, «преткновенние» Фихте или же «инобытие духа» Гегеля. Бытие есть абсолютно необходимая *предпосылка* для философии и науки. Беспредпосылочное мировоззрение заключает внутреннее противоречие, поскольку получается воззрение *вне* мира.

Если бы Нуцубидзе был последовательным, он должен был бы притти именно к беспредпосылочному познанию. Существующий у него разрыв между эмпирической и идеальной действительностью вызывает такой же разрыв между специальной наукой и философией. Таков путь всякого идеализма и дуализма.

На самом деле существует одна «эмпирическая» действительность, составляющая *принципиальное единство и качественное многообразие*. Она не есть отвлеченное тождество, а целостность этого качественного многообразия. Отдельные специальные науки изучают разные стороны этой единой и целостной действительности. Философия, являясь, с одной стороны, мировоззрением и исходной точкой научного исследования, обобщает, синтезирует достижения отдельных наук. С другой стороны она изучает процессы самого научного мышления и тем самым является теорией научного мышления. Она выступает, таким образом, как всеобщая методология. В этом и заключается единство (не исключающее, конечно, различия) философии и науки¹.

Проф. Нуцубидзе исходит из того весьма ошибочного положения, что специальная наука интуитивна, стоит вне всякой рефлексии. «Наука не нуждается в выходе за пределы реальной данности и дополнительной рефлексии по поводу нее. Она всегда непосредственна, интуитивна»².

В этом вопросе Нуцубидзе расходится со своим учителем Болцано и в известном смысле и с Гуссерлем, которые допускают научную рефлексию, конечно, принципиально отличную от философской рефлексии³.

С нашей точки зрения непосредственна не наука, а ошибка проф. Нуцубидзе в этом вопросе. Достаточно разобрать любое положение специальных наук, чтобы в этом убедиться. Возьмем хотя бы излюбленный пример самого автора: «Металл—хороший проводник электричества». Восприятие металла и электричества в отдельности мне не дает упомянутого теоретического положения. Как *непосредственную* данность я буду иметь с одной стороны ощущение твердого тела, с другой стороны ощущение раздражения, но связь между этими двумя явлениями отнюдь не *непосредственна*. Для установления связи даже между этими двумя явлениями необходима рефлексия, не говоря уже об *обобщении* этой связи, а наука ведь заключает в себе именно общие положения (законы). Дело нисколько не меняется от того, что мы уже в начале познания располагаем известными исходными теоретическими положениями, в которые «укладываются» эмпирические факты. Эти исходные теоретические положения отнюдь не априорны, а суть результаты исторической «рефлексии», исторического развития самого мышления, что проявляется главным образом

¹ Марксистскую установку по вопросу отношения специальных наук и философии дал А. М. Деборин. См. его «Очерки по теории диалектики», «Под зн. маркс.», 1926, № 11—12.

² Основы алетологии, с. 53.

³ Ср. В. Нуцубидзе. Болцано и теория науки, «Вопросы философии и психологии», 1913, кн. 116, сс. 81—82, кн. 117, 150—151, 168. Ср. также Гуссерля, Философия как строгая наука, «Логос», 1911, кн. 1, стр. 12.

в развитии абстракции. Если бы каждый индивидуальный познавательный процесс (или научно-познавательный процесс всего поколения, что в данной связи безразлично) вынужден был бы каждый раз индуктивным путем восходить к общим, теоретическим положениям, само развитие науки и преемственность научной мысли были бы невозможны.

Как увидим ниже, Нуцубидзе стоит на точке зрения логической аксиоматики Гуссерлевского типа, по которой специальные науки получают «теоретичность» от стоящей *над* ними основной теории или «науки наук».

II

Теперь в нескольких словах коснемся природы самой истины в трактовке проф. Нуцубидзе. Вначале «истина сама по себе» характеризуется как познание познания. В дальнейшем выясняется, что истину составляет сама *определенность*, т. е. уже знакомый нам «добавочный к существованию элемент». «Определенность сущего составляет содержание истины самой по себе... Она находится *над действительностью*»¹. Вопрос об объективности этой истины трактуется вначале как бы положительно. Так автор говорит, что «истину нельзя выводить из мышления, поскольку она (истина) связана с действительностью». К тому же истина сама выступает в качестве объекта познания, но мы глубоко ошиблись бы, если подумали, что эта «объективность» выходит за пределы чисто-логической сферы. Это невозможно, поскольку, как было замечено, «алетология» в исходной точке элиминировала объект в *онтологическом* смысле. Она признает «не существование вообще в его противоположности сознанию, а существование в форме истины». Истина есть выражение *не реального, а идеального* бытия. Такова была точка зрения Болцано и после него Гуссерля. Для них тоже «истина сама по себе» представляет *вневременное и внепространственное*, идеальное бытие².

Независимость истины от субъекта, что признают и Болцано и Гуссерль и вслед за ними Нуцубидзе, не меняет сути дела, поскольку всякий идеализм должен так или иначе допустить объективный принцип, хотя бы даже ценой логической непоследовательности, ибо, как было замечено, вне объективного принципа невозможна даже постановка проблемы познания.

Но характерным для идеализма Болцано, Гуссерля и Нуцубидзе является онтологизация³ истины. «Этот добавочный к факту, дополнительный к его существованию элемент определенности есть тот предмет познания, который мы называем истиной самой по себе»⁴. Здесь истина выступает, как объект познания, но не как *соответствие познания своему объекту*. Из этого вытекает другая, весьма ошибочная установка о невозможности критерия истины. В этом вопросе (о критерии истины) он расходится со своим учителем Болцано, но зато примыкает к Гуссерлю⁵.

¹ «Основы алетологии», с. 83. Курсив мой. П. Ш.

² Ср. «Вопросы философии», 1913, кн. 116, сс. 75, 96 и др. Ср. также *Husserl, Logische Untersuchungen*, I, SS. 117 ff., 128, 190 и др.

³ Термин «онтологизация» употребляется здесь в особом смысле.

⁴ «Основы алетологии», с. 173.

⁵ См. полемику Нуцубидзе с Болцано, «Вопросы философии», 1913, кн. 116, с. 81. «Эту попытку Болцано доказать истину особенно нужно иметь в виду. Она весьма отрицательно сказалась на многих сторонах наукоучения». Ср. также *Гуссерль*, «Логические исследования», ч. 1, сс. 9—12.

Если истина есть то, что должно быть познано (пусть не как факт, а как определенность), то она сама должна выступать в качестве критерия истины. «Критерий в одно и то же время должен заключать в себе познание и быть мерилом всякого познания»¹.

Нуцубидзе прав в отрицании априорного критерия истины, но это его правильное утверждение не вытекает из его предпосылок и поэтому лишено для него значения. Больше того, из этого он делает совершенно неправильный вывод о невозможности критерия истины вообще. Априорный критерий истины невозможен не потому, что «истина в одно и то же время должна заключать познание и быть мерилом всякого познания», а потому, что сама истина *не абстрактна, а конкретна*. Но невозможность априорного критерия истины вовсе не означает его *принципиальной* невозможности. Если б это было так, мы потеряли бы всякую возможность обоснования объективного характера нашего познания.

Посмотрим, сумел ли почтенный профессор на основе своей точки зрения избегнуть субъективизма? Он сам ставит вопрос об этом и удовлетворяется ничем не говорящими рассуждениями. «Встает вопрос,—говорит он,—если философия с самого начала не располагает критерием истины, тогда ведь не существует средств объективного обоснования истины, и весь этот вопрос превращается в дело случая. Но такая опасность лишь кажущаяся и основывается на тайно допущенной теории раз'единения предмета и познания. Вопрос о критерии возникает только тогда, когда познание и его предмет одно другому противопоставлены»². Все это длинное рассуждение является пустой декларацией. Вопрос о критерии возникает действительно только тогда, когда друг другу противопоставят познание и его предмет, но это именно так, и, как мы видели, сам автор не в состоянии опровергнуть необходимость этого противопоставления.

Еще больше недоразумений вызывает аргумент, заключающийся в том, «что философия принимает истину как материал исследования от специальных наук»³. Ведь вопрос идет о критерии тех истин, которые уже выражены в науках. Если они уже обоснованы и доказаны в науках, дальше их незачем исследовать. Но ведь Нуцубидзе твердо стоит на точке зрения Гуссерля, что специальные науки «получают» теоретичность *извне*, из «чистой логики» или «теории науки», сами же они непричастны (как науки о реальных феноменах) к теории. С этим связано и из этого вытекает разобранное выше положение автора об интуитивности специальных наук. Можно привести еще одно место, недвусмысленно говорящее об этом. «Теория не *разбирает* основы фактической истины, так как *не может разобрать*. Действительность, высказанная в реальных феноменах, является материалом науки, но не истины, и поэтому здесь не разрешается теория. Здесь наука предоставлена самой себе, но в каких условиях возможны ее суждения как истина? Для этого вполне достаточный повод (! П. Ш.) имеется в тот момент, когда наука выскажет хотя бы одно положение как истинное суждение»⁴.

Пока оставим в стороне совершенно бездоказательную декларацию о «достаточном поводе» для связи истины и науки. Это—проблема, на кото-

¹ «Основы алетологии», с. 8.

² Там же, с. 7—8.

³ Там же, с. 9—10.

⁴ Там же, с. 56.

рой сломал себе шею Гуссерль в своей феноменологии, а пока ясно, что, исходя из своих посылок, Нуцубидзе не имел никакого права основывать истину философии на истине науки.

Получается ложный круг. Вначале философия или «теория науки» выступает критерием специальных наук (в смысле выяснения осуществленных в них истин), но поскольку сама философия не располагает об'ективным критерием, она снова вынуждена вернуться к наукам, которые должны предоставить ей уже готовые истины. После всего этого все же не достает одного—именно *об'ективной обоснованности истины*. Последняя с этой точки зрения неизбежно становится «делом случая», хотя автор упорно это отрицает.

Может быть, по мнению автора, роль философии заключается в утверждении или отрицании достигнутых науками «фактических истин» (хотя этому резко противоречат все относящиеся сюда заявления), но в таком случае еще резче подчеркивается необходимость критерия. В самом деле, чтобы сказать «да» или «нет» относительно положения науки, напр., «металл—хороший проводник электричества», необходимо располагать каким-либо об'ективным критерием. В противном случае ничто не мешает утверждать совершенно обратное: напр., металл *не есть* хороший проводник электричества, и, напр., «дерево—хороший проводник электричества».

В постановке проблемы критерия истины у Нуцубидзе есть другая любопытная сторона, на которой в двух словах нужно остановиться. Он отрицает возможность критерия в *теоретической* сфере¹. Это совершенно правильное положение у автора основано на неправильных предпосылках. В чисто-теоретической сфере критерий истины невозможен не потому, что последний «в одно и то же время *должен* заключать в себе знание и быть мерилем всякого знания», а потому, что истина устанавливается не в сфере чистого мышления, как это происходит у односторонних рационалистов, а в сфере научного опыта, предполагающего и практику, но в вопросе познания Нуцубидзе стоит на точке зрения своего учителя Болцано, отрицающего необходимость соответствия познания своему об'екту².

Говоря о невозможности критерия в теоретической сфере, Нуцубидзе только констатирует факт, но не в состоянии его об'яснить, поскольку исходит из неправильных принципов. Для него (как и для буржуазных идеологов) теория оторвана от практики и представляет самоцель. Ей не пристало связываться с «низменной» практикой.

Эти положения в наиболее полной мере развиты в упомянутом выше раннем труде автора о Болцано. «Истина—абсолютно статическое понятие, отсутствие всякого финализма, всякого генезиса»³, говорит он там. Этим определением истина превращается в отвлеченнейшее понятие, и вопрос об ее критерии в таком случае лишается смысла.

Нуцубидзе прекрасно понимает, что «говорить о критерии истины—значит переносить вопрос из теоретической сферы в сферу практическую»⁴. Он хорошо понимает далее, что «положительное определение истины возможно только на практике. В этом смысле прагматизм неопровержим...

¹ См. «Вопросы философии и психологии», 1913, кн. 117, с. 149.

² Там же, кн. 116, с. 81.

³ Там же, кн. 117, с. 157.

⁴ Там же, с. 159.

Неправильное суждение сразу выдает себя перед лицом действительности через проверку и опыт, но, по его мнению, такой критерий истины теорию не может интересовать, поскольку «там, где мы действуем, познание не есть теоретическое»¹. Выходит, что теория есть *интеллектуальное созерцание*—вывод, к которому неизбежно должен притти односторонний рационалист, отрывающий мышление от действия, теорию от практики.

Направление в философии, связывающее теорию с практикой, Нуцубидзе называет прагматизмом, с точки зрения которого то, что «полезно» в наших действиях, что «хорошо работает», есть истина². Этим положением диалектический материализм отождествляется с буржуазным суб'ективизмом и практицизмом, отвергающим об'ективную теорию. Он говорит, напр., что «ошибочно считают основателем прагматизма американского философа Пирса. Гораздо раньше Пирса тезис прагматизма был высказан Карлом Марксом в 11 тезисах о Фейербахе»³.

Здесь не приходится подробно останавливаться на отличии прагматизма от марксизма. Отношение марксизма к прагматизму давно выяснено марксистской философией⁴. Прагматизм отказывается от об'ективной теории, и это с точки зрения буржуазной идеологии вполне понятно, поскольку об'ективная теория, высказывающая об'ективные законы естественного и общественно-исторического процесса, указывает, между прочим, и на преобладающий характер буржуазного господства. Марксизм как раз обосновывает об'ективную истину, ибо только при познании об'ективной закономерности пролетариат может перестроить общество на социалистических началах. Одним словом, в прагматизме—*только* практика и практика буржуазно-анархическая, в марксизме—практика осмысленная теоретически, *единство теории и практики*. Совершенно правильно характер⁵ зовал А. М. Деборин прагматизм, как «*философию современной обывательщины*»⁵.

Тезисы Маркса, на которые ссылается почтенный профессор в подтверждение своей мысли, обосновывают как раз это единство теории и практики. Излишне было бы их здесь приводить, поскольку они хорошо должны быть всем известны. Только это единство теории и практики делает самое теорию *революционной*. Нуцубидзе хочет отождествить революционную теорию марксизма с анархизмом, признающим только анархическую «практику». Впрочем, в этом отношении подвизается не один Нуцубидзе, буржуазные профессора давно до него изошрялись в извращении марксизма. Марксизм отрицает как идеалистический суб'ективизм, так и пассивный об'ективизм. В этом отношении не безынтересно вспомнить Ленинскую критику «об'ективизма» Струве.

Нуцубидзе может возразить, что все это не имеет никакого значения для «чистой теории». Но с нашей точки зрения такой «чистой теории» вовсе нет. Познавательный процесс не есть чисто-теоретический процесс, он есть одновременно практический процесс. Для «вечной истины» прсф. Нуцубидзе «преходящая» практика и ее критерии не имеют никакого значения. Но мы как раз эту «преходящую» практику возводим в теорию, осмысливаем теоретически.

¹ «Вопросы философии и психологии», 1913, кн. 117, с. 156.

² Там же, с. 166.

³ Там же.

⁴ А. М. Деборин, Введение в философию диалектического материализма, изд. 1923 г., гл. «Прагматизм и материализм».

⁵ Там же, с. 339.

Отрицание возможности критерия в теоретической сфере (что совершенно правильно) и вместе с тем отрыв теории от практики и непризнание практического критерия означает уничтожение самой теории. Наш почтенный автор думает спасти теорию метафизическим рассуждением, что «познание существует постольку, поскольку оно обосновано, т. е. одно положение выводится из другого положения с достаточной ясностью и приемлемостью». Это означает, что новая мысль основывается на старой, старая на еще более ранней и так до тех пор, пока не придем к высшему основанию¹, т. е. «обоснование» заключается в чисто-рационалистически-дедуктивном «выведении одной истины из другой с достаточной ясностью и приемлемостью». «Высшее основание» с этой точки зрения должно быть и высшим критерием. Что же такое «высшее основание»? «Истина сама по себе не имеет обособленного объекта. Она сама есть объект познания—дальше нее нет ничего, чему должно соответствовать познание... Она есть первейший элемент, составляющий высшее основание познания»². Читатель может себе представить результат такого скитания по ложному логическому кругу. Истина одновременно есть и «высшее основание познания», и вместе с тем высший критерий. Истина—критерий истины!

Этими краткими замечаниями можно было бы покончить с вопросом о критерии истины, но мы не можем не коснуться извращения смысла кантовской философии автором как раз по этому вопросу³.

Нуцубидзе поражает утверждение Канта, что положительный критерий истины заключается в соответствии познания своему объекту. «Что значит толкование истины как соответствие знания предмету?—спрашивает Нуцубидзе.—Ведь Коперниковская позиция Канта исключает возможность такого представления моментов соответствия, будто бы на одной стороне имеем в себе сущий предмет, обладающий собственными формами, а на другой стороне познание, которое должно быть согласовано с этим предметом. Это было бы возвращением к докантовской философии»⁴.

Мы несколько не собираемся защищать позицию Канта, поскольку она действительно заключает противоречие, но хотим восстановить историческую правду.

Выше было отмечено, что вопрос о критерии возникает тотчас же, когда мы допускаем познание *объекта*, которому должно соответствовать это познание. Кант это прекрасно знает, когда он говорит: что «знание заключает в себе ложь, если оно не согласуется с тем предметом, к которому оно относится»⁵. Нуцубидзе кажется, что Кант здесь нарушает логическую последовательность, так как «или предмет построен как результат синтеза материи познания и форм рассудка и тогда не остается познания для соответствия с ним, или же категориальные синтезы составляют познание, но тогда оставшаяся без форм «материя» не дает предмета, с которым должно согласоваться познание»⁶.

¹ «Основы алетологии», с. 80.

² Там же, сс. 83—84.

³ Вообще нужно отметить, что критическая часть произведения Нуцубидзе во многом весьма интересна. Во многом прав Нуцубидзе и в критике Канта, но на критической части его работы мы здесь не останавливаемся.

⁴ «Основы алетологии», с. 46.

⁵ «Критика чистого разума», пер. Лосского, 1915, с. 65.

⁶ «Основы алетологии», с. 47.

В одном Нуцубидзе безусловно прав, это в том, что логическая последовательность ведет Канта к беспредметному познанию (по этому пути пошла, напр., Марбургская школа), но такая интерпретация самой кантовской философии означала бы искажение ее исторической роли и ее места в истории развития философской мысли.

По мнению Канта трансцендентальная логика как раз тем отличается от предшествующей логики, что последняя вовсе не интересовалась соответствием логических форм самим предметам познания. По замыслу Канта трансцендентальная логика была призвана преодолеть односторонности рационализма и эмпиризма, поскольку первый игнорировал опыт, а второй—активную роль мышления в познании. Исторически трансцендентальная философия стоит на пути перехода к диалектическому методу, поскольку она впервые со всей остротой поставила вопрос о синтезе формы и содержания познания. Разрешить его она не могла, поскольку исходила из дуалистических предположений.

Как в приведенном выше положении, так и во многих других местах Нуцубидзе упрекает Канта в том, что с точки зрения последнего неопределенно—является ли трансцендентальная аналитика теорией *предмета* или теорией *познания*. По его мнению *или* предмет, *или* познание. И это не отражает исторического содержания кантовской философии. У Канта формы не являются формами эмпирически-психологического субъекта, они являются формами трансцендентального субъекта, который *объективен* по отношению к индивидуально-психологическому. Эти формы, хотя они и априорны, вовсе не даны в *непосредственном восприятии*, они обнаруживаются в познавательном процессе, который связан с эмпирическим опытом. В этом смысле Кант говорит, что всякое знание начинается с опыта. На этом основано также Кантово различие суждения *восприятия* и суждения *опыта*. Наконец, только в этом контексте можно понять заявление Канта во введении к «Критике чистого разума», что мы познаем в природе только то, что сами в нее вложили. Конечно, мы не отрицаем во всем этом вопиющих внутренних противоречий—например, с этой точки зрения в конце концов познается только форма, но не содержание и т. д.—но, как ниже увидим, взгляды Нуцубидзе раздраются на части еще более вопиющими внутренними противоречиями.

Таким образом Кант пытался обосновать познание как раз путем установления соответствия формы и содержания познания. Его «коперниковская» позиция не только не исключает необходимости соответствия познания своему объекту, наоборот—направлена именно на обоснование этого соответствия. Разумеется, кантовский объект своеобразен, он в конце концов субъективен, но это относится к внутренним противоречиям его философии.

Это ясно хотя бы из того, что с точки зрения Канта содержание предмета (материя ощущения) отнюдь не является творчеством субъекта (хотя бы трансцендентального), оно является *объективной* данностью. Именно поэтому Кант утверждает, что *объективный* критерий на логической почве невозможен. «...Чисто-логический критерий истины, именно согласие знания с всеобщими и формальными законами рассудка и разума, есть, правда, *conditio sine qua non*, т. е. отрицательное условие всякой истины, но дальше этого логика не может идти, она не может дать никакого признака, чтобы открыть заблуждение, касающееся не формы, а содержания»¹.

¹ «Критика чистого разума», с. 65.

Если логика дает только отрицательный критерий истины, то где мы должны искать, по Канту, положительный критерий? Вне логики, в опыте. «Но так как одной лишь формы знания, хотя бы она вполне согласовалась с логическими законами, еще вовсе недостаточно, чтобы доставить знанию материальную (объективную) истинность, то никто не отважится судить о предметах с помощью одной только логики и утверждать о них что-либо, не установив о них уже заранее оснований сведений помимо логики»¹.

Что категориальные синтезы сами по себе не составляют знания, ясно из следующего недвусмысленного заявления Канта—«...до тех пор, пока нет наглядного представления, неизвестно, выслыим ли мы посредством категорий какой-либо объект и может ли им вообще соответствовать какой бы то ни было объект; таким образом подтверждается, что категории сами по себе суть вовсе не знания, а только формы мышления. для того чтобы из данных наглядных представлений создавать знания»².

Здесь в нашу задачу не входит разбор Кантовской философии и ее внутренних противоречий, мы хотели только показать, что она не может отвергать критерия истины, поскольку так или иначе признается объект познания. Мы настойчиво подчеркиваем обстоятельство, что Кант считал объективный принцип незыблемой предпосылкой познания, хотя последовательное развитие исходных положений его вело к окончательной элиминации объекта. Последующая «переработка» трансцендентальной философии пошла преимущественно этим путем.

III

Теперь перейдем к проблеме данности.

Хотя автор считает эту проблему и ее даже максимальное разрешение совершенно несущественным для разрешения проблемы познания, но ее разбору посвящает много времени и места. Мы же думаем, что проблема данности как проблема отношения логического и онтологического имеет огромное, даже решающее значение для познания. Именно в этом вопросе сказывается правильное или неправильное разрешение «великого вопроса всякой философии»—вопроса об отношении бытия и мышления. Ниже мы увидим, что эта проблема сыграла роковую роль и для «алетологии».

«Познание, развернутое в отношениях субъекта-объекта, наталкивается на одно препятствие: как возможен переход от субъекта к объекту и наоборот. Еще в более ясной форме этот вопрос сводится к тому, как возможно восприятие-познание *внележащих* предметов»³. Поднятый здесь вопрос является действительно основным для всякого познания и определенность в нем более чем где бы то ни было необходима. Замеченное проф. Нуцубидзе препятствие вытекает из допущения в исходной точке величайшей ошибки, что мышление и бытие (выражением которых является субъект и объект) являются двумя принципиально противоположными сущностями («субстанциями»). На почве такого дуализма действительно нет никакой возможности обособить познание. Достаточно вспомнить попытку так наз. окказионалистов, вынужденных в конце концов апеллировать к богу, устанавливающему связь между двумя рядами явлений—материальным и духовным. Именно

¹ «Критика чистого разума», с. 65.

² Там же, с. 170. Курсив автора.

³ «Основы алетологии», с. 85. Курсив мой. П. Ш.

поэтому великие философские системы тяготеют к монизму. Разумеется, идеалистический монизм не в состоянии обосновать и *объективное* познание, поскольку в исходной точке отождествляются бытие и мышление. Объективное познание может быть обосновано только на основе материалистического монизма—диалектического материализма. С точки зрения последнего легко устраняется и замеченное проф. Нуцубидзе «препятствие», так как субъект и объект принципиально противоположны и между ними нет необходимости «проложить мостик»—они составляют единство на основе примата бытия, объекта. «Субъект» не есть абстрактное «духовное» «чистое» «я» с метафизической субстанциональной окраской,—он есть конкретное, как говорит Плеханов, внутреннее состояние высоко-организованной движущейся материи. Чувствует и воспринимает не абстрактное «я», а «я» как конкретное, материальное тело, как говорил Фейербах. Это материальное тело находится во взаимодействии с другими материальными телами и результат этого взаимодействия отражается в его внутреннем состоянии, в сознании. Таким образом с точки зрения диалектического материализма связь между субъектом и объектом *непосредственная*. Из всего этого должно быть ясно, что упомянутое «препятствие» вытекает не из постановки проблемы познания в отношениях субъекта-объекта, а из неправильного понимания самого этого отношения.

«Все эти вопросы (относительно связи субъекта и объекта. П. Ш.) создавали такое неудобное положение для исследования природы познания, что пересмотр отношения субъекта и объекта стал необходимым. Этим путем зародились и развивались трансцендентальная философия, эмпириокритицизм, интуитивизм и т. д.»¹.

Что больше всего поражает в приведенной цитате—это то, что здесь совершенно не упоминается диалектический материализм, между тем только последний радикально поставил и разрешил проблему отношения субъекта и объекта. Поскольку автор категорически утверждает невозможность преодоления упомянутого препятствия, ему следовало бы разобрать все попытки в этом отношении и обосновать их несостоятельность. И мы согласны с Нуцубидзе, что ни трансцендентальная философия, ни эмпириокритицизм, ни интуитивизм (и ни «алетология»—добавим мы) не в состоянии разрешить этого вопроса, но Нуцубидзе прошел как раз мимо того направления, которое единственно оказалось способным его разрешить.

Главный тезис автора заключается в том, что познание возможно только в том случае, когда между познанием и познаваемым находится что-либо общее. «Если между познанием (субъектом? П. Ш.) и познаваемым нет ничего общего, в таком случае познание не осуществимо»². «Между определенным сущим и познанием прямая связь осуществляется через истину и это является главным для возможности самого познания. Один и тот же элемент между бытием и мышлением является *мостом*, по которому идет познание. Где этот мост разрушен, там вместо познания речь идет о чем-либо другом»³. Этими положениями почтенный автор утверждает дуализм познающего и познаваемого, *между* которыми должен быть переброшен мостик посредством «общего элемента». Такой дуализм неизбежно должен привести автора к дальнейшим непоследовательностям, которые ниже будут

¹ Основы алетологии», с. 85.

² Там же, с. 90.

³ Там же, с. 91. Курсив мой. П. Ш.

выяснены. Таким образом выясняется, что и для «алетологии» проблема *данности* имеет решающее значение, хотя автор вначале это отрицает.

Посмотрим, как эта проблема разрешается у автора. «В наше сознание входит не металл как масса, вещество, а как форма, как определенность»¹. Эта «определенность» как истина является «общим элементом» между познанием и познаваемым. «Это общее нечто есть определенность сущего, что составляет истину саму по себе»². Как выше указывалось, определенность есть «добавочный элемент к действительности». Она есть вместе с тем «истина сама по себе». Познание же по концепции автора разворачивается между этой «истиной самой по себе» и «истиной для нас». Таким образом, выходит, что само «сущее» по концепции автора не может быть ни *данным*, ни *познанным*. Этим задача познания, заключающаяся именно в познании существующего, переворачивается с ног на голову.

Выше указывалось, что истина сама по себе должна находиться в сфере познания, теперь же оказывается, что она находится *между* познанием и познаваемым. По мере надобности у автора мы еще много раз встретимся с ее перемещением в сферу познания, но здесь важно заметить, что *определенность как форма существующего отрывается от него самого*. Этим утверждается обычный дуализм формы и содержания, бытия и его определенности, что обесценивает довольно интересные критические замечания автора по адресу Кантовского дуализма формы и содержания. Нуцубидзе справедливо замечает в одном месте, что, «раз форма оторвана от содержания, их обратное соединение всегда является роковым для мыслителей», но сам не может соблести своего мудрого совета, поскольку неправильные предпосылки ведут к своим логическим следствиям.

В вопросе о данности перед Нуцубидзе встает дилемма: или форма должна отделиться от содержания, чтобы совершенно не испарился объект хотя бы в форме «внележащей материи», или же, если форма и содержание неразрывны, как на словах утверждает автор, тогда оба они должны находиться в сфере познания, т. е. об'ективное будет сведено к суб'ективному.

В одном месте Нуцубидзе справедливо упрекает Канта в допущении примата форм сознания, но считает его величайшей заслугой установление принципа *однородности*. Нужно заметить, во-первых, что тут допущена хронологическая ошибка: принцип однородности задолго до Канта был высказан великим *Спинозой*, у которого мышление и протяжение суть атрибуты единой субстанции. Во-вторых, Кант только требовал однородности для возможности познания, но не обосновал ее. В его философии чувственный материал и формы рассудка, синтезом которых должен быть объект познания, суть принципиально различной природы. Их синтез—только постулат в Кантовской философии, но отнюдь не обоснованное положение. Кант во многих местах категорически заявляет, что, ввиду различия их природы, чувственный материал и формы рассудка не могут быть связаны *непосредственно*, и для их связи он вводит так называемые трансцендентальные схемы. «...Чистые понятия рассудка совершенно *неоднородны* с эмпирическими (и вообще чувственными) наглядными представлениями... Отсюда возникает вопрос, как возможно *подведение* наглядных представлений под чистые понятия рассудка... Должно существовать нечто третье, однородное в одном отношении с категориями, в другом отношении с яв-

ниями и обуславливающие возможность применения категорий к явлениям... Такой характер имеет трансцендентальная схема»¹. Эта последняя (трансцендентальная схема) не только не выполнила своего назначения (синтез форм и материи), она сама превратилась в третий, еще более непонятный элемент в системе Канта. По крайней мере сам автор чувствует темноту и запутанность этого пункта своей философии². И это нисколько не удивительно, поскольку Кант в исходной точке не преодолел дуализма суб'екта и об'екта (рассудка и чувственности).

Поскольку дуалистическая предпосылка не дает возможности обосновать познание, остается или примат бытия, или примат мышления. В конце концов Кант склонился ко второму пути. Мы говорим, Кант склонился к этому пути, но он не *пошел* по нему, поскольку содержание познания он считал *об'ективным* данным. По пути элиминации об'ективной данности пошли последователи Канта, сам же он застрял на дуализме и вынужден был искать связующего звена *между* двумя принципиально разнородными принципами—чувственной данностью и рассудком.

Освобождение Кантовской философии от внутренних противоречий было возможно двумя путями: 1) признанием единства суб'екта и об'екта с приматом последнего, 2) элиминацией об'екта. Первый путь—материалистический, второй—идеалистический³.

Посмотрим, каким путем идет автор «алетологии». «Кант нарушил основное условие выведения (? П. Ш.) однородности,—равноценность и равенство обладающих однородными элементами. Имение одного и того же элемента есть путь приближения, постижения, но не подчинения,—одним словом, это путь координации, а не субординации»⁴. Здесь Нуцубидзе «опровергает» Канта Кантом же. «Общий» или «однородный» элемент должен «координировать» противоположные принципы. Интересно узнать, которому из этих принципов принадлежит этот «общий» элемент. Ведь Кант оказался достойным упрека со стороны Нуцубидзе именно потому, что он этот общий элемент или форму (у Нуцубидзе «определенность») присвоил только рассудку, а материю оставил бесформенной? «Это не было бы так,—говорит Нуцубидзе,—если бы с рассудком и действительностью оказался такой элемент, который был бы независим от обоих и вместе с тем для них обязателен». Здесь мы имеем почти дословное повторение «трансцендентальной схемы» Канта, который с одной стороны *интеллектуален*, с другой—*чувственен*. И у Канта, как мы видели, трансцендентальная схема является «третьим элементом». Что же всеми этими рассуждениями достигается у Нуцубидзе? Получили три совершенно несвязанных элемента познания: 1) «существующее», 2) познание, 3) элемент однородности между ними. У Канта мы имеем то же самое: 1) материя ощущения, 2) рассудок, 3) трансцендентальная схема⁵. Что аналогия с кантовской философией небезосновательна, подтверждается следующим местом у Нуцубидзе: «Если (в кантовской философии.—

¹ «Критика чистого разума», сс. 118—119. Курсив автора.

² В этом отношении интересно письмо Канта к *Беку* от 1 июля 1794 г., как раз по этому вопросу, которое оканчивается словами: «Замечу, что я сам себя *недостаточно понимаю*, и пожелаю вам счастья, если вам удастся изобразить» и т. д. Цит. у *Палульсена* «Иммануил Кант», рус. пер. Лосского, 1905, с. 170.

³ См. «Критику справа» и «критику слева» у *Ленина*, Собр. соч., т. X, с. 160.

⁴ «Основы алетологии», с. 119.

⁵ «Вещь в себе» Канта сюда не относится, так как она имеет значение только в качестве причины ощущений, и в дальнейшем превращается в «ограничительное понятие».

¹ «Основы алетологии», с. 90.

² Там же, с. 91.

П. Ш.) получим сверхсубъективную интерпретацию форм рассудка, тогда трансцендентальное единство, как правило об'единения всех правил в систему, легко приняло бы вид «истины самой по себе». Познание тогда было бы соответствием индивидуального сознания сверхсубъективному и этим путем превращением истины самой по себе в истину для нас, и «логика истины» (Трансцендентальная аналитика. П. Ш.) действительно стала бы на путь алетологии¹. Здесь мы имеем не только аналогию, но почти полное согласие с кантовской философией. Кто хотя бы элементарно знаком с последней, знает, что сам Кант дает формам рассудка «сверхсубъективную» интерпретацию. Как нами было замечено, на этом основано у Канта различие суждения опыта и суждения восприятия.

Таким образом мы должны признать, что приведенными положениями автора проблема данности не сдвинута с мертвой точки. Все же подлежат вопросу отношения полученных трех элементов. Ниже мы увидим, что стоящий на такой эклектической точке зрения Нуцубидзе должен или совсем упразднить объект как онтологическую категорию и утвердить панлогизм гуссерлевского толка, или же объект (сущее) превратить в кантовскую непознаваемую «вещь в себе».

* * *

Главный грех докантовской философии Нуцубидзе усматривает в трансцендентности объекта познания. По его мнению главная заслуга Канта в установлении принципа имманентности—ошибку же Канта он видит в подчинении предмета формам рассудка. Мы думаем, что имманентное неизбежно ведет к подчинению объекта субъекту. Во избежание недоразумений мы еще раз подчеркиваем, что сам Кант не стоит на точке зрения абсолютной имманентности. Его исходные положения только ведут к этому в виду неразрешимых внутренних противоречий. Последователи Канта «устранили» это противоречие устранением объективной данности.

Далее, по мнению автора, и интуитивизм не может разрешить проблему познания, поскольку последний растворяет познание в проблеме данности. Пространная критика интуитивизма в книге Нуцубидзе усмотрела в последнем тот недостаток, что у него получается данность предмета без познания. С нашей точки зрения, эта критика, конечно, совершенно недостаточна и к тому же несправедлива. Мы считаем основным недостатком интуитивизма как раз то, что Нуцубидзе считает «крупнейшим достижением философии XX века»—имманентность предметов познания.

В дальнейшую полемику по этому вопросу вдаваться мы не будем—это не столь существенно. Нас в данный момент больше интересует точка зрения самого автора. «Предмет как таковой имеет две стороны: одну—онтологическую, экзистенциальную, другую—познавательную. Предмет и его познание связаны друг с другом с сохранением равноправия (? П. Ш.) обоих»². Что это означает в аспекте данности? «Онтологическая сторона» должна означать объективность, внеположность, «познавательная сторона»—субъективность? Или же, в терминах автора, первая сторона означает трансцендентальность, вторая—имманентность. Мы уже знаем, что «познавательное выражение» действительности есть «определенность», форма. Опять воспроизводится дуализм формы и содержания. Совершенно непонятно, как «равноправный» предмет дается «равноправному» познанию?

¹ «Основы алетологии», с. 121.

² Там же, с. 155.

Нуцубидзе отвечает—«посредством истины»,—но, как было выяснено, сама истина есть «определенность» сущего, но не само сущее. Опять подлежащий вопросу, как хотя бы эта «определенность» сущего постигает сферу познания? Ведь только что было упомянуто, что «определенность» или истина как «общий элемент» независим ни от объекта и ни от субъекта и находится между ними. Пусть на сей раз поверим Нуцубидзе на честное слово (хотя честное слово не является научным аргументом) и примем это его положение. Все же получается следующее: данным познанию может быть не само «сущее», объект, а лишь его «определенность». Последняя же, как было указано выше, есть тот «дополнительный элемент», который находится «над» действительностью, который выводит нас за природу каждого предмета и вводит в «систему отношений». Автор тоже не отрицает, что познанным может быть только то, что дано. Таким образом, по концепции Нуцубидзе мы можем познать только систему отношений, но не самое природу предметов.

Из всего этого выясняется, что «имманентный трансцендентизм» проф. Нуцубидзе совершенно не в состоянии разрешить проблему данности. Мы считаем совершенно пустой декларацией следующее заявление автора: «Алетология должна дать средство избежать как ошибки трансцендентизма, так и односторонности имманентизма и синтетическим методом обосновать единственно приемлемое разрешение проблемы познания—трансцендентный имманентизм»¹. С нашей точки зрения вовсе не является синтезом механическое соединение противоположных принципов. Его настоящее имя—эклектизм.

IV

Теперь посмотрим, каков предмет познания в концепции Нуцубидзе. Быть может, сделанный нами выше вывод несправедлив, и автор располагает каким-либо другим выходом для обоснования познания не только «системы отношений», но и существа самих предметов?

«По нашему утверждению предмет познания является системой, но не фактом. Познание возможно только такого нечего, что однородно с познанием, так как предмет познания необходимо должен быть такой природы, что можно высказать на языке познания. Такова, по нашему мнению, «истина сама по себе»². Следовательно, как явствует из этой цитаты, если мы познаем только «добавочное» к существованию, только определенность, которая находится «над действительностью» (такова, как мы знаем, природа истины самой по себе)—сама действительность как факт остается непознаваемой. Может быть, «определенность», форму Нуцубидзе представляет наподобие Аристотеля как активную, действующую причину, а материю (как факт) как потенцию, как простую возможность? Так или иначе, здесь налицо ярко выраженный дуализм формы и содержания, что характеризует все эклектические системы.

«Имманентный трансцендентизм» не помогает делу, так как он относится не к предмету, как к таковому, а к предмету познания в понимании автора, т. е. «истине самой по себе». Больше того, сама «трансцендентность-имманентность» не обоснована и представляет пустую декларацию. «Познание всегда трансцендентно, поскольку оно направлено к тому, что пока не

¹ «Основы алетологии», 158.

² Там же, с. 177.

познано—предмет всегда имманентен, поскольку он дан познанию»¹. Помимо всего прочего в этой маленькой цитате мы имеем дело с внутренним противоречием. В самом деле, с точки зрения трансцендентной имманентности в самой данности предмет должен характеризоваться обеими сторонами—и трансцендентностью, и имманентностью. В приведенной цитате данность и есть собственно имманентность, но тогда трансцендентность должна заключаться в не-данности, что противоречит основным посылкам автора. Кроме того, ведь может быть предмет *данным*, но еще не *познанным*. Автор сам указывает на это во многих местах. Больше того, это является его главным аргументом против интуитивизма. Это и правильно—в противном случае проблема познания свелась бы к проблеме данности. В приведенной же цитате трансцендентность заключается в *непознанности*. Следовательно, *не предмет трансцендентен-имманентен*, что должно быть доказано, напротив, он *всегда имманентен*. Трансцендентность относится к познанию, направленному к еще непознанному. Познание предмета равно его имманентности—следовательно, *познание исчерпывает и онтологическую, бытийную сторону предмета*, хотя немногим раньше Нуцубидзе отстаивал ее «равноправность». Такое внутреннее противоречие для автора было неизбежно потому, что допущение не-данного, т. е. не имманентного, а трансцендентного предмета означало бы допущение независимого от познания предмета (в смысле экзистенциальности), что превратило бы «алетологический реализм» в «догматический реализм», т. е. материализм. «Предмет не может быть вне познания... Предмет познания всегда должен быть в сфере познания»².

Нуцубидзе думает обосновать свой имманентный трансцендентизм также анализом суждения. «Когда мы имеем дело с уже законченным суждением, нам представляется возможность разобрать, каков его предмет, т. е. предмет познания. В этом суждении для нас развернуто то, что, с другой стороны, является частью действительности»³, т. е. нам дана в суждении «истина сама по себе».

Ошибка Нуцубидзе в этом вопросе заключается в том, что он не различает содержания законченного суждения, как *нашего представления (или) понятия об объекте от самих объектов*, которые независимо от этого содержания нашего суждения и которым должно соответствовать само это содержание. Если я имею суждение, например, «магнолия—цветистое растение»—в нем не находится сама магнолия со своими цветами—это было бы действительно врезыванием предметов, как массы, как вещества, в наше сознание, а оно (содержание суждения) лишь отражает независимо существующую магнолию и ее отношение со своими цветами. Растворение онтологического в логическом является характерным для всякого (рационалистического) идеализма, и автор «алетологии» выбрал именно этот путь. «Алетологически мы имеем один комплекс, который, с одной стороны, есть сам по себе, с другой стороны—для нас, и предмет познания предполагает обе стороны, характеризуется обеими сторонами»⁴. Пусть читатель представит себе отношение «алетологии» к эмпириокритицизму.

В «физических феноменах нет ничего однородного познанию, общего с познанием. Предметом познания является тот порядок мировых элементов,

¹ «Основы алетологии», 163.

² Там же, с. 162.

³ Там же, с. 161.

⁴ Там же, с. 162.

то определенное отношение между его частями, результатом (? П. Ш.) которого является явление»¹. Здесь уже определенно говорится, что мы познаем не физические феномены как таковые, не металл с его качеством, не электричество и т. д., а лишь отношения между ними. Следовательно, с этой точки зрения *внутренняя структура* вещей непознаваема.

Нуцубидзе скажет, что «познание больше, чем отдельные явления», но это относится лишь к единству и связи действительных вещей и явлений. Конечно, не существует одного, абсолютно изолированного предмета или явления, который может быть познан сам по себе. Вообще определение одного необходимо предполагает другое (другие), и поэтому совершенно верно *omnis determinatio negatio* Спинозы, но это отнюдь не означает, что сам по себе взятый отдельный предмет *в себе самом* не представляет реальности. Он вовсе не есть «миф» или «самообман», как думает Нуцубидзе. Разумеется, предмет, как говорил Ленин, тысячами нитей связан с другими предметами, составляет с ними единство. Но отношения причинности нельзя представлять себе механически, будто бы один предмет утверждает в своем существовании исключительно в зависимости от других предметов. Это было бы растворением целостной вещи в отношениях. Такой взгляд неизбежно ведет к выводу, что сама действительность в целом, весь космос, зависит от *вне* или *над* лежащей причины. Один, изолированный предмет, например, книга Нуцубидзе, лежащая передо мною, находит свое определение относительно *Wissenschaftslehre* Болцано и «Логических исследований» Гуссерля, с которыми она имеет общие мысли, а также относительно «Анти-Дюринга» Энгельса или «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина, которым она прямо противоречит, но это отнюдь не означает, что она, взятая сама по себе, не имеет реального (хотя и ошибочного) содержания, которое может иметь реальное (хотя и вредное) влияние на многие реальные умы. Отношения внутреннего и внешнего, части и целого общего, особенного и частного, одного и многого и т. д. можно правильно и научно объяснить только на основе диалектики, которую автор «алетологии» совершенно не признает, и в этом отношении он свято соблюдает традиции своих учителей—Болцано и Гуссерля.

Таким образом мы видим, что предметом познания в концепции Нуцубидзе является «система отношений». Что же собою представляет эта последняя? «В себе суцая система отношений является истиной самой по себе. Она не является фактом или действительностью в тесном смысле этого слова, а системой отношений *по поводу и вокруг* фактов... Таким образом, предмет познания больше, чем факт или явление... Должна существовать система таких отношений, которые можно высказать в суждении и в других логических формах»², т. е. система отношений не есть факт или действительность «в узком» смысле этого слова. Мы, к сожалению, не знаем «узкого» или «широкого» смысла действительности, знаем только, что действительность есть *все*, дальше нее или над ней, с нашей точки зрения, нет ничего. Если своим положением автор хотел выразить ту простую, элементарную мысль, что целостная действительность не является простым, механическим собранием фактов и предметов, это было бы тавтологией. Действительность как единство (с точки зрения принципа) и как многообразие (с точки зрения качества) *в себе самой* предполагает «систему» (неправильное выражение) отношений.

¹ «Основы алетологии», с. 174.

² Там же, сс. 175—176. Курсив мой. П. Ш.

последняя отнюдь не выходит за пределы действительности, как это получается у автора. У него эта система отношений есть «добавочный элемент». «...Добавочный к факту, превосходящий его природу элемент определенности есть тот предмет познания, который мы называем истиной самой по себе»¹. Что именно эта «система отношений» есть «добавочный элемент», явствует из следующего заявления автора: «Существование как конкретность лишено добавочного к существованию, находится вне отношений»².

Было отмечено, что в концепции Нуцубидзе действительность как факт должна превратиться в непознаваемую «вещь в себе». Действительно, с его точки зрения определенность фактов не неразрывна с самими фактами, а оторвана от них и является системой отношений («по поводу и вокруг фактов»). Поэтому мы не имеем оснований утверждать, что посредством «определенности» мы познаем и факты. Ведь, с точки зрения автора, «факты сами по себе алогичны»³, и мы можем познать, как только что заметили, только то, что «высказывается в суждениях или в других логических формах».

Как выходит Нуцубидзе из этих вопиющих противоречий? Он отсылает нас от Понтия к Пилату. «Существующее как таковое изучается специальной наукой, и когда разные гносеологии ставят задачей познания «упорядочение», «чистое описание», «сравнение, различение» существующего, познание познания делается невозможным и философия низводится на уровень науки»⁴.

Мы несколько не собираемся оскорблять философию почтенного профессора («низведением на уровень науки», ибо она действительно не научна, но должны констатировать, что в приведенном положении поднятый выше вопрос не сдвинут с места. Вместо того, чтобы философию как «теорию науки» привести в тесную связь с науками, между ними воздвигается непроходимая китайская стена.

Такой разрыв философии и науки для нас был ясен с самого начала. Наука изучает существующее, философия—«добавочное к существованию», и этим выделены их области. Между ними существует такой же разрыв, как между фактом и его определенностью, между «существованием» и «дополнительным к нему элементом». У науки один объект—действительность в форме существования, у философии—другой—в форме «истины» или «системы отношений». Наука стоит вне всякой рефлексии—философия рефлексивна. Предмет философской рефлексии—не сама действительность, и поэтому лишено всякой ценности заявление автора вначале, что философия и наука относятся к одной и той же действительности.

Окончательно выясняется, что «трансцендентный имманентизм» Нуцубидзе переходит в чистый «имманентизм», поскольку отвергнута независимость предмета от познания, а следовательно, вместе с тем, и его (предмета) объективность. «Трансцендентность-имманентность выражает только познавательные отношения. Трансцендентность, также как и имманентность, не высказывает никакого существования и в первом случае неправомерно говорить о внеположенности и внесуществовании по отношению

¹ «Основы алетологии», с. 173.

² Там же, с. 227.

³ Там же, с. 226.

⁴ Философию как «теорию науки» Нуцубидзе понимает не в диалектико-материалистическом смысле (ср., напр., Деборин, Очерки по теории диалектики, очерк первый, «Под знам. маркс.», 1926, № 11), а в гуссерлевском смысле (см. «Вопросы философии и психологии» 1913, кн. 116 и 117).

к моему опыту, так же, как во втором случае о существовании в сфере того же опыта»¹.

Таким образом, как видим, последовательно соблюден главный тезис «алетологического» реализма, утверждающий «не существование вообще в его противоположности сознанию», т. е. в нашем материалистическом определении—идеализм.

V

Теперь в нескольких словах коснемся вопроса о субъекте познания в интерпретации Нуцубидзе. «В комплекс познания входит, как нам известно, целая система дополнительных к существованию, среди которых один элемент, дополнительный к нашему, человеческому существованию, раскрывает постижимым для нас образом дополнительные к другому существованию»². Т. е. субъектом познания является дополнительное к нашему существованию—должно думать—человеческое мышление. Природа последнего ближе не разъясняется автором.

Объект познания есть «дополнительное к другому существованию», который, «взятый вне момента познания, есть истина сама по себе». Этот объект познания, как выяснилось, всегда должен быть в сфере познания. Когда к нему прибавляется «дополнительное к нашему существованию», т. е. познание, получаем истину для нас»³. Этим путем, «трансцендентное» переходит в «имманентное». Теперь еще более ясно, что в «алетологии» познание есть не познание существующего, а только «дополнительного» к нему. Природа этого последнего выясняется по аналогии с дополнительным к нашему существованию, так как главным условием возможности познания признана однородность познания и познаваемого. Следовательно, как познание, так и познаваемое суть оба логической природы. Объект познания не является пространственным, поскольку он всегда должен находиться в сфере познания. Он вневременен, так как он всегда одно и то же. Он есть смысл действительности, понятий не антропологически, а ноологически»⁴. Сущность предметов находится вне их существования. Мысль постигает не «сущее», а самое же мысль. Антропологическая мысль («дополнительное к нашему существованию») постигает «ноологическую», т. е. дополнительную к другому существованию. К тому же в произведении Нуцубидзе даже не выяснено, как происходит это постижение. Согласно основным принципам, оно должно быть непосредственным, интуитивным. Совершенно не выяснено, далее, отношение самой действительности и истины, как не было выяснено, отношение чувственного и идеального миров у Платона или же «идеального бытия» и реальных феноменов у Гуссерля.

Нуцубидзе упрекал Канта в том, что тот не выделил теорию познания из теории предмета. У самого же него природа самого познания совершенно не выяснена. Довольно пространно говорится о том, как постигается «объект» познания (хотя и это не выяснено), что относится к проблеме данности, но не к познанию.

¹ «Основы алетологии», с. 228. Курсив автора.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, сс. 85—86. Интересна была бы параллель с Гуссерлем с его «смыслом» и «идеальным бытием».

Что же касается специальных наук, здесь не обоснована даже эта возможность данности. Наука изучает существующее, но не дополнительное к нему. Данным же может быть, с точки зрения автора, только «дополнительное» в виде «определенности» или истины. Если Нуцубидзе подразумевает, что посредством этого дополнительного даются и реальные факты (физические феномены)—этому определенно противоречит его же заявление, что «дополнительное не выражает ни содержания существующего, ни их отношений... Оно целиком принадлежит алетологическому выражению предметов и явлений»¹.

Таким образом, ркончательно не выяснена возможность науки вообще.

* * *

В заключение несколько слов о *методе*. По этому вопросу специально очень мало говорится в разбираемом произведении. Автор давно уже обещает реформу логики и методологии², и мы должны находиться в блаженном уповании, но все же из тех отрывочных замечаний по этому вопросу, которые здесь и там разбросаны в книге, а также по общему духу его философии, считаем возможным дать общую оценку всего «нового метода».

Прежде всего нужно констатировать, что точка зрения Нуцубидзе *антиисторическая*. «Что же касается порядка познания, его архитектоники, она всегда и во всем одна и та же и так должна быть изучаема с философской точки зрения»³.

Нуцубидзе согласен с трансцендентализмом в том, что «для осуществления познания его известная часть должна быть с самого начала дана», но «в кантовском трансцендентализме такое априорное познание заключает только частичную определенность познаваемого предмета», сам же он «расширяет априорные условия до целого предмета»⁴. Т. е. если у Канта объект есть синтез *суб'ективного* (априорные элементы) и *об'ективного* (материал ощущения), у Нуцубидзе предмет без остатка и целиком растворяется в *суб'ективно-логическом*.

«Познание есть переход от познанного к непознанному», и постольку с точки зрения внутренней структуры познания нет никакой разницы между генетическими и негенетическими точками зрения». Это чисто-неокантианская манера соединять априоризм с эволюционизмом⁵. Но что означает в концепции Нуцубидзе «переход от познанного к непознанному»? Это означает, что «новая мысль опирается на старую, старая на еще более раннюю и так до тех пор, пока не придем к высшему основанию». Здесь мы имеем дело с определенной *логической аксиоматикой*, на основе которой можно обосновать только *дедукцию*. *Единство индукции и дедукции обосновывается только на почве материалистической диалектики*. «Редуктивный» метод проф. Нуцубидзе принципиально противоречит диалектике, и на его основе никак нельзя обосновать единство индукции и дедукции, необходимость чего автор подчеркивает во многих местах. К чему же в самом деле сводится «редуктивный» метод? Послушаем пока более раннее определение автора: «Методология должна заняться исследованием основных методов науки—индукции

и дедукции, показать несамостоятельность каждого из них и на основе теории истины развить учение о высшем редуктивном методе»¹. В разбираемом произведении дается более определенная формулировка. «Истина сама по себе как условие познания... как единая основа познания, взятая в целом, требует и обосновывает (sic! П. Ш.) один основной метод, который представляет основу как индукции, так и дедукции. Этот метод несколько лет тому назад мы назвали *редуктивным методом*»². Вывод из этого определения ясен. Поскольку истина сама по себе представляет основу «как индукции, так и дедукции», последние механически должны быть «редуцированы» из нее. Как можно индукцию «редуцировать», этого автор нигде не разъясняет и, мы думаем, никогда не сможет разъяснить. «Высшая основа» обосновывает только дедукцию, поскольку «одна мысль должна быть выведена из другой, другая из еще более ранней и так до тех пор, пока не придем к высшему основанию», но индукцию на ее основе никак не обосновать. Пример Аристотеля в этом отношении вполне достаточен. Поэтому мы должны констатировать, быть может к огорчению автора, что он не может быть «Аристотелем индукции», хотя об этом явно помышляет³.

Общий вывод, к которому приходим из этого краткого разбора, сводится к тому, что в концепции Нуцубидзе познание и его объект находятся *вне всякого исторического процесса и движения*.

В чем же, в конце концов, заключается сама природа познания, совершенно не выяснено. После «снятия» суб'екта и об'екта, как мы видели, остались их аналоги—«истина сама по себе» и «истина для нас». Не выяснено совершенно, как совершается переход первой во вторую и в чем заключается, с точки зрения автора, познание. Согласно основным предпосылкам автора, этот переход должен быть *непосредственным, интуитивным*, как у Гуссерля, но этим ведь снимается сама проблема познания и методологии, и обещанная автором грандиозная система оказывается ненужной.

Впрочем, нужно заметить, что по «оригинальной» мысли автора «знание не есть проблема, оно—осуществленная истина». Процесс познания непосредственен, «абсолютно стихийен». Истина непосредственно дается (у Гуссерля—якусматричевая) в науках. «Истинное знание дано в науке». «Действительность есть истина, а истина непосредственно дана как осуществленное знание»⁴. Одним словом, знание—*факт*, а не *проблема*, его не приходится обосновывать. Поэтому Нуцубидзе выступает очень ярко против всякой теории познания. Конечно, не подлежит никакому сомнению, что знание существует задолго до философии, но это в равной мере относится ко всем теоретическим наукам. Люди пользовались законами механики задолго до появления теоретической механики Галилея или Ньютона. Познание одновременно есть и «факт», и «проблема». Теория, всегда вырастающая из практики, призвана в единстве с практикой «разрешать», главным образом, «проблему» познания. Если знание всегда существует только как факт, теория должна свестись к простому описанию, к простой морфологии, как у Гуссерля и его последователей, и тем самым стать совершенно бесполезной.

¹ «Основы алетологии, с. 233.

² Там же, с. 232.

³ «Вопросы философии», кн. 117, с. 169.

⁴ См. «Вопросы философии» кн. 117, сс. 158, 168, 171, 189 и др. Курсив автора. В этой работе автор, желая опереться на авторитет Канта, извращает подлинный смысл его априоризма. Априорные элементы суть «истины сами по себе», а опыт—«истина для нас». Прием, широко практикуемый в буржуазном философском лагере.

¹ «Основы алетологии», с. 228.

² См. «Вопросы философии и психологии», 1913, кн. 117, с. 169.

³ «Основы алетологии», с. 237.

⁴ Там же, с. 231.

⁵ Ср. статью Виндельбанда о категориях в его «Прелюдиях».

Диалектика единства теории и практики непостижима для Нуцубидзе, как непостижима для него диалектика взаимоотношения философии и специальных наук. Философия тоже возникает на основе специальных наук и в своем развитии зависит от последних, но это отнюдь не мешает ей двигать вперед развитие положительных наук посредством выработки более совершенного научного метода. Вообще, теоретический «хвостизм» характерен для современной буржуазии. В марксизме-ленинизме как «стихийная» практика, так и описательная (созерцательная) теория никогда не были в почете. Чтобы знать это, достаточно познакомиться хотя бы с тезисами Маркса о Фейербахе и с «Что делать?» и «Письмами к Горькому» Ленина.

Нуцубидзе усматривает ошибку Болцано и Гуссерля в том, что они истину саму по себе принимали только на онтологической почве и в то же время исходили из генетического метода в познании¹. Это ли их главная ошибка или нечто другое—здесь не место разбирать (мы все же думаем, что другое), но ясно одно, что Гуссерль, который весьма легко декларировал свою «чистую логику» и «идеальное бытие», запутался в неразрешимых противоречиях, в «феноменологии», где все это действительно нужно было обосновать. Такая участь должна постигнуть и «алетологию», которая представляет один из видов неокантианства и гуссерлианства, когда она приступит к конкретному обоснованию своих деклараций. Это мы увидим в действительности, если автор выполнит свое обещание и выпустит в свет остальные части своего произведения, которые должны обосновать выдвинутые в первой части положения.

РОДБЕРТУС КАК ТЕОРЕТИК РЕНТЫ

(Критический этюд)

Л. Розовский

I

Теория ренты Родбертуса не оказала сколько-нибудь значительного влияния на экономическую мысль. Она не обрела себе последователей. Мы не находим их даже в среде катедер-социалистов, «открывших» Родбертуса и создавших своеобразный культ «мыслителя из Ягцева». Теорию ренты Родбертуса упоминают лишь там, где ее опровергают. Развенчанная и разбитая, живет она призрачной жизнью теней на страницах различных «Dogmengeschichte».

Но через мертвую теорию Родбертуса лежит путь к критическому познанию живых теорий Рикардо и Маркса. В этом ее высокий теоретический интерес. Следует однако заранее оговориться: поучительное и интересное лежит не в наивном, очевидно несостоятельном, *материальном* основании теории ренты Родбертуса—положении об отсутствии сырья в издержках земледелия как причине образования избыточной прибыли; *формальные* основания теории—попытка вывести *абсолютную* ренту из общих предпосылок рикардовой теории *дифференциальной* ренты—делают ее значительным и любопытным явлением в истории экономической мысли.

* * *

С тяжким грузом вступает Рикардо в теорию ренты. Натолкнувшись, правда, в первой главе своих «Начал» на известные трудности, Рикардо на всем протяжении дальнейших исследований продолжает все же исходить из той предпосылки, что средние цены капиталистически-произведенных товаров равны их трудовым стоимостям, а последние равны ценам производства. Рикардо, другими словами, повсюду молчаливо предполагает, что продажа товаров в строгом соответствии с овеществленным в них трудом обеспечивает во всех сферах производства *одинаковую* норму прибыли. Отклонение индивидуальных норм прибыли от всеобщей мыслится Рикардо как отклонение цен от трудовой стоимости. Силы конкуренции, уравнивающие индивидуальные и различные нормы прибыли в *одинаковую* и всеобщую, рассматриваются Рикардо как силы, сводящие цены товаров к их трудовым стоимостям. Строение цен товаров как просто товаров и товаров как продуктов капитала представляется Рикардо как тождественный процесс, как процесс с одной закономерностью. *Тождество сто-*

¹ Мы имеем здесь в виду необычную «гносеологию», а теорию познания в смысле методологии.

имости и цены производства—этим дано своеобразие постановки проблемы ренты у Рикардо и предопределены пути ее решения.

Проблема ренты ставится так: почему реализация товаров по стоимости в любой отрасли индустрии обеспечивает только среднюю прибыль, а в земледелии известный излишек над средней прибылью, ренту? Не значит ли это, что *одно и то же* количество живого и накопленного труда («труда и капитала») создает в земледелии и в индустрии *различные* стоимости; не значит ли это, другими словами, что труд *не* является единственным источником стоимости; переведенная на скупой математический язык Рикардо проблема гласит: почему составной частью стоимости продуктов земледелия выступает величина, отсутствующая в стоимости индустриальных товаров, *почему рента является составной частью стоимости продуктов земледелия?*

Это затруднение Рикардо устраняет тем, что об'являет его несуществующим: рента *не* является составной частью стоимости продуктов земледелия; регулирующий общественную стоимость худший участок *не* приносит ренты. Этим задача теоретически решена. Реализация по трудовой стоимости приносит регулирующим общественную стоимость предприятиям лишь *обычную* прибыль как в индустрии, так и в земледелии. Существующие ренты суть ренты дифференциальные. Они вытекают из различия между индивидуально-необходимым и социально-необходимым трудом и как таковые не только не противоречат определению стоимости общественным рабочим временем, но, наоборот, предполагают последнее. Рента выплачивается из цены, но она не есть ни составная, ни определяющая часть цены. Рента в своей субстанции ничем *принципиально* не отличается от сверхприбыли в индустрии. От последней—мимолетней, постоянно исчезающей—она отличается только тем, что фиксируется на известной естественной основе. А так как представителем этой естественной основы является лэндлорд, то сверхприбыль в земледелии принимает форму земельной ренты. Рента притекает к земельному собственнику, но она не является следствием земельной собственности.

Исследование законов ренты предпринимается Рикардо только для того, чтобы доказать господство закона трудовой стоимости в земледелии и тем утвердить его универсальное значение. *Проблема* ренты ставится в системе Рикардо потому, что «остается еще рассмотреть, не вызывает ли обращение земли в собственность и следующее за ним создание ренты какого-либо изменения в относительной стоимости товаров, независимо от количества труда, необходимого для производства. Чтобы выяснить эту сторону вопроса, надо исследовать природу ренты»... *Теория* ренты призвана доказать, что «Адам Смит безусловно ошибается, предполагая, что первоначальный закон, по которому стоимость товаров определяется относительным количеством затраченного на него труда, может быть сколько-нибудь изменен вследствие обращения земли в частную собственность и платежа ренты». Учение о ренте представляет в системе Рикардо лишь решение частной проблемы теории трудовой стоимости. Таков вообще метод Рикардо, исчерпывающе раз'ясненный Марксом,—определив стоимость общественно-рабочим временем, Рикардо затем непосредственно сводит экономические категории—отношения производства и распределения—к трудовому принципу стоимости.

Кажущееся противоречие между категорией ренты и законом трудовой стоимости устраняется посредством отрицания абсолютной ренты.

Выкинув за борт абсолютную ренту, Рикардо спасает теорию трудовой стоимости, отождествленной с ценой производства. С точки зрения связи теории ренты Рикардо с его теорией стоимости (а эта точка зрения предписывается нам внутренней логикой рикардовой системы как *решающая*) *не утверждение дифференциальной ренты, а отрицание абсолютной ренты* представляет собой *сущность* теории ренты Рикардо. В этом утверждении нет ничего нового. Фундаментальное значение в учении Рикардо положений о том, что рента не есть составная часть цены сельскохозяйственных продуктов, что регулирующий участок не уплачивает ренты, было отмечено почти всеми интерпретаторами Рикардо¹. Между тем, с дифференциальным принципом ренты как таковым эти положения не находятся в необходимой связи: существование дифференциальной ренты совершенно независимо от того, уплачивает ли последний участок ренту или нет, существует ли абсолютная рента или нет. Теория ренты Рикардо есть нечто *большее*, чем установление дифференциального принципа ренты. И, упрекая Рикардо в том, что он ограничился объяснением разницы ренты и не пытался об'яснить принцип ренты вообще², Родбертус, строго говоря, не прав. Рикардо *об'яснил* ренту вообще, абсолютную ренту; он *отрицает* ее. Если встать на точку зрения Рикардо, то обвинение в отсутствии принципа существования абсолютной ренты должно звучать так же нелепо, как, скажем, обвинение Коперника в том, что в его учении не дан закон вращения *солнечной системы вокруг земли*.

Абсолютная рента и закон трудовой стоимости сталкиваются в системе Рикардо как понятия, находящиеся в непримиримом противоречии, как взаимно исключающие понятия. Если допущено существование абсолютной ренты, если допущено, что регулирующее стоимость предприятие дает в земледелии излишек над средней прибылью,—в то время как в обрабатывающей промышленности оно приносит *только* среднюю прибыль,—то тем самым допущено, что труд *не* является единственным источником стоимости, т. е. система потрясена в своем основании³. Мысль Рикардо перехвачена в теории ренты железным обручем дилеммы: либо утверждение абсолютной ренты и отрицание трудовой основы стоимости, либо отрицание абсолютной ренты и утверждение незыблемости закона трудовой стоимости. В царстве трудовой стоимости, отождествленной с ценой производства, не может быть места абсолютной ренте.

Не осознав модифицирующего влияния *капитала* на первоначальный и всеобщий закон ценообразования в товарном хозяйстве (закон трудовой стоимости), Рикардо *должен* был отрицать модифицирующее влияние *земельной собственности* на капиталистический процесс ценообразования.

¹ «Верховное и фундаментальное положение,—пишет, например, Трунк,—из которого исходит Рикардо и к которому он постоянно возвращается, это—положение о том, что худшие участки не дают ренты» Т. (*Trunk, Geschichte und Kritik der Lehre von Grundrente, Jahrbuch. f. Nationalökonomie u. Statistik, 1868, c. 434.*)

² *Rodbertus, Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände, 1842, S. 89.* См. также—К освещению социального вопроса, письмо второе и третье, перевод Соболева, с. 298.

³ «То же самое количество труда непосредственного и накопленного... создавало бы в земледелии большую стоимость, чем в индустрии. Стоимость товара, следовательно, не определялась бы количеством заключенного в нем труда. Вся основа экономической науки была бы таким образом потрясена. Следовательно, правильно заключает Рикардо, абсолютной ренты не существует» (*Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, 2, с. 10.*) Термин «ценность» мы *повсюду* заменяем термином «стоимость».

То обстоятельство, что проблему *прибыли* Рикардо ставит исключительно как проблему *распределения*, обусловило собою отрицание *ренты* как проблемы *ценообразования*. Лишь в системе Маркса обе эти рикардовы «чистые» категории распределения выступают одновременно как факторы ценообразования.

Отрицанием абсолютной ренты определено то место, которое занимает современное землевладение в учении Рикардо. *Земельная собственность не познана как экономическая категория*. Отсутствует тот круг экономических явлений, который возникает и исчезает вместе с возникновением и исчезновением современной формы земельной собственности; отсутствует та форма ренты, которая относится к земельной собственности, как акциденция к субстанции, как следствие к причине. «Закон ренты Рикардо не имеет ничего общего с земельной собственностью» (Маркс). Рикардова рента—дифференциальная рента—вполне уживается с государственной, общинной и прочей формой собственности на землю в пределах капиталистического строя.

То, что земельная собственность не познана, как самостоятельная экономическая категория, одновременно означает, что теоретически не осознан и не показан *антагонизм* капитала и земельной собственности, не осознано противоречие интересов *класса* капиталистов и *класса* земельных собственников. Оставаясь в пределах рикардовой—дифференциальной—ренты (это относится и к марксовой *дифференциальной* ренте), мы остаемся в сфере противоречивых интересов отдельной группы капиталистов (арендаторов) и земельных собственников. Сверхприбыль, превращаемая в дифференциальную ренту, обязанная своим происхождением различию экономических позиций *отдельных предприятий внутри отдельной сферы производства*, эта сверхприбыль по природе своей стоит *вне* сферы явлений, имеющих отношение к *классу* капиталистов в целом; она находится *вне* процесса уравнения прибылей *во всеобщую норму прибыли* и как таковая, ни в какой мере не является определяющим моментом ценообразования. На всеобщую же норму прибыли рикардова рента не имеет и не может иметь никакого влияния¹. Дифференциальная рента лишена влияния на заработную плату, на цены элементов постоянного капитала. Далее, капитал не наталкивается в земледелии на гетерогенную силу земельной собственности,—все исследование, наоборот, предполагает свободное движение капитала в земледелии. Землевладение не ставит препятствий развитию производительных сил капитализма в земледелии. Земельная собственность не повышает цен продуктов земледелия. «Рикардо... лишает землевладение всякой экономической роли» (Маркс).

* * *

Преодолеть ограниченность рикардовой теории ренты, оставаясь в то же время в пределах трудовой стоимости, примирить абсолютную ренту с законом трудовой стоимости, ставят себе целью и Маркс, и Родбертус.

¹ Это положение не противоречит учению Рикардо о тенденции нормы прибыли к понижению вследствие убывающей производительности земледелия. Напомним: не потому хлеб становится дороже, что рента повышается, а рента повышается потому, что хлеб становится дороже. По той же причине повышается номинальная зарплата и понижается норма прибыли. Не повышение ренты является при-

«Предлагаемая мною теория,—пишет Родбертус,—доказывает с его (Рикардо. Л. Р.) точки зрения—именно с точки зрения равенства стоимости продукта и затраченного труда—неверность его теории земельной ренты в том пункте, что последняя возделываемая категория почвы дает всегда только прибыль на капитал, но не земельную ренту»¹. Так же приблизительно определяет и Маркс преемственную связь своего учения о ренте с теорией Рикардо. «Единственно, что я должен *теоретически* доказать,—это возможность абсолютной ренты, без нарушения закона стоимости. Вокруг этого пункта вертится *теоретический* спор еще со времени физиократов доныне. Рикардо такую возможность отрицает. Я ее отстаиваю»².

Задача одна и та же, но решения глубоко различны. *Землевладелец получает абсолютную ренту потому, что продукты земледелия продаются по своей трудовой стоимости*,—так утверждает Родбертус. *Продукты земледелия продаются по своей трудовой стоимости потому, что землевладелец получает абсолютную ренту*,—так утверждает Маркс. То, что у Родбертуса является *причиной*, у Маркса выступает как *следствие*. То, что у Маркса является конечным *выводом* исследования, у Родбертуса выступает как *предпосылка* исследования. Займемся этим подробнее.

Центральная («аристотелева») посылка, лежащая в основе теории ренты Родбертуса, это центральная посылка теории Рикардо: товары реализуются во всех сферах производства по трудовой стоимости. «... Я принимаю то же предположение, что и Рикардо в его системе и, в частности, в теории земельной ренты, именно, *что все продукты реализуются по количеству заключающегося в них труда*»³. «*При том предположении, из которого я исходил выше и которое принимает также и Рикардо как основание всех своих исследований, именно из предположения, что сырой и промышленный продукты различаются по затраченному труду*»⁴, вытекает, что абсолютная рента должна существовать. И еще раз: «Я принял совершенно одинаково с Рикардо, *что сельскохозяйственный продукт, равно как и промышленный, реализуется по количеству заключающегося в нем труда*»⁵. Подобно Рикардо Родбертус принимает в теории ренты, что предоставленный самому себе процесс ценообразования сводит средние цены капиталистически произведенных товаров к их трудовой стоимости. Подобно Рикардо он *сводит* ренту к закону стоимости, вместо того чтобы *вывести* ее, представить как развитие самого закона. У Родбертуса, как у Рикардо, в логической связи теории ренты с теорией трудовой стоимости отсутствуют посредствующие звенья, лежащие у Маркса в теории цены производства.

Центральная посылка теории Родбертуса строго определяет общее направление исследования проблемы ренты. Основное здесь заключается в следующем: коль скоро заранее допущено, что процесс ценообразования

чины падения нормы прибыли—оба явления выступают у Рикардо как пассивное следствие убывающей производительности сельскохозяйственного труда. *Земледелие*, а не *земельная собственность*, *земля*, а не *земельная рента*—причина тому, что норма прибыли понижается.

¹ «К освещению», с. 208. Вместо слова «поземельная» мы всюду пишем «земельная».

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, под ред. Адоратского. Письмо М. к Э. от 9 авг. 1862, с. 159.

³ «К освещению», с. 151. Курсив Родбертуса.

⁴ Там же, с. 148. Курсив Родбертуса.

⁵ Там же, с. 151. Курсив наш. Л. Р.

совершенно одинаков по своей природе как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, коль скоро установлено заранее, что в *обеих* сферах продукты реализуются по своей трудовой стоимости,—основание абсолютной ренты *не может быть* найдено в *своеобразии* процесса ценообразования в сельском хозяйстве. Этот путь в поисках каузального основания ренты заранее закрыт. Игнорирование (и—как увидим впоследствии—прямое отрицание) *особенностей* процесса ценообразования в земледелии составляет основное в теории ренты Родбертуса.

И Маркс и Родбертус находят в стоимости земледельческого продукта избыточную—сравнительно с индустрией—прибыль, некоторый излишек над средней прибылью. Как каждый из них устанавливает этот излишек, в чем каждый из них видит его основание, в интересующей нас связи не имеет значения. Мы позволим себе некоторую вольность: мы условно допустим, что источник сверхприбыли у Родбертуса тот же, что у Маркса—относительно низкий органический состав капитала в земледелии. Не *происхождение* избыточной прибыли, а *принцип, конституирующий ее в абсолютную ренту*, интересует нас здесь. Под *этим* углом зрения ярче всего выступает различие путей и результатов исследования Родбертуса и Маркса, обусловленное различием исходных предпосылок.

Вопрос о начале, конституирующем избыточную прибыль земледелия в *составную часть цены его продукта*, составляет для Маркса *особую* и притом *решающую* проблему в теории абсолютной ренты. Она сводится к необходимости об'яснить привилегию земледелия продавать в отличие от промышленности свои продукты выше цен производства. Решение этой проблемы выводит нас за пределы эндогенных сил капиталистического процесса ценообразования, оно приводит нас к форме экономической реализации чуждой капиталу силы, противостоящей ему в земледелии—земельной собственности. «...Только вследствие монополии земельной собственности излишек стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства может сделаться моментом, определяющим их общую рыночную цену»¹,—так решает проблему Маркс. Для Родбертуса же вопрос о превращении избыточной прибыли, найденной в стоимости земледельческих продуктов, в *составную часть их цены не представляет вообще никакой проблемы*. И действительно, раз принято «совершенно одинаково с Рикардо, что сельскохозяйственный продукт, *равно как и промышленный*, реализуется по количеству заключающегося в нем труда»², то совершенно очевидно, что избыточная прибыль удерживается в земледелии в результате свободного ничем не ограниченного процесса ценообразования, сводящего цены товаров к их трудовой стоимости как в индустрии, так и в земледелии. У Маркса превращение сверхприбыли в *составную часть цены* сельскохозяйственного продукта выступает как результат интервенции землевладения в царство ценообразующих факторов, как результат их *ограничения*, для Родбертуса—это результат их *неограниченного действия*; для Маркса—рента продукт *монополии*, у Родбертуса она выступает как продукт *конкуренции*. У Маркса земельная собственность в теории абсолютной ренты выступает как активное творческое начало: она *создает*

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, Гиз, 1928, с. 244.

² «Ich habe also angenommen—und zwar gerade wie Ricardo—dass das landwirtschaftliche Produkt sich nach der an ihm haftender Arbeitsquantität verwerthe, und das Fabrikationsprodukt auch» (Dritter Brief, Berlin, 1899, с. 169).

ренту¹; у Родбертуса земельная собственность является лишь *средством присвоения* абсолютной ренты, которая создается помимо нее и без всякого к ней отношения.

Абсолютная рента представляет собой надбавку к стоимости сельскохозяйственного продукта—таково основное положение Маркса. Родбертус утверждает обратное²: «Для того, чтобы получилась земельная рента, не требуется никакой надбавки стоимости...»³ «Земельная рента, заключающаяся отсюда, существует *не* благодаря некоторому возвышению стоимости продукта... И уничтожение... земельной ренты несколько не понизило бы стоимости продукта»⁴,—так неоднократно утверждает Родбертус. Да если он и не говорил бы этого, то это целиком вытекало бы из верховной посылки его теории ренты. Абсолютная рента выступает, таким образом, у Маркса как *фактор* ценообразования, у Родбертуса она только *результат* процесса ценообразования.

Вопрос о каузальном основании абсолютной ренты, взятый в плоскости истории учений о ренте, есть вопрос об отношении Родбертуса и Маркса к теории монополярной ренты Смита-Буханана. Послушаем по этому поводу Родбертуса: «Она (школа Смита-Буханана. Л. Р.) говорит: количество земли ограничено, и она находится в частной собственности; вследствие этого цены сырого продукта увеличиваются настолько, что дают земельную ренту».

«Без сомнения не всегда возможно об'яснить действительно получаемые в настоящее время земельные ренты нормальной стоимостью... Но раз возможно доказать, что земельная рента мыслима и без монополярной цены или при нормальной стоимости, то, понятно, ее принципа не следует искать в монополярной цене. Напротив, тогда ее истинный принцип, как бы он ни изменялся в действительности, принимает иной облик»⁵.

Чтобы установить источник абсолютной ренты, не следует выходить за пределы «нормальной» стоимости продуктов земледелия, т. е. их *трудовой стоимости*,—в этом пункте Маркс и Родбертус сходятся. Но отсюда начинается различие. Родбертус, рассматривающий в теории ренты *трудовую стоимость* как нормальную капиталистическую цену, не может мыслить иной монополярной цены, кроме цены, превышающей трудовую стоимость. Естественно поэтому, что, положив в основу абсолютной ренты *трудовую («нормальную») стоимость* продуктов земледелия, он полагает, что «ее (абсолютной ренты) принципа не следует искать в монополярной

¹ «Если наихудшая земля класса А не может возделываться... пока она не приносит известного избытка над этой ценой производства, известной ренты, то земельная собственность является творческой причиной этого повышения цен. Сама земельная собственность создала ренту» («Капитал», т. III, ч. 2, с. 238. Курсив Маркса).

² В этом пункте Родбертус прямо ссылается на Рикардо. Установив, что «земельная рента может получиться без надбавки к стоимости или цене сельскохозяйственного продукта (Zur Erkenntnis, с. 132), Родбертус тут же пишет: «Рикардо и М. Куллох разделяют тот же взгляд относительно земельной ренты. Они полагают, что... если бы землевладельцы (Grundherren) отказались от этих рент, то это обстоятельство не... способствовало бы понижению цен сырых продуктов» (С. 133).

³ «К освещению», с. 165. Термин «стоимость» (Wert) употребляется Родбертусом в житейском значении, соответствующем понятию реальной цены. Говоря специально о *трудовой* стоимости, он обозначает ее как «стоимость, совпадающую с издержками труда» или как «нормальную стоимость».

⁴ Карл Родбертус-Ягцов, Капитал, 4 письмо к фон-Кирхману, пер. Давыдова. Опущенные здесь места относятся к прибыли.

⁵ Родбертус, Капитал, сс. 17—18.

цене»; естественно, что он отрицает монополичный характер ренты и безоговорочно отвергает методологические основы теории Смита-Буханана («учение о монополичной цене сырого продукта неудовлетворительно»). Он подчиняется здесь строгой логике своей верховной предпосылки. Нельзя считать явление А причиной явления В, если заранее установлено, что В имеет место и там, где А отсутствует. Было бы незаконно усматривать в факте тяготения цены сельскохозяйственного продукта к трудовой стоимости результат влияния земельной собственности, раз предположено, что это имеет место во *всех* сферах, никакого отношения не имеющих к земельной собственности¹.

Постановка вопроса у Маркса диаметрально противоположная. Для Маркса реализация сельскохозяйственного продукта по трудовой стоимости означает одновременно реализацию по монополичной цене. Цена, тяготеющая к трудовой стоимости, и цена монополичная не только не исключают, но, наоборот, предполагают друг друга в земледелии². Одним и тем же положением: *цены продуктов земледелия тяготеют к их трудовой стоимости*—Родбертус отрицает учение о ренте как следствии монополии землевладения, Маркс же *научно формулирует* последнее³.

Роковая ошибка Рикардо: «Капиталистическая цена=трудовой стоимости», родившая в теории ренты Рикардо дилемму: «трудовая стоимость—абсолютная рента»,—воспроизводит в теории Родбертуса новую дилемму: либо трудовая стоимость, либо монополичная природа ренты. В системе Маркса, преодолевшей ошибку Рикардо, обе дилеммы рассеиваются как дым.

Мы можем таким образом отметить исключительно интересное явление: основные черты рикардовой *дифференциальной* ренты преломляются в *абсолютной* ренте Родбертуса. Абсолютная рента не повышает цен продуктов земледелия; она вытекает из цены, но ни в какой мере не определяет последнюю. Рента не имеет влияния на среднюю норму прибыли. Абсолютная рента Родбертуса притекает к земельному собственнику, но она не является следствием современной формы земельной собственности; она, наоборот, мыслима при всякой форме собственности на землю в пределах капитализма. Закон абсолютной ренты Родбертуса, подобно закону дифференциальной ренты Рикардо, по природе своей равнодушен к современному землевладению. Перед нами *абсолютная рента без земельной собственности*.

¹ Отрицая монополичный характер ренты, Родбертус считает необходимым указать, что в этом утверждении нет оправдания земельной ренты, ибо она все же представляет собою прибавочную стоимость, результат неоплаченного труда. «Указание на то, что земельная собственность не создает монополичной цены сырого продукта... это указание еще далеко не оправдывает земельной ренты. Она одинаково остается несправедливостью, берется ли она без монополичной цены непосредственно у действительных производителей, которые получают небольшую часть своего продукта в виде заработной платы, или же она извлекается при помощи монополичной цены *посредственно* из чужих карманов» («Капитал», с. 19, сноска).

² «...Равна ли эта абсолютная рента всему излишку стоимости над ценой производства или же равна лишь части его, и в том и в другом случае земельные продукты продавались бы по монополичной цене не потому, что их цена выше их стоимости, а потому, что она равна их стоимости, или потому, что она ниже их стоимости, но выше их цен производства» («Капитал», т. III, ч. 2, с. 298).

³ «Те, кто выводит земельную ренту из монополии, ошибаются, полагая, будто монополия дает возможность землевладельцу поднимать цену товара выше его стоимости. Она, наоборот, состоит в том, чтобы удерживать стоимость товара выше его цены производства, продавать товар *не выше, а по* его стоимости» («Теория», II, 2, сс. 172—173).

Антагонистические отношения «капитал—земельная собственность» не познаны. Земельная собственность не познана как экономическая категория. Жар-птица улетела, оставив Родбертусу золотое перо: положение о том, что рента *есть* составная часть цены продуктов земледелия.

* * *

Теория ренты Родбертуса вообще не знает земельной собственности, как внешней и чуждой капиталу силы. В отличие от Рикардо, проблема сочетания основных факторов земледельческого производства не рассматривается Родбертусом под углом зрения производственных отношений двух экономических антиподов: арендатора-капиталиста и землевладельца. В теории ренты Родбертуса землевладелец выступает как капиталист и капиталист как землевладелец. Капитал и земельная собственность не существуют раздельно в земледелии.

Адекватно развившиеся капиталистические отношения английской деревни служат об'ектом теории Рикардо. Капиталистический способ производства начал развиваться в Англии в городе и деревне почти одновременно. Ко временам Рикардо капитализм успел столь же основательно изменить систему производственных отношений в сельском хозяйстве, как в промышленности. В рикардовой деревне четко выступают уже очертания трех великих классов, образующих остов современного общества, при чем промежуточные и переходные ступени, затемняющие пограничные линии, представлены здесь слабее, чем в городе. Капиталистическая аренда становится господствующей системой аграрных отношений. Организатором и руководителем земледельческого производства, основанного на наемном труде, становится капиталист-арендатор. Земледелие отделяется от земельной собственности. Подобно королю своему, лэндлорд на землях своих царствует, но не управляет. Рафинированный аристократ, он в отличие от своих грубых предков не имеет прямого отношения к процессу эксплуатации земледельцев, непосредственных производителей. Владея фактором производства, который не может быть создан самим движением капитала, он пред'являет свои права на известную часть прибавочной стоимости, выжатой арендатором-капиталистом; землевладелец выступает как эксплуататор эксплуататоров. *Антагонистические отношения фермера и лэндлорда*—таков об'ект теории ренты Рикардо.

Совсем иначе представляет себе об'ект теории ренты наш «мыслитель из Ягедова». Здесь он весь во власти своих отсталых, «померанских» воззрений. Высокие липы его померанского имения заслоняют Родбертусу широкий капиталистический мир. Если Рикардо в теории ренты исходит из английских аграрных отношений, то Родбертус исходит из прусских. Этот «географический» момент имеет, однако, кардинальное методологическое значение. «...Нельзя сказать, что Рикардо, который... исходит из английских отношений, имеет такой же узкий кругозор, как померанский помещик, мышление которого ограничено померанскими отношениями. Английские отношения являются единственными, в которых современное землевладение, т. е. видоизмененная капиталистическим способом производства земельная собственность, развилось адекватно. Английские воззрения являются классическими для современного капиталистического способа производства. Померанские воззрения, наоборот, рассматривают развитые

отношения с точки зрения исторически более низкой, еще неадекватной формы»¹.

Приступая к исследованию явлений, связанных с распадением прибавочной стоимости на прибыль и ренту, Родбертус предупреждает нас, что «в дальнейшем изложении будет принято, что землевладельцы и капиталисты сами хозяйственно используют свою собственность»². Центральной фигурой земледелия у Родбертуса выступает прусский юнкер-землевладелец—активный агент производства, организатор последнего. Собственник земли всегда выступает у Родбертуса как собственник сельскохозяйственного («сырого») продукта³. Индустриальный продукт принадлежит капиталисту, сельскохозяйственный—помещику. «...Весь национальный продукт известного периода распадается на две части, из которых одна часть принадлежит земельным собственникам; другая—капиталистам»⁴. В отличие от лэндлорда юнкер является владельцем сельскохозяйственного продукта; в отличие от лэндлорда юнкер является и первоначально владельцем выжатой в земледелии прибавочной стоимости. «В соответствии с тем, что сельскохозяйственный продукт принадлежит земельным собственникам, продукт промышленности и транспорта (das Fabrikations und Transportionsprodukt) капиталистам—часть национального дохода, падающая на сельскохозяйственный продукт, принадлежит первоначально земельным собственникам, а часть, приходящая на продукт промышленности и транспорта—капиталистам»⁵. Тот строй земледелия, который лежит в основе теории ренты Родбертуса, не знает отношений арендатора и землевладельца как господствующих отношений. Вот почему антагонистические отношения «капитал—земельная собственность» отсутствуют в теории ренты Родбертуса. Рента трактуется как категория юнкерского хозяйства *an sich*.

Отсюда глубоко различие в постановке проблемы превращения *сверхприбыли в земельную ренту* у Рикардо и Родбертуса. У Рикардо этот момент выступает как живой экономический процесс, наполненный шумом и грохотом сталкивающихся между собой враждебных интересов капиталистов—арендаторов и землевладельцев: это—многосторонний и сложный процесс конкуренции между лэндлордами и фермерами, включающий в себя одновременно борьбу внутри обоих полюсов. У Родбертуса, трактующего ренту как категорию юнкерского хозяйства *an sich*, превращение *сверхприбыли в земельную ренту* не выступает вообще как область экономических отношений; это—*счетная операция*. Очень просто: юнкер-капиталист вычитывает определенную часть своего дохода как прибыль на капитал в соответствии с индустриальной нормой прибыли, остающуюся часть он рассматривает как земельную ренту. «Та часть национального дохода, которая приходится на сельскохозяйственный продукт, первоначально принадлежит земельному собственнику. Последний должен (так же, как и индустриальный капиталист. Л. Р.) одну часть отдать сельскохозяйственным

¹ Маркс, Теории, т. II, 2, с. 7.

² Zur Erkenntnis, с. 64, сноска.

³ «...Г. Родбертус делит «сырой продукт» и «обработанный продукт» между землевладельцем и капиталистом—*petitio principii*. Один капиталист производит сырые продукты, а другой продукты обработанные. Напротив, землевладелец не производит ничего, он не представляет собой и «владельца сырых продуктов». Это представление немецкого «помещика» (Grundbesitzer), каким является Родбертус» (Маркс, Теории, т. I, с. 142).

⁴ Zur Erkenntnis, с. 78.

⁵ Там же, с. 79.

рабочим; другую часть—тем, кто ремонтирует его орудия, амбары, и т. д.; третью часть он должен вычитать себе как *обычную* прибыль на капитал... После всех мыслимых вычетов на руках у него оказывается еще остаток. Этот остаток представляет собой земельную ренту»¹. Превращение *сверхприбыли в ренту* «вытекает из обычного способа вычисления прибыли на капитал»². Здесь нет ни экономической проблемы, ни экономических отношений. «Когда, таким образом, образуется излишек, то ясно, что последний просто должен *рассматриваться и вычитываться как рента, притекающая к земельному собственнику как таковому, или как земельная рента*, ибо он (излишек—Л. Р.) не может быть вычитан на что-либо другое»³. Землевладелец «удержит ее (ренту—Л. Р.) себе исключительно потому, что в качестве землевладельца он является владельцем сырого продукта»⁴.

Не только самый факт *реализации* земледелием *сверхприбыли*, но и превращение ее в земельную ренту рассматриваются в парадоксальной теории абсолютной ренты Родбертуса вне антагонистических отношений «капитал—земельная собственность». Это—специфический продукт рикардовы *логические* предпосылки, сращенных с померанскими *историческими* предпосылками учения Родбертуса.

Различием исторических основ теорий Рикардо и Родбертуса обусловлена и различная трактовка вопроса о норме прибыли на земельный капитал. Оба теоретика ренты устанавливают то положение, что индустриальная норма прибыли определяет собой и норму прибыли на земельный капитал. Но сходство здесь чисто внешнего порядка: у Рикардо указанный постулат имеет глубокий экономический смысл. Им провозглашается примат отношений капитала над отношениями земельной собственности; этим положением далее утверждается, что движение капитала устанавливает строгие лимиты притязаниям лэндлордов на прибавочную стоимость. Всякое заметное изменение индустриальной (она же и всеобщая) нормы прибыли знаменует собой период жестокой борьбы за пересмотр старых арендных договоров, за установление новых арендных ставок при новых договорах; изменение индустриальной нормы прибыли означает реальное изменение экономического положения лэндлорда и фермера, усиление экономических позиций одной из враждующих сторон за счет ослабления другой.

Совершенно иной смысл вкладывает Родбертус в постулат о примате индустриальной нормы прибыли над земельной. Индустриальная норма прибыли выступает у Родбертуса—в соответствии с общим характером его теории ренты—как *счетный масштаб*, руководствуясь которым юнкер относит известную часть своего дохода к рубрике «прибыль на капитал», а излишек—к рубрике «земельная рента». «Так как капитал нужен и в сельском хозяйстве, то и землевладелец должен будет вычитывать прибыль из части Ренты (прибавочной стоимости—Л. Р.), приходящейся на сырой продукт, сообразно этой норме»⁵, т. е. норме прибыли в промыш-

¹ Zur Erkenntnis, с. 81.

² Там же, третья теорема, с. VII.

³ Там же 84. Курсив Родбертуса. Ср. там же, с. 87—88.

⁴ «К освещению», с. 147.

⁵ «К освещению», с. 146. «Рентой» или «рентой вообще» Родбертус, как известно, называет *прибавочную стоимость* в отличие от прибыли («рента на капитал») и земельной ренты. Во избежание путаницы мы будем обозначать первое понятие прописной буквой, как это делает один из русских переводчиков Родбертуса—Кауфман.

ленности. Образование нормы прибыли в промышленности имеет для сельского хозяйства то значение, что «тем самым определяется для земельного собственника та норма, согласно которой ему надлежит высчитывать теперь известную часть приходящегося на него продукта квоты (т. е. части прибавочной стоимости—Л. Р.) как прибыль на его капитал. Таким образом, и остаток представляется как особая рента, именуемая земельной рентой, ибо он (остаток) не может быть высчитан на что-либо другое»¹. Раздельное существование капитала и земельной собственности отсутствуют в объекте родбертусовой теории ренты, естественно поэтому, что вопрос о норме прибыли в земледелии лишен всякого экономического содержания. Наконец, всякое изменение индустриальной нормы прибыли не влечет за собой в земледелии никаких экономических последствий. Дело сводится к перераспределению сумм по счетам: «земельная рента» и «прибыль на капитал». Ничего более.

Где у Рикардо экономические процессы, там у Родбертуса счетные операции; где у Рикардо напряженная борьба экономических интересов, там у Родбертуса только мертвый шелест листов в гроссбухе прусского юнкера. В этом направлении теоретик абсолютной ренты Родбертус значительно более далек от адекватного познания реальных явлений, связанных с земельной рентой, чем теоретик дифференциальной ренты—Рикардо.

II

Подчиняясь традиции, мы не можем уклониться от догматического изложения очень простой по своему содержанию теории ренты Родбертуса. Используем эту обязанность для того, чтобы освободить теорию Родбертуса от одного чуждого, органически с ней не связанного положения, которое неизменно навязывается ей Родбертусом в качестве предпосылки. Это упорно повторяемое положение гласит:

«Я предположил, что Рента делится пропорционально стоимости сырого и промышленного продукта»².

Хочет ли Родбертус сказать, что доля сельского хозяйства и промышленности в совокупной прибавочной стоимости («Ренте») определяется пропорционально стоимости их продукции, независимо от величины прибавочной стоимости, непосредственно содержащейся в стоимости продуктов земледелия и промышленности? Такое толкование заранее исключено, ибо предположено, что сельское хозяйство и промышленность реализуют свои продукты по их трудовым стоимостям. Остается принять марксову интерпретацию приведенного нами положения Родбертуса. «Это положение означает только то, что содержащиеся в товарах прибавочные стоимости отно-

¹ Zur Erkenntnis, с. 85.

² «К освещению», с. 149. «Я принимаю, что Рента распределяется между владельцами сырого и промышленного продукта сообразно стоимости того и другого» (там же с. 145). «Она (теория ренты—Л. Р.) доказывает, что если два различных владельца или два класса предпримут—одни работы по производству сырья, другие промышленную его переработку..., то тогда часть стоимости, остающаяся в качестве Ренты, должна далее делиться между ними пропорционально стоимости сырого и промышленного продукта» (там же, с. 202). «Предположим теперь, что сырой продукт имеет ту же стоимость, как и промышленный продукт... ясно, что там и тут для владельцев остается одинаковая часть стоимости в качестве дохода» (там же, с. 212). См. также Zur Erkenntnis, сс. 75, 82—83.

сятся как их стоимости или, другими словами, что содержащийся в товарах неоплаченный труд относится как количество содержащегося в них труда вообще». Как указывает Маркс, указанный постулат Родбертуса безусловно ошибочен:

При одинаковой норме прибавочной стоимости массы прибавочной стоимости не относятся как стоимости товаров, благодаря различию органического состава капитала.

При одинаковом органическом составе капиталов прибавочные стоимости не относятся как стоимости товаров при различии норм прибавочной стоимости.

Мы указали вначале, что занимающее нас сейчас положение Родбертуса органически не связано с его теорией ренты. Но это не точно. Следовало бы сказать, что оно находится в явном противоречии с последней, исключает ее. В самом деле, что надлежит Родбертусу доказать в теории ренты? Ему надлежит доказать—и он доказывает нам,—что стоимость переменного капитала—употребляя термины Маркса—входит относительно более значительной долей в состав земельного капитала, чем в состав соответствующего по величине промышленного капитала, благодаря отсутствию в земледелии сырья. Устанавливается, иначе говоря, что в одинаковых стоимостях промышленного и сельскохозяйственного продукта непосредственный труд и накопленный содержатся в различной пропорции; в стоимости земельного продукта доля непосредственного труда закономерно выше. Отсюда следует—и в этом конечном выводе заключен весь смысл теории ренты Родбертуса,—что одинаковые стоимости сельскохозяйственного и промышленного продукта закономерно содержат, при равенстве норм прибавочной стоимости, не одинаковые массы прибавочной стоимости. А в качестве предпосылки принимается то положение, что одинаковые стоимости закономерно содержат... одинаковые массы прибавочной стоимости (прибавочные стоимости относятся как стоимости)! Это звучит парадоксально, но это безусловно так. Если действительно «Рента делится пропорционально стоимости сырого и промышленного продукта», то никакого излишка в прибыли в земледелии быть не может. То обстоятельство, что промышленность в отличие от земледелия имеет дело с сырьем, отнюдь не должно иметь своим последствием более низкую индивидуальную норму прибыли, чем в земледелии. Соответственно стоимости сырья, промышленность должна получить соответственно больше прибавочной стоимости, чем земледелие, где в стоимости продукта стоимость сырья отсутствует. Стоимость промышленного продукта выше стоимости земельного на всю стоимость сырья, но соответственно больше должна быть и доля прибавочной стоимости, падающая на промышленность, если действительно прибавочные стоимости закономерно относятся как стоимости.

Вот почему Родбертус считает необходимым дать следующий комментарий к цитируемому нами положению.

«Этим само собою (!) подразумевается, что величина этих частей Ренты определяется не величиной капитала, на который высчитывается прибыль, но непосредственным трудом, сельскохозяйственным или промышленным, плюс тот труд, который должен быть присчитан вследствие изношенности орудий и машин»¹.

¹ «К освещению», с. 49.

Стоимость сырого материала, в качестве фактора, определяющего величину прибавочной стоимости, содержащейся в промышленном продукте, *игнорируется*; стоимость орудий и машин таким фактором *объявляется*. По остроумному замечанию Маркса, «на буксире» протаскиваются машины, чтобы «выкинуть за борт» сырье. На каком основании совершается то и другое? Рационального основания Родбертус указать не может. Тесный своей ошибочной посылкой, Родбертус уходит все дальше от дела и выдвигает ряд нелепых положений, противоречащих его собственному учению о стоимости и прибавочной стоимости; положения эти подвергнуты Марксом беспощадной критике.

Мы не последуем за Родбертусом в данном направлении. Мы можем ограничиться констатацией ошибочности положения о том, что прибавочные стоимости относятся как стоимости. С устранением этого положения падает вся запутанная изгородь, которой Родбертус окружил свое учение о ренте. Остается совершенно ясная и простая «теорема». При одинаковых нормах прибавочной стоимости, одинаковые массы прибавочной стоимости приходятся в земледелии на меньший капитал, чем в промышленности, что обусловлено отсутствием в исчисляемых издержках производства земледелия стоимости сырого материала. Отсюда—более высокая сравнительно с промышленностью индивидуальная норма прибыли в земледелии. А так как норма прибыли на промышленный капитал определяет собой *всеобщую* норму прибыли, обязательную и для земледелия, то разница между индивидуальной нормой прибыли земледелия и индустриальной нормой прибыли образует абсолютную ренту.

Продемонстрируем это примером:

Допустим, что в сельском хозяйстве затрачено 100 единиц труда в течение известного производственного периода. Столько же единиц непосредственного труда затрачено в индустрии. Стоимость сырого материала в индустрии—100, в сельском хозяйстве она равна 0. «Сельское хозяйство не нуждается в продукте какого-либо предшествующего производства как в материале». Пусть стоимость рабочей силы—60. В обеих сферах образуется таким образом масса прибавочной стоимости, равная в каждой 40 (100—60). Различие¹ в основном капитале Родбертус всегда игнорирует, поэтому мы от него отвлекаемся. К концу производственного периода индустрия реализует свою продукцию по ее трудовой стоимости—200 (100 единиц непосредственного труда+100 единиц перенесенной стоимости сырья). Прибавочная стоимость=40. Капитал=160 (100 на сырье+60 на зарплату). Норма прибыли в индустрии=40:160=25%.

Сельское хозяйство также реализует свой продукт по трудовой стоимости=100. Его издержки производства=60—затрате на зарплату. Второй статьи издержек производства в промышленности—затрат на сырье—оно не имеет. Индивидуальная норма прибыли земледелия равняется таким образом $40 : 60 = 66\frac{2}{3}\%$.

Принято далее, что индустриальная прибыль устанавливает норму прибыли для земледельческого капитала. В данном случае она равняется 25%. Если вычесть из общей массы прибавочной стоимости, содержащейся в стоимости земледельческого продукта (40), 25% на капитал в 60, то остается еще 25 единиц прибавочной стоимости, образующих собою абсолютную земельную ренту. Земельная рента вытекает всегда из закономерно образующейся разницы между индивидуальной нормой прибыли земледелия и индустриальной нормой прибыли (она же и всеобщая); эта разница обусловлена отсутствием сырья в издержках производства земледелия.

Иллюстрация нормы прибыли (она же и всеобщая); эта разница обусловлена отсутствием сырья в издержках производства земледелия.

Изложенная в терминах Маркса «теорема» Родбертуса сводится к тому, что в одинаковых стоимостях земледельческого и промышленного продукта должны содержаться *различные* массы прибавочной стоимости, благодаря различию состава сельскохозяйственного и индустриального капитала по стоимости. Относительно низкий состав земледельческого капитала по стоимости, обусловленный отсутствием в нем стоимости сырья, приводит к тому, что земледельческий капитал закономерно приносит некоторый излишек прибыли над индустриальной (она же и всеобщая) нормой прибыли. Этот излишек представляет собой абсолютную ренту.

III

Научная критика и критика жизни (широкое внедрение денежных отношений в земледелии) давно уже опровергли положение Родбертуса об отсутствии стоимости сырья в исчисляемых издержках земледелия. Доказывать несостоятельность родбертусова «тезиса о сырье», особенно после всего сказанного по сему поводу Марксом, было бы делом столь же праздным, сколь и скучным.

Следует однако заметить, что критика учения Родбертуса отнюдь не может быть исчерпана опровержением «тезиса о сырье». Доказательство *наличия* сырья в издержках производства земледелия само по себе не влечет за собой крушения теории ренты Родбертуса. Остается, во-первых, широкая рентная область—добывающая промышленность, где отсутствие сырья несомненно¹. Изгнанный с полей, Родбертус может уйти в рудники. Во-вторых, внутренняя логика теории Родбертуса вовсе не требует абсолютного отрицания наличия стоимости сырья в составе земледельческого капитала. Эта крайность совсем не обязательна. Достаточно принять, что доля сырья в стоимости земледельческого капитала закономерно *меньше*, чем доля сырья в капитале обрабатывающей промышленности². Тот, кто хотел бы свести критику теории ренты Родбертуса к критике его учения о сыром материале в сельском хозяйстве, должен был бы доказать, что стоимость сырья *не* представляет собою меньшей доли в составе земледельческого капитала сравнительно с капиталом промышленным. А это, пожалуй, вообще недоказуемо³.

¹ «...Абсолютная рента играет еще более значительную роль в собственно добывающей промышленности, где один элемент постоянного капитала, сырой материал, совершенно отпадает»... (Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 1928 г., с. 252).

² В «Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes» Родбертус, излагая теорию ренты, значительно осторожнее формулирует свой «тезис о сырье», чем в других работах. Здесь он говорит: «То, что входит в понятие о материале в фабричных предприятиях или совершенно отсутствует в земледелии, либо составляет продукт собственного хозяйства, а потому совсем не требует издержек, или *требует их в очень ограниченных размерах*» (ч. 1, стр. 123. Курсив наш).

³ «...Сельское хозяйство,—пишет например Каутский,—принадлежит к числу тех отраслей промышленности, которые почти не перерабатывают производимого ими *сырого материала* и потому требуют низшего строения капитала, по крайней мере пока не достигнут известной ступени технического развития. Родбертус, заслуга которого состоит в том, что он первый указал на проистекающую отсюда избыточную прибыль сельского хозяйства, как на источник земельной ренты,—ошибается, думая, будто низшее строение сельскохозяйственного капитала обусловливается природой вещей и обязательно при всех обстоятельствах» (Аграрный вопрос, 1923 г., «Пролетарий», стр. 53).

Критика Родбертуса тем более не может ограничиться критикой его «тезиса о сырье», что *своеобразие* теории ренты Родбертуса вовсе не сводится исключительно к указанному им материальному источнику сверхприбыли в земледелии. Можно, как мы уже показали, условно ввести в систему Родбертуса марксово различие органического состава капитала в качестве источника сверхприбыли, и все же абсолютная рента Родбертуса останется по природе своей, по своему казуальному основанию *totò coelo* отличной от марксовой абсолютной ренты.

Самобытность теории ренты Родбертуса обусловлена ее верховной предпосылкой: «*Все продукты реализуются по количеству заключающегося в них труда*». Сокрушить теорию ренты Родбертуса в самом ее основании—это значит опровергнуть рикардов постулат: капиталистическая цена тяготеет во всех сферах производства к трудовой стоимости.

Дальнейшее покажет, что *своеобразнее* критика указанного постулата Рикардо, лежащего в основе теории ренты Родбертуса, дается нам самим Родбертусом. Тем самым вопрос об *истинности* теории ренты Родбертуса переносится в область исследования ее *формальной правильности*, ее соответствия остальным частям теоретической системы Родбертуса.

Следуя таким путем, мы наталкиваемся в системе Родбертуса на вопиющее противоречие. Заключается оно в следующем: строя свое учение о ренте на доказательстве того, что одинаковые капиталы приносят *различные* массы прибыли, *потому что их продукты реализуются по трудовой стоимости*, Родбертус в учении о ценообразовании утверждает обратное: именно потому, что одинаковые капиталы *должны* приносить *одинаковые* массы прибыли, продукты *не могут продаваться по трудовой стоимости*. В интересующей нас связи это противоречие имеет еще более конкретное выражение: утверждая в теории ренты, что при реализации продуктов по трудовой стоимости различия по линии сырья влекут за собой разницу в реализуемых одинаковыми капиталами массах прибыли, Родбертус в учении о ценообразовании доказывает обратное: именно потому, что существуют различия по линии сырья, продукты капиталов различных отраслей не могут быть реализуемы по их трудовой стоимости.

Родбертус, принимающий в теории ренты, что «все продукты реализуются по количеству заключающегося в них труда», решительно заявляет нам в теории ценообразования, что «принятый Рикардо и М. Куллохом закон, по которому продукты обмениваются по заключенному в них труду, должен по необходимости измениться в настоящее время под влиянием другого и несомненно более достоверного закона, по которому прибыль на капитал стремится повсюду к равенству»¹. Более того, в «Капитале» Родбертус ставит себе в особую заслугу, что он, якобы, «первый из экономистов» доказал неизбежность модифицирующего влияния закона равенства прибылей на закон трудовой стоимости.

Ход мыслей Родбертуса, относящихся к этой области, таков: «Нельзя думать,—говорит Родбертус,—что во всех отраслях получалась бы *равная* прибыль, если бы стоимость каждого продукта в отдельности всегда регулировалась бы издержками труда»². В современной системе общественного разделения труда каждый продукт в течение своего производственного бытия проходит через ряд предприятий, принадлежащих различным вла-

¹ Zur Erkenntnis, с. 131.

² Там же, с. 111.

дельцам-капиталистам. Следующие друг за другом стадии производства готового блага—изготовление сырья, полуфабриката, фабриката—обособляются в отдельные отрасли народного хозяйства. Продукт каждой предыдущей ступени производства становится сырым материалом на последующей ступени. «Производство всякого блага распадается на различные последовательные промыслы, и для каждого промысла продукт предыдущего промысла служит материалом»¹. Совершенно очевидно, что стоимость сырого материала на каждой последующей ступени производства известного блага закономерно выше, чем на предыдущей (в ткацком предприятии, напр., выше чем в прядильном). «В предпринимательском фонде фигурирует материал, как одна из самых значительных цифр, и эта цифра необходимо должна быть, при прочих равных условиях, тем больше, чем ближе стоит данное предприятие к завершению производства данного блага»². Примем теперь для простоты, что затраты на заработную плату на всех ступенях производства одинаковы; нормы прибавочной стоимости (Ренты) также одинаковы. Получается, что при реализации по трудовой стоимости капиталы, занятые на различных стадиях производства известного блага, должны приносить самые различные нормы прибыли, благодаря различию стоимости сырья. «Если в каждом отдельном случае или на каждой ступени продукт обменивался в точном соответствии с заключенным в нем трудом... прибыль на капитал необходимо должна была быть неодинаковой, ибо в обоих предприятиях цифры материала неодинаковы»³. Но этого не может быть, «ибо никто не вкладывает свой фонд в предприятие, которое не дает пропорционально столько же прибыли, как все прочие» (там же).

Вот еще пример. «Предположите, что производство данного блага распадается на четыре отдела, которые требуют одинакового количества труда и составляют отдельные предприятия!.. Последний предприниматель должен был бы получить большую прибыль на капитал, хотя он употребил в дело не больше работников, чем первый или второй»⁴. Равным образом, второй предприниматель должен был бы получить меньшую прибыль на капитал. Действительно, в последнем предприятии необходимый материал, будучи продуктом большего количества труда, чем материал второго предприятия, имел бы также тем большую стоимость. Поэтому, если бы продукт каждого из обоих предприятий продавался в полном соответствии с издержками труда, то остаток стоимости, идущий в прибыль на капитал, в последнем предприятии дал бы слишком низкую, а во втором слишком высокую прибыль. Но конкуренция требует одинаковой прибыли, и, таким образом, положение, что стоимость продукта, равная издержкам труда, была бы достаточна для доставления наших рент на капитал, без сомнения, нарушается законом пропорциональности прибылей в отдельных предприятиях, на которые в настоящее время распадается производство одного и того же блага»⁵. Модифицирующее влияние закона пропорциональности прибылей на закон стоимости проявится в том, что

¹ Капитал, сс. 5—6.

² Zur Erkenntnis, с. 130.

³ Там же, с. 130.

⁴ Ибо на то же количество работников приходится относительно больший капитал, так как стоимость сырого материала в последнем предприятии закономерно выше, чем в других. (Л. Р.)

⁵ Капитал, с. 8.

«рыночная стоимость продукта последнего предприятия должна подняться выше нормальной (т. е. трудовой—Л. Р.) стоимости, но в предшествующем предприятии она должна упасть ниже этой стоимости для того, чтобы в обоих случаях могла получиться одинаковая прибыль»¹. «Я первый, как мне кажется, из экономистов,—говорит Родбертус,—указал на то, что устанавливаемый английской школой закон тяготения рыночной стоимости к количеству труда не выполняется в этом случае»².

Изложенная концепция Родбертуса сводится вкратце к следующему: Различная стоимость сырья приводит к тому, что одинаковые массы прибавочной стоимости приходятся на различные капиталы, занятые на различных ступенях производства любого блага. В трудовых стоимостях продуктов различных капиталов содержатся одинаковые массы прибавочной стоимости. Если бы продукты в каждой стадии производства обменивались бы в точном соответствии с заключенным в них трудом, капиталы, создавшие их, должны были бы приносить неодинаковые нормы прибыли, что противоречит закону средней прибыли. Равенство прибылей достигается через закономерное и постоянное отклонение цен от трудовой стоимости. Продукт тех ступеней производства, где состав капитала по стоимости относительно высок, продается выше своей трудовой стоимости,—где состав капитала относительно низок, там продукты реализуются ниже стоимости.

Мы встречаем у Родбертуса элементы рационального решения антиномии «средняя прибыль—трудовая стоимость». Он утверждает, что явления, связанные со всеобщей нормой прибыли, «не устраняют нормальной (трудовой—Л. Р.) стоимости в общем, т. е. для всего национального продукта»³. Ограничения того положения, что цены тяготеют к трудовым стоимостям, обязанным своим происхождением закону равенства прибылей, «показывают лишь, что это положение не может осуществляться ныне im Einzelnen, но они все же не исключают его всеобщей истинности»⁴. Однако, суждения Родбертуса в этой области не выходят за пределы отдельных замечаний.

Таково учение Родбертуса о модифицирующем влиянии закона средней прибыли на закон трудовой стоимости. До перехода к анализу отношения этой системы мыслей к теории ренты посвятим несколько слов данной концепции, как таковой.

Следует раньше всего, *встав на точку зрения Родбертуса*, отметить неправомерность ограничения сферы модифицирующего влияния закона пропорциональности прибылей на процесс ценообразования пределами *следующих друг за другом ступеней производства одного и того же блага*. Различия в стоимости материала, лежащие по Родбертусу в основе этой области явлений, закономерно выступают и *между рядом существующими сферами производства различных благ*. Разница в составе капитала по стоимости, если исходить исключительно из стоимости сырья, должна быть не только, скажем, на различных ступенях производства хлопчатой бумаги (хлопковые плантации, прядильные предприятия, ткацкие), но и между хлопчатобумажной промышленностью в целом и шерстяной, железоделательной и

¹ *Ib.*, с. 10.

² *Ib.*, с. 8.

³ *Ib.*, с. 15.

⁴ Zur Erkenntnis, с. 132.

т. д. и т. д. Тот же фактор, который приводит, по Родбертусу, к различиям в составе капитала, действует, очевидно, не только по вертикальному, но и по горизонтальным линиям хозяйственного поля. Последовательное развитие точки зрения Родбертуса властно требует поэтому включения в сферу модифицирующего влияния всеобщей нормы прибыли на закон стоимости как вертикалей, так и горизонталей народного хозяйства.

Характерно далее то обстоятельство, что коллизия между трудовой стоимостью и средней прибылью рассматривается Родбертусом исключительно под углом зрения состава капитала *по стоимости*. В отличие от Рикардо, различие *технического* состава капитала совершенно не привлекает внимания Родбертуса. Думается, что это не случайно. Здесь, как в постановке проблемы ренты, учении о сырье в земледелии и многом другом, снова сказывается «померанская» ограниченность Родбертуса; сказывается сложное влияние отсталых отношений Германии первых десятилетий XIX века на смелую теоретическую мысль Родбертуса¹. Чем ниже технический состав общественного капитала в целом, тем *слабее* различия технического состава капиталов отдельных сфер производства. Только технической слабостью производственного аппарата Германии для каждого периода можно об'яснить то, что Родбертус упорно игнорирует основной капитал в своих рассуждениях о всеобщей норме прибыли. «Я не принял здесь во внимание,—говорит Родбертус,—различных орудий... *но значительно большую часть во всяком капитале составляет материал*»². Имея перед собой производственную систему с небольшим и примитивным основным капиталом, внимание Родбертуса концентрируется исключительно на различиях в составе капиталов по стоимости, обусловленных различием стоимости сырья в отдельных отраслях. В этой области, как и во многих других, Родбертус не может подняться выше своей низенькой, дряхлой, померанской колокольни.

Вернемся, однако, от теории ценообразования к теории ренты Родбертуса. Перед нами два основных массива народного хозяйства: сельское хозяйство и промышленность; две следующие друг за другом ступени производства. Нам заявляют, что продукты этих двух «производственных отделов» (Родбертус) реализуются по трудовой стоимости. Памятуя сказанное в учении о ценообразовании, мы обязаны отсюда заключить, что капиталы обеих сфер имеют *одинаковый* состав. И вдруг оказывается, что рента обязана своим происхождением именно *различию* их состава! Нам заявляли в учении о ценообразовании, что различия в стоимости сырья *не* оказывают влияния на *реализуемые* одинаковыми капиталами массы прибыли; в теории ренты нас приглашают верить тому, что именно под *этим* влиянием образуется рента! Но если нам все время доказывают, что все люди умирают, то почему мы должны вдруг поверить, что Кай бессмертен? Может быть оно и так, но для доказательства подобного положения

¹ Вся теоретическая система Родбертуса, вплоть до всех почти деталей, создана им в конце 30-х годов и изложена в «Zur Erkenntnis» (1842 г.). Р. Люксембург справедливо замечает, что Родбертус «всю жизнь пережевывает лишь идеи, которые он уже в 1842 году высказал в своем «Zur Erkenntnis» («Накопление», изд. 3, с. 261).

² Капитал, стр. 6. Последнее слово подчеркнуто Родбертусом. «Производство всякого блага распадается на различные последовательные промысла, и для каждого промысла продукт предыдущего промысла служит материалом. Но материал этот и является самой значительной составной частью капитала каждого последующего промысла» (там же, стр. 5—6. Курсив наш).

должны быть приведены *особые* основания, не действительные для других людей. В монопольном характере ренты могло быть найдено основание тому, что земледелие не входит в сферу нивелирующего действия закона равенства прибылей. Этого единственного рационального основания нет и быть не может в теории ренты Родбертуса, исходящей целиком из рикардовой предпосылки об *одинаковой* природе процесса ценообразования в земледелии и в индустрии; своеобразии учения Родбертуса в том и состоит, что оно *отрицает* монопольный характер ренты и стремится доказать, что причину абсолютной ренты следует искать вне земельной собственности.

Все изложенное дает нам право согласиться с суровым приговором Плеханова, гласящим, что теория ренты Родбертуса есть результат непоследовательности ее автора. «Из двух воззрений он должен был остановиться на каком-нибудь одном: он должен был или признать, или отрицать изменение общего закона меновой стоимости под влиянием стремления прибыли к одинаковому уровню. В первом случае его земельная рента не может иметь места потому, что стоимость фабричных продуктов превышает количество труда, затраченного на их производство, стоимость же земледельческих продуктов опускается ниже этой нормы, так как фабричная деятельность нуждается в более дорогом материале, чем земледелие. Благодаря этому отклонению меновой стоимости от обычной ее нормы, уровень прибыли будет одинаков во всех предприятиях, и составляющей земельную ренту остаток прибыли земледельческих предприятий будет равняться нулю. Во втором случае Родбертус действительно мог с грехом пополам доказать, что земледельческие предприятия должны приносить сверх обычной прибыли еще известный остаток в виде земельной ренты. Но оставаясь последовательным, он должен был притти к тому неизбежному выводу, что подобный же остаток дают и фабричные предприятия»¹. В первом случае (признание модифицирующего влияния средней прибыли) рента вообще отпадает, во втором случае (отрицание указанного влияния) отрицается ее—ренты—своеобразие, как особого вида дохода; она превращается в реализуемый многими отраслями с относительно низким составом капитала излишек прибыли, в полном противоречии с законом равенства прибылей.

Родбертус *неправильно* установил источник избыточной прибыли земледелия,—мы допустили, что он установил его *правильно*. Найдено далее вопиющее противоречие между теорией ренты и теорией ценообразования Родбертуса,—*забудем сейчас и про это*. Принято, что ход рассуждения Родбертуса свободен от внутреннего противоречия,—верен ли его результат? Ни в какой мере. Пусть излишек прибыли, реализуемый по Родбертусу в земледелии, найден правильно и не противоречит учению о ценообразовании. Но он *не может быть реализован!* Родбертус не поставил за ним никакого реального начала, конституирующего его в составную часть цены сельскохозяйственного продукта, никакой силы, удерживающей его в земледелии. Этот *излишек* прибыли ничем не защищен от жадных рук закона равенства прибылей. В колеснице конкуренции наш самодержец торжествующе врывается в земледелие и похищает мифическую процессу «Сверхприбыль». Лишенная спинного хребта—принципа монополии,

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения. ГИЗ, 3-е изд., т. I, стр. 357.

теория ренты Родбертуса падает при первом столкновении с беспощадным в своей реальности «законом пропорциональности прибылей»¹.

Подставив теорию ренты Родбертуса под сокрушающие удары закона равенства прибылей, критика обязана вместе с тем рассмотреть соображения, выдвигаемые Родбертусом в защиту того, что он игнорирует в теории ренты видоизменяющее влияние всеобщей нормы прибыли на первоначальный закон трудовой стоимости. К этому мы сейчас приступаем. Но прежде чем заслушать вынужденный ответ Родбертуса на «проклятый» вопрос, последуем за ним туда, где он от ответа уклоняется.

В «Zur Erkenntnis» Родбертус, повидимому, не сознает еще рокового противоречия между его теорией ренты и теорией ценообразования. Он буквально натывается и все же не замечает его. Так, в одном месте Родбертус пишет:

«Рикардо принимает, что на худшей из обработанных почв не получается никакой ренты и *все же* (курсив Родбертуса) продукт ее обладает стоимостью, равной заключенному в нем труду. Это—противоречие, в которое Рикардо впадает потому, что у него стоимость продукта худшей почвы регулируется принципом равенства прибыли на капитал; но этот принцип как раз нарушает в каждом отдельном случае то положение, что стоимость совпадает с издержками труда»².

Мы имеем здесь дело с интересным и глубоким замечанием. Но Родбертус не замечает, что в борьбе с Рикардо, он, увлекшись, очутился на краю пропасти, поглощающей его собственную теорию ренты. Родбертус говорит: Рикардо потому отрицает ренту с худшего участка, что полагает, будто продажа по трудовой стоимости может дать регулируемому предприятию только среднюю прибыль (или, по выражению Родбертуса,—трудовая стоимость «регулируется принципом равенства прибыли»). Между тем закон равенства прибылей как раз приводит к тому, что продажная стоимость отдельных товаров не может совпадать с затраченным трудом! Это прекрасно, но на каком основании, спрашивается, сам Родбертус исходит в своей теории ренты из положения о реализации товаров по трудовой стоимости? «Если стоимость сельскохозяйственного продукта равна издержкам труда, то рента *должна* получаться как было показано выше»—добавляет Родбертус к цитированному замечанию. Действительно, «выше было показано», что при реализации индустриальных и земледельческих товаров *по трудовой стоимости* земледелие должно давать абсолютную ренту. Но как быть с законом равенства прибылей, который «как раз нарушает в каждом от-

¹ Вместе с другими критиками Родбертуса авторы, критикующие его теорию ренты, отправляясь от закона равенства прибылей—Zuns («Einiges über Rodbertus»), Oppenheimer («David Ricardo's Grundrententheorie»), Лексис («Zur Kritik d. Rodbertus'schen Theorien»), Бем-Баверк («Капитал и прибыль»), а также и Плеханов,—все они игнорируют вопрос о месте, которое занимает земельная собственность в теории ренты Родбертуса, опуская, таким образом, проблему всех проблем *всякой* теории ренты («земельная собственность—рента»). Это обстоятельство как бы притупляет их аргументацию, лишает ее остроты и значительной доли убедительности. Над апелляцией этих авторов к теории уравнивания прибылей вечно носится вопрос: «А земельная собственность?» И вот в связи с этим разыгрывается веселая история: в полемическую схватку ввязывается Marian («Ein Beitrag zur Untersuchung d. Grundrentenatur»), юный и храбрый диссертант; защищая Родбертуса, он «усмиряет» закон уравнивания прибылей цитатами из теории ренты... Маркса (модифицирующее влияние земельной собственности на процесс ценообразования)—«Moritz, du bist ein grosser Mann!».

² Zur Erkenntnis, с. 89.

дельном случае то положение, что стоимость совпадает с издержками труда? На этот вопрос мы в «Zur Erkenntnis» не находим ответа.

В «Третьем письме» Родбертус откликается на критические замечания Трунка, направленные против его теории ренты. Он цитирует следующий отрывок из статьи Трунка:

«Ошибка заключается в предположении Родбертуса, будто бы излишек, остающийся в виде Ренты, распадается на две наперед определенные доли, из которых одна достается промышленному капиталу, а другая—капиталу в производстве сырья, тогда как эти доли могут быть определены как раз только по величине капиталов; поэтому, коль скоро не входит в счет материал, это имеет влияние на всю долю сельскохозяйственного капитала¹.

Трунк, отправляясь от всеобщей нормы прибыли, рассуждает весьма логично: Масса прибыли, выпадающая на долю отдельных капиталов, зависит исключительно от величины последних. Если земельный капитал меньше промышленного на всю стоимость сырья, обрабатываемого в промышленности, то он должен, на основе закона равенства прибылей, принести соответственно меньше прибыли. Никакого излишка прибыли—ренты—быть не должно.

«Трунк,—возражает Родбертус,—упускает здесь из виду очень многое. Прежде всего он не заметил, что я принимаю ту же предпосылку, что и Рикардо в его системе и в частности, в теории ренты, а именно, что все продукты реализуются по количеству заключающегося в них труда; ибо, очевидно, нельзя заставлять стоимость танцевать вверх и вниз, если хотят раскрыть такой принцип, как принцип земельной ренты»². Далее Родбертусу нетрудно доказать Трунку, что при предпосылке Рикардо отсутствие сырья в земледелии должно привести к образованию сверхприбыли.

Совершенно очевидно, что Родбертус уклоняется от ответа, прибегая к наивной подстановке. Конечно, «если хотят раскрыть такой принцип, как принцип земельной ренты», следует брать не индивидуальные цены во всей их случайности, а средние цены, не конкретное движение цен, а их математический предел. Конечно, «нельзя заставить стоимость танцевать вверх и вниз», но нельзя же, «танцуя», отмахнуться от основного вопроса, прямо вытекающего из замечания Трунка: на каком основании за основу исследования берутся средние цены, совпадающие во всех сферах с трудовой стоимостью, если это противоречит закону равенства прибылей?

В «Капитале» мы узнаем от Родбертуса, что фон-Кирхман оспаривал правильность основной предпосылки его теории ренты. В связи с этим Родбертус выдвигает здесь основной аргумент, призванный доказать правомерность того, что он отвлекается в учении о ренте от модифицирующего влияния всеобщей нормы прибыли на закон трудовой стоимости. Развиваемые здесь мысли представляют собой единственную солидную защиту Родбертусом основ своей теории ренты, постараемся поэтому передать их возможно точнее.

«Чтобы познать закон в его чистом виде,—говорит Родбертус,—необходимо наперед освободить его... от влияния законов, исследовать которые надлежит позднее, и, таким образом, отношения всегда необходимо сводить к их простейшему выражению. Мне кажется, что логика не только дозволяет, но и требует этого»³.

¹ К освещению, с. 151. Курсив Трунка.

² Там же. Курсив Родбертуса.

³ «Капитал», с. 12.

Установив это бесспорное правило абстрактно-дедуктивного мышления, Родбертус затем намечает в теории распределения три ступени исследования, находящиеся между собою в отношении строгой иерархии. Установление природы Ренты (прибавочной стоимости) представляет собою первую ступень исследования. Вторая ступень—это установление принципа распределения Ренты между земельными собственниками и собственниками капитала (распадение прибавочной стоимости на прибыль и земельную ренту). Установление законов распределения земельной ренты между отдельными собственниками земли (закон дифференциальной ренты) и распределения ренты на капитал между отдельными собственниками капитала (закон равенства прибылей) представляет собою третью ступень исследования. «Закон Ренты вообще... предшествует закону ее распределения между земельными собственниками и собственниками капитала, а этот последний закон, естественно, имеет первенство перед законом распределения земельной ренты или ренты на капитал между отдельными земельными собственниками или собственниками капитала»¹.

Когда исследуются законы первого порядка, необходимо отвлекаться от всего того, что связано с влиянием законов второго порядка; при исследовании последних необходимо отвлекаться от влияния законов третьего порядка. «Поэтому, чтобы найти принцип Ренты вообще... должно отвлекаться от тех причин, которые обуславливают разделение Ренты вообще на земельную ренту и ренту на капитал»². «Чтобы затем найти принцип разделения Ренты на земельную ренту и ренту на капитал, снова необходимо отвлекаться от причин, определяющих распределение земельной ренты между различными земельными собственниками и ренты на капитал—между отдельными собственниками капитала»³.

Родбертус полагает, что «большинство политико-экономов», в том числе и классики, допускают «грубую логическую ошибку», когда они в теории распределения начинают сразу оперировать законом третьего порядка, законом «пропорциональности прибылей», не установив предварительно природы Ренты (прибавочной стоимости). «Они оперируют, таким образом, при помощи закона третьего порядка, не имея в руках более основных законов»⁴.

Поскольку закон земельной ренты выступает как закон второго порядка, можно и должно при установлении его отвлекаться от модифицирующего влияния закона третьего порядка, закона равенства прибылей; можно, следовательно, предположить реализацию всех товаров по их трудовым стоимостям.

Так говорит Родбертус:

Допустим на минуту, что он прав. Допустим, что развитые им мысли вполне доказывают формальную правильность его теории ренты. Но этим ведь материальная истинность теории отнюдь не доказана. Согласимся с тем, что Родбертус имел право на данной стадии исследования принять предпосылку Рикардо; пусть далее доказано, что Рикардо, отрицая абсолютную ренту, «впадает в противоречие с собственным своим основным принципом, что каждый продукт, в том числе и сырой продукт, реали-

¹ «Капитал», с. 12. Курсив Родбертуса.

² Там же, с. 12.

³ Там же, с. 13.

⁴ Там же, с. 16.

зуется по количеству затраченного труда»; доказано, что, реализуя свой продукт по трудовой стоимости, земледелие должно реализовать излишек прибыли—абсолютную ренту. Но совершенно очевидно, что как только мы поднимаемся на следующую ступень исследования, включаем закон «третьего ранга»—закон равенства прибылей, излишек прибылей земледелия бесследно исчезает. Теория ренты Родбертуса представляется в этом свете как полемический выпад против Рикардо, но отнюдь не как познанная часть реальной экономической действительности. Это во-первых.

Но действительно ли правомерен намеченный Родбертусом путь исследования? То, что Родбертус в отличие от классиков изучает прибавочную стоимость *ex professo*, не смешивая ее с отдельными ее формами—прибылью и рентой, составляет его бесспорную заслугу в методологии нашей науки. Но вопрос о том, должна ли земельная рента предшествовать в научном анализе изучению всеобщей нормы прибыли; другими словами, вопрос о приоритете в исследовании отношений земельной собственности над отношениями капитала не может быть решен при помощи извне привнесенной логической схемы—пусть изящной и стройной. Решение этого вопроса может быть дано лишь самим объектом науки. Порядок исследования категорий определяется и может определяться только тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном обществе. «Капитал—это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять начальный и конечный пункт, и его понятие надлежит развить раньше, чем понятие земельной собственности» (Маркс). Что капитал выступает как *privus* по отношению к земельной собственности, раньше всего проявляется в том, что современная рента представляет собой *излишек над средней прибылью*. Это знает и Родбертус, хотя содержание данного определения у него несравненно беднее, чем у Рикардо, у которого оно предполагает, что землю эксплуатирует капиталист, ожидающий средней прибыли для этого особого применения капитала, что земледелие подчинено капиталистическому способу производства. Но как бы то ни было, Родбертус трактует всегда ренту как излишек над средней прибылью, и не подлежит сомнению, что исследование закона образования средней прибыли должно предшествовать исследованию происхождения и движения излишка над средней прибылью—ренты. Подчиняясь своей надуманной логической схеме, Родбертус устанавливает приоритет отношений земельной собственности над отношениями капитала и считает себя в праве отвлечься в теории ренты от модификации закона трудовой стоимости, идущей со стороны «распределения ренты на капитал между отдельными собственниками капитала». Но судьба его принципа абсолютной ренты, уничтожаемого законом равенства прибылей, как раз доказывает нам, что «земельная рента не может быть понята без капитала».

Но оставим это в стороне. Допустим, что путь исследования, намеченный Родбертусом, закончен. Проследим сейчас, как Родбертус следует им самим предначертанным путем. Отвлекается ли действительно Родбертус, исследуя закон второго порядка—закон ренты, от категории третьего ранга—всеобщей нормы прибыли? Отнюдь нет. Попирая все элементарные требования логики, наш строгий логик *включает* в исследование ренты всеобщую норму прибыли, *но отвлекается от ее модифицирующего влияния на закон стоимости*. В самом деле, каков ход рассуждения Родбертуса в теории ренты? Установлено, что *при реализации товаров по трудовой стоимости* индивидуальная норма прибыли земледельческого капитала зако-

номерно выше нормы прибыли на индустриальный капитал; перед нами пока *прибыль*, а не рента. Известная часть этой прибыли выделяется в особую рубрику «земельная рента», когда в анализ включается *всеобщая* норма прибыли, и лишь постольку, поскольку постулируется то положение, что индустриальная прибыль определяет собой *единую* норму прибыли на капитал. Закон средней прибыли представляет собой тот мост, по которому Родбертус в теории ренты переходит от индивидуальной нормы прибыли земледелия к абсолютной ренте. Везде, где Родбертус излагает теорию ренты, он оперирует средней нормой прибыли. Вот например типичный для Родбертуса образец изложения теории ренты: отступление сырья влечет за собой то, что *если стоимость сельскохозяйственного и фабричного продукта регулируется заключенным в них трудом* (курсив Родбертуса)... в земледельческих предприятиях должна—*при законе равенства прибылей*—оставаться некоторая часть дохода, которая уже не может идти в расчет, как прибыль на капитал; она притекает к земельному собственнику, как таковому, и потому очень удачно называется *земельной рентой*¹. Закон равенства прибылей в исследовании ренты включается, но действие его игнорируется. Всеобщая норма прибыли дана, но конституирующий ее процесс ценообразования опущен. Несчастливая попытка: пустить в ход локомотив, не проложив рельс, по которым он только и может двигаться. И Маркс очень метко констатирует «первородное» противоречие, заключенное внутри теории ренты Родбертуса: она построена на двух предпосылках, из которых одна исключает другую. «Так как Родбертус предполагает уже норму прибыли, которую он называет «уровнем прибыли на капитал» (*Kapitalgewinnsatz*), то предпосылка, что товары продаются в соответствии с их стоимостями, является неверной. Одна предпосылка исключает другую». И еще о том же: Родбертус утверждает, «во-первых, что всеобщая норма прибыли имеется налицо, а во-вторых, что особые нормы прибыли, а значит, и их различия, не уравниваются, а следовательно и товары обмениваются по их стоимостям»².

Нам остается еще рассмотреть вторую попытку Родбертуса отстоять верховную предпосылку своей теории ренты. На этот раз мы имеем дело не с соображениями формального порядка, а с соображениями материального порядка. Вопрос ставится сейчас прямо и четко.

«Вы могли бы,—пишет Родбертус фон-Кирхману,—утверждать, что... выгоды получения вместе с обычной прибылью на капитал земельной ренты должны были бы побудить капиталистов к обработке новой земли и к улучшениям старой до тех пор, пока созданное этим переполнение рынка не понизит цен настолько, что земельная рента при наименее выгодном положении капитала исчезнет. Другими словами, закон равенства прибылей на капитал уничтожил бы для сырого продукта другой закон, по которому стоимость продукта соотносится с затраченным трудом. Но я *оспариваю безусловную действительность первого закона...*»³.

Почему?

«Закон конкуренции капитала никогда не может действовать безгранично, ибо капитал страны есть величина, обусловленная и определенная

¹ *Rodbertus-Jagetzow, Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes, 2 Ausgabe, I, с. 123.*

² «Теории...» т. II, ч. I, с. 146.

³ «К освещению», с. 214.

состоянием и характером национального производства. Следовательно, ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности капитал не может быть прилажаем в произвольном количестве»¹.

Печать растерянности и отчаяния лежит на изложенной аргументации Родбертуса. Утверждать вначале, что закон, «по которому прибыль на капитал стремится повсюду к равенству», является «несомненно более достоверным законом», чем «принятый Рикардо и М. Куллохом закон, по которому продукты обмениваются по заключенному в них труду», приписать себе честь открытия модифицирующего влияния первого закона на последний, развить целую систему мыслей в этом направлении—и все это для того, чтобы затем оспаривать «безусловную действительность» закона равенства прибылей и его модифицирующее влияние на закон стоимости. И на основании чего? Апеллируя к недостатку капитала², к положению, которое, собственно говоря, совершенно не относится к делу.

Да, не относится к делу! Ибо вопрос об образовании всеобщей и равной нормы прибыли, вопрос о «безграничной конкуренции капитала» не имеет никакого отношения к положению (правильному или неправильному, безразлично) о том, что «капитал страны есть величина обусловленная и определенная состоянием и характером национального производства». Это вопрос о *распределении уже существующего капитала* по различным отраслям народного хозяйства. Родбертусу следовало бы ответить Кирхману, почему капиталы *из других сфер производства* не притекают в земледелие, если там существует избыток прибыли, почему не увеличивается земледельческий капитал за счет капитала других отраслей. Вместо прямого ответа, которого он дать не может, Родбертус ссылается на то, что *общественный капитал в целом* не может быть произвольно увеличен. Перед нами типичная подстановка.

Наконец, напомним здесь, что средняя и равная норма прибыли является, как мы уже показали, необходимым звеном в логической цепи посылок, из которых Родбертус выводит свою теорию ренты. Оспаривая действительность всеобщей нормы прибыли, Родбертус, тем самым, собственными руками, поджигает мост, по которому он от прибыли переходит к земельной ренте.

Основные аргументы Родбертуса, призванные предотвратить гибельное столкновение его теории ренты с законом равенства прибылей, нами рассмотрены³. Они оказались несостоятельными. И суть дела не в том,

¹ Там же, с. 217.

² За этот пресловутый недостаток капитала Маркс сурово отчитывает Родбертуса: «Померанский помещик будет, например, удивляться тому, что Рикардо и все английские писатели никогда не подозревают возможности того, что в сельском хозяйстве может быть недостаток в капитале. Англичанин жалуется на недостаток земли в сравнении с капиталом; но он никогда не жалуется на недостаток капитала в сравнении с землей... Если, наоборот, иметь в виду немецкие отношения, при которых землевладелец с таким трудом достает деньги, так как он сам, а не зависимый от него капиталистический класс, занимается земледелием, то становится понятным, что г. Родбертус например (3-е письмо, стр. 211) удивляется по поводу «рикардовой фикции, что запас капитала будто бы соответствует желанию его применить». (Маркс, Теория, II т., 2, стр. 8).

³ Отметим еще один легковесный, недостойный Родбертуса, довод, относящийся к интересующей нас области.

«...Несомненно то, что чрезмерная конкуренция может довести цены до такого низкого уровня, при котором не будет более получаться никакой земельной ренты. Но она может оказать такое давление на цены, что не получится более и прибыли на капитал и даже не будет возмещена заработная плата. Если, таким образом, взять за

что Родбертус *не находит* подлинных, правильных аргументов, а в том, что они вообще *не могут быть найдены*. Недоказуемое доказать нельзя. Сама *постановка* проблемы абсолютной ренты у Родбертуса исключает возможность ее правильного решения¹: посылка, из которой она выводится, в своем логическом развитии отрицает ее. Коль скоро в качестве верховной предпосылки принято, что природа процесса ценообразования одинакова как в земледелии, так и в индустрии, *излишка прибыли*—абсолютной ренты—быть не может. *Одинаковый* процесс ценообразования означает в капиталистическом хозяйстве *одинаковую* прибыль в различных сферах производства. *Свободный* процесс ценообразования, которому Родбертус доверчиво и наивно поручает конституировать найденную им в трудовой стоимости сельскохозяйственного продукта сверхприбыль в компонент цены последнего, предательски бросает ее в тот общий котел, откуда выходит всеобщая и равная норма прибыли. Если в теории абсолют-

основание колеблющуюся цену, определяемую случайностями конкуренции, то вообще нельзя установить твердого принципа для распределения национального дохода» («К освещению», стр. 297). Удивительно, как сжимается мысль Родбертуса перед грозным законом всеобщей нормы прибыли: Родбертус будто не знает, что капиталистическая конкуренция и конституируемая ею цена находит себе *im Ganzen und Grossen* предел в средней норме прибыли.

В одном письме к Лассалю Родбертус выдвигает еще одно соображение, из коего якобы вытекает неизбежность реализации земледелием излишка прибыли ренты:

«Неправильно, что худшая почва не приносит ренты. Никто не стал бы *вкладывать* (festlegen) капитал в землю, если бы он получал только прибыль на капитал. Земля не машина, а материал для сельского хозяина, и, в то время как индустриальные предприниматели могут *извлекать*» («herausziehen») свой «оборотный» капитал, сельский хозяин не может этого сделать в отношении *своего* материала» (F. Lassale, Nachgelassene Briefe und Schriften, hrsg. v. Gustav Mayer, 1925, Bd. VI, с. 364).

Аргумент, признаться, более чем странный. Земля превращена в *оборотный* капитал, и неизбежность реализации земледелием излишка прибыли—абсолютной ренты—основана на трудности мобилизации оборотного капитала (сиречь земли) в земледелии, в отличие от индустрии. Родбертус сам так мало уверен в убедительности своего туманного довода, что не повторяет его нигде в своих трудах. Но цитированный нами отрывок очень характерен в другом отношении.

Когда Маркс, подобно Родбертусу, говорит нам: «неправильно, что худшая почва не приносит ренты», он при этом ссылается на то, что средняя прибыль, будучи достаточным основанием для обработки худшего участка с точки зрения *капитала*, совершенно недостаточна с точки зрения противостоящей капиталу *земельной собственности*. На худшем участке, где дифференциальная рента отсутствует, наиболее рельефно выступает у Маркса граница, которая ставится земельной собственностью капиталу. Основанием тому, что худший участок уплачивает абсолютную ренту, служит тот простой факт, что он принадлежит земельному собственнику. Родбертус, который исходит из земледелия, руководимого земельными собственниками, где капиталист выступает одновременно как землевладелец, вынужден естественно искать основание тому, что земледелие, в отличие от других сфер, реализует излишек над средней прибылью в существующих якобы особенностях земледельческого *капитала*. Там, где Родбертус говорит, что «никто не стал бы вкладывать капитал в землю, если бы он получил только прибыль на капитал», Маркс, говоря о том же худшем участке, сказал бы, что «никто не сумел бы вкладывать капитал в землю, если бы он не платил земельному собственнику абсолютной ренты».

¹ «Нельзя сказать, как это делает Родбертус: если земледельческий продукт, согласно всеобщему закону, продается в среднем по своей стоимости, он должен давать добавочную прибыль, иначе сказать—земельную ренту. Как-будто бы эта продажа по стоимости... составляет всеобщий закон капиталистического производства! Наоборот, следует доказать, почему в производстве сырых продуктов в виде исключения... стоимость не падает до цен производства и доставляет тем самым добавочную прибыль, иначе сказать, земельную ренту. Это объясняется просто существованием *собственности на землю*» (Маркс, Теория, том II, 1, стр. 172. Последние слова подчеркнуты Марксом).

ной ренты вопрос о модифицирующем влиянии земельной собственности на процесс ценообразования решается отрицательно, абсолютная рента висит в воздухе. Если отсутствует монопольный характер абсолютной ренты, существование ее невозможно. Абсолютная рента без земельной собственности не может быть реальностью¹. Как только вскрываются основы теории ренты Родбертуса, обнажается ее смертельный порок.

Стремясь к преодолению ограниченности теории ренты Рикардо, Родбертус сам становится жертвой ограниченности последнего. Мнимый победитель попадает в плен к мнимо побежденному. У Рикардо Родбертус берет верховную предпосылку своей теории ренты: продукты всех сфер производства реализуются по трудовой стоимости, капиталистическая цена равна трудовой стоимости. Крушением теории ренты Родбертуса история науки наглядно продемонстрировала невозможность установить истинный принцип абсолютной ренты, или, что то же, понять экономическое значение современного землевладения,—не преодолев рикардов постулат, сыгравший такую печальную роль в судьбах рикардианской школы.

¹ Справедливость требует отметить, что в одном и единственном случае Родбертус приближается к истинному принципу, конституирующему абсолютную ренту. Касаясь рикардовой посылки о неограниченной возможности освоения капиталом неводеланных (худших) земель, Родбертус пишет:

«И отношения земельной собственности складываются совсем не так, что они распространяются в стране только в той мере, в какой земля обращается под обработку... Везде, где вы только встречаете следы земледелия, вы находите сеть собственности, раскинутую над землей нации с одного конца до другого» («К освещению», с. 218).

Это противопоставление земельной собственности капиталу, высказанное кстати в очень неясной и ошибочной форме, остается конечно у Родбертуса случайным и одиозным замечанием. Ибо отвести земельной собственности, как «третьему элементу», противостоящему капиталу, подобающее место в своей теории ренты,—означало бы для Родбертуса коренную перестройку всей теории на новых, совсем иных, логических основаниях.

ТЕОРИЯ СОВРЕМЕННОГО КРЕДИТА

Доклад И. А. Трахтенберга¹

Председатель (г. Мендельсон). По инициативе финансовой группы экономической секции сегодня нам предстоит заслушать автореферат И. А. Трахтенберга, а самый доклад представлен в печатном виде 3 месяца тому назад. И. А. Трахтенберг остановится на основных моментах теории кредита, изложенных в этой работе.

Трахтенберг, И. А. Работа моя вышла 3 месяца тому назад—срок достаточный, чтобы с нею ознакомились. Едва ли встречается необходимость мне в моей речи излагать и повторять то, что уже напечатано. Я попытаюсь дать некоторые разъяснения, каким образом эта книга была написана и какие основные идеи в ней защищаются. Мотивировать некоторые основные положения—такова задача моей вступительной небольшой речи, ибо я полагаю, что центром тяжести нашего заседания должно быть обсуждение, а не моя вступительная речь.

Книга, которую вы, вероятно, читали, представляет собою первую часть задуманной мною большой работы, посвященной современному кредиту. Начал я с исследования общих проблем современного капитализма, и, в частности, меня интересовало влияние кредита на различные стороны народного хозяйства в современном капитализме. Само собою разумеется, что для этого нужно было мне тщательно изучить работу кредитного механизма. Вот это являлось центральной частью моего исследования. Этому исследованию я предполагал предпослать теоретическое введение, в котором была бы изложена моя точка зрения на сущность и основные закономерности кредита. В этом введении передо мною стояла задача систематизировать и изложить точку зрения Маркса на кредит. Но задача систематизации и изложения точки зрения Маркса оказалась чрезвычайно трудной. Уместить это изложение в рамках введения оказалось невозможным, и, таким образом, получилась, вместо введения, первая часть моей работы. Изложить и восстановить точку зрения Маркса на кредит оказалось чрезвычайно сложным, потому что, как известно, Маркс не написал специальной главы, которая была бы посвящена проблеме кредита. То, что мы имеем в печати, представляет только черновик работы Маркса, и наиболее интересные, существенные части состоят из рабочих заметок Маркса и его примечаний. Вы помните, Энгельс в предисловии к третьему тому писал:

«Главное затруднение представляет отдел V, в котором притом рассматривается запутаннейший предмет всей книги. И как-раз здесь при разработке Маркса застиг один из упомянутых тяжелых приступов болезни. Здесь имеется, следовательно, не готовый набросок, и даже не схема, очертания которой пришлось бы заполнить, а лишь самое начало работы, которое неоднократно сводится к неупорядоченной куче записей, заметок, материалов в форме выписок. Сначала я пытался закончить этот отдел,

¹ Зачитан в Экономической секции Комм. Академии 9/II 1929 г.

как это мне до некоторой степени удалось с первым отделом, заполняя пробелы и обрабатывая выраженные лишь в форме намека отрывки, чтобы этот отдел хотя приблизительно представлял бы собой то, что намеревался дать автор. По меньшей мере три раза я делал такую попытку, но всякий раз безуспешно...»

«Наконец я убедился, что этим путем дело не пойдет. Мне пришлось бы просмотреть всю огромную литературу в этой области, и, в конце концов, у меня получилось бы нечто, что, однако, не было бы книгой Маркса».

По мнению Энгельса, таким образом для того, чтобы воспроизвести и представить себе взгляды Маркса, относящиеся к проблеме кредита, нужно просмотреть и познакомиться с той литературой, в полемике с которой и были созданы эти интересные, гениальные записки, изданные затем Энгельсом.

Но трудность заключалась не только в том, чтобы систематизировать разбросанные замечания Маркса и сделать попытку дать систематическое изложение теории кредита. Трудность заключалась и в том, что, поскольку я в своей книге интересовался современным капитализмом, постольку в изложении теории кредита должны были быть учтены те новые обстоятельства, те новые факторы, которые имеют огромное значение в условиях современного капитализма и которые не имели такого большого значения в ту эпоху, когда писал Маркс.

Что значит—новые факты? Значит ли это обнаружение таких явлений, которых не было в то время, когда писал Маркс? Конечно, нет. Дело заключается не в обнаружении новых явлений, ибо они и тогда уже наблюдались; дело заключается в изменении значимости отдельных фактов и в перемене соотношения этих фактов. Значимость отдельных явлений, существенных для изучения проблемы кредита, изменилась, изменилось также соотношение этих явлений. Поэтому, если бы мне стали указывать, что те факты, которые я выдвигал, как новые, которые, как мне кажется, должны внести не то, что видоизменение, но некоторое развитие идей, изложенных в «Капитале», если мне скажут, что такие факты упоминаются уже и в «Капитале», это для меня не будет убедительно. Конечно, они упоминались. Я даже больше скажу: в сущности, нет такого явления эпохи финансового капитализма, современной стадии капитализма, о которых не было бы упомянуто у Маркса. Маркс предвидел очень многое, но в то же самое время значимость этих фактов и соотношение отдельных фактов изменилось со времени Маркса.

Какие же это новые факты, которые меня интересуют,—новые в том смысле, о котором я только что говорил. Не говоря об основных явлениях, как переход от свободной конкуренции к монополии, империализм, борьба за рынки, проблема экспорта капитала и т. д. и т. д., я остановился только на тех, которые явились предметом непосредственного моего исследования, моего изучения. Каковы же эти факты?

1. Прежде всего необходимо подчеркнуть доведенную до крайних пределов концентрацию банковской системы. Спрашивается, разве Маркс не констатировал этой концентрации? Ну, конечно же, констатировал. Но едва ли кто-либо станет отрицать, что та степень концентрации, которая достигнута в настоящее время, представляет собою разительный факт. Сведение кредитных учреждений почти во всех странах буквально к единицам—этого факта Маркс, конечно, наблюдать не мог. К новым, в указанном мною смысле, надо отнести господство 5 банков («Big five») в Англии, господство 6—7 банков в Германии, господство такого же количества банков во Франции. Даже в Соединенных Штатах, которые особенно привлекали мое внимание, при кажущейся децентрализации банковской системы, при наличии тысяч банков, фактически господствуют 25, а может быть и 12 банков (об этом я писал в одной из своих статей в «Социалистическом хозяйстве»).

II. Растущая концентрация банковской системы должна была изменить и характер работы кредитной системы и воздействие ее на все проявления хозяйственной

жизни. Я говорю об изменении роли банков. Я позволю себе процитировать одну фразу Ленина, где совершенно четко и ярко указывается изменение банковской системы.

«По мере развития банковского дела и концентрации его,—пишет Ленин,—в немногих учреждениях, банки превращаются из скромной роли посредников в властных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом, всей совокупностью капиталистов и мелких хозяев, а также большей частью средств производства и источников сырья. Это превращение составляет один из процессов превращения капитализма в капиталистический империализм».

Спрашивается, разве Маркс не отмечал этого процесса? Я вам мог бы привести не одну цитату из Маркса, где он на этот процесс указывает, но значимость его обнаруживается только на современной стадии капитализма. Это позволило Ленину даже утверждать, что этот момент является одной из характеристик современного капитализма, превращающих капитализм в империализм.

Таким образом, не только концентрация банков, но изменение роли банков для меня является новым фактом в том смысле, о котором я уже вам говорил.

III. Третий момент, это—изменение взаимоотношения банков с промышленным капиталом, я буду говорить просто—банков с промышленностью. Раньше банки являлись посредниками между капиталистами. Банки в этом смысле являлись помощниками функционирующего капитала, и в английской, например, литературе до сих пор вы можете найти утверждение о том, что банки являются простыми слугами промышленного капитала. А между тем, и это характерно,—банки из посредников и слуг превращаются в господ. Приведу следующие слова Ленина:

«Что касается до тесной связи между банками и промышленностью, то именно в этой области едва ли не нагляднее всего сказывается новая роль банков. Если банк учитывает векселя данного предприятия, открывает для него текущий счет и т. п., то эти операции, взятые в отдельности, ни на йоту не уменьшают самостоятельности этого предпринимателя, и банк не выходит из скромной роли посредника. Но если эти операции *учащаются и утрачиваются*, если банк «собирает» в свои руки громадных размеров капиталы, если ведены текущих счетов данного предприятия позволяет банку, а это так и бывает, все детальнее и полнее узнавать экономическое положение его клиента, то в результате получается все более полная зависимость промышленного капиталиста от банка». (Курсив мой—И. Н.).

Спрашивается, что же, такой факт не был констатирован Марксом? Был констатирован, но, само собою разумеется, значимость этого факта сильно изменилась, и если мы хотим дать характеристику современной эпохе, то указанная мною черта будет характеризовать не вообще капитализм, а современную эпоху.

IV. Далее, разительный факт, имеющий тоже большое значение, заключается в изменении структуры денежного механизма. В самом деле, весь денежный механизм претерпел довольно большие изменения в процессе развития капитализма и в процессе своего собственного развития. Денежный механизм, состоявший из металлических знаков, как орудий обращения, заполняется новым видом орудий обращения, кредитными орудиями обращения—банкнотами. И, наконец, банкнота заменяется новым видом кредитного документа—чеком. В самом деле, какое в сущности ничтожное значение в современном денежном механизме имеет золото. Оно как орудие обращения никакого значения не имеет. Банкнота в этом смысле играет тоже ничтожную роль. Если бы вы вздумали по циркуляции банкнот определить эластичность денежного механизма, вам это сейчас пожалуй уже не удастся. В Англии, например, масса банкнот почти остается неизменной в течение года и в течение длинного промежутка лет. Несколько десятков лет (до 1928 г.) эта масса оставалась на уровне 25—30 миллионов фунтов стерлингов. Те сезонные колебания народного хозяйства, которые

должны были бы отразиться на массе орудий обращения, абсолютно не отражаются на банкнотном обращении, так как оборот обслуживается новыми формами. Структура денежного механизма изменяется. Само собою разумеется, что и этот факт не обнаружился сразу. Он постепенно развивался и не имел такого значения тогда, когда писал Маркс. Но всякий, кто сейчас пишет и будет писать о кредите, не может пройти мимо этого факта.

V. В самом кредитном механизме также произошли большие изменения. В самом деле, самый процесс создания кредитных орудий обращения, процесс появления их в обороте, механизм их функционирования—все это изменилось. Вексельное обращение, как основа и источник возникновения новых орудий обращения, относится к далекому прошлому. Теперь дело обстоит не так. Если схематически расположить появление кредитных орудий обращения, то разница такая: раньше вексель—банкнота, теперь депозит—чек.

VI. Наконец далее 6-й факт, который обращает на себя внимание. Это—отделение капитала-собственности от капитала-функции. Этот факт наблюдается уже в развитом капитализме, но это отделение достигает именно в условиях современного капитализма такой степени развития, принимает такое большое значение, что оно само по себе дает характеристику современной эпохе.

Позвольте зачитать цитату Ленина, которая как-раз давала характеристику империализма:

«Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного или производственного, отделение ренты, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров».

Самый факт этого отделения, повторяю я, наблюдался с самого возникновения капиталистического хозяйства, но теперь он достиг таких размеров, что уже дает характеристику современной эпохе.

VII. Современный капитализм характеризуется ростом и развитием фиктивного капитала. О фиктивном капитале писал и Маркс, но едва ли кто-либо станет утверждать, что значимость этой категории не увеличилась в современную нам эпоху. Я бы сказал даже больше, развитие и рост фиктивного капитала дает именно характеристику современной эпохе, и этот факт не может обойти исследователь теории кредита.

VIII. 8-й факт, характерный для современной эпохи, это—сравнение ссудного и промышленного капиталов и создание новой категории финансового капитала. Не надо думать, и я об этом дальше скажу, что сравнение ссудного и промышленного капиталов есть уничтожение того и другого. Наоборот, сравнение предполагает растущее противоречие между ними и сохранение этих противоречий. Факт «сравнения» для характеристики современной эпохи является фактом чрезвычайно большим.

IX. Наконец последний 9-й факт (я мог бы эти факты умножить, но останавливаюсь только на девяти)—сравнение капитала с государственной властью. Всегда государственная власть является организацией господствующего класса, но в наших условиях капитализм *срашивается* с государственной властью, и это отражается на действии кредитного механизма. Ну мыслима ли была бы, например, 40 лет тому назад та реформа, которая произошла в 1928 году в Англии? Мыслимо ли было бы в Англии предоставление права министерству расширять и сужать банкнотную эмиссию Английского банка? А между тем закон 1928 года фактически это право дает. Что это значит? Это значит, что кредитное орудие обращения—банкнота—в значительной степени приближается в бумажно-денежному знаку. Это конечно является результатом срашивания ссудного капитала с государством.

Само собою разумеется, что если бы кто-либо стал мне говорить: что же, вы полагаете, что все эти факты являются основными, неужели вы отрицаете, что эти факты обусловлены другими явлениями, я бы на это ответил: ясное дело, что все эти изменения являются результатом, как выразился Маркс, или предвестником новых органических образований в капиталистическом хозяйстве.

Совокупность этих фактов, мною констатированных, которые я мог бы еще умножить, но и так их достаточно, должна быть отмечена. Когда я эти факты проецирую в плоскость теоретических суждений и когда я хочу из них вывести основные характеристики кредита, я прихожу к заключению, что кредит исчерпывается понятием и движением ссудного капитала. Иначе говоря, современный кредит есть отношение ссудного капитала. Целый ряд фактов, наблюдаемых в современном хозяйстве, побуждает дать специфическое определение кредита, которое недостаточно широко, чтобы охватить конкретные отношения капитализма во всех стадиях его развития.

В частности, из этих фактов непосредственно вытекает изменение тех отношений между так называемым коммерческим и банковским кредитом, о которых писал Маркс. Та и другая формы кредита остались, но отношение между ними изменилось. В моей работе этому посвящена целая глава.

До сих пор я исходил из фактов современной действительности и проецировал их в плоскость теоретических суждений. Я мог бы сделать иначе,—я мог бы дать анализ логического, а стало-быть, и исторического развития основных экономических категорий капитализма, и в этом случае я пришел бы к тем же результатам. Само собою разумеется, было бы чрезвычайно трудно, да и невозможно сейчас изложить развитие этих категорий от простейших до наиболее сложных. Поэтому я только предложу схему. Ясно, что схема не охватывает всей сложной конкретной действительности, но схема дает правильную, должна дать правильную, линию развития. Опираясь логическими категориями, дается характеристика исторического развития капитализма.

Ведь, Маркс из чего исходит? Он исходит из товара, анализирует его противоречия и развертывает учение о стоимости. Таким образом, первая категория—товар, со свойственными ему противоречиями; эта категория переходит в другую—деньги. Анализируя противоречие денег, вы переходите к категории—капитал. На этой категории вы развертываете все учение о прибавочной стоимости. Можно идти дальше и анализировать развитие противоречий категорий капитала в разных направлениях. Меня сейчас интересует анализ форм воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала, анализ форм кругооборота капитала. Капитал расщепляется на 3 категории, каждая из которых включает в себе противоречие всей предыдущей системы и включает в себе противоречия, вызывающие новые категории: это—капитал производительный, капитал денежный и капитал товарный. И остановилось на одной из форм этого капитала—на капитале денежном.

Денежный капитал превращается в капитал ссудный. Дальше возникает фиктивный капитал и, наконец, финансовый капитал. Такова схема: товар—деньги—капитал (функциональные формы капитала)—денежный капитал—ссудный капитал—фиктивный капитал—финансовый капитал. Само собою разумеется, что все эти формы внутри противоречивы. Каждая вышестоящая категория включает в себе все противоречия, лежащие в категориях нижестоящих.

Каким образом развитие этих категорий обозначает развитие кредитных отношений? Ведь кредитное отношение можно вывести уже из анализа денег, из анализа функции денег, как платежного средства. Кредит, как он ставится в I томе «Капитала»,—это есть видоизмененная меновая шкала, и характерным признаком его является отсрочка возврата эквивалента. Пока вы рассматриваете кредитные отношения на этой стадии анализа, признаком, характеризующим понятие кредита, является

отсрочка возврата эквивалента. Кредитные отношения развиваются, учащаются, значимость их увеличивается; но тогда, когда развивается категория ссудного капитала.— а эта категория является одной из основных категорий современного капиталистического хозяйства,—тогда сделка ссуды оказывается сама одним из конститутивных признаков новой категории—ссудного капитала. Ссудный капитал отчуждается, и это отчуждение происходит в форме сделки ссуды. Иначе говоря, сделка ссуды, которая характеризуется в начальной стадии своего развития моментом «времени» и больше ничем, становится конститутивным признаком одной из основных производственных категорий хозяйства—ссудного капитала, и превращает денежный капитал в ссудный капитал. Т. е., иначе говоря, кредит становится одним из основных производственных отношений, ибо ссудный капитал есть одна из форм капиталистического способа производства. Такую характеристику давать кредиту, когда мы рассматриваем кредит в начальной стадии развития капитализма, конечно, нельзя. В современном же капитализме кредитная сделка становится одним из конститутивных признаков одной из основных экономических категорий, поэтому здесь кредит выступает как одна из основных производственных категорий капиталистического хозяйства.

Таким образом, и на основе анализа фактов конкретной действительности и на основе теоретического анализа, т. е. анализа логического и исторического развития категорий капиталистического хозяйства, я прихожу к заключению, что кредит здесь уже исчерпывается понятием ссудного капитала.

Можно ли, дойдя до такого определения, распространить это определение на капиталистическое хозяйство в целом? Конечно же нет, ибо мы знаем кредитные отношения, которые не характеризуют движения ссудного капитала. Мог ли бы я сказать, что в начальной стадии капитализма нет движения ссудного капитала? Конечно не мог бы так сказать, так как и тут есть движение ссудного капитала. Но, если принять во внимание, что особую значимость эта категория приобретает, однако, на высших стадиях капитализма и что ссудный капитал конституируется сделкой ссуды, вы поймете, что было бы рискованно, а может быть и совершенно невозможно распространить эту характеристику кредита на капиталистическое хозяйство вообще.

Могут мне так сказать: почему вы ваши суждения относите к эпохе финансового капитала? Ведь речь идет очевидно о высшей стадии развития капитализма. Условно принимается, что эпоха финансового капитализма наступает с началом XX столетия. Нельзя ли сконструированное мною понятие кредита отнести к эпохе конца XIX столетия? Возможно, что и можно, но не в этом дело. Важно, что данную мною характеристику кредита нельзя отнести к капитализму, скажем, 60-х и 70-х годов прошлого столетия. Вот это важно.

Кроме того, здесь имеют значения и другие обстоятельства, которые еще больше подтверждают мою мысль, что предложенное мною понятие кредита надо отнести к эпохе финансового капитализма. Значимость ссудного капитала, значимость кредита, как *производственной* уже категории, причем одной из *основных* производственных категорий, одной из форм капиталистического способа производства, особенно возрастает в эпоху финансового капитализма, т. е. тогда, когда вы наблюдаете все те факторы, о которых я раньше говорил. Повторяю и подчеркиваю: конечно, все эти факты наблюдались и раньше, но значимость их изменилась.

Вот этими замечаниями общего характера, дающими освещение моей работе и отчасти являющимися реакцией на уже слышанные мною возражения, я и мог бы ограничиться, но я сделаю еще несколько замечаний. То, что эта работа в напечатанном виде представлена за 3 месяца до обсуждения, представляет большие преимущества для нашего собрания, но есть конечно в этом и недостаток. Вышла в свет не вся работа, а только первая часть. Я отнюдь не хочу заранее приготовить себе позиции, на которые я мог бы отступать, ссылаясь на то, что я об этом буду говорить

в следующих частях. Нет, я об этом не думаю. Но во всяком случае нужно принять во внимание то, что это только *первая* часть. Пусть для выступающих это не будет императивом, но пусть это будет некоторой сдержкой.

Второе замечание, которое я хотел сделать, следующее. Я об этом в предисловии к моей книге писал. Я не думаю, что даже в общей постановке я исчерпал всю проблему. Отнюдь нет, многое у меня недоработано, многое недостаточно развито, и я не могу это оправдывать, ссылаясь на следующие части работы. Если это так, то это вероятно недостаток этой работы, но этот недостаток не имеет никакого отношения к содержанию и существу той концепции, которую я предлагаю. В частности, я хочу заранее указать на два момента, имеющие чрезвычайно большое значение, и которые я не развил в своей работе и сделал это сознательно.

Два вопроса я сейчас выдвигаю, хотя уверен, что прения будут развирываться и по другим вопросам. Первый вопрос—одна из интереснейших проблем, которую ставит Маркс, которая ставится во всей литературе—это вопрос о рынке ссудных капиталов, о денежном и капитальном рынках, о ссуде денег и ссуде капиталов. Вы помните, у Маркса очень много замечаний посвящено вопросу о ссуде денег и ссуде капитала. Это очень важный и серьезный вопрос. Этот вопрос в моей работе только поставлен. Мне кажется, что в моей работе даны все исходные позиции для разрешения этого вопроса. Даже больше того: мне кажется, что в этой работе дано и разрешение этого вопроса, но нет в этой работе развернутого изложения этой проблемы. Это я сделал сознательно. Почему я это сделал? Здесь представляет огромный интерес восстановить точку зрения Маркса на этот счет. Иногда утверждают, что Маркс различает ссуду денег от ссуды капитала в зависимости от технических форм банковских операций. То, что эти технические формы имеют значение, в этом нет сомнения, но что эти технические формы сделок не положены Марксом в основу различия ссуды денег и ссуды капитала, в этом я также не сомневаюсь. У Маркса есть различные замечания на этот счет. Для того, чтобы изложить концепцию Маркса, необходимо дать изложение литературы, по поводу которой Маркс делал свои замечания. Я утверждаю, что без ориентировки в богатейшей английской литературе первой половины прошлого столетия, без ориентировки в ней, невозможно как следует уяснить себе взгляды Маркса на этот счет. В самом деле, что Маркс делает? Он берет какого-нибудь автора, приводит две-три цитаты и делает какие-нибудь замечания. Это он делает для себя. Для того, чтобы понять смысл этих замечаний, надо не только ограничиться этими двумя цитатами, приведенными Марксом, но следует просмотреть хотя бы работу того автора, о котором пишет Маркс. Я думаю, что при таких условиях станут понятными чрезвычайно многие замечания Маркса, которые без этого понять трудно.

Изложение этой проблемы потребовало бы анализа указанной мною литературы. Сделать это в первой части работы я не считал возможным. Если бы я это сделал, я бы нарушил единство темы, которое я соблюдал в этой работе. Мне хотелось концентрировать внимание читателя на определенном комплексе идей, на ссудном капитале. Детальный же анализ проблемы ссуды денег и ссуды капитала заставил бы меня отвлечься от основной темы. Вот почему я полагал вернуться к этому вопросу, когда буду рассматривать полемику «банковской» и «денежной» школы в Англии.

Второй вопрос, который имеет пожалуй более важное значение, который я также отложил,—это проблема фиктивного капитала. Я полагаю, что мною даны исходные посылы для разрешения проблемы фиктивного капитала, и у меня нет никакого основания думать сейчас, что эти основные посылы, основные характеристики неправильны или неточны. Но дело в том, что я дал анализ фиктивного капитала несколько односторонне, т. е. лишь в той мере, в какой это нужно было мне для первой темы, которая посвящена ссудному капиталу.

Фиктивный капитал, это, с моей точки зрения,—особая форма ссудного капитала. Само собою разумеется, было бы грубой ошибкой думать, что фиктивный капитал, это—акции, облигации и т. д. Это было бы совершенно неправильно, точно так же, как думать, что ссудный капитал есть та или иная конкретная денежная масса. Фиктивный капитал есть особая форма ссудного капитала. Это значит, что фиктивный капитал есть ссудный капитал и в то же время фиктивный капитал не есть ссудный капитал. Я это подчеркиваю в своей работе. Фиктивный капитал имеет черты сходства и является формой ссудного капитала, но в то же время есть и различие между тем и другим. Я прочитаю одну цитату из моей книги (я мог бы привести и другие):

«Ссудный капитал, как капитал денежный, является непосредственно формой реального капитала; фиктивный капитал потому и фиктивен, что он превращенной формой реального капитала не является. Ссудный капитал отражает капитал реальный, как его бытие, так и движение; фиктивный капитал рефлектирует только движение реального капитала. Ссудный капитал находит свою значимость в своей непосредственной связи с капиталом реальным; фиктивный капитал определяет свое бытие только как отражение капиталистической прибыли».

Различие огромное, но и сходство большое. В этой связи меня в первой части работы интересовало сходство того и другого, и когда я анализировал закономерности движения ссудного капитала, я брал фиктивный капитал в чертах, сходных с капиталом ссудным, и не брал фиктивного капитала в чертах, различающих его от капитала ссудного. Почему я так сделал? Потому, что основная тема первой части моей работы—ссудный капитал и закономерность его развития и движения. В самом деле, если бы я хотел развить учение о фиктивном капитале, которое я предполагаю сделать в дальнейшем, мне надо было сделать вот что. Я проанализировал взаимоотношения между движением ссудного капитала и капитала реального. Я проанализировал взаимоотношения между ссудным и фиктивным капиталом в их общей противоположности к капиталу реальному, но я не проанализировал другое—движение фиктивного капитала в противоположности к капиталу реальному. Я не проанализировал движение ссудного капитала в противоположность фиктивному капиталу. Развернутое учение о фиктивном капитале должно было бы дать характеристику взаимоотношений закономерностей движения различных форм капитала, т. е. ссудного, фиктивного, реального, взятых в различных комбинациях. Я взял проблему фиктивного капитала односторонне, лишь постольку, поскольку фиктивный капитал является ссудным капиталом; но я не разрешил проблемы фиктивного капитала постольку, поскольку фиктивный капитал не есть ссудный капитал. Конечно, может быть надо было сделать иначе. Может быть надо было бы и эту проблему включить в первую часть, но надо сказать, что проблема фиктивного капитала в своей сложности,—а она очень сложна,—неизбежно нарушила бы пропорциональность частей. Я полагал, что с этой проблемой надо было бы подождать, и я имею в виду изложить это далее, в связи с проблемой финансового капитала.

Последняя часть моей работы—приложение—посвящена анализу советской системы хозяйства. Этот очерк носит эскизный характер, намечает основные нити. В нем я исхожу из определенного понимания структуры советского хозяйства.

На этом я пожалуй мог бы закончить свое краткое вводное слово, оставляя за собою возможность иметь более подробное заключительное слово.

Я хотел бы в заключение сделать небольшое замечание. Я чрезвычайно ценю и мне чрезвычайно интересно суждение данной аудитории о той системе идей, которую я предлагаю. Я отношусь к проблеме с достаточно большим уважением, чтобы полагать, что обмен мнений не даст ничего для меня. Я хотел бы, чтобы критика была достаточно суровая и даже придирчивая, но мне хотелось бы, чтобы эта придирчи-

вость была направлена на существо дела. Уж очень часто у нас проявляют чрезвычайную придирчивость по отношению к словам, к фразам, меня же интересует общий ход идей. Ведь, в самом деле, неудачные фразы, неудачные формулировки могут быть у всякого. Что такое «неудачная формулировка»? Я думаю, что это—результативная двух факторов: во-первых, недостаточного умения владеть инструментом слова со стороны писателя, но, с другой стороны, «неудачная формулировка» может быть результатом недостаточного умения владеть словом и у читателя. В отдельных случаях эти два фактора играют различную роль, имеют различную значимость, но во всяком случае эти факторы бывают всегда значительными. Я не отношу себя к мастерам слова, способным в совершенстве владеть тяжелым сложным инструментом слова, но я в той же степени не могу признать и за каждым своим критиком совершенства в этой области. Поэтому, не отказывая в придирчивой критике, самой придирчивой и самой строгой и суровой, я просил бы все-таки, чтобы критики останавливались на существе вопроса, а не на мелочах. Мы здесь обсуждаем проблему очень сложную, проблему, в сущности, не разработанную в марксистской литературе, и мне казалось бы главные удары нужно направить на самое существенное, энергию всего нашего коллектива нужно направить не на выражения, а на основное и существенное в этой сложной проблеме, на контекст, а не на фразу, на смысл, а не на оговорки.¶

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ И. А. ТРАХТЕНБЕРГА¹

Тов. *Шибанов*. Книга т. Трахтенберга является ценным вкладом в экономическую литературу. Она ставит разработку теории кредита на новую, более высокую в теоретическом отношении, ступень. По существу, это первая крупная марксистская работа. И именно это обстоятельство обязывает отнестись к ней особенно критически.

Мне кажутся некоторые положения в ней спорными. Прежде всего, утверждение т. Трахтенберга, что современная теория кредита должна быть теорией кредита финансового капитализма, мне представляется недостаточно доказательным. Капитализм есть развивающаяся система хозяйства. Мы имеем три стадии в развитии капитализма: торговый капитализм, промышленный капитализм и финансовый капитализм. Какая стадия капитализма является наиболее подходящей средой для проявления присущих капитализму экономических категорий? Очевидно стадия промышленного капитализма. Кредитные отношения должны быть проанализированы в этих условиях. Понятно, что кредит играет могучую роль и на стадии монополистического капитализма, и что поэтому надо изучать кредит в его современном виде, но это—вторая ступень анализа. Сначала необходимо усвоить, понять, что представляет собою кредит в нормальное время, и уже после этого перейти к изучению того, какие отклонения мы имеем от этой нормы в эпоху умирающего капитализма. Я согласен с тем, что теория кредита промышленного капитализма не будет в точности отображать явлений кредита последней стадии капитализма. Оно и понятно. В эпоху монополистического капитализма мы имеем ряд новых общественных связей, сталкиваясь с которыми кредитные отношения претерпевают известного рода изменения, однако, сами эти изменения могут быть правильно поняты, если ясна теория в ее классической постановке. Таким образом я против особой современной теории кредита финансового капитализма. Я за объяснение современных кредитных явлений с помощью общей теории капиталистического кредита. Ведь не создаем же мы, предположим, особой теории заработной платы финансового капитализма. Мне представляется также спорным утверждение т. Трахтенберга относительно того, что только коммерческий кредит характерен для эпохи промышленного капитализма, а не коммерческий кредит и ссудно-денежный кредит

¹ Прения печатаются в сокращенном виде.

вместе взятые. Другими словами я не согласен с тем, что кредит эпохи промышленного капитализма исчерпывается характеристикой одного только коммерческого кредита.

Совершенно ясно, что нельзя рассматривать кредит вне его связи с основными производственными отношениями капиталистического общества. Каково значение кредитных отношений в движении общественного капитала, осуществляющего свое назначение—производство прибавочной стоимости?—Вот центральная идея теории кредита, позволяющая объединить рассуждения о кредите в некоторое единство.

С точки зрения именно этого основного критерия подходил Маркс и к расчленению кредита на коммерческий кредит и ссудно-денежный кредит. На самом деле, что собою представляет коммерческий кредит? С точки зрения Маркса коммерческий кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе производства, сам по себе не вызывает меновых связей. Коммерческий кредит создает самую возможность совершения акта купли-продажи там, где для этого имеется хозяйственная потребность, но, предположим, не имеется денег. Следовательно, здесь перед нами такого рода связи между активными капиталистами, когда отсутствие денег не является препятствием для совершения менового акта,—благодаря этому быстрее совершается продажа, быстрее протекает и процесс воспроизводства общественного капитала. В этом заключается основное значение коммерческого кредита.

Какова роль ссудно-денежного кредита? Ссудно-денежный кредит переводит капитальную стоимость из бездействующего состояния в сферу функционирующего капитала, т. е. не дает застыть различным частям общественного капитала в форме сокровища. Этим достигается как бы отрыв капитала как функции от капитала как собственности. При помощи ссудно-денежного кредита капитал, в общем, оставаясь частной собственностью, способен концентрироваться в любые размеры, если этого требуют капиталистические предприятия, и в то же время может свободно и легко переходить из одной отрасли хозяйства в другую. Движение капитала становится как бы совсем независимым от барьеров частной собственности. Здесь, следовательно, мы имеем такие социальные связи между агентами капиталистического хозяйства, когда распределение денежного капитала не тормозится более разобщенностью капиталистического хозяйства. Общественный капитал используется так, что ни одна частичка его не остается без действия. Таким образом и ссудно-денежный кредит действует в том же направлении, как и коммерческий кредит,—он также повышает дееспособность общественного капитала, производит прибавочную стоимость. Но достигает это иными средствами. Оба вида кредита действуют в одном направлении, бьют в одну точку, но по-разному. Это различие и послужило для Маркса основанием для разделения кредита на коммерческий кредит и на ссудно-денежный кредит.

Вот почему неправ т. Трахтенберг, полагая, что характеристика кредита в эпоху промышленного капитализма исчерпывается характеристикой коммерческого кредита. Ссудно-денежный кредит не в меньшей мере характерен для промышленного капитализма. Оба вида кредита одинаково служат главной цели капиталистического общества, одинаково способствуют производству прибавочной стоимости. Оба вида кредита в одинаковой степени необходимы для развития капиталистического хозяйства. Мне кажется, что это верно и по отношению эпохи финансового капитализма.

Мне хотелось бы остановиться еще на одном вопросе, а именно: создают ли банки ссудно-денежный капитал? Проблема создания банками ссудного капитала является в теоретическом отношении наиболее интересной проблемой и в то же время самой спорной проблемой. Со стороны т. Трахтенберга является большим упущением, что он так мало места уделит этой проблеме в своей книге. Тов. Трахтенберг придерживается того мнения, что банк может создать ссудный капитал. Он говорит: «Выпуск банкнот за пределы золотого покрытия есть создание добавочно-ссудного капитала». Для Маркса «банкнота есть вексель на банкира... которым банкир заменяет частные

векселя». И именно потому, что банкноты заменяют частные векселя, они есть «обращающиеся долговые обязательства» (векселя). Банк оставляет частные векселя у себя и хранит в своих портфелях, а вместо них пускает в обращение билеты на свое имя. Другими словами, банк заменяет частный мало известный вексель векселем более надежным, гарантированным банком. Это есть не что иное, как замена одного кредитного документа другим таким же кредитным документом. Обращение банкнот принципиально ничем не отличается, подчеркивает Маркс, от того, когда «вексель снова обращается среди самих купцов, как средство платежа, при помощи передаточных надписей одного на другого». Следовательно, с точки зрения Маркса эмиссия банкнот не есть «чеканка кредита». Банк ничего не создает, а только технически улучшает движение кредитных знаков. Маркс приводит следующий случай из английской практики: «Таким образом они (векселя), например, в Ланкашире, вытеснили из обращения все собственные банкноты местных банков и в значительной степени банкноты Английского банка». Следовательно, в Ланкашире, по уверению Маркса, обращались акцептованные векселя вместо банкнот. Предположим теперь, что их там обращалось на 10 миллионов рублей. Представим теперь себе, что банк, вместо того чтобы ставить на них свою надпись, оставляет их у себя, а вместо них пускает в обращение банкноты. Что изменится в этом случае? Разве капитал, находящийся в обращении, увеличится? Нет. Раньше обращалось векселей на сумму в 10 миллионов рублей, теперь будет также обращаться 10 миллионов рублей, только в форме банковых билетов. Где же здесь добавочный капитал? Произошла только замена одних векселей другими векселями-банкнотами, и если признавать за банкнотой кредитный характер, то никакого нового источника для предложения ссудного капитала в эмиссионной деятельности банков найти нельзя. Наличие банка не вносит никаких принципиально новых положений в экономическую характеристику коммерческого кредита. Эмиссия банкнот только технически улучшает вексельное обращение.

Тов. Лившиц. Три месяца тому назад я с величайшим интересом раскрыл новую книгу по теории кредита; надо сказать, что я с огромным разочарованием закрыл ее последнюю страницу. Предыдущий оратор конечно заблуждается, считая, что книга т. Трахтенберга является первой в своем роде книгой по марксистской теории кредита. Мы знаем уже две больших работы, во многих частях имеющие огромное теоретическое значение, которые касались этого вопроса в таком же сводном и почти исчерпывающем виде. Это, во-первых, «Финансовый капитал» Гильфердинга, переведенный и на русский язык, во-вторых, работа Реннера, книга во многих частях слабая, но в части, посвященной теории кредита (а теории кредита в ней посвящено не менее 100 страниц), блестящая оригинальными мыслями, исчерпывающим знанием и изложением вопроса. Это отмечено и в предисловии к книге, написанном Спектатором, где указывается, что наиболее сильным местом, и пожалуй единственно сильным, является глава о кредите. Я думал, что труд такого экономиста, как т. Трахтенберг, продвинет нас немного вперед по сравнению со многими правильными позициями, которые были уже завоеваны в марксистской теории кредита. Может быть, это объясняется тем, что я недостаточно глубоко проник в книгу, но мне кажется, что и с появлением этого труда мы намного вперед не продвинулись, напротив, мне кажется, что целый ряд вопросов, которые не возникали ни во время писания «Капитала», ни во время его редактирования, и которые могли по-настоящему открыться в теоретических спорах только ко времени написания книги Реннера,—все эти вопросы по существу как будто обойдены в книге т. Трахтенберга или же им уделено так мало места и внимания, что читатель ничего, кроме разочарования, в этом отношении из чтения этой книги не может вынести. Большинство вопросов именно современной теории кредита совершенно исчезает в той массе вопросов, которые явились предметом изучения уже и Маркса и Энгельса, а отчасти и Гильфердинга. Я бы сказал, что книга тов. Т. о современном кредите не есть книга по

современной теории кредита, она далека от современных проблем кредита. В ней имеется очень много сильных мест и правильных положений, целый ряд данных в ней характеристик и определений необычайно правильны и точны. Например впервые встречающиеся в марксистской литературе определение кредита как «отношения ссудного капитала», «отношения, возникающего на основе ссудного капитала»,—является исчерпывающе правильным, классически точно и классически полно излагающим сущность вопроса. Правда, в книге есть и много терминологически неудачных мест. Так, например, т. Трахтенберг называет банковский и коммерческий кредит *формами* кредита. Форма кредита—понятие, скорее, техническое, нежели экономическое. Мы рассматриваем, например, вексельный кредит как форму коммерческого кредита, точно так же мы говорим о подтоварной, банковской и т. д. формах кредита. То, что тов. Т. называет «формами» кредита, должно называться правильнее «типами кредита». Есть далее много мест книги тов. Т., отдающих схоластикой, таковы например рассуждения по вопросу об единстве или различии рынка ссудного капитала и рынка денег. В конце концов, автор приходит к выводам, которые являются в значительной мере надуманными.

Я совершенно согласен далее с предыдущим оратором в том, что автор не прав, когда утверждает, что банковский кредит является господствующей и типичной формой для стадии финансового капитала. Очень любопытно, между прочим, что тов. Т., разбирая различные стадии товарного хозяйства, отмечает: простое товарное хозяйство, промышленный капитал и финансовый капитал. Конечно, при таком упрощении экономической истории возможен и упрощенный подход к кредиту и отнесение каждого типа кредита к определенному типу капитализма. Но если вспомнить, что между простым товарным обращением и эпохами промышленного и финансового капитализма есть еще и всем хорошо известные стадии денежного капитала и торгового капитала, то мы поймем, что такая упрощенная концепция типов кредита не может иметь места. Разве можно, например, утверждать, что для одной лишь эпохи финансового капитала является господствующим банковский кредит? Нет, ибо в периоды денежного капитализма и торгового капитализма коммерческий кредит едва ли был господствующим: он был, по моему, совершенно еще в недоразвитом, зачаточном состоянии.

Как бы то ни было, ни в одной части работы тов. Т., за исключением одной лишь главы, мы не имеем каких-нибудь утверждений или положений решающе-новых. Попытка дать что-нибудь *решающе-новое, принципиально-отличное* от общепринятых марксистских представлений *имеется лишь в главе об операциях банков*. В сущности говоря, эта одна глава и призвана оправдать появление всей книги тов. Т. Автор делает здесь попытку дать принципиально-новое, утвердить нечто необычное, по крайней мере, истолковать обычные представления марксистов в несколько необычном направлении.

Он делает попытку представить теорию кредита и роль банков с новой точки зрения, отличной от двух трафаретных кониеший, из которых одна признает за банком лишь посредническую роль, а другая, диаметрально ей противоположная, приписывает банку соиздательную по отношению к капиталу роль. Он делает попытку показать, что марксистская теория занимает некоторое срединное положение, а не одну из этих крайних позиций. Насколько правильна такая позиция автора?

Автор приписывает банкам выполнение четырех функций, составляющих в целом роль банка. Должен сказать, что четвертая функция тов. Т. до сих пор оставалась без внимания теоретиками марксистами. Первые три функции, действительно, всеми указывались и считались бесспорными. Первая функция—переводить ссудный капитал ссудных капиталистов в распоряжение капиталистов производительных. Вторая функция—передача временно высвобождающихся денежных капиталов одних производительных капиталистов другим. Третья функция—концентрация в банке всех трудовых сбережений, объединение их в крупные денежные суммы и передача последних производ-

ственным капиталистам для производительного использования. Наконец, четвертая функция—это капиталосозидающая роль банка. Но оригинальность позиции автора не только в том, что он выдвигает четвертую функцию и характеризует ее как момент, долженствующий войти органической частью в учение марксизма о банках, оригинальность заключается и в других моментах рассмотрения вопроса. Автор считает, что только при выполнении первой функции банк ничего не творит. Начиная со второй функции и кончая четвертой, банки создают ссудный капитал, при чем значение и степень этой созидающей роли возрастает по мере продвижения от второй функции к третьей и к четвертой.

В связи с этим позвольте остановиться на целом ряде недоразумений и неправильных истолкований, которые легли в основу таких утверждений автора. Автор, например, утверждает (и делает при этом ссылку на Маркса), что банки при выполнении своей третьей функции—концентрации денежных сбережений и накоплений трудовых классов и передачи их в распоряжение производительных капиталистов—«создают» капитал тем, что собирают мелкие рубли и копейки от мелких вкладчиков, концентрируют их в огромные массы и т. д., словом, что они «творят» из мелких денег об'единенный ссудный капитал и предоставляют его капиталисту, тем самым «трансформируя», «превращая» деньги в ссудный капитал. Я считаю, что все это утверждение покоится на элементарном заблуждении. *Когда любой рубль, любая копейка приходит в банк, то от кого бы она ни приходила, в каком бы порядке ни приходила, она уже является ссудным капиталом.* Между банком и любым его кредитором по пассивной операции, независимо от суммы вклада, устанавливаются кредитные отношения—отношения ссудного капитала. Поэтому банкам незачем и не над чем заниматься «творчеством». Банки получают уже «сотворенное»—они получают именно ссудный капитал. Автор ссылается на Маркса, на то единственное место, которое относится к разбираемому нами вопросу¹. Я специально перечитал каждую страницу 5-го раздела III тома, перечитал все могущие относиться сюда места. Прежде всего, Маркс касается *не роли* банка, а касается *тех путей, которыми притекает в банк ссудный капитал*, а это две вещи совершенно разные. Перечисляя *не роли* и *не функции* банков, а *те пути, которыми притекает в банк ссудный капитал*, Маркс перечисляет в числе этих путей и тот путь, в результате которого банки накапливают, концентрируют в себе, об'единяют денежные сбережения отдельных мелких вкладчиков. Следует ли отсюда утверждать, что банки занимаются «сотворением» из этих сбережений ссудного капитала? Маркс довольно точно определяет роль банков, и вы нигде не найдете у него указаний на соиздательную роль банков. Он говорит: накапливают и об'единяют мелкие денежные суммы в крупные денежные массы. Совершенно правильно, из мелких ссудных капиталов они накапливают значительный ссудный капитал, настолько значительный, чтобы он мог превратиться, будучи отдан в ссуду производительным капиталистам, в *денежный* капитал. Между ссудным капиталом и денежным капиталом лежит пропасть. Автор утверждает, что отдельные мелкие сбережения не могут стать денежным капиталом. Верно, сразу стать денежным капиталом они не могут, но *ссудным* капиталом они становятся с того момента, когда приходят в банк. Банк собирает, накапливает ссудный капитал и, в достаточной степени накопив, предоставляет тем, которые превращают его в денежный капитал. Таким образом банк в пределах выполнения этих трех функций не занимается «творчеством» ни на йоту. Подобно тому, как мельчайшие капли дождя состоят из воды и как огромные потоки, затопляющие местность, представляют ту же воду, так и каждая копейка, притекающая в банк, представляет *ссудную* копейку, и все они вместе представляют такой же *ссудный* капитал. Но только будучи собраны вместе, они могут превратиться в поток, достаточный для развития предприятия, для превращения в *денежный* капитал.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, русский пер., изд. 1908 г., стр. 379 и 380.

Но автор видит создание капитала банками еще и в другом. Он утверждает, что банки создают ссудный капитал выпуском непокрытых банкнот и созданием необеспеченных вносимых депозитов. Прежде всего нужно сговориться, в каком смысле мы здесь употребляем слово «создание». Я считаю, что прежде всего автору следовало бы точно установить, в каком смысле должно понимать столь часто употребляемое им слово «создавать». Автор ссылается на одно место из Маркса, которое, с точки зрения автора, решает вопрос, и занимается смысловым и филологическим толкованием этого места. Я опять-таки внимательно искал других мест у Маркса, которые говорили бы о том же. Я утверждаю, что их нет, и я буду очень рад, если т. Т. мне их укажет. Если же мы раскроем то единственное место, на которое ссылается тов. Т., мы увидим, что из огромного контекста Маркса тов. Т. взята, к сожалению, только его небольшая, заключительная часть. Но если мы остановимся на тех двух страницах¹, где Маркс говорит о создании банком платежных и покупательных средств, о создании им своеобразного дополнительного, фиктивного капитала, то это место гласит в своем развернутом виде следующее: Маркс не отрицает, что банки создают нечто сверх чего-то, ранее существовавшего, тем, что выпускают необеспеченные золотом банкноты. Спрашивается: что же они создают? На это Маркс дает вполне исчерпывающий ответ. Они «создают для себя дополнительный фиктивный капитал». Вот что только говорит Маркс по этому поводу. И в этой формулировке констатируется факт, безусловно правильный: во-первых, банки создают *фиктивный* капитал; во-вторых, они создают *дополнительный* фиктивный капитал сверх того, который у них существовал ранее; в-третьих, они создают этот фиктивный капитал только *для себя*, а не для других и не *для обращения*. Поэтому я считаю неправильным то место в книге тов. Т., где он полемизирует с Энгельсом, который якобы «не досмотрел» того, что утверждал по этому вопросу Маркс,—не досмотрел того факта, что банк создает дополнительный капитал не только для себя, но и для всего обращения в целом. Я думаю, что Энгельс не был таким вульгарным простаком, чтобы не понять того, что сказано у Маркса, не заметить такой существенной вещи, если бы она действительно заключалась у Маркса. Энгельс, продумав до конца вопрос, решил, что и здесь не «создается» дополнительный капитал. В том же контексте, но несколько ниже, Маркс возмущается следующим «челепым» фактом: Английский эмиссионный банк с 1797 до 1817 г. (эпоха разрухи английского денежного обращения) занимался тем, что наживал прибыль на двух моментах: во-первых, на том, что имел возможность выпускать банкноты сверх золотой наличности, и, во-вторых, на том, что, пользуясь полномочиями государства и доверием всего общества (ибо за ним стояло государство), использовал это доверие только для того, чтобы экспроприировать прибавочную ценность общества. Но то же самое делают все эмиссионные банки всех времен, выпуская банкноты, непокрытые золотом. Что же именно банк делает? Прежде всего он заменяет уже возникший в обращении вексель купца другим, своим собственным, векселем, но замещает его так, что снимает всю прибавочную ценность, которая прилась бы на долю векселедержателя—владельца векселя—в свою пользу. Этот «челепый» факт снован на том, что общество, не доверяя отдельным своим членам, не доверяя их частным векселям, в то же время доверяет эмиссионному банку, за которым стоит государство, и за это свое доверие общество платится тем, что отдает эмиссионному учреждению те сливки, которые в сущности должно было бы снимать само. Этот-то факт и поражает Маркса своей «челепостью». Банк, в сущности, не создавая ничего, а только *замещая* одни векселя другими в форме «учета» векселей клиентов, снимает в свою пользу сливки—ту прибавочную ценность, тот процент, который получил бы векселедержатель, если бы он мог продвинуть свой вексель дальше без помощи банка. Если вексель три раза перешел из рук в руки и не встретил никаких препон, и если до сих пор векселедержатель обходился

¹ См. «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 80 и 81 (рус. пер. 1908 года).

без любезных «услуг» эмиссионного банка, то дело обстоит для векселедержателя хорошо: процент остается в руках того, кто имеет вексель. Но лишь только встречается на пути движения векселя лицо, которое не доверяет векселедателю, должен вмешаться в обращение банк. В операциях эмиссионного банка нет ничего, что бы создавало что-то новое. В своей эмиссионной функции банк *только способствует платежному обороту*. Но один только факт замены одного векселя другим (банкнотой) и позволяет банку брать в свою пользу всю ту прибавочную ценность, которая должна была бы в противном случае перейти в руки держателя векселя.

Вот в эту-то нить рассуждений Маркса и необходимо вникнуть. Маркс отчетливо оттеняет тот момент, что, не создавая ни дополнительного капитала, ни дополнительным средств для обращения, он однако определенным методом, определенным вмешательством в обращение, основанном на общественном к нему доверии и пользуясь этим последним, снимает в свою пользу прибавочную стоимость, *т. е. из факта обладания правом эмиссии непокрытых банкнот он делает источник своей наживы*. Отсюда эти банкноты и право выпуска их являются притязанием на прибавочную стоимость, *т. е. становятся фиктивным капиталом*, но только в руках банка и только для банка как частного предприятия; сами же по себе для обращения они дополнительным ссудным капиталом не являются. Только так стоит вопрос. Иного дополнительного капитала не «создается».

Но мне может быть сделано такое возражение. Ведь ряд торговых векселей выдается только потому, что имеется прочная надежда учесть их в эмиссионном банке, *т. е. иначе говоря ряд торговых сделок осуществляется только потому, что есть возможность, взявши по этим сделкам векселя, заменить их банкнотами*. Далее мне могут сказать также: если бы не было банков, то мелкие разрозненные рубли и копейки крестьянина или рабочего лежали бы в их карманах без движения, они никогда не стали бы ни ссудным капиталом, ни денежным капиталом, они никогда не стали бы никаким вообще капиталом. Это банк и только он создает из них капитал. Я отвечаю на этот вопрос следующими сравнением, заимствуя пример из области химии. Все химические реакции подчиняются закону сохранения материи и энергии. Но есть ряд реакций, которые протекают гораздо интенсивнее или даже могут происходить исключительно благодаря тому, что в дело вмешивается третий посторонний элемент. Эти элементы не изменяют ни на атом существа материи; они ни добавляют, ни отнимают во время реакции ни одного эрга энергии, но эти третьи элементы, известные под именем «катализаторов», ускоряют или даже «создают» протекание процесса, которое без них не могло бы осуществиться. И в то же время, повторяю, они не в состоянии добавить реактивам ни одного дополнительного атома ни материи, ни энергии. Точно так же и банк не в состоянии добавить, «создать» для обращения новый ссудный капитал. Но если бы не было некоторых катализаторов, то многие химические реакции никогда в мире не осуществились бы; точно так же не будь банков, мелкие денежные сбережения из простой формы денег никогда не превратились бы в форму *ссудного* капитала, следовательно, они никогда бы не превратились путем объединения в денежный капитал клиента банка. Без банка этого никогда бы не было, как без катализатора не было бы химического процесса. Но никакой химик никогда не думал утверждать, что именно катализаторы «создают» новые соединения, появляющиеся в результате привлечения к реакции катализатора. Эти новые соединения «создаются» исключительно благодаря энергии и материи самих реактивов, *т. е. благодаря самим элементам, которые участвуют в реакции*. Так же и банки *никогда не «создают» ничего нового, они только способствуют «созданию»*. Правильно, что они *облегчают возникновение ссудного капитала*; они стихийно возникают в ответ на потребности самого оборота, они идут навстречу обороту, но только в самом обороте и только сами агенты оборота создают товарно-ссудный и денежно-ссудный капитал.

Итак, ни в своей первой, ни во второй, ни в третьей, ни в четвертой функциях банки *ничего не создают*. Не появляется нечто из ничего. И если Гильфердинг еще

не останавливался на этом вопросе, то я считаю большой заслугой Реннера то, что он останавливается в своей работе на строгом разграничении двух функций банка — эмиссионной и кредитной. Он говорит, что, выполняя функции *кредитного посредничества*, банки перебрасывают денежный капитал и деньги с одного места в другое, и за счет увеличения массы, за счет увеличения быстроты обращения денег достигают, в результате, как бы фактического увеличения массы денег в обращении. Но и в своей, эмиссионной функции банки только организуют, управляют, способствуют платежному обороту, но также ничего нового не создают. Такова правильная марксистская позиция — позиция отрицания за банками «создания» чего бы то ни было, кроме как «создания» выпуска непкрытых банкнот особого фиктивного капитала *для банка*, присвоившего часть общественной прибавочной стоимости для себя. Поэтому я считаю, что точка зрения тов. Т. в этом вопросе должна быть признана неправильной.

Тов. Козлов. Тут уже отмечалось, какое большое значение имеет эта серьезная попытка систематизировать марксистскую теорию кредита и применить ее к эпохе финансового капитализма. Я пошел бы даже дальше и сказал бы, что мы имеем дело с событием в истории нашей теоретической экономики. Тов. Трахтенберг показал плодотворность применения марксистского метода в ряде таких вопросов, которых марксистское перо еще не касалось. Возьмите например главы о природе банка и банковских операциях. И в отношении освещения проблемы советского кредита, — это первая обстоятельная попытка. Но эта книга в общем является свидетельством трудности тех задач, которые перед собой ставил автор. Тов. Т. в предисловии говорит, и совершенно правильно, что здание, которое он начал строить, очень сложное и ожидать, что оно будет сразу стройным, конечно нельзя. Основная заслуга этой книги заключается в том, что она поднимет и подтолкнет коллективную работу марксистской мысли.

Мне кажется уместным напомнить, поскольку здесь присутствует много участников первых семинаров тов. Т. в Институте красной профессуры, о том, что тов. Т. в продолжение целого ряда лет является руководителем семинаров ИКП и сделал уже до этой книги много для поднятия работы марксистов в области теории кредита.

А теперь — по существу тех положений, которые выставлены тов. Т. Надо сказать, что положение каждого критика этой книги чрезвычайно затруднительно, поскольку мы имеем дело с первой частью трехтомника. И надо сказать, что тов. Т. своим сегодняшним вступительным словом, где он ссылается на последующие невышедшие части своей работы, сделал положение своих критиков еще более трудным. Но мне кажется, что принципиальные позиции тов. Т. довольно четко выявлены уже в первой части работы, и это уже позволяет дать им оценку.

Основные спорные вопросы этой книги лежат, как мне кажется, в плоскости решения проблемы формы кредита и природы ссудного капитала. Это фундамент, на котором построено все здание. Если начать разрушать этот фундамент — рухнет вся концепция. Мне кажется, что решение этих основных проблем у тов. Т. неправильное, что фундамент очень непрочен.

Начну с проблемы формы кредита. Тов. Т. считает, что форма кредита есть технико-юридическая категория, неизменная для всех эпох, для всех видов кредита. На основе этой общей формы вырастают различные социальные отношения. Это неверно, и прежде всего потому, что та форма кредита, о которой говорит тов. Т., «делка ссуды» не есть нечто неизменное для всех видов кредита.

Возьмем хотя бы капиталистический кредит, где все сделки происходят в форме купли-продажи особого товара — капитала. Разве эта форма свойственна таким сделкам, когда просто кредитуются товар, или даже ростовщическому кредиту? Не может быть неизменной формы кредита, привешанной к меняющемуся его содержанию. Изменение социального содержания вызывает и изменение формы. Форма кредита не есть юридическая категория. Здесь неправильно дано отношение между экономической формой

и ее содержанием. Но даже если форма кредита была бы правовой категорией, то почему тов. Т. определяет ее как технический момент и противопоставляет социальным отношениям?

Это неправильное решение вопроса о форме кредита не позволяет провести и правильного различия между формой обмена и формой кредита. У него есть такое положение: сделка ссуды принципиально противоречит купле-продаже. Если речь шла бы только о ссудном капитале, это было бы верно. Но возьмите кредит, возникающий в процессе товарооборота. Здесь нет еще принципиального противоречия между первой и второй формой. Форма кредита здесь представляет лишь некоторую модификацию формы купли-продажи.

Перехожу к вопросу о ссудном капитале. Здесь мы имеем второе основное положение тов. Т. Он говорит: ссудный капитал представляет собой самостоятельную, вполне развитую категорию лишь в эпоху финансового капитализма. Это вытекает из того положения, что ссудный капитал является господствующим в эпоху финансового капитала. Здесь тов. Т. сделал большую ошибку в том смысле, что не привел никаких доказательств этого центрального тезиса. Здесь, в сущности говоря, мы имеем дело с аксиомой. Откуда вытекает, что в эпоху финансового капитализма мы имеем дело с господством ссудного капитала? Финансовый капитал есть сросшийся банковский и промышленный капитал отнюдь не под диктатурой ссудного капитала.

Такова на это и точка зрения Ленина. Но отсюда тогда следует, что ссудный капитал в эпоху финансового капитализма не может уже проявить всех своих закономерностей в чистом виде. Мы здесь уже имеем известное перерождение ссудного капитала. Процент как категория финансового капитала, это совершенно не то, что процент как категория ссудного капитала. Процент здесь уже не часть промышленной прибыли, а форма, которую принимает вся промышленная прибыль. Он в себе заключает и процент в старом смысле и предпринимательскую прибыль. Неверно также положение, что ссудный капитал подчиняет закономерности своего движения все виды капитала. Возможно ли на самом деле такое подчинение всех видов капитала закономерностям движения ссудного капитала? Я думаю, что нет.

Покуда существует капитализм, — основными закономерностями, которым подчинены движения всех видов капитала, являются закономерности промышленного капитала.

Маркс рассматривает ссудный капитал как самостоятельную категорию уже в эпоху свободного капитализма. Можно привести сколько угодно цитат из Маркса, показывающих, что он считал вполне оформившейся самостоятельную роль, которую играл ссудный капиталист в процессе воспроизводства. Отсюда, поясняет Маркс, даже не занимающий чужого капитала предприниматель делит свою прибыль на две части — на предпринимательскую прибыль и процент. Таким образом, как самостоятельная категория ссудный капитал существует уже в эпоху свободного капитализма. Из-за неправильного решения этого вопроса у тов. Т. получается неверное решение вопроса о коммерческом кредите. Ссудный капитал в эпоху свободного капитализма оказывается подчиненным категории коммерческого кредита! Отсюда же следует неверное решение проблемы генезиса ссудного капитала. Маркс считает, что ссудный капитал как особая категория возникает *вместе* с промышленным капиталом. Но тов. Т. же выходит, что ссудный капитал в эпоху промышленного капитала лишь постепенно созревает как самостоятельная категория. Я соплюсь на весьма важное место из Маркса по этому вопросу (цитата из «Теорий прибавочной ценности», т. III, стр. 367, 8).

Эта цитата, во-первых, доказывает то, что я говорил раньше, что ссудный капитал как самостоятельная категория создается вместе с промышленным капиталом. Во-вторых, эта цитата показывает, что это превращение происходит не путем простой эволюции старых форм, а что тут насильственно должны быть сломаны старые формы

и, в-третьих, чрезвычайно здесь важный момент, что отличительной чертой ссудного капитала, неотъемлемой чертой его природы является понятие кредитной системы. Вот, мне кажется, кредитная система из природы ссудного капитала у тов. Т. не вытекает, и это опять-таки результат неверного решения проблемы—когда создается ссудный капитал. Из этого же, мне кажется, вытекает и неправильное отнесение к категории ссудного капитала так называемого фиктивного капитала. Мне не хотелось бы сегодня об этом говорить, поскольку тов. Т. заявил, что эта проблема будет еще им разобрана. Замечу лишь, что по-моему тов. Т. относит здесь к категории ссудного капитала такие отношения, которые по существу ничего общего с ним не имеют.

Затем я хотел бы сделать несколько замечаний по поводу рынка ссудных капиталов. Тов. Т. интересно поставил этот вопрос. Я хотел бы напомнить, что вопрос о дуализме рынка ссудных капиталов—о денежном и ссудном капитале—был уже поднят А. С. Мендельсоном, если не ошибаюсь, в 1922 году в полемике против Капенеленбаума. Но мне кажется, эта проблема вообще не имеет прямого отношения к вопросу. Сейчас я остановлюсь на следующем. Мне кажется, что у тех товарищей, которые пишут по этому вопросу, есть недооценка «Теории прибавочной ценности». Никто не обращает внимания на одно место в «Теориях», которое именно и раскрывает сущность дела. Я позволю себе это место процитировать («Теории», т. III, стр. 380). О чем здесь говорится? Маркс говорит, что если суженные деньги будут служить для ускорения капиталистического процесса воспроизводства, то это будет ссуда капитала. Мы тут имеем дело, с точки зрения народнохозяйственной,—с ссудой капитала. Противоречит ли это тому, что сказано в «Капитале»? Нет, не противоречит. Там идет речь об отношениях между двумя индивидуальными капиталами, а здесь точка зрения народнохозяйственная.

Затем еще вопрос об инфляции ссудного капитала. Тов. Трахтенберг ставит вопрос о границах кредита с точки зрения отдельных его функций. Это совершенно правильно. Но мне кажется, что он вот именно этот правильный метод полностью не использовал. Рассматривая кредит с точки зрения отдельных функций, очень важно исследовать, каково происхождение данной части ссудного капитала, ибо происхождение определяет границы применения ссудного капитала. Вот если бы так поставил вопрос, то у тов. Т. оказалась бы совершенно другая концепция. А у него получается так, что когда мы имеем избыток ссудного денежного капитала по сравнению с тем, что требует в данный момент процесс воспроизводства, то это—инфляция. Следовательно, в период зстоя мы имеем дело с инфляцией ссудного капитала; в период подема имеем дело с дефляцией! Вопрос об инфляции должен разрешаться с точки зрения возможности инфляционного воздействия ссудного капитала на процесс производства. Между тем в период зстоя мы такой возможности не имеем. Мне вообще кажется эта точка зрения тов. Т. несколько опасной.

Когда же, спрашивается, мы можем говорить об инфляции в кавычках, и что можно так называть? Если рассматривать вопрос о границах с точки зрения каждой функции в отдельности, то мы должны разделить все виды денежных средств, которыми располагают банки, на два сорта: 1) денежная форма промышленного капитала и 2) все прочие свободные деньги. Свободная денежная форма промышленного капитала всегда соответствует реальному капиталу. Если же мы возьмем накопление доходов как ссудного капитала, или накопление денег в результате увеличения безденежных расчетов, мы увидим, что тут нет соответствия в самом происхождении этого ссудного капитала с процессом накопления. Отсюда и возможность марксова «Ueberkredit'a», в котором гораздо большую роль играет этот второй тип ссудного капитала, чем «делание» чеков, акцептов и прочая «созидательная» деятельность банков.

Пару слов о советском кредите. Мне кажется, что т. Трахтенбергом не ухвачены правильно тенденции нашего кредита. Такие его положения, что у нас будет большую роль

играть процент, что у нас банки не могут деформироваться, а «только исчезнуть», мне представляются неправильными. Уже сейчас вполне наметились пути перерождения нашего кредита. В самом деле, вы говорите так, что в нашей системе нет конкуренции между бюджетом и кредитом, что каждый из них имеет свою особую функцию. Это неверно. У нас создается такое положение, при котором принципиальная разница между кредитом и бюджетом в значительной мере стирается. И действительно, что такое бюджет? Бюджет это есть процесс планового высвобождения средств из народного хозяйства, планового изъятия этих средств. Но поскольку развиваются процессы планирования производства, постольку мы и в кредитной системе имеем процесс планового высвобождения, и с этой стороны стираются грани между кредитом и бюджетом.

Далее, большую роль играет и наступление со стороны бюджета. Источники долгосрочного кредита почти на 100% лежат либо в бюджете, либо в бюджетобразных изъятиях. И только со стороны распределения этих средств внешне больше сохранилась кредитная форма. Однако и здесь дело сводится к финансированию, а не к кредитованию.

С двух сторон идет процесс перерождения кредита. И мне кажется, что еще до того момента, когда у нас умрет денежная система, у нас создастся система единого планового финансирования, которая непохожа ни на настоящий бюджет, ни на кредит. Оба они сливаются в единую, основанную на плановом высвобождении средств и плановом их распределении, финансовую систему.

Тов. Ланде. Целый ряд выступавших здесь товарищей указывал, что книга т. Трахтенберга является несомненно выдающимся событием в нашей марксистской литературе, и это несомненно так, ибо она систематизирует взгляды Маркса в целом ряде вопросов; особенно интересна 2-я часть книги о банках, в частности глава об операциях банков. В книге есть несомненно большое количество достоинств, которые делают ее фундаментальной марксистской работой о кредите.

Я хочу сделать несколько замечаний по вопросам, по которым я с т. Трахтенбергом не совсем схожусь.

Основной вопрос, на котором я хотел бы остановиться,—это вопрос о соотношении ссудного и фиктивного капитала. Предварительно—более общее замечание: как мне кажется, тов. Т. придает несколько расширительное толкование категории ссудного капитала, включая в понятие ссудного капитала и фиктивный капитал, включая в понятие ссудного капитала также и коммерческий кредит, поскольку этот кредит опосредствуется банковым кредитом. Вот это расширительное толкование категории ссудного капитала является весьма спорным.

Прежде всего по вопросу о том, является ли коммерческий кредит, поскольку он опосредствуется банковым кредитом (т. е. учет векселей), движением ссудного капитала? Мне кажется, что нет. Форма движения ссудного капитала так, как она развита тов. Т.—а он в этом случае повторяет Маркса—отличается и (значительно отличается) от движения капитала, которое мы имеем в коммерческом кредите. Вмешательство банка в организацию коммерческого кредита не изменяет принципиально природы коммерческого кредита с точки зрения его места во всем процессе общественного воспроизводства, как формы реализации товарного капитала. Между тем движение ссудного капитала в общественном процессе воспроизводства имеет иной характер. В этом случае мы имеем движение свободного денежного капитала, превращающегося в капитал функционирующий. Речь идет, следовательно, о новом приложении капитала, в то время как в коммерческом кредите мы имеем форму реализации капитала функционирующего.

Но основное, на чем я хотел бы сосредоточить ваше внимание, это вопрос о фиктивном капитале. Тов. Т. считает фиктивный капитал частью ссудного капитала, причем он подчеркивал в своем вступительном слове те различия, которые имеются

между фиктивным и ссудным капиталом. Является ли в действительности фиктивный капитал самостоятельной формой капитала, такой категорией капитала, которая позволяет нам говорить о том, что надо различать общественные отношения, развивающиеся на почве фиктивного капитала, от отношений, развивающихся на основе капитала ссудного? Основная аргументация тов. Т. в этом вопросе, положительная аргументация, сводится к тому, что фиктивный капитал, как и все экономические категории, определяется и характеризуется тем социальным содержанием, которое скрывается за ним; поскольку социальное содержание фиктивного капитала и ссудного капитала—это отношение капитала, приносящего проценты, постольку, очевидно, и нельзя говорить о различии, о самостоятельности формы фиктивного капитала. Действительно ли типы социальных связей, скрывающихся за фиктивным и за ссудным капиталом, равнозначны? Я думаю, что только отчасти. Несомненно, что фиктивный капитал—это капитал, приносящий проценты (это и Маркс утверждает), но кроме этого основного, что отличает фиктивный капитал как капитал, приносящий проценты, вместе с ссудным капиталом от реального капитала, от капитала функционирующего, капитала приносящего прибыль.—существуют такие различия, которые говорят о том, что фиктивный капитал представляет собой самостоятельную форму капитала. Основная характеристика капитала дается по форме возрастания, по форме движения капитальной стоимости. Если взять эту форму возрастания ссудного капитала в ее отличии от формы возрастания промышленного капитала, то различие заключается в том, что в одном случае мы видим капитал, приносящий прибыль, а в другом—капитал, приносящий проценты. На этой основе за ссудным капиталом скрывается новый тип социальных связей. Есть ли различие по форме возрастания между ссудным капиталом и фиктивным капиталом? И тот и другой капитал, это капитал, приносящий проценты, но имеется существенное различие в форме их возрастания. Ведь формой возрастания фиктивного капитала является не только процент, он имеет другую форму возрастания или форму движения—это изменение биржевого курса. Ведь мы знаем, каким образом фиктивный капитал может возрасти в течение дня в несколько раз и в течение дня может быть обесценен и уничтожен. Когда цена акций и других процентных бумаг, являющаяся выражением капитальной стоимости фиктивного капитала, взлетает вверх, то владелец акций, реализуя их, может получить значительно большую капитальную стоимость, чем та, которую он ранее имел. При отдаче денег в ссуду можно рассчитывать только на процент. Это несомненное отличие от формы возрастания ссудного капитала. Может ли ссудный капитал возрасти таким образом, как фиктивный капитал? Очевидно, нет. Владелец ссудного капитала получает фиксированный доход. Владелец фиктивного капитала получает или теряет курсовую разницу. Мне кажется, что вот это отличает форму возрастания фиктивного капитала от формы возрастания ссудного капитала и это придает ему характеристику самостоятельной формы капитала. На этой основе и развивается целый ряд особенностей современного капитализма, а характеристику отношений современного капитализма и хотел дать тов. Т. Колоссальная централизация собственности, полное отделение капитала как собственности от капитала как функции—эти отношения связаны с фиктивным капиталом. Он характеризует в значительной степени те отношения чистой собственности, которые мы имеем в условиях финансового капитала.

В связи с этой различной формой возрастания фиктивного капитала, отличной от формы возрастания ссудного капитала, стоит и то обстоятельство, что и форма обращения фиктивного капитала иная, чем форма обращения ссудного капитала. Эта форма обращения ссудного капитала, которую вы все знаете, $D-T-D$, потом производительный процесс, затем опять $D-T-D$, это форма сделки ссуды, она ни в какой степени не похожа на форму обращения фиктивного капитала. Его форма обращения—купля-продажа. Объединение же его с ссудным капиталом неизбежно должно вести к неразличению его особой формы обращения. Тов. Трахтенберг, правда, отмечает различия между

этим видами капитала, формулируя их как отличие в движении, но лишь в том смысле, что в одном случае ссудный капитал отображает движение реального капитала, в то время как фиктивный капитал только рефлектирует это движение. Одно лишь констатирование различия в движении ссудного и фиктивного капитала мне кажется, однако, недостаточным. Необходимо провести разграничение и различие, исходя из того обстоятельства, что фиктивный капитал ни в какой степени не имеет ни той формы возрастания, ни той формы обращения, которую имеет ссудный капитал. Таким образом, если мы берем различия по форме возрастания капитала, по форме обращения капитала, т. е. по тем признакам, которые характеризуют вообще капитал, мы можем на этом основании сказать, что фиктивный капитал является самостоятельной формой капитала. Тов. Трахтенберг выдвигает против этой точки зрения одно возражение (которое, правда, он здесь не формулировал): скрывает ли за собой, спрашивает он, фиктивный капитал вообще какую-нибудь кредитную связь, является ли он кредитной категорией в этом смысле? Мне кажется, что такое возражение неосновательно, потому что, включая фиктивный капитал в понятие ссудного капитала, тов. Т. тем самым тоже приходит к тому, что в фиктивном капитале скрываются кредитные отношения. Действительно, поскольку это капитал, приносящий проценты, постольку мы здесь имеем форму кредитной связи. Исходя из изложенных соображений, я полагаю, что фиктивный капитал является самостоятельной формой капитала.

Мне кажется, что имевшее здесь место утверждение некоторых товарищей, что вообще нельзя говорить о современном кредите, совершенно неправильно. Это вообще не возражение. Конечно, если рассматривать кредит и понимать его не как производственное отношение, тогда это так. В связи с этим следует отметить, что основная заслуга тов. Т. заключается в том, что он подчеркнул, что кредит есть производственное отношение, в отличие от тенденций, которые имеются у некоторых товарищей, рассматривать кредит, в отличие от обмена, как известную техническую форму движения собственности. Это несомненно большая заслуга т. Трахтенберга.

Подходя с этой стороны, можно несомненно говорить о том типе производственных отношений, который скрывается за кредитными связями в эпоху финансового капитала, можно и нужно говорить, и тов. Т. вполне правильно этот вопрос поставил. Спорным является лишь то, что эти общественные отношения покрываются категорией ссудного капитала. Тов. Т. приходит к этому путем расширительного толкования категории ссудного капитала. И когда некоторые товарищи утверждают, что у тов. Трахтенберга ссудный капитал является категорией, развивающейся вполне лишь в условиях финансового капитала, то тут надо брать это в связи со всей концепцией, потому что в понятие ссудный капитал включен ряд отношений, которые, с моей точки зрения, не должны были включаться. Мне кажется, что потому именно у тов. Т. и получается, что категория ссудного капитала в условиях финансового капитала получает свое полное развитие. Поскольку тов. Т. поставил своей задачей дать систематизацию Маркса, ему следовало бы исходить из теории капиталистического кредита вообще и на этом основании развивать теорию современного кредита или специфические черты кредита в условиях финансового капитала. Это было бы логически более правильно и более доказательно.

Тов. Шанин. Книга т. Трахтенберга в основной части посвящена теории капиталистического кредита, кредитной системе советского хозяйства уделено только ее приложение.

Тов. Трахтенберг пытался охарактеризовать советский банк на фоне характеристики переходного хозяйства. Это конечно совершенно правильно. Эту характеристику он определяет четырьмя моментами: 1) всякое переходное хозяйство не воспроизводит в расширенном масштабе черт предыдущей фазы, а преобразует их; 2) наше переходное хозяйство движется от капитализма к социализму, т. е. к системе, характеризующейся

чертами прямо противоположными предшествовавшей ей, 3) мы сознательно строим это переходное хозяйство и 4) наша переходная система имеет в качестве инкрустаций ряд исторических напластований от частного хозяйства до последовательно-социалистических формаций.

Самую природу советского банка т. Трахтенберг ставит в связь, главным образом, с тем, что у нас сожигаются различные системы хозяйства. Природа советского банка коренится не в характере самого нашего общественного сектора, а целиком и полностью в том факте, что общественный сектор окружен необщественным. Эта постановка вопроса кажется мне неправильной. Мне думается, что в самом нашем общественном хозяйстве, если взять его нынешний статус, существуют элементы, требующие создания советского банка как восполнения, как корректива и как метода преодоления дефектов самого нашего общественного сектора. Так как т. Трахтенберг определяет необходимость в советском банке наличием у нас частного сектора, то при этом условии очевидно, что советский банк будет отражать только те процессы, которые идут в самом частном секторе, по пути его преодоления. При правильности мысли, что частное окружение играет огромную роль в смысле определения типа нашего общественного сектора, этот подход тем не менее представляется мне все же неправильным. В самом деле, неизбежно ли то, что при наличии частного сектора—наш общественный сектор имеет именно то построение (ряда автономных рыночных предприятий), которое он имеет сейчас? Наш общественный сектор представляет систему автономных объединяемых в плане хозяйственных единиц, которые непосредственно приходят в соприкосновение с частным сектором. А ведь мыслим был бы и другой тип отношений: общественный сектор внутри и организационно построен как едино-социалистический, так чтобы только на стыке с частным сектором фигурировал неповский момент. А между тем мы имеем товарно-денежные формы *внутри* общественного сектора, причем отдельные единицы смыкаются с рынком и друг с другом в товарно-денежных формах. И вот такой тип построения нашего общественного сектора есть тип, который выражает переходящую историческую слабость самого общественного сектора, которая вероятно будет преодолена, прежде чем будет преодолено частное окружение общественного сектора. У нас происходит довольно бурный процесс организации общественного сектора, который совершается в значительной мере независимо от процесса преодоления особенностей самого частного сектора, *отеревая* этот последний процесс и тем ускоряя и его. Наши банки мало связаны с частным сектором и сильно с общественным. Общественный сектор интенсивнейшим образом переделывает частный сектор. Но наряду с этим идет еще более бурный процесс внутренней переделки самого общественного сектора, чтобы лучшей своей организацией эффективнее воздействовать на частный сектор. Этот процесс консолидации общественного сектора отражается на судьбе самого банка, который вооружает общественный сектор для его воздействия на частный. В том, что говорит т. Трахтенберг, есть известное преувеличение организационного уровня нашего общественного сектора, который сам будто бы может уже обойтись без банковской системы. С другой стороны т. Трахтенберг, ставя нашу банковскую систему в связь исключительно с явлениями в области частного сектора, обрекает нас на некоторый хвостизм в преобразовательной работе в самом общественном секторе, идущей не впереди преобразовательной работы частного сектора, а следующей за нею. Между тем, настая на том, что в нашем общественном секторе, есть дефекты, которые достаточно эластичны в отношении частного сектора и могут быть и самостоятельным процессом преодолены, мы тем самым признаем, что у нас имеются здесь большие возможности развития, чем это вытекает из концепции т. Трахтенберга. В связи с этим и преобразовательные процессы в нашей банковской системе развиваются более интенсивно, чем это допускается построением докладчика.

На ряду с этим т. Трахтенберг не дооценивает социалистическую сущность некоторых элементов нашей банковской работы. Это не значит, что он отрицает социалистическую роль наших банков. Наоборот, его заслуга заключается в том, что он очень ярко об этом говорит.

Будущий организационный центр нашего хозяйства ни в коей мере нельзя будет назвать банком, но из этого не следует, что нынешний банк не трансформируется. Советский банк не трансформируется в коммунистический банк, но он трансформируется в не-банк. Однако некоторые функции, которые свойственны современному банку, должны будут сохраниться и в развернутых социалистических формах даже тогда, когда будут отброшены товарно-денежные формы этих функций.

Можно ли сказать, что наша программа состоит только в том, чтобы завершить это отмирание банков без того, чтобы обеспечить вторую *положительную* половину этого процесса превращения банка в регулирующий перераспределение материальных ресурсов не-банк. Мы не в праве ограничиться одним лишь указанием на отмирание банка, мы должны указать конкретный путь перерастания его функций в более высокие формы, которое сейчас у нас уже намечается. Я считаю, что характеристику советского банка в нынешней стадии приходится давать в свете этого конкретного процесса перерождения, который уже идет в общественном секторе, в свете тех элементов, которые реорганизуют банк в не-банк через срастание его с синдикатской системой и от которых он получит некоторые новые тенденции. Сейчас важно уже подчеркивать не только элементы отмирания, но и элементы преобразования, которые уже реально намечаются.

Я хотел бы в заключение отметить, что та критически-отрицательная работа, в которой вы так ярко противопоставляете советский банк с его особенностями капиталистическому банку, кладет предел всяким попыткам некритически анализировать советский банк по аналогии с капиталистическим, но недостатком книги в этой части является то, что элементы фактического перерастания банковского регулирования в регулирование более высокого типа, которое на деле у нас намечается, не получили у вас положительной оценки или даже описания.

Располагая небольшим временем, все оппоненты предпочитали говорить о том, с чем они несогласны с докладчиком, и не говорили о том, с чем в огромной части согласны. В связи с этим создается известный «оптический обман». От этого впечатления я хотел бы предостеречь, указав, что это только вынужденная краткостью времени техническая форма нашей плодотворной дискуссии, вызванной вашей ценнейшей книгой.

Тов. Тверской. У Ленина есть одно очень интересное место. В своем конспекте «Науки логики» Гегеля он говорит следующее: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно первую его главу, не проштудировав и не поняв всей «Логике» Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса полвека спустя». Это положение является безусловно правильным, ибо в нем подчеркивается весьма характерная сторона марксовой политэкономии, заключающаяся в том, что все экономические работы Маркса насквозь пропитаны методом диалектического материализма. Поэтому понять марксово решение проблемы кредита можно только на основе его методологии, которая была выработана им через критическое преодоление Гегеля.

В своем выступлении я хочу остановиться на некоторых методологических посылах интересной книги т. Трахтенберга. Он в главе о сущности говорит следующее: «Кредит должен изучаться, как непрерывно диалектически развивающийся феномен. В рамках товарного хозяйства социальные отношения кредита постоянно трансформируются. Поэтому теория кредита должна быть дана применительно к определенной стадии развития товарного хозяйства» (с. 29).

Мне кажется, что т. Трахтенберг подошел к проблеме кредита с конкретно-исторической точки зрения, ибо он считает, что нужно выводить три различных категории кредита: кредит как категория простого товарного хозяйства, кредит как катего-

рия классического капитализма и кредит как категория финансового капитализма. Сам же т. Трахтенберг обращает все свое внимание на изучение последней категории кредита.

Действительно ли Маркс подошел к кредиту с конкретно-исторической стороны, действительно ли у него имеется несколько категорий кредита, отражающих различные ступени исторического развития товарного производства, или же мы встретим у него несколько другую методологическую постановку проблемы кредита?

Я уже сказал, что понять марксово решение проблемы кредита можно только исходя из его методологии.

Марксова политическая экономия есть наука, раскрывающая закон экономического развития буржуазного общества методом диалектического материализма. В введении к «Критике» Маркс показывает, как он совершает раскрытие этого закона. Он в своем исследовании отправляется от конкретного капитализма и производит сначала его анализ, т. е. от конкретного, многообразного, хаотического спускается к самым всеобщим, простейшим категориям, абстрагированным от капитализма и лежащим в основе всех явлений. Потом он переходит ко второй и более важной половине своего исследования — к синтезу капитализма. Путь синтеза есть путь восхождения от самых всеобщих абстрактных и простейших категорий к все более сложным, к все более конкретным категориям. «Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно, как конкретное» (Маркс).

Маркс высказался против того, чтобы располагать категории в таком порядке, как они исторически играли решающую роль. Он расположил их в том порядке, в котором они стоят друг к другу в буржуазном обществе, т. е. Маркс совершил не конкретно-историческое, а логическое построение «капитала». Каждой категории отведено то место, которое она действительно занимает в развитии буржуазном обществе.

Следовательно, задача, стоящая при изучении кредита, заключается вовсе не в том, чтобы исторически проследить процесс развития и отметить те исторические ступени, на которых кредит получает ту или другую степень своего развития, а в том, чтобы определить, какое логическое место он занимает в капитализме, а, значит, и в марксовый политэкономии.

В первом томе «Капитала» Маркс лишь вскользь касается кредитных отношений, когда разбирает функции денег. Но значит ли это, что этим самым он определяет логическое место кредита и выводит его как категорию простого товарного хозяйства? У Маркса мы читаем следующий ответ: «Процесс метаморфоз в товарном мире зависит от общего характера производства, от кредита и т. д. Словом, от условий, которые все находится вне сферы простого денежного обращения и которые в ней только отражаются» («К критике», с. 110). А в другом месте, говоря вскользь о кредите и о различии процента в разных странах, Маркс пишет следующее: «Оба последние вопроса мы отмечаем здесь только ради полноты, так как они стоят вне нашей темы, простого обращения» (там же, с. 163). Следовательно, Маркс считает, что кредит лежит за пределами простого денежного обращения, а поэтому не является его категорией. Только подымаясь на более высокую ступень синтеза капитализма, когда он от простого обращения логически переходит к обращению капитала и берет капиталистический процесс производства как единство процесса производства и обращения, Маркс переходит к III тому «Капитала», в котором показывает конкретные формы, возникающие из рассматриваемого как целое процесса движения капитала, одной из которых является и кредит. Маркс выводит кредит из капиталистического способа производства, ибо вместе с последним «развивается совершенно новая сила — кредит» (т. 1, с. 617). Многие строчки «Капитала» говорят за то, что Маркс понимает кредит как одну из конкретных форм движения капитала. Поэтому он может быть исследован исчерпываю-

щим образом лишь после того, как будет выяснена общая природа капитала» (т. III, ч. I, с. 86).

Таким образом, Маркс не мог вывести кредит как категорию простого товарного обращения, т. е. как самую всеобщую, абстрактную и самую простейшую категорию, ибо кредит непосредственно является конкретной категорией. В связи с этим необходимо согласиться с И. Рубиным, когда он подчеркивает, что «теория трудовой стоимости и теория цен производства представляют собою не теорию двух различных типов хозяйства, а теорию одного и того же капиталистического хозяйства, взятую на двух различных ступенях научной абстракции» («Очерки», с. 275). Если мы вспомним общую методологическую установку Маркса, включающую процесс анализа и синтеза капитализма, то можно сказать, что простое товарное обращение выступает у Маркса, как первая ступенька процесса синтеза капитализма. Маркс в целом ряде мест указывает на то, что он простое товарное обращение абстрагировал из капитализма. «Закон ценности... абстрагирован из капиталистического производства» («Теор. приб. стоим.», т. III, с. 64).

Если Маркс не вывел кредит как категорию простого товарного обращения, то спрашивается, вывел ли бы он кредит как категорию финансового капитализма, если бы он жил в эту эпоху? Тов. Трахтенберг говорит следующее: «Изучение кредита как категории финансового капитализма тем более имеет оправдание, что в сущности только в эту эпоху кредит достигает законченности и определенности» (с. 28). Следовательно, кредит в эпоху классического капитализма не достиг законченности и определенности. Раз это так, тогда и капитал, который связан с кредитом, и деньги и т. д., словом, все категории политической экономии не достигли в этот период своей законченности и определенности. Где же в действительности получают свою законченность и определенность все те отношения, которые выражают собою категории политической экономии? Где они проявляются в наиболее нормальном и в наименее искаженном виде? В то ли время, когда мы имеем дело с классическим периодом буржуазного общества, которое, по мнению Маркса, «основано на конкуренции» («Нищета фил.», с. 138); или же в период господства империализма. Тогда ли, когда господствует свободная конкуренция, или тогда, когда господствует монополия? Тогда ли, когда мы имеем расцвет капитализма, или же тогда, когда происходит его умирание, когда товарное производство хотя попрежнему «царит и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано?» (Ленин, XIII, с. 255). Тогда ли, когда капитализм еще является прогрессивным, или же тогда, когда он становится регрессивным фактором развития?

Мне кажется, что все те отношения, которые выражают собою категории политической экономии, проявляются в наиболее нормальном, наименее искаженном виде тогда, когда мы имеем дело с классическим капитализмом, т. е. тогда, когда господствует свободная конкуренция, т. е. тогда, когда товарное производство еще не подорвано. Поэтому марксова политэкономия является теоретическим выражением классического капитализма. Отсюда совершенно ясно и то, что кредит как одна из ее составных частей является категорией классического капитализма.

Таким образом, выводить особую категорию кредита для финансового капитализма, противоположную кредиту как категории классического капитализма, нет никакой надобности. Я «согласен с теми товарищами, которые говорят, что сначала надо понять кредитные отношения классического капитализма, а потом лишь проследить те отклонения и искажения, которые они получают в эпоху господства финансового капитализма. Понять неразвитый вид кредитных отношений, исторически существовавших до господства капитализма, можно точно так же, исходя из кредита как категории классического капитализма, в котором он достигает своей законченности, так как проявляется в наиболее нормальном, наименее искаженном виде и занимает свое действительное место как одна из конкретных форм движения капитала.

Следовательно, на основе кредита как категории классического капитализма можно понять как период его зачаточного, неразвитого состояния, так и те искажения, которые он получает в период империализма. А это говорит за то, что нет никакой необходимости выводить самостоятельные категории кредита как для периода простого товарного обращения, так и для периода господства империализма.

Тов. *Разман*. Напада на т. Трахтенберга, т. Лившиц говорил, что последний неправ, когда указывает на то, что банк «создает» ссудный капитал тем, что собирает различные капиталы, которые высвобождаются, и разные мелкие доходы, ибо эти суммы и раньше были ссудным капиталом. Тов. Лившиц долго и пространно объяснял, что такое «создавать». Я думаю, что т. Лившиц забыл, что «создавать» означает не что иное, как соединять и разединять. Естественно, что банк, объединяя все свободные денежные капиталы, раздавая их потом промышленникам, этим самым превращает их в ссудный капитал.

Разбираемая книга весьма интересна, но надо сказать, что в некоторых местах тов. Т. недостаточно последователен и не совсем договаривает то, что он хотел бы сказать. Возьмем вопрос относительно учета векселей. Вы указываете на утверждение Энгельса, что учет это не что иное, как купля-продажа. Вы же находите, что учет это, по существу говоря, та же ссуда капитала. Тем не менее вы почему-то думаете, что принципиальной разницы между вами и Энгельсом в этом вопросе нет. У Энгельса, мол, точка зрения частного векселедержателя, а у вас исходная точка — народное хозяйство. Я думаю, что здесь надо говорить о том, что есть, что идет спор между Оверстоном, с одной стороны, и Марксом и Энгельсом, с другой стороны, при чем тов. Т. — на стороне Оверстона. Но здесь не только недоговоренность, но и непоследовательность. Маркс и Энгельс считают, что учет — это не ссуда и поэтому справедливо подчеркивают различие между банковским кредитом и торговым кредитом. Но когда у вас, по существу говоря, всякий учет есть ссуда, то я никак не понимаю, зачем вам так много говорить о наличии двух видов кредита: товарного и банковского. Нужно говорить ясно, что так как учет — это есть ссуда, то нет никакой разницы между коммерческим кредитом и банковским. Это было бы последовательно!

Что Маркс в данном случае и не думал исходить из частнохозяйственной точки зрения, а все время исходит из народнохозяйственной, явствует из всей его полемики с Оверстоном, из всех его построений и в частности из следующих слов: Маркс говорит: «Даже оставляя в стороне кризисы (ясно, что он исходит не из частнохозяйственной точки зрения), существует крупное различие между займом капитала и учетом, который только осуществляет превращение денежных требований из одной формы в другую или в действительные деньги». Вообще указание т. Трахтенберга, что с народнохозяйственной точки зрения учет превращается в ссуду и между ними никак нельзя провести никакой разницы, напоминает мне всем известный разговор, что, собственно говоря, с точки зрения народнохозяйственной зарплата есть капитал, потому что в конечном счете рабочий дает свои деньги капиталисту и, покупая товар, он тем самым создает капитал. В результате получается та путаница между доходом и капиталом, которая нам всем известна.

Я считаю, что прав Энгельс, когда он говорил, как бы предвидя такие недоразумения, что действительная ссуда имеет место лишь при получении определенной суммы от банка под свой личный кредит. Вне этого условия нет банковской ссуды. Иначе каждую обыкновенную продажу товара, посредством которой получают платежные средства, пришлось бы тоже считать ничем иным, как получением в ссуду «капитала». Как видите, здесь имеются две точки зрения, и т. Трахтенбергу следовало бы сказать: «Я с Энгельсом несогласен». Сказать же: «Я согласен с Энгельсом, но он исходит из одной точки зрения, а я из другой» — это, по-моему, неправильно.

Здесь кто-то из товарищей говорил, что новое слово, которое сказал т. Трахтенберг в своей книге, это то, что кредит в основном имеет дело с ссудным капиталом. Я думаю, что вряд ли для какого-нибудь марксиста это слово является новым. Это ясно сказано неоднократно у Маркса. Но не только Маркс об этом говорил. Это говорят и не-марксисты.

Еще два замечания. Автор утверждает, что экспансия кредита находит свои пределы в закономерностях денежного обращения и в наличии уже циркулирующих или потенциальных реальных капиталов. Если это так, то получается, что экспансия кредита безгранична, ибо потенциальные капиталы имеются почти в любой стране. Говорить в таком случае о том, что имеются какие-то границы, конечно нельзя. С нашей точки зрения получается нечто вроде того самого мифического представления о безграничной производительной силе кредита, против которого так справедливо возражал Маркс.

Следующее замечание. Тов. Трахтенберг утверждает, что «нельзя говорить о причинной зависимости пассивов и активов, а только о взаимной обусловленности». Одинаково, оказывается, неправильно утверждение, что активы предопределяются пассивами, как и обратное, что активы предопределяют пассивы. Я думаю, что под этой формулировкой подпишутся и старый Маклеод и молодой Ган. Принципиального различия между ними и формулировкой т. Трахтенберга нет.

Я думаю, что т. Трахтенберг, несмотря на большие достоинства его книги, недостаточно внимания уделил двум теоретическим положениям Маркса. Первое положение — проведенная Марксом параллель между денежной системой и кредитной системой, которая характеризуется тем, что денежная система фактически превращает индивидуальный товар в общественный. Денежная система есть общественная форма товара. Кредитная система превращает индивидуальный капитал в общественный капитал. Вот проследить эти связи и их столкновения было бы очень важно теоретически. Второе положение о том, как кредитная система все снова и снова разбивает себе голову о металлическую границу. Вот это надо бы развернуть и здесь показать границы экспансии кредита. Эта задача обязательна для всякого теоретика-марксиста. Всем сказанным я не думаю урезать значение книги. Она бесспорно интересна, и нападки некоторых критиков, которые нашли место в печати, безусловно критики не выдерживают. Тов. Трахтенберг вполне прав, когда указывал, что некоторые главы «Капитала» о кредите весьма трудны для чтения и если бы даже кто-нибудь занялся только систематическим изложением этих глав — он сделал бы большое дело. Только большим легкомыслием составителей наших программ для вузов можно считать то обстоятельство, что для студентов 1-го курса рекомендуются как обязательный материал эти первые главы второй части III тома «Капитала». Поэтому, когда фактически мы имеем книгу, которая не только систематизирует учение Маркса о кредите, но которая, без всякого сомнения, дает настоящую, серьезную теоретическую работу о кредите, то несмотря на некоторые ее неточности, она для нас очень ценна и важна.

Тов. *Менделсон А. С.* Единственный оратор, который выступил с отрицательной оценкой работы т. Трахтенберга, был Лившиц. Если не ошибаюсь, он начал с очень резкой критики, с заявления, что работа т. Трахтенберга — не первая попытка марксистской трактовки в развернутом виде проблемы кредита, что имеются в природе предшественники т. Трахтенберга в лице Гильфердинга и Реннера. Мне кажется, что здесь имеет место недоразумение. Относительно Гильфердинга мы все прекрасно знаем, что главы и абзацы «Финансового капитала», посвященные кредиту, имеются в работе, которая трактует совсем другую тему. В «Финансовом капитале» это носит характер эпизодических замечаний, иногда очень ценных и важных, но это отнюдь не развернутая трактовка проблемы кредита.

Относительно Реннера. Я не знаю, откуда явилась смелость у Лившица квалифицировать сто страниц реннеровской книги как теоретическую трактовку проб-

лемы кредита. Насколько я знаю эту работу, там теорией кредита и не пахнет. Там очень хорошо, очень красиво, может быть, понятно и популярно описано, что такое вексель, что такое варрант. Это полезные вещи, но теории кредита там нет. И ссылка Лившица на автора предисловия к этой книге—г. Спектатора—абсолютно неправильна. Тов. Спектатор разосил эту книгу, указывает ряд дефектов в ней и говорит, что лучшим местом в этой плохой книге является часть, посвященная кредиту. Это не похоже на то, что говорит Лившиц.

Я думаю, что правильна та постановка вопроса, которая дается целым рядом товарищей: в работе тов. Т. мы имеем впервые развернутую марксову трактовку вопроса. Ни у Реннера, ни у его предшественников этого мы не имеем.

Я пойду по тому пути, который нам рекомендовал тов. Т., к которому он нас призывал. Говорить о том, в чем мы, здесь выступающие, согласны с тов. Т., вряд ли придется. Это сказано самим тов. Т. У меня имеется несколько замечаний, на которых я хотел бы остановиться и которые сводятся к несколько иному пониманию вопроса и к уточнению тех вопросов, которые подняты тов. Т.

Прежде всего, вопрос о той частной контроверзе, которая нашла отражение в работе тов. Т.,—относительно трактовки проблемы рынка денег и рынка капитала или ссуды денег и ссуды капитала. По этому поводу в Институте красной профессуры была очень оживленная дискуссия с проф. Каценеленбаумом, который выставил тезис такого порядка: Маркс правильно трактует эту проблему, считая, что речь должна идти только о ссудном капитале. Энгельс, комментируя Маркса, в третьем томе дал свое толкование этой проблемы, извратил марксово понимание и расчленил ссуду капитала на ссуду денег и ссуду капитала, неправильно прокорректировав Маркса. Такая постановка вопроса вынудила ту группу, которая занималась вопросами кредита, проанализировать этот вопрос. Тов. Т. указывает, что целый ряд замечаний Маркса в этом разделе III тома становится особенно ясным и понятным, когда его связывают с изучением подлинника и тех мест, относительно которых высказывается Маркс. Это совершенно правильно. Но и на основе того материала, который имеется в «Капитале», можно достаточно точно установить, что по этому вопросу у Маркса была совершенно определенная точка зрения. Я не буду приводить цитат из той небольшой работы, которую посвятил этому вопросу под названием «Средства обращения и капитал» (она была напечатана в журнале «Под знаменем марксизма»). Мне кажется, что в высказываниях Маркса в III томе «Капитала» по затронутому вопросу имеется совершенно ясная точка зрения, и Энгельс не извратил Маркса, он правильно его интерпретировал. Проф. Каценеленбаум во 2-м издании своей книги касается этой ссылки. Он обещал в примечании вернуться к этому вопросу в другом месте, так как с моей трактовкой вопроса он несогласен. Я не видел, где он этого вопроса вновь касается, хотя с того времени прошло несколько лет. Я считаю, что тов. Т. правильно ставит и решает этот вопрос в том смысле, как этот вопрос решается и самим Марксом, причем можно аргументировать здесь не только цитатами, не только комментариями из «Капитала», но и объяснить различие ссуды денег и ссуды капитала, естественно выводя его из основных категорий марксово-теоретической экономики, из понятия стоимости, из понятия капитала как стоимости, функционирующей в качестве стоимости, приносящей прибавочную стоимость. К этому сводится мое первое замечание. Здесь я не расхожусь с тов. Т., но лишь несколько уточняю трактовку вопроса, поскольку мне пришлось этим вопросом специально заниматься.

Насчет трактовки явлений кредита в условиях финансового капитала в той постановке, как это дано тов. Т., у меня возникают некоторые сомнения. Тов. Т. выставляет тезис относительно господства ссудного капитала в условиях финансового капитала. У меня книги на руках нет; кажется, на странице 25-й это сформулировано отчетливо, и речь идет о том, что господствующей формой является форма ссудного капитала; закономерно-

стям движения этой формы капитала подчиняются остальные формы капитала. Прежде всего, вопрос относительно господства ссудного капитала в условиях финансового капитала. У нас нет как будто расхождения в понимании того, что такое финансовый капитал. Мы все сошлись на том, что финансовый капитал это—сросшийся банковый и промышленный капитал; в финансовом капитале происходит растворение двух форм в новой форме, которую мы называем формой финансового капитала. Это понимание у нас является общепризнанным. Но если проанализировать конкретные проявления движения финансового капитала, мне кажется, можно констатировать в различные периоды, в различных условиях в пределах этой слившейся формы преобладание той или иной формы, вошедшей в эту слившуюся синтетическую форму. По одному конкретному поводу мне пришлось ознакомиться с этим вопросом в Западной Европе в 1924 году. Итоги этого знакомства были опубликованы в 1925 г. в статье в «Плановом хозяйстве»—относительно форм финансового капитала. Я производил исследование на месте, форму движения финансового капитала, мне казалось, я уловил. Выявляется такая комбинация, такое сочетание форм промышленного и банкового капитала, которые дают в различных условиях преобладающую роль—в синтетическом целом—то одной, то другой форме. Очевидно, тов. Т. подметил и уловил ту форму финансового капитала, в которой диктующей стороной, в условиях слияния, является банковский капитал, а между тем, практика хозяйственной жизни диктует нам определенные выводы в области знакомства и говорит о том, что мы имеем случаи преобладания в финансовом капитале и промышленной его части. Мы имеем несколько совершенно наглядных и конкретных примеров, как например Стиннесовское образование, которое, правда, впоследствии распалось.

Это имело место не только в период инфляции, но и в 1924—25 г., когда рассосалась инфляция. Мы имеем в Крупновской комбинации то же самое положение; в целом ряде концернов мы имеем такое положение, что банк превращается в расчетную контуру крупнейшего промышленного объединения. Я думаю, что если внимательно проанализировать современные монополистические концерны и тресты, то мы найдем целый ряд таких примеров. Метод работы Крупновского концерна остается в течение десятилетий одним и тем же и характеризуется преобладанием промышленного капитала. Мы имеем слияние того или другого капитала в единый капитал, но в одних случаях господствует промышленный капитал, он превращает банк в свою расчетную контуру; в других случаях мы имеем господство банкового капитала, который подчиняет себе и по-своему направляет промышленные образования. Интересно будет, конечно, если кто-нибудь тщательно займется этим анализом и либо отвергнет эти, на основании небольшого сравнительно материала, вскрытые явления, либо подтвердит их (*С места*:—Факты настаивают на равноправии отдельных частей). Я думаю, что тут равноправие вряд ли возможно, а такая подчиненность одной части другой при полной унии должна иметь место.

Мне кажется, мы не можем констатировать такого абсолютного подчинения банковым капиталом промышленного капитала. Но практика и в особенности в Соединенных Штатах как будто бы говорит о том, что мы там в целом ряде случаев имеем именно такую форму, когда огромные промышленные предприятия опираются на банк, подчиняют себе банк. Я не настаиваю, что уловил самое последнее проявление финансового капитала, но мне кажется, что такие явления имеют место. Это первый момент, который внушает сомнения насчет того, что банковый капитал господствует и подчиняет себе прочие.

Другим положением, гораздо более серьезным, с моей точки зрения, для всего понимания эпохи финансового капитала, для понимания законов движения капитализма в эту эпоху является утверждение, что закономерностям движения ссудного капитала подчиняются остальные формы капитала. Мне кажется, что если мы примем

это положение, то придется сделать чрезвычайно существенный вывод для теории кризисов, для теории циклов. Если мы примем положение, что закономерности движения банкового ссудного капитала диктуют формы движения остальным формам капитала в эпоху финансового капитала, то отсюда все, что связано с ссудным капиталом, будет определяющим и, следовательно, должно измениться понимание кризисов. Если мы скажем, что господствующим капиталом является ссудный капитал, если его закономерности решают вопрос о движении всего хозяйственного процесса, то, очевидно, придется как-то корректировать эти наши исходные положения о причинах, о периодичности кризисов. Вопрос о том, что определяет периоды, промежутки между кризисами, что вызывает цикличность этого движения, должен быть объяснен по-новому. Я не знаю, как себе это дело представляет т. Трахтенберг. Может быть, я неправильно понимаю его постановку вопроса, но, если я правильно понял, тогда у меня просьба изложить: как представляется движение хозяйственного процесса в условиях, когда движущей, определяющей и основной формой, имеющей свои закономерности и диктующей эти закономерности всему хозяйственному процессу, является ссудный капитал.

Еще только одно небольшое замечание по поводу части, касающейся вопроса о кредите в условиях переходного периода. Я не буду поднимать всего круга вопросов, чрезвычайно существенных, важных и интересных, но мне кажется, что есть одна методологическая предпосылка, которой оперирует т. Трахтенберг и которая, на мой взгляд, вряд ли может быть принята. Тов. Трахтенберг так ставит вопрос: «Теоретический анализ советского кредитного учреждения вполне достаточен для выяснения характерных черт кредита вообще». Получается, что как будто бы от теоретического анализа советского кредитного учреждения можно перейти к анализу проблемы кредита в условиях переходного периода. Я бы не хотел придираиться к отдельной фразе. Но тут дана такая формулировка, которая говорит не о фразе, не о случайном выражении, а об определенном подходе, определенном методе исследования. Во-первых, тов. Трахтенберг от этого отступает, так как через несколько страниц приступая к развертыванию своего понимания кредита в условиях переходного периода, говорит и о других феноменах. И это естественно. Мне кажется, что вряд ли можно выводить явления кредита из теоретического анализа работы кредитного учреждения. Кредитный феномен более широк и подлежит теоретическому анализу с точки зрения основных исходных категорий экономики переходного периода. Тов. Трахтенберг сам в своем вступительном слове указывал путь, которым он шел, развертывая теорию кредита: товар—стоимость—деньги—капитал—различные формы капитала—ссудный капитал—теория кредита. Для капиталистического хозяйства имеются определенные логические пути развития теории кредита, из основных исходных позиций, из основных исходных положений. Мне кажется, что для советского хозяйства весьма важно и существенно связать теорию кредита,—если мы говорим о его теоретической трактовке, а не об интерпретации конкретной работы кредитных учреждений—с основными исходными положениями и общими теоретическими предпосылками, по отношению к которым теория кредита является производной.

Второе положение—отчасти об этом говорил тов. Шанин: кредит в условиях переходного периода нужно рассматривать в контексте целого ряда явлений нового порядка. Кажется, тов. Козлов говорил о комплексном рассмотрении явлений кредита в связи с бюджетом. Я думаю, что придется втянуть и явление цен, поскольку мы имеем здесь перераспределение накопления и направление этого накопления в различные отрасли народного хозяйства. Комплексное рассмотрение явлений кредита, бюджета и цен должно иметь место при теоретическом анализе кредита в условиях переходного периода. Этим исчерпываются замечания, которые имеются у меня в отношении очень интересной, на мой взгляд, работы тов. Трахтенберга.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. ТРАХТЕНБЕРГА

В дискуссии участвовал ряд товарищей. Высказывались различные соображения. Мне делались разнообразные возражения. Не одинаковой была и общая оценка моей работы.

Может быть, было бы целесообразно пройти мимо некоторых возражений, но я не хочу быть несправедливым и постараюсь ответить всем, постараюсь всякому «воздать по его делу» (*мес*). Мои оппоненты выступали достаточно резко, но зато искренно. На искренность отвечу искренностью, и если она побудит меня быть резким, я не постесняюсь так же, как это делали и мои оппоненты.

Мне придется держать перед вами большую речь об очень сухом и довольно скучном предмете, но я, выражаясь словами Адама Смита, «готов быть скучным, лишь бы быть ясным и понятным».

Но до перехода к довольно скучной материи позвольте остановиться на «вещах веселых». В массе возражений, которые мне здесь делались, оказались, к сожалению, и «пустяки». Вот с этих пустяков я и начну.

Следует заметить, что на пустяки возражать довольно трудно, гораздо труднее, чем на возражения серьезные. Предположим, на научном диспуте кто-либо выступает и в чрезвычайно самоуверенном тоне заявляет по адресу докладчика: «Вы не знаете элементарных вещей, вы, например, не знаете, что дважды два пять, а трижды три восемь». Что можно на это возразить? Ничего.

Что, напр., я могу возразить на сделанное мне указание, что я не знаю экономической истории, что я забыл о существовании торгового капитализма, что я забыл о существовании денежного капитализма, при «котором коммерческий кредит едва ли был господствующим». Я вообще не излагал в моей книге экономической истории, но, признаться, не слышал о «стадии денежного капитализма». Может быть, это мое упущение, провал в моих званиях, но, признаюсь откровенно, фазы «денежного капитализма» не знаю.

Что я могу возразить на такое возражение? Я, как известно, одной из функций банков считаю «превращение доходов в ссудный капитал». На это мне возражают (читаю по стенограмме): «Я считаю, что все это утверждение покоится на элементарном заблуждении. Когда любой рубль, любая копейка приходит в банк, то от кого бы она ни приходила, в каком бы порядке она ни приходила, она уже является ссудным капиталом». В этом случае «банки уже получают сотворенный предмет, они получают ссудный капитал». Это надо понимать, очевидно, в том смысле, что все эти копейки, рубли и вне деятельности банка являются ссудным капиталом. Какая же разница между этими «копейками» и банковским капиталом? Только количественная. «Подобно тому как мельчайшие капли воды создаются из воды и как огромный поток, затопляющий местность, тоже представляет воду, так каждая копейка, притекающая в банк, представляет ссудную копейку, и все они вместе представляют капитал». Очевидно, значит, доход рабочего и крестьянина ничем не отличается от ссудного капитала. Разве только величиной своей «воды». Капля и поток—и «в капле вода и в потоке вода». Доходы рабочего и капитал банка—состоят из денег. Только в первом случае мало денег, а во втором много. Я вас спрашиваю, товарищи, что я могу на это возразить? Признаюсь—грешен, неграмотен. Я до сих пор думал, что доходы чем-то отличаются, и не только количеством «воды»,—от капитала. Оказывается, я не знал такой элементарной вещи, что доходы и капитал одно и то же. Признаюсь: не знаю и никогда не знал. И этикие умные вещи приподносятся в развязном и уверенном тоне и имеют целью доказать, что, мол, т. Трахтенберг не знает элементарных истин, не знает, что дважды два пять.

Что я могу возразить, далее, на следующее «философическое» размышление. Как известно, я вслед за Марксом говорю, что банки могут создавать ссудный капи-

тал. Это вызывает следующие глубокомысленные рассуждения: «прежде всего надо сговориться, в каком смысле мы употребляем слово «создание». Мы знаем (читаю по стенограмме), «что люди создают, производя фактически из ничего, облекая мысль в форму письменного сочинения». (Прибавляю: иногда высасывают из пальца и устные выступления.) «Люди создают себе подобных людей; из сырья и полуфабрикатов создают фабрикаты; иногда из существующих вещей создают отсутствие их, сжигая или уничтожая их». И затем начинается публичная демонстрация беспомощного барахтания в чрезвычайно сложных проблемах. Как я могу реагировать на такое возражение? Мне вспоминается одна басня о некоем «философе», приехавшем в деревню. Размышляя о возвышенных вещах, возможно о «создании», этот философ упал в колодезь. Крестьяне хотели помочь ему, принесли веревку и кричат: «хватайся за веревку». Метафизик начинает философствовать: «а что есть веревка? какова ее сущность? какова ее форма?» «Да веревка, — кричат крестьяне, — веревка — веревка простое!». Наш метафизик не унимается. Он прежде всего должен познать «сущность явления». Крестьянам все это надоело, и что они сделали? Махнули рукой на спасение его. «Тони, бог с тобой». То же и я отвечаю: «Ничем не могу вам помочь. Безднадежно. Я употребляю слово «создать» в том же смысле, в каком это делает Маркс. Вам непонятно? Ну, и бог с вами».

Очень извиняюсь, что задерживаю ваше внимание на таких пустяках, но все эти «возражения» мною не выдуманы, они действительно здесь высказывались, притом высказывались одним и тем же оппонентом, т. Лившицем.

Этот оппонент начал свою речь с указания на то, как он разочаровался в моей работе. Вы, конечно, понимаете, что после его возражений мне его разочарование доставляет большее наслаждение. Но он, к сожалению, заявил, что у меня в книге есть и хорошие места, даже классические. Признаться, я был этим заявлением обескуражен — за что т. Лившиц меня похвалил? Какую же цену он написал, которая могла вызвать одобрение т. Лившица? К счастью, как-будто этого нет. Тов. Лившиц! Вам моя книга не должна нравиться, от начала до конца.

Для характеристики этого оппонента, для характеристики, как он читает и умеет читать книги, я приведу еще следующее. Тов. Лившиц указал на то, что моя книга не только не подвинула вперед разработку проблемы кредита, но, наоборот, является шагом назад в сравнении с тем, что до сих пор писалось о кредите, напр., Гильфердингом и Реннером, причем о последнем (Реннере) сказал, что (цитирую по стенограмме) она «во многих частях невероятно слабая, но в части, посвященной теории кредита, блестящая оригинальными мыслями, исчерпывающим знанием и изложением вопроса». Но т. Лившиц не довольствуется только собственной квалификацией, он приводит еще в свидетели автора предисловия к переводу книги Реннера, т. Спектатора... «Этот отмечено, — говорит Лившиц, — и в предисловии к книге, написанном русским советским экономистом т. Спектатором, где говорится, что сильным, наиболее сильным местом и, пожалуй, единственно сильным, является то, которое заключается в главе о кредите». Я привык думать, что если человек выходит на трибуну, он говорит лишь о том, что он знает. Все же я проверил ссылку тов. Лившица, и вот что оказалось. В своем предисловии т. Спектатор пишет: «Скажем только, что к лучшей части его книги относятся главы о банковом капитале... Но и здесь все изложение Реннера отличается узко-формалистическим, номиналистическим духом, сбиваясь сплошь и рядом к Кляшцу»; в конце концов в т. Спектатор делает такое заключение: «Хотя он описывает эти явления довольно талантливо, но действительной сущности их он не понял, и его изложение может скорее внести путаницу в головы неопытных читателей, чем содействовать разъяснению этих основных положений».

И после этого Лившиц ссылается на т. Спектатора. Скажите, пожалуйста, ведь, есть все-таки предел всякой... смелости. Впрочем, дело здесь не в смелости, а в способности понимать то, что другие пишут.

Перехожу к другим указаниям, которые делались и которые немногим лучше «сображений т. Лившица. Эти указания, правда, делались не в этой аудитории, но все же разрешите мне сказать о них несколько слов. Речь идет о рецензии на мою книгу, напечатанную во вчерашнем номере «Экономической жизни». Рецензент упрекает меня в том, что я говорю о ссудном капитале, как о самостоятельном, особом «сорт» капитала. «Это неправильно, — пишет рецензент. — У капитала, приносящего прибыль, и у капитала, приносящего проценты, есть особые расходящиеся закономерности. Но отрывать, делать самостоятельными, противопоставлять эти оба «сорта» капитала нельзя. Ссудный капитал есть обособившаяся форма капитала. И так — не самостоятельная форма, а обособившаяся, имеющая особые (расходящиеся) закономерности. Скажите пожалуйста, какая же разница между самостоятельной и обособившейся формой капитала? Мне думается, что если ссудный капитал есть обособившаяся форма капитала, притом имеющая особые закономерности (расходящиеся), ее можно назвать самостоятельной формой капитала».

Следующее замечание рецензента: «Автор делает явную ошибку, приписывая денежно-ссудному капиталу «особую специфическую потребительную стоимость», «только ему свойственную»... Мы считаем, что и капитал и ссудный капитал в процессе воспроизводства имеет одну и ту же потребительную стоимость, т. е. приносит прибыль. Свообразие же ссудного капитала — в его меновой стоимости, если можно так выразиться, которая выражается в проценте. Это различие между потребительной и меновой стоимостью (или ценой) ссудного капитала у т. И. Трахтенберга не вскрыто со всей ясностью. Не знаю, может быть, я забыл азбуку политической экономии, но я до сих пор думал, что вообще капитал не обладает ни потребительной, ни меновой стоимостью. Потребительная и меновая стоимость присущи товару. И когда мы говорим о стоимости капитала, мы говорим о стоимости товара, превращенного в капитал. Другое дело — ссудный капитал. Почему Маркс говорит о потребительной стоимости ссудного капитала? Потому что в ссудном капитале мы имеем не просто капитал и не просто товар, а капитал как товар. Когда мы говорим о потребительной стоимости ссудного капитала, мы имеем в виду не товар и не деньги, превращенные в капитал, а именно сам капитал как капитал. Говорить о потребительной и меновой стоимости капитала вообще совершенно непусто».

Наконец, еще одно замечание рецензента. Я в своей работе пишу о технических категориях и противопоставляю их экономическим. Последние же с моей точки зрения являются категориями социальными. Я, стало-быть, противопоставляю технические категории экономическим (социальным). Рецензент по этому поводу пишет: «У Трахтенберга получается далее методологический разрыв между социальной категорией и категорией экономической или, как он ее почему-то называет, категорией технической. Неправильно такое противопоставление: «кредит — категория не техническая(?), а социальная».

Позвольте, почему «почему-то»? Я говорю совершенно ясно о технических категориях, а не об экономических. Рецензент же «почему-то» подставляет вместо «технические» слово «экономические», и в результате вместо моего противопоставления технических категорий социальным (или же экономическим) получается противопоставление экономических категорий социальным. Что это такое? Ну, разве можно так писать рецензии?

А вот еще одна «подставочка». Я пишу, что «социальное содержание должно явиться определяющим для экономической категории». Что значит эта фраза? Она означает, что социальное содержание конституирует категорию экономическую. Что делает рецензент? Раньше он вместо «технической» подставил «экономическую», теперь он вместо слова «содержание» подставляет «отношения». И глубокомысленно заключает: «Мы считаем, наоборот, экономические отношения и категории определяют собою со-

циальные отношения, тесно, конечно, слитые с первыми, и если позволительно методологически брать их обособленно, то экономические отношения это — «базис», а социальные это — «надстройка». Таким образом, т. Трахтенберг посрамлен. Что это такое? Это ведь несерьезное отношение к содержанию своих собственных писаний.

Теперь от пустяков перехожу к серьезным возражениям. Начну с возражений т. Козлова. Он выступил с наиболее подробной критикой моей книги, возражал против многих высказанных мною положений, и я постараюсь дать на них ответ. Возражения т. Козлова были интересны, хотя и ошибочны, и ошибочность их вытекает, по моему, из того, что т. Козлов недостаточно продумал всю проблему и, к сожалению, не всегда был достаточно внимателен при чтении моей книги.

В дальнейшем я буду пользоваться не стенограммой его речи, а его статьей, которая будет напечатана в одном из ближайших номеров «Планового хозяйства». Рукопись статьи мне любезно представил т. Козлов, и с его согласия я в дальнейшем буду пользоваться ею.

Первое возражение, которое мне делает т. Козлов, заключается в следующем. Я, как известно, различаю форму и содержание кредита. Под формой кредита я разумею сделку ссуды, конститутивным признаком которой я считаю отсрочку возврата эквивалента. Содержание же кредита определяется теми социальными отношениями, которые в сделке ссуды скрываются. Формально, как сделка ссуды (конститутивным признаком которой является отсрочка возврата эквивалента), кредит остается одинаковым во всех стадиях развития товарного хозяйства, социальное же содержание сделки ссуды меняется, поэтому кредит, как определенный тип социальной связи, различен в разных стадиях развития товарного хозяйства.

Тов. Козлов на это отвечает следующим образом. Неверно, что сделка ссуды характеризуется только отсрочкой возврата эквивалента. «Разве сделка ссуды между двумя товаропроизводителями, происходящая при продаже в кредит, идентична по форме с сделкой ссуды между ростовщиком и его клиентом или между ссудным и промышленным капиталистом? В первом случае мы действительно имеем отсрочку возврата эквивалента (Т — обещание уплаты — М — уплата эквивалента), во втором случае мы имеем сверх отсрочки уплаты эквивалента обещание особо вознаградить займодавца ($D - D + d$), причем величина этого маленького d не стоит в определенном соответствии к D , а выказывается исключительными индивидуальными обстоятельствами данных сделок. Разве форма $D - 0 - 0 - D + d$ уже не отличается от $m - o - o - m$ или даже от $D - 0 - 0 - D$? Наконец, возьмем третий случай — капиталистический кредит. Здесь вся сделка принимает форму купли-продажи товара, особого товара — «капитала». Разве здесь в этом особом характере сделки мы не имеем изменения самой формы «сделки ссуды». Таким образом мы уже насчитали три типа сделок ссуды, три различных формы кредита. Это разграничение мы произвели на основе внешних «формальных моментов».

Прежде всего процент — это не обещание платежа, а реальный факт, процент надо платить. А во-вторых, нельзя считать процент внешним, формальным моментом. Процент — качественная категория, процент выражает собою возникновение новой социальной связи, выражает развитие нового типа социальных отношений. Утверждать, что наличие процента есть формальный признак, значит, на мой взгляд, не понимать, что такое процент. Процент далеко не формальный признак, и не напрасно Маркс так много внимания уделяет характеристике процента как качественной категории. Тов. Козлов констатирует, что в различных случаях форма движения товаров или денег различна. Но формы движения не есть формальная характеристика сделки ссуды, так же, как форма движения капитала не есть формальная характеристика капитала. Констатированные т. Козловым три типа сделки ссуды отличаются друг от друга наличием процента и особой характеристикой этого процента. Я не думаю, чтобы процент явился «формальным внешним моментом». Я не думаю, чтобы кредит исчерпывался понятием сделки

ссуды, не думаю этого потому, что полагаю, что конститутивным признаком сделки ссуды является отсрочка возврата эквивалента. Тов. Козлов полагает, очевидно, что кредит исчерпывается понятием сделки ссуды, думает он так потому, что, по его мнению, сделка ссуды конституруется не только отсрочкой возврата эквивалента, но и другими признаками, в частности наличием процента. Я считаю, что сделка ссуды есть форма обмена и, как таковая, характеризуется формальными признаками. Тов. Козлов к формальным признакам относит и наличие процента. Что же в таком случае он называет содержанием кредита? Мне непонятно. Спор здесь основан или на недоразумении (спор о «словах») или, что вернее, на том, что т. Козлов недооценивает категории процента, не понимает ее характеристики, как качественной категории, только поэтому он мог процент причислить к внешним формальным моментам.

Я в своей книге говорю, что сделка ссуды не является особой формой сделки купли-продажи, а особой формой меновой сделки, принципиально отличной от купли-продажи. На это т. Козлов указывает, что я прав в отношении тех сделок ссуды, которые не представляют модификации товарного обмена. Но я «абсолютно неправ в отношении тех «сделок ссуды», которые происходят в процессе продажи товаров». «Здесь кредит есть не что иное, как особая форма купли-продажи». Доказательств своего утверждения т. Козлов не приводит. Он ограничивается только тем, что заявляет, что Трахтенберг «конечно, не прав». Но т. Козлов все же не может не заметить и разницы между сделкой купли-продажи и сделкой ссуды. Но эта разница, очевидно, ничтожна. «Деньги здесь функционируют не как средство обращения, а как средство платежа». Очень маленькая разница! «При этой форме кредита мы остаемся в пределах процесса обращения товаров, в пределах тех отношений, которые выражаются в метаморфозе товарной формы. Принципиального отличия от этого процесса отношений мы здесь не имеем».

Утверждение т. Козлова, что сделка ссуды есть особая форма купли-продажи было бы правильно в том смысле, если бы функция платежного средства была бы особой формой функции орудия обращения. Если же полагать, что платежное средство есть самостоятельная функция денег, а не только особая форма орудия обращения, то нельзя будет утверждать, что сделка ссуды есть особая форма сделки купли-продажи. Не напрасно Маркс говорит о платежном средстве, как об особой функции денег, и не напрасно Маркс подчеркивает, что в сделке ссуды «продавец становится кредитором, покупатель — должником». Продавец и покупатель не то же, что кредитор и должник. Здесь мы видим совершенно различные типы социальной связи. Полагать, что сделка ссуды есть видоизмененная сделка купли-продажи, — глубочайшая ошибка, вытекающая из непонимания различия между платежным средством и орудием обращения, различия, которое подчеркнуто Марксом уже в I томе «Капитала». Ссылка на то, что здесь «мы остаемся в пределах процесса обращения товаров», не убедительна. Разве в пределах процесса обращения товаров мы мыслим только сделку купли-продажи? А во-вторых, различие между продавцами-покупателями и кредиторами-должниками очень велико, и кредиторы-должники вовсе не являются особой формой продавцов-покупателей. Отношение между кредиторами и должниками принципиально отличается от отношений продавцов и покупателей. Роли кредиторов и должников только «на первых порах столь же переходящие роли, исполняемые попеременно одними и теми же лицами, как и роли продавца и покупателя. Однако эта противоположность уже с самого начала (с самого начала — П. Т.) не имеет такого добродушного вида и способна к большей кристаллизации» (Маркс). Поэтому-то «на известной ступени развития и при известных размерах товарного производства функция денег, как платежного средства, выходит за пределы сферы товарного обращения» (Маркс).

Таким образом возражений т. Козлова в этом случае я признать не могу. Они основаны на забвении того, о чем Маркс писал еще в первой главе I тома «Капитала».

Следующее возражение т. Козлова относится к вопросу о значении ссудного капитала в эпоху финансового капитализма. Этого вопроса касались и другие оппоненты, поэтому я пока его опущу, вернусь к нему ниже.

Тов. Козлов недоволен моей характеристикой взаимоотношения коммерческого и банковского кредита. Тов. Козлов, соглашаясь, что я в общем дал правильное определение банковского и коммерческого кредита, указывает, что я не мог разрешить верно проблему их соотношений. Он приводит следующую цитату из моей книги: «Указанные две формы соответствуют двум стадиям развития капитализма. Коммерческий кредит является типической формой кредита в условиях промышленного капитализма, банковский кредит — в условиях капитализма финансового. В эпоху промышленного капитализма банковский кредит является подчиненной коммерческому формой кредита, в эпоху финансового капитализма, наоборот, коммерческий кредит оказывается подчиненной банковскому формой кредита».

После этого т. Козлов пишет: «По отношению к эпохе промышленного капитализма абсолютно ясно, что наш автор здесь перевернул действительные отношения». Это не аргументация — сказать: «абсолютно ясно». Категоричность утверждения не всегда адекватна его истинности.

«Коммерческий кредит, — говорит т. Козлов, — и в эпоху промышленного капитализма является уже подчиненным ссудному капиталу». Доказывает это т. Козлов так: «И. Трахтенберг не задается даже вопросом, откуда появляется в коммерческом кредите форма процента (чуть ли не с самого начала его развития). Не свидетельствует ли это об иных отношениях между банковским и коммерческим видом кредита, чем это предполагает автор?»

Я с удовольствием констатирую, что т. Козлов ясно понимает, что коммерческому кредиту, как таковому, процент имманентно не свойственен. Почему же коммерческому кредиту с самого начала присущ процент? Тов. Козлов полагает, что это так потому, что коммерческий кредит с самого начала подчинен банковскому. *Надо думать и тогда, когда еще не было банковского кредита.* Ошибка т. Козлова заключается в том, что он забыл, что капитал, приносящий процент, вообще старше капитала промышленного. В форме ростовщического капитала он (капитал, приносящий проценты) существовал задолго до промышленного капитализма. И то, что при коммерческом кредите «с самого начала его развития появляется форма процента», объясняется существованием рядом с ним и задолго до него кредита ростовщического. Это, во-первых. А во-вторых, наличие процента в коммерческом кредите вовсе не обнаруживает его подчинения капиталу, приносящему процент.

Ошибка т. Козлова в этом вопросе связана с его неверным представлением о ростовщическом и ссудном капитале. Перехожу к его соображениям на этот счет. Тов. Козлову кажется, что я неправильно изложил проблему генезиса ссудного капитала.

Я в своей работе говорю, что ссудный капитал имеет генетическую связь как с ростовщическим капиталом, так и с торговлей деньгами, так и с денежно-торговым капиталом.

Тов. Козлов ставит вопрос иначе: «Центральным вопросом в проблеме генезиса является вопрос о том, как докапиталистические формы кредита превратились в капиталистические».

Я вовсе не думал излагать метод возникновения ссудного капитала, те способы, которые применялись для преодоления капитала ростовщического. Это — вопрос конкретных взаимоотношений, которые в первой части моей работы, части теоретической, мною не рассматривались. Точно так же я не думаю, что центральным вопросом в проблеме генезиса является вопрос о том, как возник ссудный капитал. Центральным вопросом проблемы генезиса является вопрос о том, какие формы отношений являлись заро-

дышами ссудного капитала, какие формы отношений являлись исходными для возникновения отношений ссудного капитала.

Тов. Козлов говорит, что т. Трахтенберг полагает эволюцию, а на самом деле была ломка старых отношений. Тов. Козлов, вы, конечно, понимаете, что эволюция вовсе не исключает ломки — это элементарно ясно, и противопоставление в данном случае ломки эволюции вообще не имеет никакого смысла.

Как преодолевает промышленный капитализм ростовщический капитал? Конечно же путем ломки. История возникновения банков любой страны дает интереснейшую иллюстрацию того, как промышленный капитализм разбивал капитал ростовщический. Не даром при организации Английского банка золотых дел мастера, эти представители ростовщического капитала, «подняли большой вой». Но метод преодоления ростовщического капитала вовсе не дает различной характеристики ростовщическому и ссудному капиталу, как двум формам капитала, приносящего проценты. Ошибка, и притом большая ошибка, т. Козлова заключается в том, что он, противопоставляя ссудный капитал ростовщическому, не понял того, что ссудный капитал ни по своей природе, ни по своему характеру не отличается от капитала ростовщического. Поэтому-то он и не замечает генетической связи того и другого капитала. Я же утверждаю, что такая генетическая связь существует и что ссудный капитал не отличается ни своим характером ни природой от капитала ростовщического, и именно поэтому приходится установить генетическую связь между ними. Утверждая так, я полагаю, следую Марксу. Разрешите зачитать цитату: «Развитие кредитного дела возникает как реакция против ростовщичества. Однако это отнюдь не следует понимать в том смысле, какой вкладывали сюда античные писатели, отцы церкви, Лютер или ранние социалисты (я бы прибавил и т. Козлов.—И. Т.) Это означает лишь подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства — не более не менее». Так и написано — «не более, не менее». Ссудный капитал, стало-быть, есть приспособленный к новым условиям капитал, приносящий проценты. Следующая цитата: «Отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или в самом характере этого капитала. Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и вызванное ими совершенно новое отношение между должником и кредитором».

Ошибка т. Козлова во всем этом споре заключается в том, что он, во-первых, заменил проблему генезиса ссудного капитала вопросом о методах и способах его возникновения, во-вторых, что уже является глубочайшей ошибкой, он не заметил сходства ссудного и ростовщического капитала (сходства как по своему характеру, так и по своей природе).

Следующее возражение т. Козлова относительно фиктивного капитала я считаю основанным на чистейшем недоразумении. Тов. Козлов пишет, что будто бы я «к категории денежного ссудного капитала отношу все титулы на доход — все ценные бумаги». Это недоразумение. По-моему, ценные бумаги не являются фиктивным капиталом. Надо помнить (об этом я говорил и в вступительном слове), что ценные бумаги — не фиктивный капитал, точно так же, как денежная масса — не ссудный капитал. Ценные бумаги являются овеществлением ссудного капитала, но сами по себе они не капитал. Смешивать фиктивный капитал с ценными бумагами так же нелепо, как смешивать ссудный капитал с денежной массой. Поэтому, когда т. Козлов мне возражает, цитируя из Маркса, что ценные бумаги «суть форма, в которой капитал может быть отдан в ссуду, но сами они не суть тот ссудный капитал, который в них вложен», т. Козлов бьет мимо цели.

Я указывал в своей вступительной речи, что проблема фиктивного капитала мною в книге не разобрана. Я дал только постановку этой проблемы и к ней рассчитываю

вернуться в следующих частях моей работы. Может быть, я сделал ошибку, и нужно было уже в первой части развернуть полностью всю проблему. Но, как я объяснил, я этого не сделал потому, что хотел концентрировать внимание читателя на категории ссудного капитала, поэтому рассматривал фиктивный капитал только с той его стороны, с какой он сходен с капиталом ссудным. Фиктивный капитал — это ссудный капитал, но вместе с тем и не ссудный капитал. Если бы я развернул проблему фиктивного капитала, мне пришлось бы мою книгу не только увеличить, но и усложнить. Мне нужно было бы дать не только характеристику закономерностей движения ссудного и фиктивного капитала соотносительно с движением капитала промышленного, но надо было бы дать характеристику движения ссудного капитала соотносительно с движением фиктивного и промышленного капитала, мне надо было бы дать характеристику закономерностей движения фиктивного капитала соотносительно с движением капитала промышленного. Я отказался от этого сложного анализа, чтобы концентрировать внимание читателя на ссудном капитале, и рассматривал фиктивный капитал только в одной его характеристике, односторонне.

Я дал в своей работе анализ тех условий, которые превращают право на доход в ссудный капитал. В числе этих условий я указываю на возможность превратить права на доход в деньги, почему сами права на доход становятся платежными и покупательными средствами, «фиктивный капитал приобретает свойства покупательных и платежных средств». С этим т. Козлов несогласен: «в том-то и дело, что далеко не всегда легко превратить его в деньги по его прежнему курсу, по которому он куплен». Следовательно дело не в том, что «право на доход» может быть превращено в деньги; эту возможность т. Козлов, очевидно, не отрицает. А дело в том, что оно не может быть превращено в деньги «по его прежнему курсу, по которому оно куплено». Какое собственно значение имеет это последнее обстоятельство? Разве покупательным и платежным средством может быть только то, что неизменно в своем «курсе»? Попробуйте применить этот критерий к разного рода «покупательным и платежным средствам», тогда окажется, что таковым является только золото. Вопрос об изменении курса не имеет никакого отношения к рассматриваемому здесь вопросу.

Тов. Козлов далее указывал в своей речи на то, что не всегда ценная бумага основана на кредитном отношении. В этом он солидаризируется с проф. Капенеленбаумом. Мотив — не всякая ценная бумага обязана своим происхождением кредиту. Тов. Козлов ошибается, думая, что кредитный характер ценных бумаг определяется способом их происхождения. Способ возникновения ценной бумаги не имеет, на мой взгляд, в этом случае никакого значения. Я привожу в своей книге такой простой пример. Если бы государственная пенсия, стало-быть, право на постоянный доход, могла бы быть передаваема, то на основе этого права возник бы фиктивный капитал. Пенсионер превратился бы в обладателя фиктивного капитала. Право на пенсию, как известно, не возникает в результате кредитного отношения. Дело не в том, что право на доход возникает из кредитного отношения, а в том, что это право на доход в силу целого ряда условий превращается в фиктивный капитал. Фиктивный капитал конституируется не способом происхождения права на доход, а условиями, превращающими право на доход в фиктивный капитал. Этого, к сожалению, не понимает т. Козлов, а только понимание этого гарантирует возможность понимания всей проблемы фиктивного капитала.

Перехожу к проблеме рынка ссудных капиталов. В своей книге я трактую рынок ссудных капиталов как единый рынок и в то же время констатирую существование денежного рынка и рынка капиталов. Эту двойственность рынка ссудных капиталов я объясняю двойственностью самого ссудного капитала, который, с одной стороны, представляет сумму покупательных и платежных средств, а с другой — капитал. Из этого обстоятельства я вывожу, что движение ссудного капитала иногда осуществляет ссуду денег, а иногда осуществляет ссуду капитала.

Тов. Козлов поэтому ошибается, когда пишет: «Однако наряду с признанием единства рынка. И Трахтенберг считает возможным различать денежный рынок и рынок капиталов, опираясь на то различие между ссудой денег и ссудой капитала, которое было проведено Марксом и Энгельсом в III томе «Капитала».

Тов. Козлов просто неправильно меня понял. Я не даю характеристики двойственности рынка ссудного капитала на основе различия между ссудой денег и ссудой капитала, а, наоборот, возможность различия ссуды денег и ссуды капитала вывожу из двойственности рынка ссудных капиталов. Поэтому все дальнейшее рассуждение т. Козлова относительно ссуды денег и ссуды капитала ни в какой мере не направляется против моей концепции и вообще не имеет, так сказать, никакого отношения к разбираемому вопросу».

Не могу не отметить только одного места в этой связи, которое меня чрезвычайно удивило. Тов. Козлов приводит следующую цитату из моей книги. «Когда ссуда является только ссудой денег, а не капитала, движение ссудного капитала отображает только то распределение капиталов, которое существует... в том случае, когда ссуда есть ссуда денежного капитала, а не только денег, движение ссудного капитала вызывает перераспределение реальных капиталов. В первом случае заемщик не получает дополнительного капитала, во втором он его получает: посредством ссуженных заемщику сумм он приобретает новые, не имевшие у него до того блага, которые могут быть использованы, как капитал».

И затем иронизирует: «Очень странным является конец этой цитаты: ведь заемщик «приобретает новые, не имевшие у него до того блага» и в первом и во втором случае. Иначе незачем ему было бы брать ссуду». Позвольте, т. Козлов, если вы цитируете «конец фразы», то уж цитируйте его с концом, а вы опускаете как раз конец, в котором заключается самое существенное, а именно: приобретает не просто блага, а блага, используемые как капитал.

Тов. Козлов полагает, что постановка вопроса о границах кредита, данная мною, в общем правильна, но то, что я пытаюсь определить границы посредством анализа различных функций банка, кажется ему «упрощением всего вопроса». Почему это упрощение, т. Козлов не указывает, а вместо этого предлагает другой метод разрешения проблемы границ кредита. Ему кажется, что надо идти по пути анализа происхождения ссудного капитала. Вообще говоря, такая постановка вопроса для меня приемлема, так как у меня функции банков как-раз различаются по источникам и методам происхождения капитала.

Стало-быть, возражения т. Козлова, взятые в общей своей форме, бьют мимо цели. Но я различаю четыре функции банков и, стало-быть, четыре источника банковских средств, т. Козлов различает два следующие источника: «с одной стороны, высвобождающийся денежный капитал как форму промышленного капитала (назовем его — ссудный капитал I) и, во-вторых, это осажение денег, превращаемых в ссудный капитал (ссудный капитал II)».

Какое же различие для понимания границ кредита между ссудным капиталом I и ссудным капиталом II?

Вот что пишет т. Козлов по этому поводу.

«Накопление ссудного капитала I тоже не означает, что идет одновременно расширение действительного накопления, наоборот, оно может выражать приостановку действительного накопления. Ибо наличие капитала вовсе не означает возможности расширения капиталистического производства. Прибыль—его граница. Но как только создаются возможности расширенного воспроизводства, то оно находит нужный ему капитал в форме накопленного денежного капитала».

И далее:

«Не то ссудный капитал II. Его накопление хотя и связано, но отнюдь не выражает действительного накопления».

Итак, ссудный капитал I не выражает действительного накопления. А ссудный капитал II? Тоже не выражает действительного накопления.

Но, может быть, различие в другом? А именно в том, что ссудный капитал I носит в себе возможность действительного накопления, под которым, как известно, Маркс понимал возможности расширенного воспроизводства, а ссудный капитал II не имеет в себе этой возможности?

Но, оказывается, и этого различия нет. О ссудном капитале I т. Козлов говорит, что наличие его «вовсе не означает возможности расширения капиталистического производства», то же он говорит и о ссудном капитале II, а именно, что он не выражает действительного накопления.

Поэтому совершенно неожиданным является утверждение т. Козлова, подчеркнутое им, что «само происхождение этого ссудного капитала уже определяет его границы, указывает на невозможность его применения в качестве капитала, с точки зрения равновесия процесса воспроизводства».

Таким образом получается, что использование всех источников ссудного капитала, кроме «высвобождающегося денежного капитала, как формы промышленного капитала, неизбежно нарушает равновесие процесса воспроизводства».

Это положение я считаю глубочайшей ошибкой. Ибо оно означало бы, что развитие процесса расширенного воспроизводства заключено в узкие рамки «высвобождающегося денежного капитала», противопоставляемого, напоминаем, всем другим источникам, в том числе и доходам. Использование этих доходов неизбежно ведет к нарушению равновесия. Утверждать так — значит отрицать всякое значение за кредитом.

Различие между ссудным капиталом I и ссудным капиталом II имеет большее значение, но это различие, во-первых, т. Козловым не понято и, во-вторых, выводы из этого различия не те, о которых говорит т. Козлов.

Недоволен т. Козлов моими соображениями об инфляции. Инфляцией ссудного капитала я называю превышение предложения ссудного капитала над потребностью в денежном капитале. Это — неверно, говорит т. Козлов.

«Это определение нам представляется столь же неверным, как ходячее определение денежной инфляции — несоответствие количества денег количеству товаров».

Определять денежную инфляцию как несоответствие количества денег количеству товаров, конечно, нелепо, хотя и признаться, мне неизвестно, чтобы такое определение было ходячим. Я думаю, что даже сторонники количественной теории денег не признают такого определения. Но определять инфляцию как несоответствие между количеством орудий обращения и спросом на них, между количеством орудий обращения и потребностями товарооборота — правильно, и никакого другого определения выдумать нельзя. И когда т. Козлов, давая «более глубокую» постановку вопроса, говорит, что «проблема инфляции ссудного капитала — это проблема соотношения накопления денежного ссудного и действительного капитала», то он говорит совершенно то же, что говорю я.

Но, к сожалению, то, что я говорю, он или не понял или же, что вернее, недостаточно внимательно к нему отнесся. Что это так, видно из следующего. Тов. Козлов утверждает, что у меня «получается, что инфляция ссудного капитала происходит во время кризисов, во время зстоя. Во время подъема у него, очевидно, получается дефляция ссудного капитала».

Я утверждаю, что ничего подобного у меня нет. Во-первых, неправильно отождествлять в этом случае период кризисов и период зстоя, ибо в эти периоды положение на рынке ссудных капиталов совершенно различно. Очевидно, этого т. Козлов не понимает. Во-вторых, я, само собою разумеется, знаю и об этом пишу, что во время кризиса ссудный процент повышается. Инфляция ссудного капитала, сопровождаемая повышенным процентом, — утверждение, которое я делать не мог и не делал. Тов. Козлов попросту неверно передал то, что я написал на эту тему.

Не соответствует действительности также и то, что будто бы я «понижение процента» рассматриваю как «инфляцию», о чем говорит т. Козлов. Понижение процента не есть инфляция и не есть даже показатель инфляции, хотя, с другой стороны, при инфляции процент, конечно, понижается.

Вообще вся критика моих суждений по поводу инфляции основана или на непонимании того, что я говорил, или же на искажении.

Но т. Козлов не удовлетворяется критикой. Он дает и свое определение инфляции. Он говорит: «Инфляцией ссудного капитала мы можем назвать лишь то, что Маркс называет «избыточным» кредитом, т. е. таким кредитом, который не соответствует сохранению равновесия реального капитала». Если взять конец этой фразы, то т. Козлов, пожалуй, прав и говорит в сущности то же, что и я. Но он не прав, если полагает, что инфляция ссудного капитала — это избыточный кредит. Что избыточный кредит может быть следствием инфляции, — несомненно, что избыточный кредит есть одна из форм проявления инфляции ссудного капитала также несомненно. Но также несомненно, что избыточным кредитом не исчерпывается проявление инфляции ссудного капитала. Избыточный кредит обозначает, что (с точки зрения воспроизводства) был использован излишний денежный капитал. Инфляция ссудного капитала означает, кроме того, наличие ссудного капитала неиспользованного и не могущего быть использованным. Избыточный кредит означает излишек авансированного денежного капитала, понятие инфляции ссудного капитала шире — оно означает не только излишек (с точки зрения возможностей производственной экспансии) авансируемого денежного капитала, но и излишек ссудного капитала, который не может быть использован как денежная форма промышленного капитала.

Как объяснить, что т. Козлов смешивает явление инфляции с явлением избыточного кредита? Мне кажется, это объясняется тем, что т. Козлов недостаточно различает ссудный капитал от денежного капитала, как функциональной формы промышленного капитала. Этого же смешивать нельзя. Именно в этом надо искать объяснение заблуждений т. Козлова. (Тов. Козлов в: «Нет»). Я считаю, что я нашел для вас, т. Козлов, наиболее достойное объяснение. Всякое другое было бы для вас гораздо хуже.

Следующее возражение, которое делает т. Козлов, заключается в следующем. Как видите, т. Козлов делает мне много возражений. Его критика, хотя и мягкая по форме, весьма решительно по содержанию. (С места: «Это наиболее достойная форма»). Конечно, это наиболее достойная форма.

Тов. Козлов находит, что я проблеме баннотной и депозитной уделяю слишком мало места и внимания. Возможно, этот упрек справедлив. Может быть, надо было больше места посвятить этим вопросам. Но т. Козлов не ограничивается этими указаниями. Он находит у меня и ошибки. Я в своей работе писал: «Чистый классический тип банноты, циркуляция которой опирается исключительно на вексельное обращение, отошел в сущности в область истории». На это т. Козлов указывает, что ему кажется это утверждение необоснованным. «Нам неизвестен, — пишет т. Козлов, — такой чистый классический тип банноты вообще, но с другой стороны, нам не совсем ясно, о каких чертах, сближающих банноты главнейших капиталистических стран с бумажными деньгами, идет речь...»

Если, конечно, критерием реальности фактов является знание о них т. Козлова (смел), вопрос решается просто: т. Козлов говорит, что ему тот или иной факт неизвестен, значит, этого факта не было. Ну, а как быть, если эти факты другим известны? Классический тип банноты циркулировал в Англии до акта Роберта Пилля (примерно, с конца рестрикционного периода). Я знаю классический тип банноты Германии, Франции. Классическим типом банноты я называю ту банноту, которую Маркс определяет как вексель на банкира, выпускаемый в обмен на частные векселя. Если баннота выпускается не в порядке обмена на частный вексель, она уже не будет «классической».

Я утверждаю, что современная банкнота не связана уже с вексельной операцией. Дело, конечно, не в размене её. Изменение характера выпуска банкноты, именно характера выпуска, сближает её с бумажными деньгами.

Недоволен т. Козлов и моими соображениями по поводу депозитов. «Проблема инфляции депозитов,— говорит он,— совершенно неясна». Он приводит следующую цитату из моей книги: «Инфляция депозитов будет в том случае, если размер депозитов окажется большим, чем необходимо для системы безналичных расчетов, и если окажутся необходимыми депозиты погашать наличными деньгами».

И к этому добавляет: «Непонятно, почему, если есть возможность погасить излишне выпущенные «депозиты» наличными, почему здесь будет инфляция, почему в этом случае обязательно падение покупательной силы кредитных орудий обращения, а не просто возвращение в банк излишка выпущенных «депозитов»?

И это выражение основано на недоразумении. Смысл всех моих рассуждений на эту тему заключается как-раз в том, что депозиты могут «делаться» лишь в меру того, как они могут погашаться без наличных, иначе «деланные» депозиты погашаться не могут. Потому они и «делаются», что нет возможности их погашать наличными. Если бы была такая возможность, они бы не делались, налицо были бы депозиты другого порядка. Поэтому нельзя мне возражать указанием на возможность погашать эти депозиты наличными. Можно, конечно, спорить со мною по поводу характеристики «делания» депозитов, но если я характеризую эти депозиты, как таковые, для которых нет возможности погашения наличными, нельзя мне возражать указанием на то, что «если есть возможность» такого погашения.

Возможно, что эта проблема у меня недостаточно разработана, возможно, что я ей уделил слишком мало внимания, возможно, что аргументация, приведенная мною, неубедительна. Вы в праве сказать: «слишком кратко» или же «я не понимаю», «потому неясно и неубедительно», но сказать, что кратко, а потому неправильно,— нельзя. Согласитесь, что количество внимания, уделенное мною данному вопросу, или то обстоятельство, что вы не поняли, не может служить критерием истинности или неправильности моих утверждений.

Вот, примерно, все те возражения, которые сделал т. Козлов в своей статье. Я очень охотно воспользовался бы всякими указаниями критиков, в частности я очень внимательно отношусь к указаниям т. Козлова, но, к большому моему огорчению, указания т. Козлова мне не кажутся основательными, и я не могу ими воспользоваться для внесения поправок в мои суждения о кредите. Указания т. Козлова, как я говорил уже, основаны на недоразумении, частью на непродуманности проблемы кредита. Тов. Козлов хотел дать критику моей концепции в целом. А на деле, он дал критику ряда отдельных положений. Критика всей системы в целом заменена критикой отдельных частей. Для первого надо было бы противопоставить систему взглядов, второе допустило несогласованность отдельных частей его критики.

Перехожу теперь к вопросу о том, насколько правильно мое утверждение, что кредит, как движение ссудного капитала, характеризует кредит эпохи финансового капитализма.

Тов. Козлов, как и другие товарищи, в частности т. Мендельсон, верно понял мои построения, говоря, что я был бы прав лишь в том случае, если бы в эпоху финансового капитализма ссудный капитал был бы господствующей категорией.

Это, говорит т. Козлов, мною не доказано. Совершенно правильно. Это мною не доказано. Господство ссудного капитала является исходным моим положением, к доказательству которого мне придется вернуться впоследствии.

Но т. Козлов говорит: «К сожалению, положение, постулированное здесь т. Трахтенбергом, не может быть доказано. Оно расходится и с общепринятыми у нас, основанными на изучении фактов, взглядами».

Далее т. Козлов приводит цитату из работы Ленина и прибавляет: «Следовательно, господствующим является финансовый капитал (и закономерности его движения), а финансовый капитал есть «слившийся» капитал, а не есть ссудный капитал и не есть «сращенный капитал под диктатурой ссудного».

Дело сводится к тому, чтобы понять, что такое «господство финансового капитала», что означает это господство.

Разногласие, очевидно, такое. Я утверждаю, что финансовый капитал возникает на основе противоречия ссудного и промышленного капитала и сохраняет это противоречие. Поэтому сращивание того и другого предполагает наличие какого-то отношения между ссудным и промышленным капиталом, и это отношение при сращивании ссудного и промышленного капитала в финансовый капитал складывается как господство капитала ссудного. Тов. Козлов, очевидно, полагает, что финансовый капитал уничтожает (в себе) противоречие между ссудным и промышленным капиталом, поэтому понятие господства финансового капитала исключает господство ссудного.

Причем он полагает, что он следует «общепринятым взглядам». В качестве общепринятых, и в этом я с ним согласен, т. Козлов принимает суждения на этот счет Ленина.

Работа Ленина об «империализме» по всему своему построению, по своей внешней структуре, по переходу от одной темы к другой, свидетельствует, на мой взгляд, о том, что при «сращивании» предполагается господство ссудного капитала. Но, кроме того, у Ленина мы находим и прямое указание на именно такое понимание господства финансового капитала.

Вот что он пишет: «Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение (речь идет об отделении капитала собственности от капитала функции.—И. Т.) достигает громадных размеров». Но что значит господство финансового капитала? «Преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии»,—стало-быть, ссудного капитала. (С места: «Это не так»). Почему это не так? Здесь говорится: «господствующее положение рантье». Рантье— это представитель ссудного капитала. (С места: Нет, представитель финансового капитала). Вы думаете? К счастью, в том же контексте мы можем найти цитату, показывающую, как понимает Ленин рантье.

Зачитываю фразу, непосредственно предшествующую той цитате, которую я только что приводил. «Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного или производительного, *отделения рантье, живущего только доходом от денежного капитала*, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц» (курсив мой.—И. Т.).

Стало-быть, рантье — это «живущий только доходом от денежного капитала». (С места: «Денежного, а не ссудного»). Позвольте, здесь рантье противопоставляется предпринимателю. Противопоставление рантье предпринимателю означает противопоставление денежного капитала промышленному. Ясно, конечно, что речь здесь идет не о денежном капитале, как о функциональной форме промышленного капитала, ибо этот денежный капитал не противопоставляется промышленному. Ясно, что здесь речь идет о капитале как собственности, противопоставляемой капиталу как функции. Ясно, что здесь речь идет о денежном капитале как собственности, противопоставляемом капиталу промышленному, т. е. речь идет о ссудном капитале.

Таким образом преобладание финансового капитала означает, по Ленину, господство ссудного капитала (господство рантье). Но Ленин говорит о господстве рантье и финансовой олигархии, под которой также надо понимать представителей ссудного капитала. (С места: «Финансового капитала»). Если принять вашу интерпретацию,

то слова Ленина будут звучать так: «Преобладание финансового капитала... означает господство финансового капитала». Так Ленин писать не мог.

Таким образом я полагаю, что, как-раз следуя общепринятым взглядам, сращивание ссудного и промышленного капитала предполагает сохранение противоречия между тем и другим и совершается оно, как выражается т. Козлов, «под диктатурой ссудного капитала».

Но как бы ни был авторитетен Ленин, все же, само собой разумеется, ссылкой на него удовлетвориться нельзя.

Тов. Козлов и т. Мендельсон правы, когда говорят, что все это надо доказать. Такова моя обязанность, которую я постараюсь выполнить в дальнейших частях моей работы. В первом же томе я исходил из общепринятых представлений, полагая таковыми взгляды Ленина.

Тов. Мендельсон выставил очень интересное, заслуживающее внимания, соображение. Ему кажется, что при сращивании ссудного и промышленного капитала возможно как преобладание первого, так и преобладание второго. Этот вопрос необходимо исследовать, и само собою разумеется, над этим вопросом должен работать не один я. Но все же я думаю, что в виде общей тенденции, общего правила, надо будет констатировать при сращивании господство ссудного капитала. Те изыскания, которые я до сих пор делал в этом направлении, не побуждают меня отказаться от тех предпосылок, из которых я исхожу в первой части своей работы и которые мне кажутся «общепринятыми».

Тов. Мендельсон в своих чрезвычайно интересных возражениях выразил опасения, не может ли данная мною постановка вопроса повести к ревизии теории кризисов Маркса. Мне кажется, что такой опасности нет, и она не вытекает из моей концепции. Остановиться подробно на теории кризисов я, конечно, сейчас не могу. Ограничусь только следующими краткими замечаниями. Когда я говорю о ссудном капитале, о его самостоятельности, даже о его господстве,— это вовсе не означает, что я отрицаю обусловленность ссудного капитала и его движения закономерностями движения реального капитала, закономерностями процесса воспроизводства капитала. Говоря о самостоятельных закономерностях движения ссудного капитала, я все время подчеркиваю, что ссудный капитал является категорией, обусловленной и определяемой основными производственными связями капитала. В каком же смысле я говорю о самостоятельных закономерностях движения ссудного капитала? Я говорю это в том же смысле (на этом я сейчас не могу подробно остановиться), в каком Энгельс говорит о собственных законах денежного рынка в своем известном письме Конраду Шмиту. То, что для меня ссудный капитал есть категория, производная от капитала, видно из того, что для меня процент конституирует понятие ссудного капитала, а процент есть часть прибавочной стоимости. О господстве ссудного капитала я говорю в том смысле, что процесс воспроизводства подчиняется интересам не промышленного дохода, а процента (поскольку прибыль расширяется на промышленный доход и процент).

Поэтому-то я думаю, что мое понимание кредита не может повести к ревизии теории кредита Маркса.

Речь моя затянулась, и, к сожалению, я уже не могу ответить на ряд очень интересных возражений, которые делались другими оппонентами, возражений, несомненно, заслуживающих внимания.

Постараюсь это сделать в другом месте.

Хотя уж очень поздно, но все же я позволю себе злоупотребить вашим вниманием. Мне хочется еще сказать, хотя бы несколько слов, о советском кредите. По этому вопросу здесь выступали т. Шанин, Козлов и Мендельсон.

Читавшим мою книгу известно, что я вывожу существование банков, как банков, из нэпа; я утверждаю, что банки, как банки, обусловлены существованием необобще-

ственного окружения. Если бы не было «окружения», не было бы необходимости в банках, точно так же, как не находили бы себе места «товарные отношения». Вот это-то утверждение-вызывает возражения т. Шанина. По мнению т. Шанина, банки вырастают из самого обобщественного сектора. Тов. Шанин находит, очевидно, что и товарная форма связи вытекает не только из «частного окружения», но и из самого обобщественного сектора. Нэп, говорит т. Шанин, начался с того, что отдельные предприятия были переведены на хозрасчет.

Но в том-то и дело, и это очень показательно, нэп начался иначе, он прокламируется на X съезде партии и начинается не с организации трестов в обобщественном секторе, не с введения хозрасчета, а с разрешения свободной торговли, свободного мелкого оборота. Таким образом нэп генетически связан с легализацией товарных форм обращения как-раз в необобщественном окружении.

Тресты же (и хозрасчет) появились позже. Первый наказ ВСНХ, в котором была дана директива о хозрасчете, был издан через несколько месяцев после X съезда, а первый трест возник еще позже.

Тов. Шанин говорит, что будто бы, согласно моей концепции, нэп должен исчезнуть раньше в необобщественном окружении, а потом уже в обобщественном секторе. Это же кажется т. Шанину неверным.

Приписываемое мне здесь утверждение, по-моему, не соответствует моим взглядам хотя бы уж потому, что сама уже постановка вопроса мне кажется неправильной. Нельзя даже ставить вопроса, в каком секторе раньше, в каком позже исчезнет нэп. Нэп, как хозяйственная система, не может исчезнуть сначала в одном секторе хозяйства, а потом в другом. Нэп не есть характеристика связей какого-либо одного сектора, это есть система связей всего хозяйства в целом. Нэп будет отмирать не в порядке какой-либо постепенности, от сектора к сектору, а во всем хозяйстве в целом.

Мои оппоненты могли бы оспаривать такие мои взгляды, но нельзя спорить со мною, предлагая такую постановку вопроса, которую я считаю принципиально неприемлемой, не только не помогающую, но и препятствующую правильному разрешению всей проблемы нэпа.

Тов. Шанин говорит, что я не дал директив для практической работы, я не дал программы деятельности. В этом т. Шанин прав. Но я себе такой задачи и не ставил. У меня была скромная цель — дать теорию советского банка,— и только всего. Тов. Шанин говорит, чтобы вместо того, чтобы говорить об отмирании банка, нужно говорить, как с банками поступать. Но ведь я не ставил себе задачи давать какие бы то ни было практические директивы.

Я пишу в своей книге, что банк, как банк, сохраняется только в меру сохранения необобщественного окружения: банк, обращенный лицом к социалистическому сектору, не есть банк, постепенно перестает быть банком, это есть скорее учреждение общественного счетоводства, бухгалтерии. Поэтому-то я подчеркнул активную роль банка в отношении к необобщественному окружению. Наши банки могут оказать огромное воздействие на необобщественный сектор, на частное хозяйство, в сторону его обобществления. Банки должны для этого втянуть в сферу своего влияния процесс накопления частных хозяйств, процесс расширенного воспроизводства необобщественного окружения. Мне возражают, что для такого воздействия существуют и другие средства. Их вовсе я не отрицаю. Но признание других средств не означает отрицания значения и банков.

Поставленная мною задача банком еще далеко не выполнена. Больше того, я думаю, что в этом отношении нашими банками сделано очень мало, чтобы не сказать больше.

Несущественными мне кажутся указания т. Козлова на то, что уже в настоящее время пассивы и активы банка почти на 100% предусмотрены планом, следовательно, по существу, заранее предугаданы. Но достижение этой стопроцентной плановости обу-

словливается тем, что банк фактически овладел только накоплением общественного сектора, который целиком регулируется планом.

Но я ведь говорю о другом. Я говорю о воздействии банков на процесс расширенного воспроизводства частных хозяйств в необщественном окружении, о воздействии банков на процессы накопления этих частных хозяйств. Я сомневаюсь, чтобы мы уже в настоящее время планировали на 100% процессы частного накопления.

Тов. Козлов говорит, что для привлечения пассивов процент не играет никакой роли. Он прав, поскольку идет речь о социалистических предприятиях, и он неправ, поскольку имеется в виду привлечение пассивов в необщественном окружении. Тов. Козлов говорит, что процент здесь не имеет никакого значения, вместо процента — агитация, организация, поднятие культурного уровня населения. Я вовсе не отрицаю этих моментов, но я позволю себе думать, что и непосредственная материальная заинтересованность имеет тоже кое-какое значение, вернее, весьма большое.

По мнению г. Шанина, наши банки сейчас перерождаются, происходит не исчезновение, а трансформация, процесс превращения банка в «не-банк». Хорошенькое превращение! Я думаю «не-банк» не есть банк.

Ошибка всех моих оппонентов по вопросу о советском кредите вытекает, мне кажется, из того, что они недооценивают роли банковской системы, как орудия воздействия на процесс накопления частных хозяйств. В поле своего зрения они имеют все время только общественный сектор. А так как общественный сектор сам по себе, взятый изолированно, не включает моментов развития банков, то неудивительно, что банк превращается в «не-банк». Эта точка зрения неправильна. Она игнорирует то, что советский банк обнаруживает свою природу именно как банк, как-раз на стыке социалистического сектора и общественного окружения.

Приходится кончить свою речь, так как уже очень поздно. Для меня были весьма поучительны высказанные здесь суждения. Они побуждают меня в дальнейшей моей работе поставить ряд новых проблем. Они важны для меня с точки зрения обнаружения неправильностей моего изложения. Я всегда был сторонником того, что надо писать как можно более популярно. Много труда я затратил на то, чтобы сложную проблему кредита изложить популярно. Но, выслушав многие сделанные мне возражения, я принужден признаться, что это мне, очевидно, не удалось — очевидно, книга моя написана все же недостаточно популярно.

Тов. Козлов в начале своей речи указал на то, что я в течение нескольких лет руководил работами по изучению проблемы кредита. Это обстоятельство делает меня ответственным не только за мой доклад, но и за речи некоторых товарищей, здесь выступавших. С этой точки зрения развернувшаяся здесь дискуссия может дать материал для оценки не только моей книги, но и той моей работы, о которой говорил т. Козлов. Хотя сделанные мне возражения я не считаю правильными, но все же надеюсь, что оценка моей работы по руководству изучением проблемы кредита не будет отрицательной.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА МЕЖДУНАРОДНОГО КООПЕРАТИВНОГО АЛЬЯНСА¹

Доклад т. Э. Варьяша

I

Вопрос о международной кооперативной программе занимает Альянс с самого его возникновения. Однако он никогда не мог пойти дальше выработки программы ближайших действий (в Базеле в 1921 г.).

Попытка создать программу тотчас после основания Альянса разбилась о разногласия между сторонниками участия рабочих в прибылях в промышленной кооперации и представителями потребительской кооперации. На будапештском конгрессе (1904 г.) прения о роли и задачах кооперации повели к расколу. Интерес, проявляемый социал-демократией и профсоюзами к кооперации, побудил кооперативных лидеров обороняться от «вмешательства», от «контроля» социалдемократической партии. Теоретические построения — будто потребкооперация является «самоцелью», будто она строится на «самопомощи», будто бы она «достаточное средство для достижения социализма» и т. д., коренятся в этом стремлении кооперативных лидеров защититься от вмешательства партий и профсоюзов в дела кооперации. Не случайно, что кооперативные лидеры так ожесточенно боролись против кооперативной резолюции конгресса II Интернационала (Копенгаген, 1910 г.). Но об откровенно враждебной рабочему классу программе, даже о такой программе, которая не считалась бы с интересами рабочего класса, в то время не могло быть и речи. Тогда было еще невозможно, чтобы генеральный секретарь Альянса заявлял в его официальном органе, что «картели и тресты оказали обществу ценные услуги». Подобное заявление встретило бы (хотя бы только для виду) отпор со стороны социал-демократов.

Таковы причины того, что Альянс до самой войны не смог создать программы. Это может показаться странным, но кооперативная верхушка и не была заинтересована в создании программы. Программа повела бы к спсрам. Лидеры кооперации предпочитали уклоняться от всяких споров.

Деятельность Альянса во время войны не могла привести к составлению программы. Мы напомним здесь о предложении французской федерации потребобществ, поставившей на обсуждение первого парижского заседания (1916 г.) Исполкома Альянса вопрос об ответственности по отношению к пострадавшим от войны кооперативам.

Это предложение представляет ясное требование репараций, которое, разумеется, не могло служить базой для общей платформы с кооперацией государств Центральной Европы, которые должны были платить эти репарации.

¹ Читан в Кооперативной секции Коммунистической академии 18 апреля 1929 г.

Период послевоенного кризиса также не мог дать необходимых условий для создания такой кооперативной программы, которая не считалась бы с требованиями рабочего класса. С относительной стабилизацией капиталистической хозяйств кооперация вступила в новый этап своего развития. Относительная стабилизация и все более явное поправление социалдемократии и верхушки реформистских профсоюзов, выразившееся в их участии в подавлении революционного движения в качестве сторонников капиталистического строя, объединили лидеров кооперации и лидеров социалдемократии и реформистских профсоюзов на общей платформе Лиги наций.

Старый лозунг реформистских идеологов кооперации: «сотрудничество труда и капитала», известный теперь под именем «промышленного мира», и лозунг хозяйственной демократии взамен классовой борьбы, провозглашенный социалдемократией и желтыми профсоюзами, легко могли быть объединены в общую платформу, но эта платформа и есть платформа Лиги наций.

Раз найдена общая для Альянса, социалдемократии и реформистских профсоюзов платформа, которую не удавалось найти в течение 30 лет, то следовательно устранены и препятствия, стоявшие на пути к тому, чтобы найти программу Альянса. Программа Альянса— это программа Лиги наций. Об этом ясно говорит следующая резолюция Альянса (октябрь 1925 г.):

«Альянс приветствует намерение Лиги наций создать международную конференцию в целях экономической организации мира и считает это решение первым шагом в направлении той экономической политики, которая вытекает из принципов, лежащих в основе кооперативного движения».

Именно эта общность программы Альянса с программой Лиги наций, которая одновременно является и программой социалдемократии, придает ему значение. *Пока Альянс был изолирован от других международных организаций, его значение было очень невелико. Теперь же Альянс координирует свою деятельность с политической Лиги наций, становится опорой капиталистического строя, буржуазных правительств и Лиги наций.*

Поэтому те товарищи, которые сейчас высказываются в том смысле, что значение Альянса теперь по сравнению с прошлым уменьшилось, допускают ошибку. *Напротив, именно потому, что Альянс, вместе с социалдемократией и реформистскими профсоюзами, проводит политику Лиги наций, он приобретает большее значение, чем раньше (разумеется, в отрицательную для классовой борьбы, сторону).*

Советская кооперация неоднократно ставила вопрос о необходимости выработать программу будущей политики Альянса, которая соответствовала бы интересам об единяемых Альянсом широких потребительских масс. Предложения, внесенные советской кооперацией, отклонялись; однако дело ни разу не дошло и до внесения на обсуждение какой-либо другой программы. Правда, бывший председатель Альянса Гедхарт разработал проект программы, но этот проект не отвечал экономическим и политическим требованиям 50 миллионов трудящихся, об единяемых кооперацией, и он вынужден был снять его с обсуждения для переработки и вновь его не представлял.

Вопрос о будущей деятельности Альянса стоял на повестке XII международного кооперативного конгресса (в Стокгольме в августе 1927 г.). Советская делегация внесла резолюцию по этому вопросу, сводившуюся в главных чертах к следующему:

«Конгресс (Стокгольмский) высказывается за то, чтобы Международный кооперативный Альянс как международный орган кооперативного движения поставил себе задачи, вытекающие из необходимости программы, выражающей пролетарскую политику.— программы, которая явилась бы руководящей нитью в деятельности нашего движения и отмечала необходимость проведения систематической борьбы против дороговизны, против тех налогов и пошлин, которые понижают жизненный уровень,— в которой выявлена была бы необходимость бороться против опасности империалистической войны и фашизма; идентичности интересов международного кооперативного движения

и всеобщего рабочего движения; настаивалось бы на тесном сотрудничестве всех политических, профессиональных и экономических организаций рабочего класса, как на способе обеспечить себе боеспособность против сил капитализма».

Наша резолюция была отклонена и принято было следующее предложение Альберта Тома:

«Конгресс поручает Центральному комитету избрать подкомиссию для рассмотрения и составления программы будущей работы Международного кооперативного Альянса».

На основании этого постановления конгресса на последнем заседании ЦК Альянса в Женеве в ноябре 1928 г. была учреждена комиссия для выработки программы будущей деятельности Альянса. Комиссия была составлена из всего исполкома в целом (от СССР тов. Любимов) и нескольких членов ЦК Альянса: К. Реннера (Австрия) т. А. Киссина (СССР), Г. Леви (Франция) и А. Дитля (Чехо-Словакия).

7 и 8 февраля в Праге состоялось заседание Альянса.

В центре внимания сессии стояло заседание специальной комиссии по выработке программы экономической деятельности Альянса.

Еще до заседания вопрос этот подвергся обсуждению на столбах кооперативной печати. Таннер, председатель Альянса, напечатал статью под заглавием «Деятельность Международного кооперативного Альянса» в Ежегоднике английской кооперации «Peoples-Year-Book» на 1929 г.; секретарь Альянса Мэй высказался по этому поводу в передовой статье в январском номере органа Альянса «Международный кооперативный обзор» за 1924 г.; проф. Ш. Жид в ноябрьском номере «Международного кооперативного обзора» за 1928 год поместил статью «Экономическая программа МК Альянса» и т. д.

II

Ниже мы даем разбор взглядов некоторых наиболее видных кооператоров Запада на роль и задачи международного кооперативного движения в текущий момент.

Проф. Ш. Жид считает, что Альянс должен подтвердить в своей программе основные принципы кооперации, но не требовать от своих членов признания какого-то «символа веры». Достаточно только, чтобы в организациях, входящих в Альянс, соблюдалось право свободного вступления в члены и выхода из них, чтобы прием в члены не зависел от классовой, партийной или религиозной принадлежности, чтобы капитал не допускался к участию в управлении им и прибыль на капитал была ограничена небольшим процентом. Прочие кооперативные принципы, даже входящие в родчальскую программу, *не обязательны.*

Ш. Жид касается также двух основных вопросов: деятельности картелей и трестов и международной позиции Альянса. Что касается первой, то он считает необходимым изучать ее с точки зрения защиты потребителя, *не становясь, однако, при этом на враждебную к картелям и трестам позицию.* В международных вопросах, по мнению Ш. Жида, Альянс должен рассматривать себя как представителя не только организованных, но и неорганизованных потребителей, и поэтому стремиться к устранению войны и конкуренции и установлению истинного содружества народов.

Э. Фрейндлих (Австрия) находит, что кооперативное движение должно усиливать свою экономическую мощь, так как именно этим путем оно сможет усилить свое влияние и заставить капиталистическое общество принять методы кооперации. Пока кооперация еще не достигла такой мощи, она должна проводить то, что возможно в нынешних условиях, и для этого сотрудничать с организациями общественно-правового порядка. Однако единственными организациями, пригодными для этой цели, по Э. Фрейндлих, являются Лига наций и ее экономические организации. Характеризуя Лигу наций, Фрейндлих

находит, что она является для всех международных экономических организаций единственной возможной парламентской трибуной для пропаганды из идей в мировом масштабе. Иначе говоря, Альянс должен принимать участие в работе Лиги наций, чтобы пропагандировать идеи кооперации с ее трибуны.

Фрейдлих подробно останавливается на картелях. Она считает, что усиление кооперации — единственное средство защитить потребителя от диктатуры промышленных объединений всякого рода. Сейчас мощь кооперации недостаточна для успешной защиты потребителей от картелей. Поэтому сейчас Альянс должен стремиться к тому, чтобы была введена обязательность опубликования договоров картелей и трестов. Такое опубликование дало бы возможность ограничить законодательными мерами приносимый картелями и трестами вред. Кроме того, она предлагает создать при Лиге наций международный, а при правительствах отдельных стран — национальные органы контроля над картелями. Добиваться установления этого контроля Альянс должен совместно с профсоюзными и другими заинтересованными организациями, не вступая с ними, однако, в постоянную тесную связь и сохраняя полную самостоятельность.

Кроме того, Альянс должен пропагандировать ту идею, что борьба между производителями и потребителями наносит вред и тем и другим и что совместная их работа послужит на благо всему человечеству.

К. Реннер (Австрия) предлагает для борьбы с картелями установить совместные совещания представителей обществ оптовых закупок для выработки мер обороны и проведения их в жизнь. Так же, как и Фрейдлих, Реннер стоит за укрепление связи Альянса с Лигой наций и ее органами, Международным бюро труда и Экономическим совещательным комитетом. Альянс должен особенно заботиться о том, чтобы кооперация была возможно более полно представлена на международных экономических конференциях Лиги. В отношении связи с профсоюзами Реннер считает необходимым сохранение дружеских взаимоотношений с Амстердамом, но «враждебно отношение Профинтерна к Амстердаму» делает невозможным установление непосредственной связи с обоими объединениями профсоюзов.

Интересно будет здесь привести мнение генерального секретаря Альянса Мэй по вопросу о картелях, высказанное им в уже упомянутой статье (в январском номере органа Альянса за 1929 г.).

«Многие картели и тресты оказали обществу ценные услуги, стабилизировали цены, добившись экономии в производстве, наконец иногда даже в смысле улучшения условий труда». И далее: «Мы далеки от утверждения, что эти полезные результаты являются целью всякого картелирования промышленности, но нужно признать, что подобные соглашения между производителями сейчас уже не встречают серьезных возражений ни со стороны экономистов, ни со стороны политических деятелей».

Обсуждая вопрос о борьбе с картелями, Мэй указывает, что борьба с их монополистическими тенденциями должна принять политический характер, а следовательно она выпадает из сферы деятельности Альянса и кооперации. Не желая, чтобы Альянс занимался политикой, Мэй делает тут же противоречащий его собственному заявлению вывод, что самым правильным путем борьбы кооперации против картелей и трестов будет: «заниматься своим делом, действуя собственными путями».

Пуассон (Франция) считает необходимой реорганизацию работы Альянса по принципу комиссий. Он предлагает расширить функции уже существующих комиссий и учредить несколько новых: просветительно-издательскую, статистическую, по изучению трестов и картелей и т. д. Очень интересно заявление Пуассона о том, что необходимо отложить рассмотрение всех вопросов, «не могущих быть примененными с пользой», потому что часть членов Альянса их отвергает, или так как по поводу них возникли бы сильные разногласия.

Сэр Томас Аллен (Англия) выдвигает в качестве задачи Альянса руководство кооперацией тех стран, где кооперация только начинает развиваться, т. е. в колониях,

доминионах и т. д., путем дачи им советов и сведений о кооперации. Кроме того он предлагает, чтобы Альянс уделил больше внимания с.-х. кооперации, изучая совместно с другими международными организациями экономические вопросы, касающиеся с.-х. кооперации, сбыта с.-х. товаров, организации с.-х. рынка и т. п.

Другие лидеры (В. Серви, Изгги, Рапацкий, Зутер, Иогансон, Доуни и т. д.) в общем повторяют приведенные уже выше предложения или касаются мелких вопросов. В. Серви (Бельгия) предлагает устроить выставку кооперативной продукции, издать брошюру о картелях, статьи о налоговом обложении кооперации по отдельным странам. Зутер (Швейцария) предлагает уделить внимание языку эсперанто. Зутер и Изгги оба указывают на необходимость установления связи между кооперативными организациями потребителей и производителей. Рапацкий (Польша) находит нужным организовать при Альянсе особый отдел кооперативной пропаганды и т. д.

Прежде, чем попытаться разобраться во всех этих взглядах по вопросу о программе будущей деятельности Альянса, высказанных самыми видными деятелями его, мы займемся анализом нынешнего положения потребительского движения и тех сил и тенденций, которые влияют на развитие потребительской кооперации.

III

В поисках средств и путей для наилучшей защиты интересов потребительской кооперации и для улучшения ее работы, необходимо исходить из анализа положения рабочего класса, на котором базируется самое существование потребкооперации.

Перед международной кооперацией стоят три больших вопроса, с которыми тесно связано ее существование и рассмотрением которых мы займемся: 1) защита жизненного уровня потребительских масс (дороговизна, снижение реальной заработной платы, безработица, массовые локауты и пр.); 2) влияние картелей и трестов на потребительские массы и на потребкооперацию и 3) военная опасность.

Нынешний период характеризуется обострением наступления международного капитала на трудящихся. Наступление приводит к хронической безработице, массовым локаутам, удлинению рабочего дня, ухудшению условий и охраны труда, снижению реальной заработной платы и повышению цен.

Непрерывно прогрессирующая рационализация выбрасывает из производственного процесса все новые и новые массы рабочих даже в условиях благоприятной конъюнктуры. Безработица при сравнении данных за последние месяцы 1928 г. с соответствующими данными 1927 г. обнаруживает во всех значительных странах дальнейший рост. Приведем несколько цифр. Число безработных членов профсоюзов по отношению к общему числу их составляло в Англии в июне 1927 г. 8,8%, в сентябре 1928 г. — 11,5%; в Германии в июне 1927 г. — 6,3%, в сентябре 1928 г. — 6,6%; в Соединенных штатах число занятых в промышленности рабочих, принимая 1919 г. за 100, было: в июне 1927 г. — 92,4, в августе 1928 г. — 90 и т. д. («Инпрекор», октябрь 1928 г.).¹ В настоящий момент насчитывается не менее 5-6 миллионов безработных, нужда которых также тормозит развитие потребкооперации.

В последнее время приняты опасные размеры и характер локауты — самое мощное средство наступления капитала на жизненный уровень рабочего класса. Сошлемся здесь хотя бы только на недавние массовые локауты в текстильной, угольной и металлургической промышленности Польши, Франции и Германии. Локауты продолжаются в меньших размерах и сейчас (Роанн, Лодзь и т. д.).

Восьмичасовой рабочий день уничтожен во многих странах. В этом смысле характерно, что английские консерваторы и на новые выборы (в мае 1929 г.) выходят с заявлением о необходимости пересмотра Вашингтонской конвенции о 8-часовом рабочем дне.

¹ 1929 г. не дали существенных изменений по сравнению с 1928 г.

Завоевания рабочих в области охраны труда, социального страхования и т. п. отнимаются у них.

Наступление монопольного капитала, с одной стороны, идет непосредственно по линии ухудшения положения рабочего класса, с другой — снижает его путем установления диктатуры цен. Поэтому будет уместно, если мы займемся здесь рассмотрением влияния монопольного капитала на развитие цен на продовольствие, повышение которых приводит к понижению реальной зарплаты и сокращению покупательной способности рабочего класса, а это является помехой для развития кооперации.

Вот несколько цифр, показывающих вздорожание продовольственных продуктов в последние два года (1914 г. принимается за 100, первая цифра относится к августу 1927 г., вторая к августу 1928 г.): Германия — 147 и 154; Австрия — 106 и 108; Бельгия — 201 и 206; Болгария — 2 698 и 2 861; Эстония — 108 и 114; Финляндия — 1 237 и 1 258; Венгрия — 112 и 120; Латвия — 100 и 120; Литва — 139 и 144; Польша — 116 и 122; Румыния — 3 807 и 4 100; Чехо-Словакия — 733 и 754; Франция — 507 (сентябрь 1927 г.) и 519 (июнь 1928 г.) и т. д. и т. д. (цифры взяты из издаваемого М.Б.Т. Лиги наций «Международного обзора труда», декабрь 1928 г.)¹

Приведенные выше индексы ясно показывают, что цены на товары не только не понизились в результате проведенной рационализации промышленности, колоссальной ее концентрации в картелях и трестах, но продолжают расти.

Приведем еще индексы реальной зарплаты, показывающие, что, за исключением небольшого числа стран, зарплата в Европе стоит значительно ниже довоенного уровня и что, несмотря на проведенную с 1924 г. рационализацию, только в некоторых странах произошло повышение реальной зарплаты, в других же она понизилась.

Относительная высота реальной зарплаты, исчисленная на основе цен на продовольствие (за 100 принимается лондонская зарплата в июле 1924 г., приблизительно равная довоенной, первая цифра относится к июлю 1927 г., вторая к июлю 1928 г.), по различным городам была такова: Амстердам — 89 и 88; Берлин — 55 и 77; Брюссель — 59 и 57; Лиссабон — 32 и 31; Лодзь — 54 (июль 1925 г.) и 49; Париж — 73 и 61; Филадельфия — 213 и 197; Прага — 56 и 49; Стокгольм — 85 и 92; Вена — 47 и 47 («Международный обзор труда», декабрь 1928 г.)¹.

Из этих данных ясно, что избыток прибыли, полученный монопольным капиталом в результате рационализации идет целиком капиталистам.

Возникает вопрос, насколько сильно должны интересоваться потребительскую кооперацию локауты, безработица, рост цен и снижение реальной зарплаты рабочего класса. Казалось бы, что этот вопрос не нуждается в особом рассмотрении, однако в последнее время все чаще раздаются голоса реформистских руководителей кооперации Запада, отрицающие, что рабочий класс является базой потребительской кооперации, говорящие, что потребительская кооперация — не пролетарское движение. Хорошо характеризует это отрицание следующая выдержка из речи, произнесенной г-ном Меем на международной конференции нулов в Реджайне летом 1928 г.:

«Я знаю, что вообще в кооперации преобладает представление, будто кооперативное движение — движение рабочего класса, но это представление оказывается неприменимым в условиях современного развития. В наши дни истина нашла гораздо более правильное отражение в вашем сообщении, в котором вы выражаете чувство гордости по поводу того, что принц Уэльский — член вашего пула».

Однако общеизвестно, что костяком самых мощных западноевропейских потребительских кооперативных движений, английского и шотландского, являются рабочие. Мы не ошибемся, если скажем, что 90% членов английского потребкооператива — рабочие и жены рабочих. Бельгийские, австрийские, венгерские (Всеобщий кооперативный союз)

¹ 1929 г. не дает существенных изменений по сравнению с 1928 г.

и т. д. потребительские организации — чисто пролетарские. До 90% их членов — рабочие. По статистическим данным, в Германском союзе потребкооперативы составляют 66,48% (с сел.-хоз. рабочими 69,26%), в Шведском — 54,3% (с сел.-хоз. рабочими 59,2%), в Финляндии (в К. К.) — 54% (с сел.-хоз. рабочими 60,6%) и т. д.

Из этого прежде всего можно видеть тот в общем уже известный факт, что членские массы потребительской кооперации составляются преимущественно из рабочих, крестьян и служащих, причем на первом месте стоят рабочие, составляющие преобладающее большинство в международном кооперативном движении.

Развитие капитализма в последнее время быстрым темпом ведет к ухудшению положения рабочих и трудового крестьянства. Непрерывное ухудшение положения трудящихся ставит под угрозу дальнейшее развитие кооперативного движения, которое, с одной стороны, не в состоянии проводить на своих предприятиях рационализацию теми же способами, как она проводится на частных предприятиях, и удержать свою конкурентоспособность по отношению к массовым филиальным лавкам, фабрично-заводским лавкам и т. д., с другой же стороны, находится под угрозой картелей и трестов.

Послевоенный период характеризуется дальнейшей усиленной концентрацией и централизацией капитала, объединением и сосредоточением в руках монополистических картелей и трестов сырья и средств производства, сращиванием промышленного капитала с банковским, превращением торговли в монополию финансового капитала и т. д.

В области распределения происходит быстрый рост крупных торговых концернов.

Возьмем для примера Германию. Остановимся несколько подробнее на вопросе об ускоренном темпе образования концернов в розничной торговле. Опасность, представляемая торговыми концернами для потребкооперации, еще не признана западноевропейскими кооперативными лидерами, они не видят ее.

Центральный союз германских потребкооперативов торжествует по поводу своих достижений.

Однако, если мы сравним эти достижения потребкооперации с темпом развития торговых концернов, то картина приобретает совсем другой вид, ясно показывающий, что потребкооперативы, несмотря на рост своих оборотов, постепенно все больше и больше вытесняются с рынка торговыми концернами.

В 1903 г. оборот германских потребкооперативов, входящих в Центральный союз, составил 130 млн. мар., в 1914 г. — 492 млн. м., в 1927 г. — 881 млн. м., в 1928 г. — 1 124 млн. м. Обороты универмагов в 1903 г. — 50 млн. м., в 1914 г. — 600 млн. м., в 1927 г. — 1 600 млн. м., в 1928 г. — 2 000 млн. м. Таким образом обороты потребкооперации выросли с 1903 по 1928 г. в 8½ раз, а обороты универмагов — в 40 раз. Та же картина получается, если мы сравним долю потребкооперации в общем розничном торговом обороте страны с долей универмагов в этом обороте. Доля потребкооперации в розничном обороте Германии в 1903 г. составляла 0,9%, доля универмагов — 0,3%. В 1914 г. доля потребкооперации возросла до 2%, универмагов до 2,5%. В 1926 г. соответственно было 2,8% и 4%, в 1927 г. — 2,9% и 4,5%, наконец в 1928 г. — 2,6% и 5%. Это сравнение показывает, что в то время как доля потребкооперации в общем розничном обороте Германии развивалась медленно, а теперь стала падать, доля универмагов непрерывно и быстро растет.

К интересным результатам приводит также сравнение оборотов магазинов потребкооперации с оборотами ценных лавок, которые сейчас в Германии развиваются чрезвычайно быстрым темпом. Это сравнение показывает значительно большую экономность ценных лавок в результате более быстрой оборачиваемости товаров, чем в потребительских лавках. Большая скорость оборотов товаров ведет к сокращению торговых расходов и повышает способность предприятия к конкуренции. По данным за 1928 г., в Германии имеется 104 магазина с товарами в одну цену (любая вещь стоит столько-то), из них 61 принадлежит обществу «Эгена», 26 — Вульворту и 17 — обществу «Эпа». Лавочная

сеть потребностей Центрального союза состояла из 9 605 единиц. Обороты ценных фирм с товарами в одну цену в 1928 г. составили: «Эгепа» — 50 млн. м., Вульворт — 78 млн. м., «Эпа» — 31 млн. м.; всего, следовательно, 159 млн. Оборот потребностей — 1 124 млн. м. Таким образом оборот на одну ценную лавку указанных трех фирм был равен (по порядку): 819 000 м., 3 млн. м., 1,82 млн. м. Оборот на одну потребительскую лавку всего 109 000 м.

Превосходство частнокапиталистических универмагов над потребительской операцией видно также и из сравнения капиталов, которыми они располагают. Собственные капиталы концернов, владеющих универмагами, составляют приблизительно 210 млн. м. (в том числе: Карштадт — 85 млн. м., Леонард Тиц — 45 млн. м.), в то же время весь собственный капитал потребкооперации (паевые капиталы, резервные фонды и т. д.) составляет всего 96 млн. м. Концерны пользуются банковскими кредитами до 500 млн. марок, в то же время сберегательные вклады в потребностях в 1928 г. достигли всего 252 млн. марок. Относительно Англии у нас подробных цифр нет. Однако и там происходит в настоящее время несомненный процесс концентрации торговых предприятий, в особенности пищевых:

Торговые концерны должны были бы беспокоить потребкооперацию тем более еще, что они рассчитаны на массового покупателя. Они приспособляют свой ассортимент к потребностям рабочего класса. Они открывают один за другим магазины в рабочих кварталах и т. д.

Говоря о картелях, нам достаточно будет повторить здесь некоторые из данных, собранных о картелях и трестах Шведским кооперативным союзом, чтобы показать влияние картелирования и трестирования на цены. Непосредственным следствием картелирования маргариновой промышленности в Швеции (в картель не вошли только 2-3 мелких предприятия) было повышение цен на маргарин. Когда шведская потребкооперация не подчинилась условиям, поставленным картелем, он объявил ей бойкот. Только когда Шведский кооперативный союз приобрел собственную маргариновую фабрику, удалось до известной степени ограничить алчность картеля, оказавшегося вынужденным снизить цену на маргарин на 0,25 кроны на килограмм. Когда шведским мукомольным магнатам удалось создать картель, охвативший 90% всей продукции мукомолья Швеции, они подняли цены на муку на 2,50 кр. на мешок. Картель дал мукомолам в короткий срок 24 млн. крон чистой прибыли при вложении 3½ млн. крон. Образование резинового картеля в Швеции взвинтило цены на галоши до 8,50 крон за пару. Последствия деятельности картелей и трестов обнаруживаются показательнее всего на этом примере, если мы укажем, что построенная Шведским кооперативным союзом фабрика продает галоши по 4,90 кр.

Но картели и тресты направляют свои удары и непосредственно на потребительское кооперативное движение.

В нынешний период развития капитализма финансовый капитал не может уже довольствоваться монополизацией средств производства и источников сырья, сосредоточением их в руках картелей и трестов. Ему недостаточно того, что он одновременно усиливает свое господство в области сельского хозяйства и с.-х. кооперации. Он стремится включить в общую систему финансового капитала и торговлю, подчинив себе торговый капитал. Это является причиной того, что тресты и картели производят на потребительскую кооперацию сильное давление. Они ставят препятствия ее развитию в виде бойкота и тому подобных репрессивных мер, чтобы подчинить ее себе, включить в сферу влияния финансового капитала и превратить в свои органы распределения. Такова причина натиска картелей и трестов на потребкооперацию.

Одновременно и в связи с этим натиском картелей и трестов во многих странах наблюдается стремление правительств ухудшить правовое положение потребительских организаций законодательным путем и враждебная практика административной власти

по отношению к кооперации, не говоря уже о полном разгроме ее фашистским режимом в таких странах, как Италия, Болгария и т. д.

Диктатуру картелей и трестов, нажим правительств, конкуренцию торговых концернов и прочие препятствия кооперативные лидеры надеются преодолеть путем участия потребкооперации в капиталистических предприятиях, развития собственной промышленности, участия в правительственных органах, изменения социального состава потребкооперации в сторону усиления мелкобуржуазных элементов за счет рабочих, ожесточенной борьбой против революционной кооперативной оппозиции и т. п.

17

Перейдем к вопросу об угрозе войны. *Защита мира и борьба против военной опасности — одна из основных задач кооперативного движения.* (Напомним о многократных постановленных конгрессов Альянса по этому вопросу).

Прогресс техники, рационализация и т. д. не могли устранить существующих противоречий капиталистического строя: наоборот, ускорение процесса развития техники и образования монополистических картелей и трестов значительно углубило противоречия капиталистического строя (борьба за рынки, сырье, борьба за влияние в колониальных и полуколониальных странах и т. д.). Конкуренция империалистических держав между собой все возрастает и составляет постоянную угрозу войны. Конфликты между державами стали постоянным явлением и создали атмосферу непрекращающейся военной опасности.

Альянс возлагает большие надежды на Лигу наций. Он надеется, что Лига будет в состоянии примирить противоречия между группировками капиталистических держав и предотвратить войну. Лига создала специальную комиссию для подготовки конференции по разоружению.

Подготовительная комиссия по разоружению собиралась уже шесть раз. В результате мы видим рост вооружений и усиление международных интриг. Было бы опасной иллюзией ожидать каких-либо результатов от комиссии Лиги наций по разоружению.

Возьмем шестое заседание подготовительной комиссии, состоявшееся в середине апреля 1929 г. Оно чрезвычайно ясно показало, что вся игра Лиги наций в этом вопросе направлена на то, чтобы отвлечь внимание широких слоев населения, дезориентировать общественное мнение, замаскировать военные приготовления империалистических держав.

Бешеные вооружения поглощают значительные средства, которые с каждым годом все возрастают. Чтобы убедиться в этом, стоит только ознакомиться с суммами, расходуемыми великими державами на военные нужды. Эти расходы по пяти государствам (Франция, Англия, Италия, Соединенные штаты и Япония) росли следующим образом: в 1913 г. — 1 132,7 млн. долларов, в 1926/27 г. — 1 881,9, в 1927/28 году — 2 057,1 млн. долларов.

Число трудящихся, отнимаемых от производственного труда, чтобы служить в армиях, увеличилось по сравнению с довоенным. Регулярные сухопутные армии тех же пяти великих держав составляли в 1913 г. 1 753 000, в 1928 г. — 1 865 000. Кроме регулярных армий, правительства капиталистических держав поддерживают и готовят к войне значительное число военно-общественных организаций, являющихся нерегулярными военными формированиями. Если в 1919 г. они существовали из указанных пяти держав только в Соединенных штатах, составляя силу в 330 тыс. человек, то сейчас они есть во всех этих государствах, и численность их, кроме Японии, в 1926 г. равнялась 3 319 тыс., а в 1927 г. — 3 636 тыс.

Однако численность армий недостаточно характеризует современный милитаризм. Сейчас главный фактор, за счет которого происходит рост силы армий, — это военная техника. Здесь на первом месте стоит воздушный флот. Развитие военно-воздушного флота в последние годы характеризуют следующие, относящиеся к тем же пяти великим державам цифры о количестве только находящихся в строю военных аэропланов: 1923 г. — 2 578, 1927 г. — 4 218. Следующие цифры показывают рост тоннажа подводных лодок тех же держав: 1913 г. — 138 тыс. тонн, 1926 г. — 219 тыс. тонн; в 1930 г. по строительным программам тоннаж подводных лодок должен быть доведен до 295 тыс. тонн.

Опасность новой империалистической войны в результате роста вооружений значительно возросла и угрожает трудящимся новыми неслыханными бедствиями. Освободительное движение в колониальных и полуколониальных странах подавляется с величайшей жестокостью. Пушены в ход все средства для усиления эксплуатации этих стран и власти над ними. Ведется усиленная подготовка войны против Союза ССР.

Чтобы добыть потребные для этого средства, чтобы покрыть все возрастающие, военные расходы, правительства облагают потребительские массы повышенными налогами, пошлины повышаются. Все расходы, связанные с содержанием армии, вооружениями и т. п., совершаются за счет масс потребителей. Их покупательная мощь суживается, а это создает угрозу общей основе потребительской кооперации.

Кооперация, для которой предотвращение войны является вопросом жизни или смерти, не оценивает значения этого вопроса. Альянс удовлетворяется тем, что время от времени принимает мимические резолюции, выполнение которых возлагает на Лигу наций.

Перейдем теперь к вопросу о том, что сделал Альянс до сих пор, чтобы побудить потребителей к сопротивлению, чтобы мобилизовать массы против образования картелей и трестов, против снижения жизненного уровня и против угрозы войны. Подведем итоги тем шагам, которые были предприняты им в этом направлении.

Альянс примкнул к лозунгам инициаторов созыва мировой экономической конференции (правительств великих держав), провозгласившим необходимость уничтожения таможенных барьеров. Не приходится особенно доказывать, что великие державы стремятся установить единый таможенный тариф для всей Европы или хотя бы снизить пошлины (разумеется, каждая держава стремится к тому, чтобы другие снизили пошлины, одновременно оставляя свои на прежнем высоком уровне) с целью получить возможность затопить продукцией своей промышленности рынки аграрных стран и стран со слабой промышленностью, задуть их промышленность, превратить их в колонии.

Мировая экономическая конференция была лучшим доказательством того, что не только уничтожение таможенных барьеров или установление единого таможенного тарифа, но даже сколько-нибудь серьезное снижение пошлин невозможно в условиях капиталистического строя и станет возможным только в союзе социалистических государств Европы.

Приведем несколько цифр о тарифных ставках ввозных пошлин, говорящих о тяжелом бремени, которое вынуждены нести потребительские массы. В 1927 г. пошлины по всем ввозным товарам, взятые вместе, составляли: в Бельгии 11,4% стоимости товаров, в Дании — 13,2%, в Германии — 20,8%, во Франции — 58,1%, в Италии — 28,6%, в Югославии — 34,8%, в Австрии — 19,2%, в Польше — 43,3%, в Румынии — 98,4%, в Швеции — 19,3%, в Швейцарии — 17,5%, в Чехо-Словакии — 36,4%, в Венгрии — 31,1%.

Во всех капиталистических странах идет мощный непрерывный процесс образования монопольного капитала, возникновение новых картелей и трестов стало повседневным явлением. В настоящее время нет почти ни одной отрасли промышленности, которая не была бы, хотя бы частично, трестирована, многие из них трестированы уже полностью, причем образование монополий не встречает *никакого* сопротивления со стороны правительства.

Ни одно правительство не присоединилось к постановлениям мировой экономической конференции.

Ясно, что вся работа представителей рабочих организаций, в том числе и кооперативных, в органах Лиги приводит к совершенно иллюзорным и вредным результатам.

Оставляя в стороне постановления мировой экономической конференции, касающиеся регулирования таможенных тарифов, и вопроса о картелях и трестах как невыполнимые в условиях капиталистического строя, посмотрим, как обстоит дело с другими ее постановлениями.

Ни одно из постановлений конференции и решений совещательного комитета, направленных к установлению непосредственной связи между потребительской и сельскохозяйственной кооперацией, не осуществлено. Ни на один шаг не продвинулся вперед вопрос о заключении торговых договоров между различными государствами.

V

Остановимся теперь вкратце на отдельных взглядах некоторых наиболее видных кооператоров на роль и задачи международного кооперативного движения в текущий момент.

Наиболее своеобразными являются взгляды *Жида, Мэя, Реннера, Фрейдлиха и Таннера*.

Жид выдвигает очень интересные проблемы и касается, пожалуй, самых важных сейчас для международного кооперативного движения вопросов, но он или делает неправильные выводы, или только ставит проблему, не предлагая ничего.

Жид предлагает Альянсу воздерживаться от требования признания какого-то «символа веры» входящими в него организациями. О чем здесь речь? *Жид* хочет сказать, что двери Альянса должны быть открыты для всех.

Жид утверждает, что советской кооперации, несмотря на ее нежелание отречься от платформы классовой борьбы, должна быть предоставлена возможность оставаться членом Альянса. Но, исходя из этой же точки зрения, он, хотя и с оговорками, допускает возможность принятия фашистской кооперации в Альянс. Реакционные кооперативные лидеры, как *Балог* (Венгрия), *Кам* (Германия), осуществляют теорию *Жида* и ведут агитацию за принятие итальянской фашистской кооперации в Альянс. Эта агитация лучше всего характеризует нынешнее поправление Альянса.

Жид видит опасность, которую представляет для кооперации сращивание с капиталистическими предприятиями. «Соглашение» Германского общества оптовых закупок со Шведско-американским спичечным трестом по вопросу о размерах производства (ГООЗ имеет собственную спичечную фабрику) и регулировании цен повело к тому, что «Эдека» (союз германских розничников), покупающий спички в СССР, оказался в состоянии продавать спички по 180 марок за ящик, несмотря на высокую пошлину, тогда как Германское общество оптовых закупок, связанное соглашением о ценах со Шведско-американским трестом, не имеет права продавать спички собственного производства (следовательно без пошлины) дешевле 210 марок за ящик. Участие того же Германского о-ва оптовых закупок в хлебном концерне Шейера, участие Английского о-ва оптовых закупок в качестве крупного акционера в индийских железных дорогах и т. д. дают очевидные доказательства того, что потребительские организации вступили на путь такого сотрудничества в капиталистических предприятиях, при котором им приходится отказаться даже от словесной «борьбы» против капитала. Отсюда вытекает, во-первых, отказ от старого кооперативного лозунга, по которому кооперация основывается на самопомощи, во-вторых, ликвидация реформистской теории, будто потребкооперация является достаточным средством для постепенного превращения капита-

листического строя в социалистический и т. д. Отсюда идут и предложения о «мире с промышленностью».

Жид видит эту опасность, но не делает из нее никаких заключений, не указывает ни одним словом, какими средствами бороться против этого процесса сращивания. Интересно, что Жид, после того как он в продолжение 40-50 лет занимался пропагандой рочдальских принципов, теперь считает, что для членов Альянса «не должны считаться обязательными принципы, даже входящие в рочдальскую программу», кроме отмеченных им (свобода членства, недопущение капитала к участию в управлении). Речь идет, конечно, главным образом о рочдальском принципе политического нейтралитета кооперации.

Западноевропейская потребкооперация с наступлением частичной стабилизации капиталистического хозяйства вступила в новый, важный этап своего развития. Фантазии старых кооператоров, будто кооперативное движение само по себе в состоянии путем постепенного развития (вытеснение торгового капитала из распределения товаров, затем вытеснение промышленного капитала из производства предприятиями потребкооперации) превратить современное капиталистическое общество в социалистическое должны были быть оставлены.

В современных условиях, когда быстрым темпом происходит объединение средств производства и источников сырья в руках монополистических трестов и картелей, когда финансовый капитал распространяет свое влияние на сельское хозяйство, включая и сел.-хоз. кооперацию, торговля тоже включается в сферу его влияния. Подчинение потребительской кооперации, обладающей развитой торговой сетью, представило бы для финансового капитала особый интерес.

Наступление картелей и трестов на потребкооперацию угрожает дальнейшему ее развитию. Прошло то время, когда потребительская кооперация могла существовать изолированно среди капиталистического окружения. Она не может уже идти одна, без союзников (и она уже не отказывается от них). Но она должна выбрать, с кем вступать в союз: идти ли ей вместе с рабочим движением и участвовать вместе с пролетариатом во всей его борьбе за освобождение, или идти с капиталом, с буржуазными правительствами и Лигой наций и с пособницей буржуазии—социалдемократией (верхушка кооперации уже избрала второй путь).

Исходя из этой диктуемой обстоятельствами необходимости выхода кооперации из состояния изоляции, Жид в статье «Экономическая программа Альянса» (бюллетень Альянса № 11, 1928 г.) писал о принципе классовой борьбы, выдвигаемом советской кооперацией:

«Я не сказал бы, что его нужно отвергнуть как несовместимый с уставом Альянса, предписывающим нейтралитет, потому что, как я указывал на заседании ЦК Альянса в Брюсселе, устав любой организации может быть всегда изменен, если большинство решат внести изменения, и поэтому наши русские товарищи имеют право не только критиковать этот пункт устава Альянса, но и делать все, что в их силах, чтобы добиться большинства голосов в этом вопросе и заменить принцип нейтралитета принципом классовой борьбы».

Ясно, что Жид отказывается от принципа нейтральности кооперации, однако он оговаривается, ставя следующее «но»:

«Но я не думаю, чтобы им когда-либо удалось добиться этого большинства в Альянсе, потому что в противоположность их утверждениям именно идея классовой борьбы *estare* «устарела»».

Если он и отказывается от принципа нейтральности, он тут же заявляет, что принцип классовой борьбы не может победить, так как он «устарел», и выдвигает принцип классовой солидарности труда и капитала.

Жид выступает на защиту «мира в промышленности», лозунга английской рабочей партии, принятого и пропагандируемого теперь всеми реформистами.

Проф. Жид утверждает, будто те кооперативные организации, которые придерживаются принципа классовой борьбы, развиваются медленнее, чем так называемые нейтральные кооперативные организации. В связи с этим утверждением он пишет:

«Я всегда буду утверждать, что русская кооперация занимает первое место в мире не только по числу своих членов, но и прежде всего потому, что она очень близка уже к той кооперативной республике, приход которой мы так долго предсказывали. В то время как в других странах кооперативные организации представляются маленькими островками или архипелагами в океане капитализма, в России, наоборот, частные предприятия все больше и больше окружаются и затопляются кооперативным приливом».

Мы рекомендуем проф. Жиду прочесть эту цитату из его статьи, так как ведь советская кооперация также придерживается принципа классовой борьбы.

Далее он утверждает, что те кооперативные движения, которые идут вместе с рабочим движением (бельгийское, чехо-словацкое, австрийское, прогрессивное финское и др.), также относительно медленнее развиваются, чем так называемые нейтральные движения, причем, например, с швейцарской кооперацией они не выдерживают сравнения.

Приведем несколько цифр:

Годы	Бельгия		Чехо-Словакия		Австрия		Финляндия		Швейцария	
	Число членов в тыс.	Оборот в млн. ф. ст.	Число членов в тыс.	Оборот в млн. ф. ст.	Число членов в тыс.	Оборот в млн. ф. ст.	Число членов в тыс.	Оборот в млн. ф. ст.	Число членов в тыс.	Оборот в млн. ф. ст.
1925	270	4,10	407	5,78	321	3,85	199	5,60	354	11,03
1926	—	—	397	5,25	318	3,75	208	5,45	351	11,35
1927	338	4,32	377	5,57	257	4,02	214	6,35	348	10,84

Эти цифры говорят за то, что пример Швейцарии выбран проф. Жидом неудачно. Более подошел бы пример Швеции, кооперация которой действительно развивается относительно быстро.

Далее проф. Жид пишет: «Не приходится и говорить о том, что все кооператоры стоят за разрушение. Это уже подтверждено общей программой Альянса и выходит из рамок экономической программы, кроме разве того обстоятельства, что разрушение облегчит бремя налогоплательщиков и сделает возможным более полезное применение государственных доходов».

Что касается утверждения, будто все кооператоры стоят за разрушение, то мировая война показала, насколько критически нужно относиться к подобным заверениям. Мы напомним проф. Жиду его собственные слова об империалистической войне 1914—1918 гг.:

«Огромное здание, в котором помещалось министерство снаряжения, превратилось почти что во вторую обитель для нашего кооперативного союза: так много приходило туда и уходило оттуда кооператоров, как теоретиков, так и практиков, и столько важных задач приходило им решать там».

Жид предлагает далее изучать деятельность картелей и трестов, «не становясь однако на враждебную позицию». Это предложение целиком подтверждает сделанный нами выше вывод о «мире кооперации с промышленностью».

Предлагая, чтобы Альянс представлял в международных вопросах интересы не только членов кооперативов, но и неорганизованных потребителей, отвергающих войну и конкуренцию, и стремился к установлению «подлинного содружества народов»,

Жид выдвигает очень интересную проблему, однако он не идет дальше простого пожелания и не указывает никаких путей для осуществления своего пожелания.

Взгляд Фрейндлих (Австрия) может служить классическим примером маневров «левых» социал-демократов. Какими путями приходит она к тому, что Альянс должен в интересах развития кооперации вступить в коалицию с Лигой наций и связать свою работу с социалдемократией и, разумеется, с желтыми профсоюзами и их вспомогательными органами? Фрейндлих говорит:

«Чем больше будет экономическая мощь кооперативного движения, тем скорее оно будет в состоянии распространить свое влияние и принудить капиталистическое общество признать и проводить его методы. До тех пор, пока оно не достигнет такой мощи, ему придется проводить лишь столько, сколько удастся. Для этой цели МКА может совместно работать как с общественно-правовыми организациями, так и с частными демократическими и социальными организациями над проведением определенных задач в ограниченный срок. Единственной международной экономической инстанцией общественно-правового порядка, о которой может быть речь в вопросе о сотрудничестве, является Лига наций и ее экономические организации».

Фрейндлих — член социал-демократической фракции австрийского парламента, она должна проводить постановление брюссельского конгресса II Интернационала и следовательно стремиться установить связь между Альянсом, II Интернационалом и желтыми профсоюзами. Она стремится провести постановление II Интернационала, *заявляя, что единственная международная организация, в которой может сотрудничать Альянс, — это Лига наций.*

Процесс развития социал-демократии неминуемо должен был привести Фрейндлих к утверждению, что для такой международной организации, как Альянс, объединяющей 50 миллионов членов, преобладающее большинство которых принадлежит к рабочему классу, при решении вопроса о том, с кем он должен сотрудничать, не находится ничего, кроме Лиги наций.

Много интереснее, чем самое утверждение, его обоснование. Фрейндлих говорит так: «Не переоценивая значения и влияния Лиги наций в том виде, в каком она существует в настоящее время, надо признать, что все же она является для каждой международной экономической организации единственной парламентской трибуной, с которой возможно пропагандировать свои идеи в международном масштабе; поэтому МКА должен принимать участие в работе Лиги наций».

Фрейндлих не в первый раз выступает с подобными заявлениями. Еще перед мировой экономической конференцией Лиги наций, защищая участие социал-демократии, желтых профсоюзов и кооперативной верхушки в этой конференции, она *выдвигала мысль об использовании трибуны Лиги наций для пропаганды кооперативной идеи.*

По вопросу о картелях и трестах Фрейндлих предлагает, пока кооперация недостаточно сильна и не может победить картели и тресты на поле экономической борьбы, чтобы Лига наций и правительства отдельных стран учредили специальные органы (международный и национальные) для контроля над картелями и, кроме того, чтобы они заставили картели и тресты опубликовать свои соглашения и договоры.

Говорить о контроле правительств над трестами и картелями или о направленном против них законодательстве в нынешней стадии развития капитализма — значит пытаться отвлечь внимание трудящихся от борьбы против трестов и картелей. Чтобы показать, почему Фрейндлих предлагает такие меры «борьбы» против трестов и картелей, достаточно привести ее же слова: «Не борьба между производителем и потребителем идет на пользу им обоим, а лишь совместная, полная взаимного понимания работа на благо всему трудящемуся человечеству». Иными словами — да здравствует промышленный мир, сотрудничество труда и капитала!

Наибольшего внимания заслуживают высказывания Реннера.

Реннер подчеркивает известную отсталость кооперативной теории и практики от экономического развития последних лет. Развитие трестов и картелей, концентрация массового распределения в руках производственных объединений (тресты и цепные лавки, политика трестов и т. п.) — все это заставит кооперацию неподготовленной к решению означенных задач.

Что же он предлагает конкретно? Установить единую линию действий с Амстердамским Интернационалом и развить уже существующую связь с Лигой наций.

Формулируя свое предложение об установлении единого фронта с Амстердамом, Реннер обосновывает его примерно так:

До сих пор, пока Красный Профинтерн относится враждебно к Амстердамскому объединению профсоюзов, к сожалению, нельзя говорить об установлении непосредственных взаимоотношений; тем не менее необходимо сохранить дружественные взаимоотношения с Амстердамским объединением, не устанавливая, однако, организационных форм связи. Аргументация довольно прозрачная.

Представляет интерес и точка зрения председателя Альянса В. Таннера.

В упомянутом выше обзоре деятельности Альянса Таннер пишет, что в период «послевоенной реорганизации хозяйства» Альянс естественно стал проявлять интерес к экономическим вопросам.

«Этот интерес сосредоточился на создании общей экономической программы, которая одновременно заслуживала бы название кооперативной и международной... Органам Альянса тогда не удалось создать экономическую программу, которая удовлетворила бы всех, несмотря на то, что вопрос этот обсуждался целых два года. Наконец вопрос как то выпал из повестки Альянса, когда Лига наций создала мировую экономическую конференцию, на которую был приглашен и Альянс. Таким путем экономические стремления Альянса влились в Женевскую политику».

Дальше Таннер рассказывает о том, как «Альянс деятельно готовился к участию в конференции», как ЦК Альянса «приветствовал созыв конференции как первый шаг в направлении создания программы международной экономической политики» и т. д.

Эти заявления Таннера полностью подтверждают наши выводы относительно причин того, что Альянс за 30 лет своего существования не сумел создать программы, и того, что создание такой программы стало возможным сейчас, в третий период после военного развития капитализма. Оно смогло осуществиться потому, что социалдемократия и реформистские профсоюзы, вместе с Альянсом, нашли общую платформу «Женевскую» платформу, как выражается Таннер.

В общем всю установку лидеров Альянса в отношении программы можно резюмировать в следующих пунктах: *тесное сотрудничество с Лигой наций, установление связи с Амстердамским Интернационалом, политика промышленного мира, реорганизация работы Альянса путем учреждения ряда новых комиссий, вовлечение в Альянс стран со слабо развитой кооперацией и коопераций колониальных стран, урегулирование взаимоотношений и налаживание совместной работы потребительской и сельскохозяйственной кооперации.*

VI

Советская кооперация внесла в Альянс особую декларацию по вопросу об экономической программе его. Эта декларация опровергает реформистскую точку зрения на роль и задачи потребкооперации и развертывает во всей полноте вопрос о подлинной роли и задачах потребкооперации.

Декларация исходит из того неоспоримого положения, что потребобщества—организации рабочего класса, и приходит к выводу, что кооперация всю свою работу должна подчинить общим целям и задачам трудящихся, так как только при этом условии она выполнит свой долг по отношению к объединяемому ею 50 миллионам трудящихся. Потребобщества должны оказывать энергичную поддержку пролетариату в его экономической и политической борьбе за свержение гнета буржуазии, за установление социалистического строя.

Декларация устанавливает, что международная кооперация не может пройти мимо того факта, что нынешнее развитие капитализма быстрым темпом ухудшает положение трудящихся, что в настоящее время эти тенденции к ухудшению все усиливаются. Далее она указывает на обострение борьбы между державами за рынки сбыта и источники сырья, т. е. на обострение международных противоречий, идущее параллельно с обострением противоречий классовых.

Декларация говорит далее о том, что капиталистическая система господства небольшого слоя эксплуататоров над огромной массой эксплуатируемых держится не только методами прямого насилия, но и с помощью целой системы обмана, начиная от пресловутого парламентаризма и кончая всевозможными теориями мира в промышленности.

Переходя к экономической политике Альянса, декларация указывает на тесную связь и согласованность этой экономической политики с политикой Лиги наций и ее органов. Политика Лиги наций враждебна рабочему классу, поэтому подобная установка Альянса является не только безрезультатной, но и вредной.

Обострение наступления капитала вызывает обострение борьбы рабочего класса против него. Усиливается забастовочное движение, пролетариат переходит от обороны к наступлению. Декларация указывает, что потребкооперация должна участвовать в этой борьбе на стороне рабочего класса, связав свою работу с боевыми организациями пролетариата, тем более, что наступление капитала на рабочий класс не остается без последствий и для самой кооперации.

Так как тресты и картели являются неразрывной составной частью всего капиталистического строя, то и борьба против них может идти только по линии борьбы за ниспровержение этого строя. Поэтому декларация считает, что Альянс должен всеми средствами поддерживать организации, организующие массы для достижения этой цели.

Альянс должен поддерживать массовые выступления трудящихся против проводимой в интересах буржуазии политики пошлин и налогов на продовольствие и другие предметы первой необходимости. Наряду с борьбой за окончательное освобождение Альянс должен поддерживать также борьбу пролетариата за улучшение его положения. Для этой цели декларация предлагает организацию специальных фондов помощи бастующим и локаутированным, снабжение их продовольствием в кредит, организацию общественного питания и т. п. Для успеха этой борьбы Альянс и кооперативные организации должны вступить в постоянную связь с боевыми организациями пролетариата.

Декларация отмечает необходимость предоставления членским массам права свободной критики. Альянс должен взять это право под свою защиту и осудить попытки руководящих органов отдельных кооперативных движений подавить критику их действий снизу путем исключений и тому подобных карательных мероприятий. Альянс должен стремиться к сохранению единства кооперации, бороться против всяких попыток к расколу.

Альянс должен отозвать своих представителей из Лиги наций; точно так же национальные кооперативные организации должны отказаться от сотрудничества в органах Лиги наций, в органах своих буржуазных правительств и от классового сотрудничества с предпринимателями.

В связи с ростом вооружений и увеличением опасности войны, декларация указывает как на одну из важнейших задач Альянса на ведение систематической борьбы

против войны путем разоблачения политики вооружений, тайных военных и иных союзов и т. д. и путем поддержки предложений о разоружении, внесенных в Лигу наций советским правительством.

В заключение декларация кооперативных организаций СССР заявляет, что они, стремясь к сохранению единства кооперации и к установлению тесного союза с движением пролетариата за его освобождение, будут в своей деятельности внутри Альянса, оставаясь в рамках его устава, защищать точку зрения советской кооперации на задачи Альянса. Они будут поддерживать все стремления Альянса, направленные на увеличение мощи и значения кооперации, улучшение положения трудящихся и расширение деловой и дружеской связи между кооперативными организациями отдельных стран.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ Т. Э. ВАРЬЯША

По докладу т. Варьяша развернулись оживленные прения, в которых участвовали главным образом товарищи, непосредственно соприкасавшиеся с работами Альянса. Не оспаривая основных выводов докладчика, выступавшие дополнили доклад рядом интересных замечаний и наблюдений.

Тов. Лозовый видит как в самом исполкоме Альянса, так и в центрах национальных организаций беспорочное выявление и укрепление фашистских элементов. Факт согласия Альянса на прием в число членов итальянских, румынских, болгарских и венгерских фашистов особенно показателен. Яростная борьба немецкой группы с советской делегацией определенно проникнута идеологией и методами фашизма. Укрепление связей руководителей национальных групп со своими правительствами при наличии тенденции фашизации у последних тоже не может не быть учтено. При всех этих обстоятельствах возможно в известный момент поставить вопрос о беспечности нашего пребывания внутри Альянса и о необходимости открытой борьбы с ним.

Тов. Фишгендлер считает Альянс наиболее бессильной и бюрократической организацией из числа всех международных объединений реформистского типа. Отрыв от настроений кооперированных масс особенно характерен для его руководителей. Большая персональная связь вождей Альянса с аппаратом Лиги наций делает из них служебный орган последней. Сами эти вожди откровенно и настойчиво подчеркивают необходимость ориентироваться на Лигу и ждать от нее создания общих благоприятных предпосылок для успеха кооперативного движения. Если бы Альянс был активной организацией, влияющей на массы, то при нынешнем уклоне его руководителей, нам оставалось бы выйти из него и создавать параллельную революционную организацию. Но в теперешних условиях наш выход ненужен, мы можем оставаться внутри Альянса в целях закрепления наших международных связей и разоблачения перед кооперативным активом истинной физиономии Исполкома.

Тов. Кутузов считает Альянс в его нынешнем виде—живым трупом. Альянс не только оторван от массы, но он и не есть даже рабочий аппарат, это просто типичная замкнутая парламентская организация, члены которой больше связаны со своими правительствами и с Лигой наций, чем с кооперацией. Однако о фашизме в Альянсе говорить нельзя, ибо фашизм есть идеология реакционной активности, а именно активность—то отсутствует в Альянсе. Нашу тактику в Альянсе надо выводить не из фактов его собственной жизни, а из сложного анализа положения в национальных группах, которые все же ближе стоят к кооперированной массе и порой даже проявляют значительную активность.

Тов. Барышник дает обширный анализ общих предпосылок, влияющих на развитие и тактику реформизма во всех отраслях общественных движений в Европе. Условия складываются так, что до известного момента общие интересы реформистов

заставляют кооперативную их часть терпеть присутствие советской делегации в Альянсе. Угроза возникновения самостоятельного революционного центра кажется им более опасной, чем наше присутствие внутри Альянса. Поведение национальных групп в основных вопросах экономической политики уже отражает интересы местного финансового капитала.

Тов. Кантор отмечает невозможность оценить Альянс одним лишь анализом его внутреннего положения и обращает особое внимание на процессы в самом кооперативном движении, обозначившиеся за последние годы. В городской кооперации растет удельный вес мелкобуржуазных элементов, что побуждает реформистов идти им навстречу в своей тактике. На базе заготовок кооперации в колониях воспроизводятся внутри нее приемы капиталистического хозяйствования. Удельный вес кооперации в торговле не растет, и крупные универмаги и «цепные лавки» развиваются более быстрым темпом. Частный торговый капитал концентрируется и быстро реорганизуется всю систему своей работы с целью наилучшего уловления покупателя. При всех этих условиях руководимая реформистами кооперация все больше отказывается от идеи борьбы, все больше стремится подчиниться Альянсу в его нынешнем составе. В то же время капитализм, переживающий свой решающий кризис упадка, все больше стремится использовать реформизм в своих политических целях и требует от кооперации абсолютного повиновения. Отсюда возникает новая политическая роль Альянса. Соглашение между Альянсом и Лигой наций есть политика использования кооперации в международном масштабе, подобно тому, как она уже используется в национальных рамках. Программа Альянса становится программой Лиги наций.

Тов. Фромметт отмечает растущую тенденцию Альянса выйти за пределы Европы. Кооперация в колониальных и полуколониальных странах быстро растет, это привлекает внимание Альянса и он стремится взять это движение в свои руки.

Тов. Кравченко подчеркивает растущее значение женской кооперативной гильдии в составе Альянса, являющейся, в сущности, единственной его частью, ведущей массовую работу и ставящей своей задачей широкую обработку общественного мнения. Эта часть Альянса крепко взята в руки реформистами, хотя в ее работе и применяется фразеология более радикальная, чем та, какая свойственна Исполкому. Мы в СССР слишком мало знаем об этой стороне работы Альянса, а внутри самой гильдии занимаем недостаточно активную позицию.

ВТОРАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В начале апреля в Коммунистической академии состоялась 2-я Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений. Ею были заслушаны и осуждены следующие доклады:

1. О современных проблемах философии марксизма (докл. т. Деборин).
2. Задачи марксистов-естественников и деятельность секции естественных и точных наук Комм. академии (докл. т. Шмидт).
3. О работах В. И. Ленина по философии (докл. т. Адоратский).
4. Анализ крестьянского двора (докл. т. Крицман).
5. О работе Института Ленина (докл. т. Савельев).
6. О работе Ленинградского научно-исследовательского института марксизма (докл. т. Позерн).
7. О работе Украинского института марксизма-ленинизма и кафедры марксизма и ленинизма при Украинской академии наук (докл. тт. Викул и Камышан).
8. О работе марксистских научных учреждений БССР (докл. т. Сенкевич).
9. О работе Коммунистической академии и о выполнении постановлений 1-й конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений (докл. т. Покровский).
10. О плане работ Коммунистической академии на 1929/30 г. (докл. т. Милутин).

На конференции были представлены все, сколько-нибудь значительные, научно-исследовательские учреждения как Москвы, так и других культурных центров Союза, которые проявили себя как марксистско-ленинские научные учреждения. Значительное место занимали московские учреждения (80 из 112 решающих), затем украинские (16 решающ. из 112); ленинградские (8 решающ. из 112); белорусские (5); совещательные голоса примерно распределились в такой же пропорции.

Всего на конференции присутствовало 229 товарищей, из которых 112 с решающим голосом и 115 с совещательным. Около 95% участников конференции являлись членами ВКП(б). Преобладающей группой были философы и историки.

Кроме руководящего состава работников Комм. академии, в конференции приняли участие представители: 1) Института Ленина 2) Украинского института марксизма; 3) Кафедры марксизма и ленинизма при Украинской академии наук; 4) Ленинградского института марксизма; 5) научных учреждений БССР; 6) Общества воинствующих материалистов-диалектиков; 7) Института красной профессуры; 8) РАНИОНа; 9) Музея революции; 10) Централхива; 11) комвузов; 12) вузов и ряда научно-исследовательских ассоциаций и кабинетов.

Конференция показала, что за истекший период работа марксистско-ленинских учреждений продолжала развиваться как в смысле ее расширения и углубления, так и в смысле большей ее плановости; наряду с этим, в качестве одного из успехов марк-

систско-ленинской науки, конференция констатировала расширение круга деятельности ученых-марксистов за пределы СССР путем участия на зарубежных конгрессах и переходе на более высокую организационную ступень, выразившийся в создании ряда специальных научно-исследовательских институтов.

Особенно конференцией отмечен рост Коммунистической академии и укрепление ее связей как всесоюзного центра.

Заслушав доклад Института Ленина, конференция отметила достигнутые Институтом успехи по изданию сочинений Ленина, собиранию и опубликованию всего его литературного наследия, а также переход крупнейших истпартов на научно-исследовательскую работу.

В отношении Украинского института марксизма и ленинизма конференция констатировала, что им сделан большой шаг вперед в деле марксистско-ленинской разработки как общетеоретических вопросов, так и специальных, вытекающих из конкретных условий Украины, отметив, что УИМЛ становится центром научной марксистско-ленинской мысли не только для Украины, но и для всех украинских земель.

Конференция также признала, что наряду с УИМЛ (в Харькове), как центром марксистской научной мысли на Украине, важным фактором на фронте идеологической борьбы является киевская кафедра марксизма и ленинизма при Украинской академии наук.

При обсуждении работы белорусских учреждений, конференция установила, что в БССР за истекший период проведена большая работа по консолидации марксистских сил и поднятию их квалификации.

В отношении Ленинградского института марксизма конференция констатировала успехи в деле превращения его в центр, объединяющий марксистско-ленинские научные силы Ленинграда, отметила работу по подготовке новой научной смены, одобрила работу среди аспирантов и признала целесообразным вхождение его в состав Коммунистической академии.

В целях укрепления и расширения научно-исследовательских работ конференция поручила Комм. академии возбудить перед соответствующими руководящими органами вопрос о создании единого планирующего центра научно-исследовательской работы во всесоюзном масштабе; признала, что Комм. академия должна более энергично выполнять роль всесоюзного планирующего и руководящего центра в марксистско-ленинской научно-исследовательской работе; поставила вопрос об усилении кадров и об улучшении материального положения научно-исследовательских учреждений, разрешила ряд других организационных вопросов, связанных с укреплением и развитием научно-исследовательской работы.

Но кроме обсуждения отчетных докладов о работе отдельных научно-исследовательских учреждений и рассмотрения важнейших организационных вопросов, от правильного решения которых зависит дальнейшее успешное развертывание деятельности этих учреждений, в соответствии с теми большими перспективами, которые открываются перед научной марксистско-ленинской исследовательской мыслью, в связи с общими задачами социалистического строительства в СССР и реконструкции ее хозяйства, конференция обсудила ряд вопросов теоретического характера.

Постановка теоретических докладов т. Деборина, т. Адоратского, т. Шмидта и т. Крицмана на 2-й конференции явилась значительным шагом вперед по сравнению с прошлой 1-й конференцией марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, происходившей весной 1928 г., на которой стояли только отчетные доклады о работе марксистско-ленинских учреждений и обсуждались общие вопросы их деятельности, главным образом под организационным углом зрения.

Развернувшиеся по этим теоретическим докладам оживленные прения, имевшие большое принципиальное значение, показали своевременность постановки этих докла-

дов на конференции и выявили силу и остроту марксистско-ленинского научного исследования как боевого оружия в борьбе со всякими отклонениями от правильной коммунистической пролетарской линии как в области наиболее отвлеченных теоретических проблем идеологии, так и в практических вопросах социалистического строительства.

Дискуссия по докладу т. А. М. Деборина «О современных проблемах философии марксизма», приковавшая к себе в течение двух дней напряженное внимание не только участников конференции, но и большое число работников научно-исследовательских учреждений, переполнивших зал Комакадемии в качестве гостей, по существу сама по себе уже явилась, как это отметил т. М. Н. Покровский, как бы особой конференцией по философии, подведшей итоги важнейшему идеологическому спору, развернувшемуся в течение последних лет на нашем философском фронте.

В этой дискуссии приняло участие около 25 ораторов из среды наиболее выдающихся представителей как диалектического, так, с другой стороны, и так называемого механистического течения, получивших возможность полностью развернуть все основные спорные вопросы.

Дискуссия эта достигла такой принципиальной высоты и охватила оспариваемые проблемы так полно, что позволила конференции закончить ее принятием определенной резолюции. Этот факт сам по себе является совершенно исключительным. Трудно себе представить, бы что где-либо в какой-либо буржуазной стране конференция ученых решилась взять на себя разрешение принципиально-научного, сугубо-теоретического спора путем принятия определенной резолюции. На такой шаг могла решиться только конференция марксистов-ленинцев, сочетающих в себе и силу последовательного материалистического, диалектического мышления и силу боевого, революционного темперамента.

Не менее оживленные прения развернулись также по докладу т. О. Ю. Шмидта о задачах марксистов в естествознании. Эти прения по существу явились продолжением философской дискуссии, так как в этих прениях спор между диалектиками и механистами развернулся по общим вопросам естествознания с той же силой, как и споры по чисто философским вопросам в дискуссии по докладу о философии.

Резолюции, принятые по обоим этим докладам, наряду с разрешением общепринципальных вопросов, наметили также основные задачи развертывания дальнейшей научно-исследовательской работы в соответствующих областях.

Оживленные прения развернулись также и по докладу Л. Н. Крицмана. Прения эти по существу вышли из рамок того материала, который был непосредственно дан докладчиком, и охватили собой наиболее актуальные проблемы в области нашей аграрной политики, в связи с чем принятая по этому докладу резолюция наметила основные задачи, стоящие перед марксистской аграрной наукой в области изучения сельского хозяйства, и получила боевое заострение против всякого рода уклонов в этом вопросе.

С большим интересом Конференция заслушала также информационный доклад т. Адоратского о еще неизданных рукописях В. И. Ленина по философии, которые не только показывают, какое большое значение Ленин придавал правильному пониманию и разработке проблем диалектического материализма, изучением которых он с большим усердием и напряжением занимался в течение целого ряда лет, но и могут служить для нас материалом для непосредственного разрешения целого ряда спорных вопросов, являющихся актуальными в области нашей идеологии в настоящий момент.

Ниже мы печатаем доклады тт. Покровского, Милюткина, Савельева, Видула, Камышана, Позерна и Сенкевича о работе марксистско-ленинских научно-исследова-

тельских учреждений¹, доклад т. Адоратского о материалах В. И. Ленина по философии, а также все резолюции, принятые конференцией.

Доклады же тт. Деборина, Шмидга и Крицмана с прениями по этим докладам нами здесь не даются, так как они будут изданы Издательством Коммунистической Академии в виде отдельных выпусков. В настоящем номере «Вестника Коммунистической Академии» в отделе статей печатается только доклад т. Деборина.

О РАБОТАХ ЛЕНИНА ПО ФИЛОСОФИИ

Доклад В. В. Адоратского

Ленин, читая начало второй части «Большой логики» Гегеля—«Науки логики», в отделе об умозаключении, там, где Гегель рассматривает различные фигуры умозаключения, записал свой известный афоризм: «Нельзя вполне понять «Капитал» Маркса и особенно первую его главу, не проштудировав, не поняв *всей* «Логики» Гегеля» (подчеркнуто «всей»).

Характерно, что именно тут пришла Ленину в голову эта мысль, и характерно, что тут же, немного выше, Ленин отметил, что эти части «Логики» как раз могут быть названы:—«лучшее средство, чтобы разболелась голова». Написал он это замечание даже не по-русски, а по-английски, очевидно, чтобы еще больше подчеркнуть непонятность и трудность изложения. Таким образом мы имеем очень красноречивое признание, с одной стороны, необходимости изучать гегелевскую диалектику, всю гегелевскую «Логик», и, с другой стороны, констатирование трудности, связанной с этим изучением. Трудности эти обуславливаются, во-первых, темнотою изложения, которая у Гегеля была иногда сознательной, сознательно было изложено темно, а, с другой стороны, и теми противоречивыми тенденциями, которые в гегелевской философии имеются. С одной стороны, Гегель отразил безусловно влияние французской революции в своем методе, а, с другой стороны, как известно, это был прусский профессор, идеалист, официально признанный авторитет прусского черносотенного государства. Революционное содержание было прикрыто, и иному наивному человеку могло даже показаться, что немецкая философия, в частности гегелевская философия—это есть защита благочестия, консерватизма и т. д.

Гейне, который прекрасно знал гегелевскую философию,—он слушал Гегеля в течение трех лет—с 1821 по 1823 г., говорит, что в своей книге о Германии он, Гейне, выболтал тайну, известную тогда, как он выразился, только немногим посвященным первого ранга, именно он разъяснил, что философия Гегеля—это есть «прямая противоположность тому, что называют благочестием и страхом божьим». В воспоминаниях своих, написанных в 1853 г. уже в конце жизни, Гейне отводит значительное место Гегелю и говорит, что у Гегеля именно намеренно темное изложение, потому что он не всегда хотел, чтобы его все понимали. И сам Гейне, понимавший философию Гегеля в общем прекрасно, заявляет: «что некоторые детали ему стали ясными только значительно позднее»; возможно он намекает тут на то, что только события революции 48-го года помогли ему разобраться в этих деталях.

«Мне кажется,—пишет Гейне,—Гегель вовсе не желал быть понятым и отсюда его запутанное изложение. Отсюда же, может быть, и пристрастие его к лицам, которых

¹ Указанные доклады в процессе их редакционной обработки подверглись незначительным сокращениям. Прения и заключительные слова по этим докладам, в значительной степени лишь развивающие положения, изложенные в этих докладах, по соображениям экономии места нами не печатаются.

он, зная, что они его не понимают, тем охотнее достаивал чести близкого знакомства». Таким близким знакомым Гегеля был Генрих Беер. По характеристике Гейне, это был совершенно не умный человек.

«Я думаю,—продолжает Гейне,—что причина близости Гегеля с Беером заключалась в убеждении Гегеля в том, что Генрих Беер ни слова не понимает из того, что ему говорит философ». В присутствии Беера Гегель мог таким образом совершенно свободно «предаваться своим умственным излияниям».

Гейне рассказывает такой анекдот: однажды он, молодой человек 22-х лет, как-то вечером, после обеда, напившись кофе, стоял у окна вместе с Гегелем и начал говорить о небе, о звездах и назвал звезды «убежищем блаженных». Гегель тогда пробурчал себе под нос: «Звезды—это только светящаяся сыпь на небе». «Ради бога, воскликнул я,—пишет про себя Гейне,—значит на небе нет такого места, где бы добродетель после смерти получала награду». Гегель уставился на меня в упор своими бесцветными глазами и сказал: «Значит вы хотите получить еще на чай за то, что ухаживали за своей большой матерью и не отравили своего брата?» Сказав это, он боязливо оглянулся, но видимо сейчас же успокоился, увидав, что подошел только Генрих Беер, чтобы пригласить его на партию в вист».

Вот таким Генрихом Беером, прибавим мы от себя, очевидно, было и прусское правительство, которое не понимало революционного содержания гегелевской философии.

Дальше Гейне рассказывает тоже очень любопытную вещь, именно, что он в связи со своей работой по популяризации немецкой философии для французов поставил себе задачей изложить популярно по-французски философию Гегеля. Гейне говорит, что над этим он работал два года. Мимходом он предостерегает от той ошибки, что можно вообразить, будто понимаешь гегелевскую философию, тогда как на самом деле научился только построению диалектических формул.

Когда Гейне стал излагать Гегеля на природном языке здравого смысла (т. е. на французском), то ему приходилось устанавливать уже определено, что он хочет сказать, и тогда самому стыдливому понятию приходилось сбрасывать с себя мистические одежды и показываться в полной наготе. В результате, когда он закончил эту работу, то, как он говорит, им овладел ужас: его работа стала на него смотреть злыми глазами. Он, автор, и работа оказались в противоречии. Гейне к этому времени перестал быть атеистом.

Я указываю на это для того, чтобы подчеркнуть трудность понимания Гегеля: она состоит в том, что его мысли надо сначала перевести с его школьного и непонятного языка на язык понятный и общедоступный. А затем, не нужно забывать, что мало перевести, нужно еще освободить гегелевскую философию, гегелевскую диалектику от идеализма. Ленин это отмечает: «Логик Гегеля нельзя принимать в данном ее виде, нельзя брать ее как данное, из нее нужно выбрать логические, «гносеологические» оттенки, очистить от *Ideenmystik* (от мистики идей). Это еще большая работа». Это записано у Ленина при чтении первого тома «Истории философии» Гегеля, того именно отдела, где речь идет о Лейкнипе.

Об этой задаче борьбы с идеализмом нельзя забывать, потому что эта борьба с различными разновидностями идеализма в настоящее время представляет и еще долгое время будет представлять самую серьезную насущную задачу для представителей революционного класса стоящих на почве материализма. На критику идеализма надо обратить внимание, читая Гегеля, особенно потому, что Гегель от своего диалектического метода *отступал* как раз под влиянием своего идеалистического мировоззрения. Он занимался иногда игрой в диалектику, пользовался шаблоном, без изучения и учета всего своеобразия явлений. Это относится, прежде всего, к тому, что Гегель не сумел удовлетворительно разрешить самого основного вопроса мировоззрения,—вопроса

об отношении мышления и бытия. В конце-концов Гегель *отрывал мышление от бытия*, и таким образом шел против собственного метода.

На это Ленин обратил внимание при чтении «Истории философии», там, где речь идет об Аристотеле, о критике Аристотелем платоновского идеализма. Как-раз Гегель тенденциозно смазывает эту критику, скрадывает те элементы материализма, которые есть у Аристотеля. И Ленин по этому поводу отмечает:

«Сторонник диалектики, Гегель, не сумел понять диалектического перехода *от материи к движению, от материи к сознанию*. Маркс поправил ошибку (или слабость?) мистика». На полях у Ленина добавлено: «Диалектичен не только переход *от материи к сознанию*, но и *от ощущения к мысли*, и т. д.»

Несколько дальше написано сбоку: «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоположностью, перерывом постепенности. Единством бытия и небытия».

Этим Ленин хочет сказать, что и к вопросу о познании надо применять диалектику. Только тогда его можно правильно понять. У Гегеля же именно и нет перехода, перерыва, скачка между диалектикой об'ективного мира и диалектикой понятий, у него диалектика понятий об'является основой, сущностью всего мирового процесса. Диалектический материализм эту ошибку исправляет. Он придерживается той истины, что нельзя превращать мысль в самостоятельную субстанцию, отрывать ее от мозга. Как ни кажется чудовищной и нелепой такая операция, но именно ее-то и производят идеалисты.

И вот Ленин, читая «Метафизику» Аристотеля в том месте, где Аристотель дает критику пифагорова учения о числах и платоновского об идеях, отдельных от чувственных вещей,—записывает следующее: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть отдельное существо. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (совершенно в том же роде) современный идеализм. Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и идеи стола и стула; мир и идея мира. (бог); вещь и «нумен», непознаваемая «вещь в себе»; связь земли и солнца, природы вообще—и закон, «логос», бог. Раздвоенное познание человека и возможность идеализма (= религии) даны уже в *первой, элементарной абстракции* («дом» вообще и отдельные дома).

Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка или (что то же) понятия с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того, возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (в последнем счете в бога). Ибо в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей «идее» («стол» вообще) есть изветный кусочек *фантазии*».

Но тут Ленин сейчас же замечает в скобках: «Наоборот, нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: сравнить Писарева—о мечте полезной, как о толчке к работе, и о мечтательности дустой».

Идеалист устранил от себя вопрос об изучении материальных корней понятий. Гегель клеветает на материализм, заявляя, что будто бы материалисты отрицают вообще всякое понятие. Ленин, возражая на это, говорит, что поставить вопрос о материальной основе понятия вовсе не значит отрицать всякое понятие вообще.

В своей полемике против материализма Гегель отходит от собственного метода, как я уже сказал, требующего изучать конкретно совершающиеся об'ективные процессы. Потому что для того, чтобы действительно изучать то, что происходит, надо более правильно разместить изучаемые об'екты, сделать это так, как это делает материализм, а не так, как идеализм. Мысль отражает об'ективный мир—вог теория плодотворная для дальнейшего изучения. Но отражение—это сложный процесс.

Ленин, соединяя диалектику с материализмом, характеризует этот процесс: «Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к об'екту. Отражение при-

роды в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не *без движения*, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» («Ленинский сборник», IX, стр. 227).

Несколько выше Ленин говорит, переворачывая мысль Гегеля: «Материалистическая идея имеет в себе сильнейшее противоречие, покой (для мышления человека) состоит в твердости и уверенности, с которой он вечно создает (это противоречие мысли с об'ектом) и вечно преодолевает его»... («Ленинский сборник», IX, стр. 225).

Необходимо здесь отметить, что Гегель, несмотря на вообще неправильное идеалистическое мировоззрение, нередко высказывает правильные мысли, приближается к материалистической постановке вопроса, благодаря своему диалектическому методу, в частности, например, по вопросу об оценке революционной практики. Это обнаруживает, так сказать, *материалистическую природу диалектики*: Этот метод диалектики, по словам самого Гегеля, «отражает ход самой сути дела» (См. *Гегель*, Наука логики, т. I, стр. 10, русск. пер. Дебольского).

Если с этим методом не играть, а обращаться серьезно, то эта его материалистическая природа обнаруживается, и как раз в этом оперировании с диалектическим методом всерьез и состоит заслуга Маркса и Ленина.

В силу этих особенностей гегелевской философии Ленин, как и Маркс, относится к ней таким образом: 1. Ленин считает, что сочинения Гегеля ценны своим изложением *сущности диалектики*, характеристикой ее элементов, словом—теорией диалектики. Это—во-первых. 2. Во-вторых, идеализм Гегеля мешает ему применять диалектику в полной мере. Однако вопреки неправильному общему мировоззрению, Гегель *при помощи диалектики* подводит к правильному решению вопроса, подходит к *материализму*. 3. Поэтому труд изучения произведений Гегеля чрезвычайно плодотворен, но необходимо отметить, что это очень не простой труд, требующий помощи и руководства. 4. Истинное понимание того ценного, что есть в Гегеле, состоит вовсе не в том, чтобы научиться строить диалектические формулы. Надо понять метод, овладеть им так, чтобы быть в состоянии им пользоваться, имея дело с конкретным материализмом. 5. Для такой работы над Гегелем, для овладения диалектикой громадную помощь окажут философские работы Ленина, который глубоко, как никто другой из марксистов, проник в существо диалектики.

Философскими вопросами Ленин начал заниматься очень рано. Поверхностному взгляду может показаться, что он только в 1908 г. стал работать над философией. На самом деле это неверно. Первые произведения Ленина «Что такое друзья народа» и «Экономическое содержание народничества и его критика в книге П. Струве»—эти первые произведения свидетельствуют о том, что Ленин уже тогда глубоко понимал сущность материалистической марксистской диалектики. Мы в этих произведениях встречаем вполне сложившееся материалистическое мировоззрение, глубокое понимание диалектического метода и мастерское его применение. Я укажу, например, на последнюю часть «Что такое друзья народа». Это—образец материалистической диалектики. Принимая в расчет метод работы Ленина, надо предположить, что, вероятно, существовали от того периода—начала 90-х годов—выписки и тетради, но они, к сожалению, до нас не дошли, и поэтому мы не можем с точностью, документально установить, что именно тогда читал Ленин. Одно несомненно: «Анти-Дюринг» Энгельса и «Капитал» Маркса Ленином были тогда проштудированы самым основательным образом, и усвоена была методологическая сторона этих произведений.

По отношению к более поздним годам у нас есть более точные указания. Во-первых, в ссылке в 1898—99 годах Ленин, как известно, писал письма Ф. В. Ленгнику в защиту диалектического материализма от критики кантианства, против философии Юма

и Канта. По объему эти письма, как свидетельствует т. Лепешинский, были очень велики, иногда представляли целые длинные трактаты по философии. Давать критику Канта Ленин конечно не мог, не изучив не только Маркса и Энгельса, но и Гегеля. И вот имеются некоторые свидетельства, что как-раз тогда Ленин Гегеля изучал. В воспоминаниях Н. К. Крупской говорится, что у Ленина были философские книги, которые он читал по вечерам,—читал Гегеля, Канта и французских материалистов. В одном из писем того времени есть указание, что Ленину посылается «Философия права» Гегеля. Я думаю, что он тогда же читал «Малую логику» из «Энциклопедии». Я вывожу это из следующего. Мне пришлось в 1911 году разговаривать с Владимиром Ильичем о его философских работах, и он говорил тогда, что «Большой логики» Гегеля он не читал (потому-то и стал ее читать в 1914 году), но «Малую логику» читал. Когда же он мог ее читать? Из всех периодов до 1911 года самым подходящим для этих занятий должен был быть конечно период ссылки. Позднее в 1900 и т. д. годах до 1903 г. Ленин был занят «Искрой». Дальше все время было занято борьбой после 2-го съезда, а потом наступила революция 1905 года. Все время была не такая обстановка, чтобы можно было заниматься философией.

Снова он стал заниматься философией в 1906 году. Он пишет Горькому 25 февраля 1908 г.:

«Философией заниматься в горячке революции приходилось мало. В тюрьме в начале 1906 года Богданов написал еще одну вещь, кажется, третий том «Эмпириокритицизма». Летом 1906 года он мне ее презентовал, и я засел внимательно за нее. Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архи-неверным путем, не марксистским. Я написал ему тогда «Объяснение в любви», письмецо по философии в размере трех тетрадок. Выяснял я там ему, что я, конечно, рядовой марксист в философии, но что именно его ясные, популярные, превосходно написанные работы убеждают меня окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова. Сии тетрадки показал я некоторым друзьям (Дунаевскому в том числе) и подумывал, было, напечатать под заглавием: «Заметки рядового марксиста о философии», но не собрался. Теперь жалею о том, что тогда тетрадки не напечатал».

В этом же письме он, упомянув об «Очерках по философии марксизма», говорит, что его «опять потянуло на «Заметки рядового марксиста», т. е. после двух лет перерыва он снова принялся за философию. «Я их начал писать, а Александру Александровичу в процессе моего чтения «Очерков» я свои впечатления, конечно, излагал прямо и грубо» («Ленинский сборник», I, стр. 91, 92).

Таким образом, мы имеем определенное заявление, что плюс к тем трем тетрадкам «Объяснения в любви» 1906 года еще были начаты снова «Заметки рядового марксиста» и плюс к этому еще письма к Богданову, тоже философского содержания.

Дальше, в марте 1908 г. Ленин пишет Горькому, что из-за философии он почти совсем забросил «Пролетария». «Сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра—другого и—матерными» («Ленинский сборник», I, стр. 97).

В это время Ленин читал преимущественно махистов и их учителей—Маха и Авенариуса, а также книги по естествознанию. 29 марта 1908 г. Ленин пишет Горькому: «Вы должны понять и поймете, конечно, что раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и *вредности* известной проповеди, то он обязан выступить против нее. Я бы не поднял шуму, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше, по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Базарова, Богданова и К.), что книга их—вредная, филистерская, поповская *вся* от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса. Плеханов *всего* прав против них по существу, только не умеет или не хочет или ленится сказать это конкретно, обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это по-своему» (97—98).

Это—определенное заявление о «Материализме и эмпириокритицизме». Это было написано в марте. Летом Ленин над книгой работал. Ездил специально в Лондон заниматься этим вопросом. Осенью, в сентябре 1908 г., он эту книгу кончил.

Но от этого времени записок, заметок, следов этой работы тоже не сохранилось. Те философские тетради, которые хранятся в Институте Ленина—их число 10—они все относятся к другому времени. Одна из этих тетрадей, содержащая в себе конспект «Святого семейства», вероятно относится к 1895 г., ко времени летней поездки Ленина за границу. По характеру записей эта тетрадь ближе напоминает ранние тетради. И еще одно соображение: Ленин читал эту книгу по старому изданию 1845 г. Ясно, значит, что он читал ее до 1901 г., до выхода в свет меринговского издания, потому что я думаю, что после 1901 г. он стал бы читать по этому новому изданию, хотя бы ради комментариев, которые дает Меринг. Таким образом тетрадка эта относится к раннему времени. Остальные 9 тетрадей относятся все к 1914—1915 гг. и представляют собой нечто цельное. Только тетрадь конспекта книги Фейербаха «Лекции о сущности религии» стоит несколько особняком. Эту книгу Ленин читал по изданию 1910 г., т. е. тоже после его работы над «Материализмом и эмпириокритицизмом», но возможно, что раньше всех остальных тетрадей, потому что в ней нет как-то отражения самого главного интереса, который проникает все остальные записи.

Этим центром внимания, на котором сосредоточен главный интерес, является диалектика. Три из этих девяти тетрадей, это—конспект «Науки логики», изданы в IX Ленинском сборнике. Они собственно содержат в себе основу всей серии. С этого началось чтение. Закончил чтение «Логики» Ленин 17 декабря 1914 г. в Бернской библиотеке.

К этим тетрадкам примыкают остальные. Сначала Ленин прочел «Логiku», затем начал читать книги по «Истории естествознания», по поводу которых имеются мелкие заметки. Затем он стал читать «Историю философии» Гегеля, I и II томы. В заметках к «Истории философии» видно, что Ленин главное внимание сосредоточивал на вопросе диалектики. Затем был прочитан «Гераклит» Лассалья и «Метафизика» Аристотеля в немецком переводе Шwegлера. Затем, кроме того, имеется конспект Фейербаховского «Лейбница». Этой последней книгой Ленин заинтересовался, вероятно, потому, что у Маркса в одном письме к Энгельсу есть одно замечание о том, что он очень высоко ценит Лейбница. Это, очевидно, и заставило Ленина заинтересоваться Лейбницем и взять для изучения блестящее изложение и характеристику философии Лейбница, данную Фейербахом, который из философов стоял к Марксу ближе других.

Таким образом, большинство философских тетрадей является результатом большой работы, которую Ленин вел поздние книги «Материализм и эмпириокритицизм». Эта новая работа стояла в связи со статьей о Марксе, где Ленин дал изложение основ философии марксизма. Но то обстоятельство, что работа продолжалась и после того, как статья была отослана, и что Ленин привлекал все новые и новые материалы, свидетельствует о том, что это было какой-то самостоятельной работой, или во всяком случае, продолжалась как самостоятельная работа. Ленин например заботливо собирал все изложения произведений Гегеля, разыскивал все рецензии о гегелевской «Логике», изучал произведения, находившиеся под влиянием гегелевского диалектического метода. Весьма вероятно, что в этой же именно связи Ленин стал изучать и Клаузевица «О войне». От этой работы тоже сохранились тетради, подготовляющиеся институтом Ленина к печати. Совершенно ясно, что Ленин был тогда занят работой по теории диалектики. Эта работа оборвалась, она была незакончена. В том смысле, что Ленин не опубликовал, не напечатал ее, не пригласил ее для печати.

Но когда внимательно читаешь эти тетради, то убеждаешься, что работа почти закончилась. Она носит чрезвычайно целостный характер. Эти записки, когда с ними познакомишься, вовсе не кажутся какими-то разрозненными, отдельными замечаниями, а увязываются одной общей мыслью, группируются в единое целое. Происходило это потому, что философией и диалектикой Ленину приходилось заниматься не в первый раз, а как мы видели, он уже очень рано начал этим вопросом интересоваться. Втечение всей своей деятельности, он на каждом шагу пользовался этим методом, а специально о нем размышлять ему приходилось в особенности очевидно в 1914—15 гг.

Ленин не один раз отмечал в своих заметках мысль Гегеля о том, что логику человек понимает и в начале своей сознательной жизни и человек уже проживший и накопивший много жизненного опыта. Понимание их различно, понимание второго полнее и глубже. Ленин в то время, к которому относятся тетради, понимает диалектику глубже любого выдающегося теоретика марксизма, потому что к тому теоретическому изучению, которое началось, как мы видим очень рано, прибавился еще и колоссальный опыт пережитой революции 1905 г., давший бесконечно много нового. Бросается в глаза, что характеристика диалектики, данная Лениным, отличается особой ясностью и глубиной. Никто из марксистов не подчеркивал так, как делал это Ленин, момент «единства противоположностей». В этом отношении, характеристика Ленина совпадает с характеристикой Энгельса и может быть это объясняется тем, что Ленин как никто другой сумел отразить существо той революционной эпохи, в которую жил. У Энгельса встречается мысль, что «в истории движение в противоречиях выступает особенно ясно во все критические эпохи, переживавшиеся передовыми народами». (Архив Маркса и Энгельса, т. II, стр. 62).

Ленину пришлось жить в самую революционную эпоху новейшего времени, в эпоху революции, которая по широте движения, по глубине противоречий, по многочисленности захваченных движением масс далеко оставила за собой даже Великую французскую революцию, не говоря уже о революции 1848 г.

Теперь, переходя к краткой характеристике по существу записей, нужно прежде всего отметить чрезвычайное богатство их содержания.

В общей сложности, в этих десяти тетрадках проконспектировано значительно больше четырех тысяч печатных страниц текста, полного богатого содержания. В кратких заметках Ленина дано резюме мыслей таких крупнейших философов, как Гегель, Аристотель, Лейбниц, Фейербах.

Кроме довольно обширных конспектов перечисленных мною книг, среди записей имеются также много мелких заметок, очень интересная, например, заметка по поводу книги Ноэля «Логика Гегеля», Даниемана «Как возникло наше представление о мире», Дармштеттера «Руководство по истории естественных наук и техники» и др. То, что Ленин интересовался и такими вопросами, тоже имеет связь с темой по теории диалектики. Он высказывает много раз ту мысль, что продолжение дела Гегеля и Маркса должно заключаться в диалектической обработке истории мысли, науки и техники. Отметив эту мысль при чтении «Логики», Ленин тут же приступил к изучению истории философии и параллельно стал собирать материал по истории науки и техники.

Я позволю себе дальше привести несколько образцов блестящих формулировок Ленина и прекрасных примеров того, как Ленин читал Гегеля и как он его интерпретировал.

Читая «Гераклита» Лассалья, Ленин отметил: «Гераклита тут на грош, а жвачки Гегеля—на рубль». И как антитезу к этому пережевыванию Гегеля Ленин дал известный очерк, заметку о диалектике, которая была напечатана в «Большевике», «Под знаменем марксизма» в 1925 г. и перепечатана в XIII томе «Сочинений» Ленина.

Давая характеристику книги Лассалья, Ленин замечает: «Понятно, почему Маркс назвал это сочинение Лассалья (Гераклит Темный) «ученическим» (см. Письмо Энгельсу от 1/II 1858 г.). Лассаль просто повторяет Гегеля, списывает его, пережевывает миллион раз по поводу отдельных мест Гераклита, снабжая свой труд невероятной бездной ученейшего, архи-гелертерского баласта.

Отличие от Маркса: у М. тема нового и интересует его только движение вперед от Гегеля и от Фейербаха дальше, от идеалистической диалектики к материалистической. У Лассалья рюминирование Гегеля на взятую частную тему: в сущности списывание Гегеля по поводу цитат из Гераклита и о Гераклите». Еще ниже: «в 1844—1847 году Маркс ушел от Гегеля к Фейербаху и дальше от Фейербаха к диалектическому материализму. Лассаль в 1846 г. начал (предисловие, стр. 3), в 1855 году возобновил и в 1857 г. кончил работу голого, пустого, никчемного, гелертерского переписывания гегельяницы!!!»

Вот мы видим, таким образом, поучительное указание, как надо и как не надо обращаться с Гегелем. Цена больше всего у Гегеля его диалектику, его живую мысль, Ленин, как и Маркс, задачу видел не в том, чтобы повторять то, что сделал Гегель положительного, а в том, чтобы продолжать двигаться вперед.

В другом важном месте конспекта «Логики» Гегеля, по поводу изложения Куно Фишером рассуждений Гегеля о понятии и суждении, мы читаем следующую заметку (я уже ссылался на нее в самом начале своего доклада. По поводу этих мест Гегеля Ленин как-раз и отмечает, что чтение их—лучшее средство, чтобы разболелась голова): «Развитие всеобщего особого и отдельного в высшей степени абстрактно и abstrus». Куно Фишер излагает эти «абстрактные» рассуждения очень плохо, беря более легкие—примеры из Энциклопедии, добавляя пошлости (против Французской революции. Куно Фишер, т. VIII, 1901, стр. 330) etc., но не указывая читателю на то, как искать ключи к трудным переходам, оттенкам, переживаниям, отливам гегелевских абстрактных понятий. Видимо, и здесь главное для Гегеля—наметить переходы. С известной точки зрения, при известных условиях, всеобщее есть отдельное, отдельное есть всеобщее. Не только (1) связь и связь неразрывная всех понятий и суждений, но (2) переходы одного в другое; и не только переходы, но и (3) тождество противоположностей—вот что для Гегеля главное. Но это лишь просвечивает сквозь туман изложения архи-abstrus». История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий Логики—вот что нужно!».

На полях написано:

«Или это все же дань старой формальной логике. Да! и еще дань—дань мистицизму-идеализму».

Вот обилие «определений» и определений понятий этой части «Логики» («Ленинский сборник», IX, 193—195).

В этом очень важном месте своих записей (и в ряде других) Ленин отмечает таким образом, как нужно изучать Гегеля,—что не надо пережевывать и повторять, не надо ограничиваться построением диалектических формул—это ясно; и точно так же мало ограничиваться примерами, более легкими, надо исследовать существо связи, переходов понятий. Ленин отмечает, что Гегель отдает тут известную дань формальной логике. Но во всяком случае из того, что здесь говорится, нельзя сделать вывод, что Ленин против отвлеченных понятий, против изучения последовательного соотношения категорий. Вопрос о переходах категорий видимо представляет для Ленина интерес потому, что он ищет ключа к этому. Последовательность, взаимная зависимость и связь категорий и переходы представляют интерес для Ленина, и он отмечает ниже, что у Маркса в «Капитале» в первом томе, где речь идет о формах стоимости, есть подражание гегелевскому изложению. Здесь можно напомнить также о том, что Маркс отмечал в письме к Энгельсу, что перелиставши «гегелевскую Логик», он

получил значительную пользу для обработки конкретного материала. Но как на недостаток Ленин указывает на то, что эти переходы только просвечивают сквозь туман темного изложения. Что же рекомендует Ленин для прояснения этого изложения? Он указывает на необходимость изучать историю мысли с точки зрения развития и применения общих понятий. Ленин предлагает путь исторического исследования и в другом месте рекомендует то, о чем я уже говорил выше,—диалектическую обработку истории человеческой мысли, науки и техники.

Таким образом на диалектическом методе Ленин сосредоточивает все свое внимание. Этот вопрос есть центральный пункт всех его записей по философии. Я конечно здесь не буду—это и не нужно—давать характеристику диалектики: это потребовало бы очень много времени, но на некоторых моментах, которые отмечает Ленин, мне бы хотелось остановиться.

Прежде всего, об этой формуле—«единство противоположностей». Как-раз в подчеркивании этого момента и состоит характерная черта ленинского определения диалектики. В этом отношении, как уже указывалось, оно совпадает с определениями Энгельса, которые имеются в «Диалектике природы». Ленин этих записей не мог видеть—они появились после его смерти, и это совпадение свидетельствует о том, насколько сходно у Энгельса и Ленина понимание сущности диалектического метода. Ленин говорит, что тут «схвачено ядро диалектики, но только это требует пояснения и развития». Это замечание о ядре диалектики делается в конце конспекта «Науки логики», там, где Ленин отмечает 16 моментов, анализируя одно из определений диалектики Гегеля.

Пояснение этой формулы единства противоположностей, очень любопытное, дается в «Истории философии», где речь идет о диалектике. Там у Гегеля рассматриваются соображения элейцев по поводу движения. Ленин замечает, что «все метафизические противники Гегеля, и вслед за ними Чернов, изображают движение так: это—нахождение тела в данный момент в данном месте, в другой, в следующий момент—в другом месте. Но эта формула анти-диалектическая: 1) описывает, результат движения, а не самое движение; 2) не содержит в себе возможности движения; 3) изображает движение как сумму, связь состояний покоя, т. е. диалектическое противоречие его не устранено, а лишь прикрито, отодвинуто, заслонено, занавешено». И дальше Ленин приводит выписку из Гегеля: «Что составляет затруднение, так всегда именно—мышление, потому что оно моменты предмета, в действительности связанные, рассматривает в их различии по отношению друг к другу» (Гегель, История философии, т. I, стр. 322). Ленин по этому поводу дает свое разъяснение. «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движение, не прервав непрерывного, не упростив, углубив, не разделив, не умертвив живого. *Изображение движения* мыслью есть огрубление, омертвление,—и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия. И в этом суть диалектики. Эту-то суть и выражает формула: единство, тождество противоположностей».

Таким образом, значение этой формулы в том, «что в абстрактных понятиях (в их системе) нельзя иначе выразить принцип движения, как принципом тождества противоположностей».

На ряду с этим моментом, схватывающим ядро диалектики, Ленин отмечает и момент отрицательности (противоположность, внутренний импульс движения). Далее очень много внимания он обращает на различие между субъективной и объективной диалектикой и, наконец, обращает особое внимание на требование выработки конкретных понятий.

По поводу отрицательности, противоречия как внутреннего источника всякой деятельности, Ленин выразился, что это—соль диалектики. Гегель указывал, как на убедительнейшее доказательство правильности своего метода, на то, что этот метод

«не имеет ничего отличного от своего предмета, от своего содержания, то-есть содержания в себе; диалектика, которую он имеет в себе самом, которая движет его вперед. Ясно, что никакое изложение не может считаться научным, если не следует по пути этого метода и не соответствует его простому ритму, ибо это есть ход самой сущности дела» (Гегель, Логика, т. I, ч. 1-я, стр. 9—10, пер. Дебольского). Как-раз в этом принципе самодвижения обнаруживается та материалистическая природа диалектики, о которой я говорил вначале. Раз материализм не допускает никаких мистических, вне мира стоящих причин развития, очевидно, импульс развития может заключаться только внутри каждого явления, а это и есть как-раз точка зрения диалектики.

Теперь несколько слов о разнице между субъективной и объективной диалектикой. Ленин тоже очень много раз обращает на это внимание, и, между прочим, в конспекте «Истории философии» Гегеля при рассмотрении философии элейцев у него есть такое любопытное замечание. Гегель проводит, по характеристике Ленина, «архи-тонкое различие между диалектикой софистов, Зенона и Гераклита».

1) Тут, во-первых, отмечается субъективная диалектика. По Гегелю, это «внешняя диалектика, рассуждение вкривь и вкось, не душа вещи, разлагающая самое себя». Это диалектика софистов—субъективная, не настоящая диалектика, а софистика.

2) Затем, второе—это диалектика Зенона. Гегель характеризует ее так: «Иманентная диалектика предмета, входящая, однако, в рассуждение субъекта».

Ленин передает сущность такого понимания следующим образом: «В предмете есть диалектика, но я не знаю,—может быть это есть лишь явление». Такова диалектика Зенона (и Канта). Здесь уже есть признание объективной диалектики, но признание это не полно, недостаточное,—а может быть это только явление.

3) И, наконец, особо выделяется Гегелем диалектика, понимаемая сама как принцип». Ленин поясняет: «вполне объективная диалектика, как принцип всего сущего». Такова диалектика Гераклита (и Гегеля).

При чтении соответственных мест «Логики», где говорится о роли скептицизма в диалектике, Ленин делает замечание, что диалектика содержит в себе элемент отрицания и притом как свой важнейший элемент, но в диалектике существенно и характерно не голое, не «зряшное», не *скептическое* отрицание, колебание, сомнение, а «отрицание, как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики» («Ленинский сборник», IX, стр. 285).

Это—выписка из конспекта «Науки логики».

И, наконец, по поводу «конкретности».—Выписав одно выражение Гегеля: не «абстрактно, мертво, неподвижно, а конкретно», Ленин отмечает: это «*дух и суть диалектики*» и выписывает одно место из Гегеля, характеризующее его, как очень хорошее резюме, итог того, что такое диалектика.

Гегель говорит в этом, одобренном Лениным, месте следующее: «Познание движется от содержания к содержанию. Прежде всего это движение вперед определяет себя так, что оно начинается от простых определенностей и следующие за ними становятся все богаче и конкретнее, ибо результат содержит в себе свое начало, и движение последнего обогатило его некоторой новой определенностью. Общее составляет основу; вследствие того движение вперед не должно быть принимаемо за некоторое течение от некоторого другого к некоторому другому. Понятие в абсолютном методе сохраняется в своем ином бытии, общее—в своем обособлении, в суждении и реальности. На каждой ступени дальнейшего определения воздвигается вся масса его предшествующего содержания и через свой диалектический ход вперед не только ничего не теряет и не оставляет позади себя, но не-

сет с собой все приобретенное и обогащает и сгущает себя в себе» (Гегель, Логика, т. II, русск. пер. Дебольского, стр. 210—11).

Это резюме можно принять с известными материалистическими поправками, и Ленин как-раз подчеркивает, что в этом движении вперед к все более *полному* и к все более *глубокому отражению закономерностей* мира и заключается *дух и суть диалектики*.

Я думаю, что не будет преувеличением сказать, что в философских тетрадах по вопросу о теории диалектики дана исчерпывающая сводка всего, что имеется по этому поводу у Гегеля в прочитанных Лениным томах «Логики» (три тома), «Истории философии» (два тома), отчасти использована и «Энциклопедия», привлечена и «Философия истории» Гегеля, но это в меньшей мере, потому что Ленин замечает, что это последнее произведение Гегеля как-раз наиболее устарело, потому что в этой области Маркс и Энгельс всего дальше ушли вперед.

Я в заключение хочу немного остановиться на вопросе о значении философских тетрад.

1) Опубликование их, по-моему, означает для теории марксизма вообще большое событие и, можно сказать, шаг вперед в теоретическом отношении, потому что в них, в этих тетрадах, Ленин, собственно говоря, дал то, что Маркс собрался дать, когда он писал Энгельсу, что ему хочется изложить в понятной форме то, что Гегель открыл и вместе с тем затемнил, мистифицировал. Я привожу выше мысль Ленина, что надо выбрать логические, гносеологические *оттенки*, очистить их от мистических идей. Эти оттенки, о которых Ленин говорит, это и есть «оттенки, моменты диалектики», живая мысль против окостенелых схем; но эти схемы не просто высыпаются вон, а исправляются тем, что мысли придается гибкость; применение диалектики к изучению и познанию, причем Ленин видит суть в движении и в углублении познания; «признание об'ективной действительности против суб'ективизма» (у Гегеля это делается с точки зрения об'ективного идеализма, — это надо продолжить, исправить, как это сделал Маркс, возвысить до точки зрения материализма); не просто естественно-историческое познание явлений мышления, но и соответственно истине, т. е. вскрытые связи, переходов, развития и т. д. Вот некоторые из этих гносеологических оттенков, о которых говорит Ленин.

2) Кроме того, философские произведения Ленина для нас важны тем, что они учат *борьбе за диалектический материализм*. О борьбе против идеализма я упомянул. Но есть еще очень важный фронт борьбы, а именно борьба против анти-диалектики, окостенелости мысли, против перенесения схем и заученных формул взамен изучения всех конкретных особенностей явлений. Тут противниками диалектического материализма могут выступать и представители не диалектического, метафизического или, иначе, механистического материализма. На нашей конференции уже очень много говорилось по этому поводу, но я считаю нужным вкратце об этом упомянуть.

Суть ошибки механистов, как уже сказано, в отсутствии от диалектики, в отсутствии гибкости понятий, в фетишизировании раз добытых законов, понятий, картины мира, в отказе от непрерывного углубления нашего познания, в непонимании задач развития нашего знания, в неумении оперировать с понятиями. Энгельс, указывая на эти ошибки, говорил о покрытом ямами поле научного мышления, о рвах, отделяющих сущность от явления, причину от следствия, рвах и ямах, перед которыми беспомощно останавливаются тяжеловозы буржуазного здравого рассудка.

На недостатки такого метафизического мышления указывал Ленин еще в 1908 г. и вел с этими недостатками борьбу, когда писал свой «Материализм и эмпириокритицизм»:

«Признание каких-либо неизменных элементов, «неизменных сущностей, вещей» и т. п. не есть материализм, а есть метафизический, т. е. анти-диалектический материализм... Неизменно с точки зрения Энгельса только одно—это отражение человеческим сознанием (когда существует человеческое сознание) независимо от него существующего и развивающегося внешнего мира. Никакой другой «неизменности», никакой другой «сущности», никакой «абсолютной субстанции» в том смысле, в каком рисовала эти понятия праздная профессорская философия, для Маркса и Энгельса не существует; существование вещей или субстанций тоже относительно, оно выражает только углубленное человеческое сознание.

«Сущность» вещей или «субстанции» тоже относительны; они выражают только углубление человеческого познания об'ектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня—дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на *временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы* прогрессирующей наукой человека. Электрон так же не исчерпаем, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно *существует*, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание ее *существования* вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма и идеализма».

Мы можем сюда добавить, что понимание, опять-таки при условии признания этого существующего вне нас мира, относительности каждой отдельной теории, картины мира—отличает диалектический материализм от метафизического. Тут в значительной мере все самые существенные аргументы против механистов.

В конспекте «Науки логики» Ленин приводит место из «Логики» Гегеля, где говорится о единстве конечного и бесконечного: что «каждое из них является в себе самым таким единством» со своей противоположностью, что такое единство есть «отрицание самого себя, в котором ни одна из этих двух противоположностей не имеет перед другой преимущества бытия в себе и утвердительного существования». Конечность есть выход за свои пределы, и бесконечность,—другое конечности, содержится в этой последней.

При этой вышке Ленин замечает: «применить к атомам *versus* электроны. Вообще бесконечность материи вглубь». Это как-раз та самая мысль, которая была в приведенной цитате из «Материализма и эмпириокритицизма».

Задача познания состоит в том, чтобы двигаться вперед, исправляя неверность прежнего, но столь глубоко знания, не просто игнорируя и отбрасывая, а исправляя. «Всякое знание относительно. Но в каждом шаге познания вперед есть абсолютное содержание».

По поводу этих мыслей о движении познания Ленин сделал очень интересное замечание о Плеханове и о недостаточности его критики кантианства. Ленин говорит: «Плеханов критикует больше с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь сразу отвергает рассуждения кантианцев, а не *исправляет* (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий» («Ленинский сборник», IX). Как раз тут отмечается один из недостатков механистического материализма, и тут мы подходим еще к очень существенному значению работы Ленина по философии.

3) Мы переходим к практическому значению диалектического метода. Владение этим методом имеет значение для выработки программы партии, для выработки тактики, для правильного разрешения тактических задач. Так что, помимо огромного теоретического значения, и практическое значение диалектического метода очень велико.

Исторические заслуги Плеханова неоспоримы, очень велики, об этом нечего говорить. Он первый явился марксистом в России, у него учились не только русские, но и заграничные марксисты, целое поколение марксистов училось марксизму и диалектике у Плеханова, но в плехановской диалектике оказались известные недостатки,

и изучение этого вопроса, сопоставление диалектики Ленина и Плеханова, изучение тех споров, которые были между ними с методологической стороны, я думаю, тоже являются чрезвычайно плодотворной работой. Например, я укажу на споры о проектах программ в 1902 году, материал опубликован во втором Ленинском сборнике. Как раз Ленин указывает, что проект Плеханова ограничивается характеристикой капитализма вообще, а не дает характеристики данного конкретного капитализма, такой общей характеристики недостаточно. Здесь, в том, что Плеханов ограничился лишь общей характеристикой, есть известное отступление от той самой конкретной истины, в которой дух и сущность диалектики. И среди заметок по «Истории философии» у Ленина есть такая заметка: «разработать, — Плеханов написал о философии (диалектика), вероятно, до 1000 страниц: Бельтов, против Богданова, против кантианцев, основные вопросы и т. д. и т. д. Из них о «Большой логике», по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика как философская наука)—ничего».

Здесь, по-моему, особенно важно подчеркивание, что нужна теория диалектики.

Диалектика—это есть логика и теория познания марксизма, диалектика, очищенная, конечно, от идеализма, отражающая вечное движение материального мира. И вот, пока не появится тот обещанный т. Юренцом новый Лейбниц, который и напишет нам теорию диалектики, до тех пор книга Гегеля «Наука логики», изучаемая под руководством ленинских записок, является самым главным руководством по этой теории диалектики (*голоса*: Правильно).

Затем, в заключение—о перспективах дальнейшей работы. У Ленина имеется сделанная им при чтении Лассалевского Гераклита, в связи с изложением Кратилом теории Гераклита о сущности и происхождении слов и языка, следующая небольшая заметка: «История философии, следовательно,—история отдельных наук, история умственного развития ребенка, история умственного развития животных, история языка, психология, физиология органов чувств. Вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика. Греческая философия наметила все эти моменты. Коротче, история познания вообще. Вся область знания».

Тут по поводу истории техники ничего не говорится. Но это само собой разумеется, потому что то, что было записано Лениным в конспекте «Науки логики», было раньше, а эта более поздняя запись лишь развивает то, что было записано раньше.

И затем еще одно. Ленин говорит, что Маркс не оставил нам обещанной работы по логике, но зато он оставил нам логику «Капитала». И изучение этого произведения с его методологической стороны есть очень существенная задача. Такого изучения почти совсем не вели. Это, по-моему, тоже одна из важных задач. То же надо сказать и о произведениях самого Ленина, об изучении их методологии, их диалектики. Она так же глубока, блестяща, оригинальна, как диалектика Маркса.

Вот в общих чертах содержание и значение философских работ Ленина. Их важнейшая часть—это первые три тетради—уже издана. Первое издание «Ленинского сборника», IX как будто уже разошлось,—очевидно, интересуюсь и начинают изучать. Остальные тетради, которые не менее содержательны и интересны, готовятся и будут к концу этого года изданы.

О РАБОТЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Доклад М. Н. Покровского

Товарищи, чтобы оставить больше времени для обсуждения наших докладов, я постараюсь быть кратким и не использовать даже того получаса, который имеется в моем распоряжении, тем более, что известный показ работы Комм. академии перед вами уже прошел. Прошло три доклада, которые представляют собою в значительной степени резюме работы крупнейших учреждений Комм. академии: Философского института,

Секции естественных и точных наук и Аграрного ин-та. Работы этих трех учреждений я совсем не думаю касаться: вы могли оценить эту работу по тем образчикам, которые были вам даны. Я только намечу вкратце особенности того нового этапа, в который, несомненно, вступила в истекшем году, в промежутке между прошлой и нынешней конференциями, Коммунистическая академия, этапа, тесно связанного с тем этапом, в который вступила вся страна, а именно с этапом социалистической реконструкции всего нашего хозяйства.

Коммунистическая академия проходит уже третий этап своего существования. Первый этап, о котором мне много приходилось говорить в предыдущих докладах—и перед пленумом и перед конференцией,—это Академия, как библиотека, около которой раз-два в месяц собирались друзья марксизма и коммунизма, интересующиеся теоретическими вопросами, для их обсуждения, без всякого плана и системы. Чрезвычайно характерно, что этот период существования Коммунистической академии, в который она называлась, как вы знаете, Социалистической академией, совершенно сгладился из памяти живущих. Все мои попытки через наш аппарат добыть какие-нибудь иллюстрации этого периода встречали недоуменные возражения: «Мы не помним. Нужно производить изыскания в архиве для того, чтобы этот период восстановить». Чрезвычайно утешительно, что этот период, на который нам приходилось указывать, есть период далекого прошлого. Что касается меня, то мне не нужно архивов для того, чтобы восстановить, если понадобится, этот плюсквамперфект, но едва ли это нужно.—Была такой период. Историки со временем, пыль веков от хартий отряхнув, изобразят этот период, а сейчас зачем заниматься тем, что давно уже в прошлом. Следующий период, наоборот, очень свеж, и тут есть обширные письменные свидетельства, основывался на которых, без глубоких поисков в архивах, можно восстановить всю картину этого периода. Отчасти он отразился в тех диаграммах, которые здесь выставлены. Это период, когда Комм. академия из библиотеки с собиравшимися при ней небольшими группами любителей марксистского просвещения превратилась в грандиозное марксистское просветительное общество, развернувшее чрезвычайно широкую докладную работу и имевшее вначале свой печатный орган, а в конце—целую сеть своих печатных органов и целую сеть, так сказать, дочерних обществ, которые окружали это центральное просветительное марксистское общество.

Вот эта диаграмма—количество докладов—показывает, как росла эта работа Комм. академии. Мы начали, как вы видите, с 35 докладов в 1924 году, и подошли постепенно к тому, что у нас в месяц читается больше докладов, чем тогда читалось в год. Деятельность, как видите, была развернута очень широко.

Если первый этап охватывает 5 лет—с 1918 г. по 1923 г., то следующий этап охватывает период с 1924 до 1928 года. В следующем периоде изменилось все. Изменилось в этом периоде, прежде всего, отношение академиков к Академии. Я привык—это у меня был готовый штамп—при всяком своем докладе жаловаться, что подавляющее большинство академиков не принимает участия в ее работе. И действительно, те небольшие собрания, которые у нас происходили в первый—назовем его библиотечный—период Коммунистической академии, эти собрания далеко не охватывали всех, кто номинально числился в Социалистической тогда, позже—Коммунистической академии. А знаете ли, какой процент академиков сейчас, в этом периоде, в конце его, принимает участие в работе Академии? 89 процентов. А если напомнить, что среди остальных 11% есть товарищи больные, которые просто по болезни не могут посещать наших заседаний, есть товарищи, постоянно находящиеся за границей, как например, т. А. М. Коллоптай, которая в качестве полпреда постоянно живет за границей, то будет более 90% членов Коммунистической академии, принимающих участие в ее работах. Это показывает, насколько этот второй этап, этап просветительского марксистского общества, втянул в себя всю Академию, насколько он заинтересовал. Это отражается, между про-

чим, и на составе наших пленумов. Прежде мы тоскливо ожидали, когда, наконец, придет кворум и когда он приходил, его встречали бурными аплодисментами (смех). А на нашем последнем пленуме в прошлую субботу, как раз неделю тому назад, было без всякой натяжки больше половины академиков, находящихся в Москве, значительно больше половины. А затем в этот свой просветительный период Комм. академия захватила значительно больший круг людей, чем тот, который официально входит в ее состав в качестве действительных членов или в качестве научных сотрудников и т. д. Весь этот персонал у нас охватывает около 170 человек научных сотрудников. Но если мы возьмем всех, кто принимал участие в деятельности как самой Академии, так и всех ее обществ, дочерних обществ (Общество историков-марксистов, Общество статистиков-марксистов, биологов-материалистов, психоневрологов, врачей-материалистов и т. д.), то мы получим в 1928—29 г. 883 чел. Работа этих обществ втянула в себя почти тысячу человек, причем рост происходил чрезвычайно бурно: в предшествующем 1927—28 г. в эти общества было втянуто всего 305 чел., так что на протяжении года их число увеличилось в 2½ раза. Если же считать не только тех, кто работает в этих обществах в качестве членов, членов-корреспондентов и т. д., но и тех, кто посещает заседания обществ (есть приблизительная статистика), то мы всего получим круг в полторы тысячи человек, более или менее втянутых в работу Комм. академии. Таким образом, ее влияние, как просветительного общества, было чрезвычайно широко, если принять в расчет, что это, главным образом, товарищи, проживающие в Москве.

Относительно печатных органов—конечно читатели их тоже могут считаться втянутыми в эту работу,—они расходятся в порядочном количестве экземпляров, хотя конечно не очень большом. У нас печатных органов, как известно, 7. Кроме «Вестника Комм. академии», который существует с 1923 г., у нас имеются: «Мировое хозяйство и мировая политика», «Революция-права», «Историк-марксист», «На аграрном фронте», затем «Естествознание и марксизм», который имеет чрезвычайно большой успех и, наконец, «Проблемы экономики», последний по времени рождения из наших печатных органов. Так что мы имеем, повторяю, целую сеть печатных органов.

Теперь, подводя итоги этого второго этапа существования Комм. академии, как просветительского марксистского общества, мы должны сказать, что уже в этом этапе она сыграла очень большую роль и что если из этого этапа мы переходим в следующий, то только потому, что мы развиваемся; все время движемся вперед вместе со всей страной и что теперь это просветительское общество уже недостаточно, хотя оно конечно не закроется и будет продолжать существовать. Вы сравните вот эти диаграммы: на этот год у нас намечено 250 докладов, т. е. больше, чем в предшествующие годы. Эту просветительскую работу мы конечно будем выполнять и впредь, но ее уже недостаточно, и как раз с прошлого года Комм. академия переходит в следующий, третий этап своего развития, этап, который можно назвать исследовательским. Она превращается в обширный комплекс научных институтов, кабинетов, семинаров. Кабинеты и семинары—это зачаточная форма исследовательских институтов, которые ведут самостоятельную работу. Вызывается это, конечно, не тем, что вкусы переменялись у членов Комм. академии, а вызывается это, как я уже указывал, изменением всей обстановки. Мы должны, конечно, уметь строить коммунизм руками не-коммунистов, но управлять этим процессом должны мы—коммунисты. Нельзя вести социалистическую реконструкцию хозяйства, при помощи буржуазных ученых, предоставленных самим себе. У нас должен быть свой коммунистический научный центр, настоящий научный центр, снабженный всей аппаратурой. Я должен сказать, что до известной степени мы стихийно вращаемся в этот третий этап. Если бы мы не хотели, мы бы тоже вращались. Но мы этого хотим—мы сознательные люди, мы понимаем задачи, которые перед нами стоят, и жеем создать условия для разрешения этих задач. Но я повторяю, если бы мы этого сами не хотели, то

вся эта масса в 1500 человек, которая втянута в работу Коммунистической академии, занялась бы сама этим делом.

Я это вижу на своей специальности. Я это вижу на Обществе историков-марксистов, на котором я может быть немного позднее остановлюсь в связи с его конференцией.

Общество историков-марксистов за три года своего существования в 9 раз увеличило число своих членов. И вот обнаружился очень любопытный факт. При организации общества мы рассчитывали и я рассчитывал, должен признаться, что это будет небольшое ядро коммунистов, которое сгруппирует вокруг себя родственные силы. А вот, когда собралась конференция историков-марксистов, то оказалось, что около 80% тех, кто пришел туда с решающим голосом,—коммунисты, имеющие свои собственные научные работы. В конце-концов конечно должны быть попутчики, они нам нужны и мы от них не отказываемся, если это хорошие попутчики. Но при таком процентном соотношении, когда мы имеем такой контингент молодых исследователей с научными работами, которых мы можем использовать на своей работе, попутчики для нас менее необходимы, и мы можем строить свою коммунистическую науку, свои коммунистические научно-исследовательские учреждения. И то, что я привел в пример, говоря об обществе историков-марксистов, потому что это наиболее близкий мне пример по специальности,—это имеется и во всех других наших учреждениях, меньше всего, конечно, в естествознании, это нам приходится заявить.

Таким образом мы имеем не только потребность в создании крепкого, партийного научного центра, настоящего научного центра, настоящей Коммунистической академии в подлинном смысле этого слова, но у нас имеется полная возможность такой центр, по крайней мере в области общественных наук, поставить. Заметьте, что работаем мы в чрезвычайно тяжелых условиях, позвольте это мимоходом сказать, мы работаем в условиях постоянного систематического расхищения наших научных сил, потому что наши научные силы нужны не только нам, но и другим наркоматам, разным партийным учреждениям и т. д. У нас бывают, с позволения сказать, периодические «набеги», и в результате этих «набегов» мы оказываемся уменьшенными на n -ое количество работающих единиц. Но, несмотря на такую обстановку, на невозможность концентрации партийных научных сил, мы должны констатировать все-таки, что как бы то ни было, но имеющих сил у нас достаточно для того, чтобы приступить к образованию этого коммунистического научного центра.

Словом, повторяю, третий период является не только стихийным отражением известных тенденций, которые существуют, но он является результатом наших сознательных усилий и эти сознательные усилия не означают конечно какого-то коммуншанства. Это есть строгий учет тех возможностей, которые у нас имеются. Как мы предполагаем эти возможности развернуть, об этом вы узнаете из доклада В. П. Милютина, который будет вам докладывать о плане работ Коммунистической академии. Я ограничусь только характеристикой этапов, которые мы прошли, основных особенностей этих этапов и того третьего периода, в который мы наконец вступили.

Теперь несколько слов относительно положения наших отдельных учреждений и их работы. Прежде всего—относительно библиотеки. Библиотека—это самое старое наше учреждение. Как я уже сказал сегодня, наша работа началась около нее. Мы начали с того, что стали собирать эту библиотеку. Мы собирали ее в те времена немного хаотически, но припомните, что это были времена, когда нужно было спасти возможно большее количество книжного имущества просто от гибели. Но если мы возьмем данные о библиотеке в 1924 году, так как, повторяю, более старые времена изгладились из памяти людей, то мы увидим, что в настоящее время она в два с половиной раза увеличила количество печатных единиц, т. е. того, что мы—старики называли «томами», теперь ни один грамотный библиотекарь такой терминологии употребить не станет, а будет говорить—«количество печатных единиц».

Должен сказать, что хотя для нас этот быстрый рост библиотеки очень выгоден, но он имеет и теневые стороны, на которые приходится обратить внимание. Такой теневой стороной, прежде всего, является то, что наша библиотека в значительной степени состоит из старых книг, не систематически подобранных, потому что мы собирали ее в порядке довольно хаотическом. Отсюда вытекает, что, во-первых, нам приходится пополнять старые издания, чтобы были полные комплекты того или иного журнала, полные собрания тех или иных изданий и т. д. Затем, благодаря очень скромным валютным ресурсам, которые нам отпускают и при том с уменьшением, у нас слабо обстоит дело с новейшей заграничной литературой.

Третий этап роста нашей Коммунистической академии ставит вопрос вплотную. Если мы повесим на пустой комнате афиша, что здесь помещается Исторический институт, а там не будет новейших исторических журналов, которые издаются во всех странах мира, не будет новейшей литературы, то это будет чистейшее кичанство. Нам совершенно необходимо иметь при этом институте очень хорошую библиотеку, всю свежую литературу, все свежие журналы и т. д. Теперь к сожалению мы этой возможности в значительной степени лишены и это отражается на посещаемости нашей библиотеки. Изменение посещаемости идет в таком направлении. Убивает количество студентов, это—естественно. Нам давным-давно пора завести в Москве свою Женевьевку. Все, бывавшие в Париже, знают что в Латинском квартале существует Женевьевка, где сосредоточены нужные для учащейся молодежи книги, благодаря чему учащаяся молодежь не загромождает залы Национальной библиотеки, в которой работает более серьезная публика. Это не значит, что я не отношу молодежь к серьезной публике,—я к молодежи отношусь с величайшей симпатией, но там работает публика гораздо более высокой научной квалификации. У нас такой Женевьевки нет. У нас Ленинская библиотека битком набита студентами, и прежде эти студенты посещали нашу библиотеку. Мы их оттуда выводим. У нас научная библиотека, мы—научный центр. С другой стороны имеется и другая черта,—которая с первого взгляда ничего, как-будто, в себе дурного не заключает: у нас уменьшается число читателей из учреждений, и растет в процентном отношении число ученых. Вдумайтесь, что это значит, что нужно госучреждениям? Им нужна как-раз новая, свежая литература. Новой свежей литературы у нас не так много, и мы не совсем удовлетворяем эти учреждения. Они начинают создавать свои библиотеки, одним словом, обходятся без нас. Рационально ли это? Нет, совершенно нерационально. С какой стати мы будем создавать ведомственные библиотеки? С ведомственным архивом мы более или менее покончили, существует текучий ведомственный архив, но не существует ведомственного исторического архива. Зачем нам нужна ведомственная библиотека? Научная библиотека должна быть одна в Москве. Она должна обладать достаточным количеством экземпляров. У нас же часто ходовые книги имеются лишь в одном экземпляре, поэтому у нас хвосты и т. д. Нам нужно сконцентрировать все это в одном учреждении и таким центром должна быть Коммунистическая академия, но пока этого нет.

Затем следующая стадия в нашей работе, это—просветительная стадия. Это общества, о которых я говорил, и те конференции, которые мы должны были созывать, между прочим, на основании постановления прошлой конференции марксистско-ленинских учреждений. Нами проведена конференция историков-марксистов, и в ближайшем времени будет проведена конференция аграрников-марксистов. Философскую конференцию вы сами здесь видели, потому что доклад т. Деборина, и следовавшие за ним прения, в сущности были ответом на постановление прошлой нашей конференции марксистско-ленинских учреждений, созвать философскую конференцию для разрешения спорных вопросов между механистами и диалектиками. Так что в сущности говоря, мы имеем уже три конференции. Две прошли, одна же совсем подготовлена и будет очень скоро.

Конференция историков-марксистов была необычайно показательна и была, я прямо скажу, для меня, одного из руководителей исследовательской исторической работы нашей в стране, сюрпризом, очень приятным сюрпризом. Я никак не ожидал, что у нас имеются такие крупные исследовательские кадры. По своему тону эта конференция была ничуть не ниже любой серьезной исторической конференции, которую созвала бы любая страна. Рискаю быть опять обвиненным в кичанстве, в чем меня обвиняют очень часто, я скажу, что тон был немножко выше, чем тон Всемирного конгресса в Осло. Там было больше легкомысленных, мелочных, несерьезных докладов. У нас подбор был лучше и работала наша конференция гораздо дружнее, чем там. Но, правда, то была всемирная конференция. Там было 1.200 человека, у нас доходило до 600 человек на наиболее интересных докладах.

На этой конференции историков-марксистов был освещен целый ряд вопросов, которыми занимается наша наука. Ну, скажем, такой вопрос, как вопрос о характере империализма вообще и русского в частности, и о характере империалистической войны и т. д. Любопытная вещь, что этот вопрос был целиком поставлен в семинарах Ин-та красной профессуры. А на конференции по этому поводу развернулась дискуссия.

Другой вопрос, который широко разрабатывается, это—вопрос об изучении Французской революции. Москва—один из центров изучения Французской революции—у нас имеются большие материалы по этому вопросу. Правда, эти материалы не в библиотеке Комм. академии, а в библиотеке Института Маркса и Энгельса. Но мы рассматриваем это учреждение, как братское учреждение, т. е. даже и территориально мы помещаемся рядом. Там есть прекрасная коллекция, и Марата, например, можно прекрасно изучать в этой библиотеке без того, чтобы ездить в Париж.

Чрезвычайно интересные дебаты на этой конференции были по национальной истории, причем характерной особенностью этих дебатов было то, что националы в них проявляли минимальный национализм. До такой степени минимальный, что одного очень уважаемого мною товарища грузина, мне пришлось поправлять и в качестве русского выступить против него и сказать, что русские были гораздо большими мерзавцами, чем избирал их в своем докладе грузинский докладчик, который очень мягко отзывался о нашей политике в Закавказьи. Я привел примеры всяких грабежей и прочих безобразий, которые там происходили. Очевидно, этот грузинский товарищ отзывался так мягко, желая видимо избежать упреков в шовинизме.

Характерно, что создание Всесоюзного общества историков-марксистов было принято конференцией единогласно. Возражений с этой стороны не было. Но в предварительных совещаниях были возражения—я не стану скрывать—со стороны одной определенной группы.

В общем выяснилось наличие большого кадра историков-марксистов, преимущественно коммунистов—партийцы составляли 80%—которые не только желают вести, но уже ведут очень серьезную историческую работу. И без всякого хвастовства можно сказать, что и по качеству и по количеству наиболее значительные исторические работы в нашей стране выполняются сейчас марксистами и, преимущественно, коммунистами. Если взять продукцию, которую дают буржуазные историки, и продукцию нашу и по количеству вопросов, что важнее, и по количеству работ, то что касается количества работ, я говорю не об истории только, то здесь позволите привести цифру только одного из наших учреждений. Я знал, что Ин-т красной профессуры имеет большую печатную продукцию и скромно говорил: до 100 книжек уже издано. А вы знаете, сколько он издал книжек?—800 книжек. Больше, чем я осмеливался предполагать. Я предполагал, что 100, а оказывается—800. Так что продукция количественно очень большая. И дело, конечно, не в одном количестве. Я подчеркиваю, что такие огромные вопросы, как вопросы империализма, вопросы империалистической войны ставятся нашей публикой, а не буржуазными историками, которые когда при-

нимаются за эти вопросы, являются жалкими отголосками антантовской публицистики, даже антантовской публицистики не сегодняшнего дня, а 10 лет тому назад. Они как будто 10 лет проспали. И антантовская публицистика, посмотрев на это, вероятно, пожала бы плечами. С такой продукцией в Западной Европе и Америке никуда не пойдешь. Это — по части конференций.

Вторая форма, отразившая в себе этот наш просвещенский период — это Энциклопедии. Дождь энциклопедий сыплет с неба. Век просвещения ознаменовался Большой французской энциклопедией XVIII века. У нас кипит энциклопедическая работа. У нас издается «Большая советская энциклопедия», которая фактически является изданием Комм. академии. Президиум БСЭ почти совпадает с бюро Президиума Комм. академии. Разница может быть на 2—3 человека. Затем мы уже выпустили первый том «Литературной энциклопедии». Каковы бы не были упреки в этом отношении — критике подлежит все человеческое — эта первая литературная марксистско-обществоведческая энциклопедия, это — достижение исключительное. Затем у нас скоро будет выходить «Философская энциклопедия» и «Экономическая энциклопедия». Об «Энциклопедии права и государства» я не говорю, потому что она закончена. Она была закончена до первой конференции и сейчас выходит второе издание, выходит дополнительный том.

Эта энциклопедическая работа для нас характерна и тоже подчеркивает общественное значение, которое имеет Коммунистическая академия.

Далее наше участие в юбилеях. Я думаю, что ни одна страна в мире не празднует столько юбилеев, как наша страна. Это что-то невероятное и особенно в последнее время: что ни месяц, то юбилей. Во всех этих юбилеях Академия принимала участие. Нужно было обязательно участвовать в таких юбилеях, как юбилей Горького и юбилей Толстого. В юбилей Толстого было особенно важно выступление Литературной секции нашей Коммунистической академии, потому что вы знаете, под каким углом зрения юбилей Толстого был взят нашей интеллигенцией. Внести туда густую коммунистическую ноту было нужно. Наконец, один юбилей мы целиком провели. Доставили целиком все издания, с ним связанные — это юбилей Чернышевского. Если другие юбилеи оставляли приятное впечатление, то юбилей Чернышевского, наоборот, не стану скрывать, произвел кое-чем совсем не приятное впечатление, он показал, насколько мы оторвались от нашего революционного прошлого, и выяснилось, что по некоторым разделам, именно там, где Чернышевский является мировой величиной, по разделу экономическому — интерес к Чернышевскому был чрезвычайно слаб. Я считаю, что юбилей Чернышевского только тогда будет достаточно оценен и только тогда получит свое полное значение, когда нам удастся вызвать интерес к этому одному из величайших наших предшественников. Во всяком случае мы гордимся тем, что юбилей Чернышевского провела Коммунистическая академия и память об этом, грандиозный портрет Чернышевского, висит в нашем конференц-зале, это память нашего «подвига», что юбилей одного из самых великих предшественников нашего поколения мы осветили и провели. Что касается наших исследовательских работ, позвольте упомянуть издание Комиссии по изучению последствий аграрной революции. Это очень монументальное издание, но к нему, разумеется, не сводится вся наша исследовательская работа по аграрному вопросу. Результаты исследовательской работы в этой области даны в докладе т. Кришмана.

Вот в каком виде мы подходим к новому этапу нашего бытия, к этапу, когда мы становимся тем, чем мы были названы в постановлении одного директивного учреждения, а именно — «партийным научным центром». План работы этого центра даст В. П. Милютин. Я бы хотел, чтобы конференция усвоила себе твердо идею о том, что необходимо создать прочную материальную базу для этого третьего периода нашего бытия и поддержала нас в этом отношении. Надо отдать справедливость нашим буржуазным учреждениям. Они приучили дающие и проверяющие органы к тому, что у них очень широкие потребности и теперь они предъявляют эти потребности в еще большей широкой степени. Мы до

сих пор еще к этому не приучили и на нас смотрят с точки зрения первого периода нашего бытия: собираются ученые большевики и рассуждают. Что им нужно? Нужно, чтобы электрическая лампочка горела. Нужно чтобы была бумага, карандаш. Пусть сидят, рассуждают и записывают. Нам нужно гораздо больше. Нам нужна очень прочная материальная база. Мы надеемся, что эту материальную базу нам дадут и что мы действительно станем тем учреждением, которое необходимо для социалистического строительства, ибо, товарищи, стало банальной вещью, особенно в такой квалифицированной среде как здесь, что никакого социалистического строительства без научной базы быть не может и никакой научной базы без практической работы научных учреждений тоже быть не может. Нельзя опираться только на книги и только на людей, которые получили свое образование в другой обстановке и нашего мировоззрения не разделяют. Нам нужна широкая научная работа, которая, как вы, сами будучи представителями научного цеха, прекрасно знаете, отражается в книге только очень поздно. Ближайшим этапом является разработка сырых материалов и на этом этапе нужно поставить научную работу, а для этого нужны средства и живые люди, кадры. Создание кадров есть, товарищи, одна из наших основных задач, о которой скажет т. Милютин.

О ДИРЕКТИВАХ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ПЛАНА РАБОТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ¹

Доклад В. П. Милютина

Составляя план работ центральной организации нашей теоретической работы в стране, нам приходится исходить из тех потребностей и требований, которые сейчас существуют в отношении научно-исследовательской работы вообще, и в особенности научно-исследовательской работы марксистско-ленинских учреждений и в первую очередь Коммунистической академии. М. Н. Покровский закончил свой доклад тем, что общеизвестно то требование необходимости развертывания культурного строительства, которое сейчас наблюдается во всех направлениях. Нужно сказать, что сейчас в области культурного строительства у нас наблюдается повсеместно вполне естественный сдвиг. Достаточно хотя бы привести цифры, показывающие, что сейчас мы тратим на культурное строительство в три раза больше, чем тратила дореволюционная Россия. Происходит колоссальное пробуждение культуры снизу и в этом отношении сдвинуты буквально миллионы. Колоссальное пробуждение происходит в отношении культуры со стороны народностей, которые в прошлом терпели национальное угнетение.

Происходит стихийный рост культурных учреждений, и в том числе — научно-исследовательских учреждений, что отчасти представляет собой даже некоторую опасность, о чем я еще буду говорить. Этот факт является вполне естественным. Странно было бы, если бы не происходило этого культурного роста, культурной революции на основе той перестройки всего нашего общества и в первую очередь нашей экономической базы, которую мы сейчас в стране произвели и производим, но нужно вместе с тем сказать, что культурное строительство, по сравнению со всяким другим строительством, развивается наиболее медленным темпом. И если нашей партии приходилось сравнительно недавно констатировать отставание темпа развития сельского хозяйства и трудности, связанные с этим отставанием от других областей экономического развития, то нужно прямо сказать, что мы сейчас имеем колоссальное отставание нашего культурного строительства от развития всех других отраслей. Здесь мы уже имеем явные открытые ножицы между теми требованиями, которые наше социалистическое строительство предъявляет в смысле и общего поднятия культуры и, прежде всего, создания

¹ Директивы по составлению плана работ Коммакадемии на 1929—30 г., принятые Пленумом Коммакадемии 6 апреля с. г. и одобренные Конференцией по докладу В. П. Милютина, за отсутствием места здесь не печатаются и будут напечатаны в следующем № «Вестника Комм. Академии».

квалифицированных кадров и развития научно-исследовательской работы, и тем, как мы эти требования в состоянии удовлетворить. Здесь мы имеем уже явный открытый разрыв, который необходимо полностью осознать и, мне кажется, необходимо со всей определенностью, со всей резкостью вопрос о нем поставить, потому что этот разрыв грозит нам серьезнейшими затруднениями не только в нашем культурном развитии, но, я бы прямо сказал, и в нашем материальном, в нашем экономическом развитии. Это проявляется во всех областях, это проявляется и в работе, и в росте наших научно-исследовательских учреждений, в том числе и Комм. академии. Несмотря на достигнутые успехи, которые мы видим на этих диаграммах, которые в своем докладе М. Н. здесь подчеркивал, и которые выявились в тех докладах, которые перед нами прошли по теоретическим вопросам,—мы тем не менее должны констатировать, что и Комм. академия далеко и далеко еще не в состоянии выполнить те требования, которые к нам предъявляются и экономикой и буквально любой областью, какую бы вы ни затронули.

Поэтому сейчас необходим *плановый подход, со вскрытием всех недостатков, которые у нас имеются в нашей постановке научно-исследовательской работы*. Планирование нам необходимо и потому, что у нас в области организации научно-исследовательской работы наблюдается та бесплановость, которая приводит к растрате сил и средств. Сейчас довольно стихийно начинают расти различные научно-исследовательские институты, которые не обеспечены ни соответствующими силами, ни соответствующими средствами. Вследствие этого происходит то, что мы зачастую создаем учреждения, которые не дают той продукции, на которую мы рассчитывали, когда их организовывали. Поэтому, повторяю, внесение плановости в развертывание научно-исследовательской работы является сугубо необходимым именно в настоящий период.

Планирование нашей работы нам приходится строить на основе тех требований, *которые сейчас предъявляет к нам период реконструкции*, в который вступила вся наша общественная жизнь и, в первую очередь, наша экономическая жизнь. Только с учетом тех задач, которые встали у нас в области реконструкции народного хозяйства и которые сказываются на всех областях, в том числе и на нашем культурном строительстве, мы можем развернуть наш план научно-исследовательской работы.

Необходимо, далее, учесть тот опыт, который нами уже накоплен. Мы уже планируем нашу работу три года: первый план был опубликован два года тому назад, затем был опубликован план прошлого года. В этих планах были определенные недочеты, на которые мы не должны закрывать глаза, были допущены ошибки, но тем не менее они внесли все же систематичность в развертывание научно-исследовательской работы, которая нам необходима. И если известные достижения есть у Комм. академии, то немало этому способствовали *плановость*, которую мы внесли в нашу работу.

Для ближайшего периода нам приходится идти в намерении нашего плана в трех направлениях. Прежде всего, это те наши учреждения, которые непосредственно заняты проблемами экономики, к которым относятся: *Экономическая секция, Аграрный институт, Кооперативная секция, Институт советского строительства и Секция государства и права*. В сущности, все эти пять учреждений вплотную занимаются проблемами реконструкции и нашего хозяйства и нашего советского строя.

Их недостатки и достижения здесь были указаны, причем было отмечено, что сейчас вокруг них объединены определенные кадры научных работников; требования на этих работников сейчас выросли в значительной степени, и наши товарищи, помимо той работы, которую они ведут в стенах Комм. академии, занимают уже ряд очень ответственных должностей в нашем советском аппарате, выполняя очень ответственные функции. Этими организациями издан целый ряд ценных научно-исследовательских работ, издается ряд журналов, подготавливается «Экономическая энциклопедия». Но надо сказать, что их недостатком является то, что целый ряд актуальнейших проблем, которые стоят перед нами, мы до сих пор силами, имеющимися у нас в этих секциях

и организациях, охватить не можем, несмотря на то, что мы полностью сознаем необходимость заняться ими. Правда, если взять, скажем, такой вопрос, как вопрос о пятилетнем плане развития народного хозяйства, то этот вопрос был подвергнут систематическому обсуждению в Коммунистической академии, и я должен прямо сказать, что нами был поднят целый ряд вопросов в этом пятилетнем плане.

Разрешите мне указать на два вопроса: у нас был поставлен вопрос о перенесении центра тяжести в пятилетие со статистического анализа, со статистического прогноза пятилетнего развития на технический прогноз; у нас также был поставлен вопрос о необходимости специального выделения в пятилетке качественных показателей и о создании плана рационализации. Здесь было несколько скептическое отношение со стороны докладчиков из Госплана, но теперь это уже является признанной истиной. Я вам привел только эти примеры, но мог бы привести и другие; напр., анализ расслоения деревни сделан был также в Комм. академии. И несмотря на это, некоторые вопросы по пятилетке все же нами остались неосвещенными, например, проблема баланса народного хозяйства. Правда мы наметили в прошлом году в нашем плане этот вопрос поставить, но до сих пор этого вопроса не осветили. То же самое надо сказать относительно проблем крупного сельского хозяйства. Они были обсуждены у нас, но не в достаточной мере.

Таким образом, наряду с достижениями, необходимо указать на целый ряд дефектов, которые ставят целый ряд затруднений в практическом рассмотрении вопроса реконструкции народного хозяйства.

Я должен сказать далее, что хотя у нас в Коммунистической академии и была проведена критика правого флюкона, но опять-таки надо признать, что здесь желательнее было бы провести ее более активно, необходимо было бы придать ей больший размах, чем это было сделано. Я на этом вопросе остановлюсь в дальнейшем, когда пойду к некоторым отдельным нашим учреждениям.

Таким образом, когда мы ставим перед собой вопрос о задачах того комплекса наших учреждений, которые занимаются проблемами экономики, проблемами советского строительства, то здесь, в первую очередь, необходимо дать директивы, чтобы их планы соприкасались в большей степени, чем это было до сих пор, с проблемами реконструкции народного хозяйства, и той реконструкции и рационализации, которая проводится в области советского строительства.

Остановлю сейчас ваше внимание на одном начинании. У нас образовалась подсекция, пока очень скромная, инженеров-техников-марксистов. С величайшими трудностями нам удалось сгруппировать товарищей, работающих в этой подсекции. Не забывайте, что до сих пор у нас нет еще, я бы сказал, серьезной проработки с точки зрения марксизма тех проблем, которые стоят перед техникой, не только в пятилетнем плане, но даже в генеральном плане, к которому мы сейчас приступаем. Более того—мы не имеем ядра, которое бы работало над этими проблемами. Вы сами понимаете, что, когда мы приступили к технической революции во всем нашем народном хозяйстве, насколько затрудняет задачу осознания целого ряда проблем отсутствие такого твердо сколоченного принципиально-выдержанного кадра. Это затрудняет задачу и нашему Госплану, и Совнаркому и т. д. Поэтому крайне существенно то, что у нас положено начало этого объединения.

Правда, в этой подсекции у нас, главным образом, собрались инженеры-электро-техники, преимущественно молодежь. Мы там не имеем ни одного химика, хотя именно в области химии выдвигаются особенно интересные проблемы. Вообще, должен сказать, что у нас ясно осознаны задачи технической революции и технических изменений, однако, когда мы подходим к разрешению этих задач, то чувствуем, насколько мы еще слабы. То, что мы положили начало в этом отношении, очень существенно, и его необходимо будет всячески поддерживать.

Коснусь еще работы Аграрного института. Тут я должен сказать, что как институт он пока еще не развернул своей работы. Тут были общие причины: у нас очень скверно обстояло с помещением, шла перестройка, которая недавно лишь закончилась, и наши научно-исследовательские учреждения были поставлены материально в крайне тяжелое положение.

Аграрному институту повидимому в значительной степени сейчас придется заняться вопросами крупного сельского хозяйства. Здесь намечаются такие сдвиги, которые необходимо теоретически осознать. Об этом я уже говорил в своем выступлении по поводу доклада т. Крицмана, указывая на то, что опыт межселенных тракторных станций раскрывает техническую революцию—электрификация, химизация страны и т. д.,—а с другой стороны, имеется явное напряжение в продовольственной области. Эти противоречия часто служат основной базой неохвата общих перспектив и ошибочных постановок целого ряда вопросов как в области экономической политики, так и в области теории со стороны различных уклонов. Для меня ясно, что на ближайшей нашей конференции мы, вероятно, в области экономики будем иметь приблизительно такую же картину, какую имели на этой конференции в отношении механистов и диалектиков. Уже сейчас намечаются споры не только в области экономической политики, но также и в области теории экономики, которые заставят нас с большей тщательностью, с большей принципиальной выдержанностью наметить теоретическую линию и в области экономики. Эти проблемы нужно предвидеть нашим секциям, занимающимся этими вопросами, чтобы с большей активностью подойти к их разрешению.

Перехожу к другим учреждениям Комм. академии. Работа *Института мирового хозяйства и мировой политики* значительно развернулась. Институт этот—один из тех институтов, которые вышел из стадии слабого состояния и занял теперь твердую базу. Но недостатком его—а я, к сожалению, должен говорить не только о положительных сторонах, но также и о наших недочетах—является то, что в нем слабо проводится критика буржуазной экономики. Точно также и по мировой политике Ин-т еще не удовлетворяет нас. Это его главные недочеты, на которые необходимо обратить самое серьезное внимание.

Институт, несомненно, сосредоточил у себя определенные силы и линия его вполне правильна. Можно было бы поставить вопрос о том, что некоторые Институты, занимающиеся аналогичными вопросами, могли бы вполне безболезненно свои функции передать Институту мирового хозяйства и мировой политики. Этот вопрос необходимо будет поставить, и мне представляется, что организационная работа Института должна быть развернута в этом отношении в большей степени, чем это делалось до сих пор.

Я не буду повторять того, что сказано в моих тезисах, не буду затруднять вашего внимания отдельными секциями и отдельными институтами, и коснусь только наиболее серьезных задач, которые стоят перед нашими учреждениями.

Обращусь к *Институту философии*. Вы видели здесь уже при обсуждении, что в области философии кадры действительно имеются и ведется определенная работа. Имеется возможность, на основе уже проделанной работы и достигнутых результатов, наметить определенную линию. Мы принимаем впервые пожалуй в истории философскую резолюцию. Она явится, так сказать, определенной платформой по диалектиче-

скому материализму и по постановке всей работы, развертывающейся в этой области. Но недостатком в работе, на который необходимо обратить внимание, является то, что Институтом философий слабо была направлена критика на буржуазную философию и на ревизионистов такого типа, как Каутский, как теоретики II Интернационала. Возьмите такое положение: по поводу Каутского в Институте философии было два доклада т. Фурица и выпущена довольно тощая брошюрка. Готовятся, правда, работы, которые должны выйти; однако все же характерно, что в Коммунистической академии на работу Каутского первой откликнулась другая секция—Секция права и государства. Повторяю, на этом вы видите, что здесь имеется существенный дефект в работе Института философии. Затем, второй дефект: здесь т. Деборин говорил о том, что в той борьбе с механистами, которую пришлось вести философам; мы—экономисты, историки, праведы не принимали активного участия. Но мы можем пред'явить другой вексель: в борьбе с правым уклоном, которую приходится вести историкам и экономистам, философы к сожалению участвуют недостаточно и плетутся в конце. Здесь, мне представляется, нужно на это также обратить внимание. Когда мы боремся с правым уклоном, то мы боремся не только по политическим вопросам с правым уклоном, но существует теория правого уклона, выраженная в определенных печатных работах. Почему эту теорию не вскрыть, не вытащить ее на свет божий и не разобрать с точки зрения диалектического материализма и соответственно основам марксизма и ленинизма. Необходимо это сделать. Ведь здесь есть прямая связь и зависимость с целым рядом положений правого уклона в области практической политики. Эти нити протягиваются к проблемам проработки исторического материализма и некоторым проблемам в области методологии. Эти актуальные задачи Институт философии намечает правильно, и в докладе т. Деборина была правильно намечена линия большего проникновения диалектического материализма в область естествознания, но я бы сказал, что нужно большее проникновение диалектического материализма и в область общественных наук и более активная борьба на фронте буржуазной философии и ревизионистских взглядов. Вот те директивы, которые необходимо будет дать Институту философии.

У нас пока слабо идет работа в *Комиссии по национальному вопросу*. В то время, как мы сейчас наблюдаем пробуждение национальностей, когда создаются новые культурные ценности, у нас Комиссия по национальному вопросу находится в зачаточном, зародышевом состоянии. К сожалению, этот вопрос сейчас стоит так же, как он стоял и на прошлой конференции. До сих пор сдвига серьезного не произошло.

Я пропускаю ряд других комиссий, не буду говорить относительно естествознания, потому что здесь этот вопрос был обсужден всесторонне, и еще остановилось лишь на работе *Секции литературы и искусства*. Здесь уже было сказано, что работа этой секции очень оживилась. Вышел первый том «Литературной энциклопедии». При имеющихся в нем дефектах все-таки «Литературная энциклопедия» является ценным явлением в области нашей научно-исследовательской работы, является необходимой подсобной научной работой. Но и тут, при всем оживлении, которое мы имеем в Секции, если спросить о влиянии, какое оказывает Комм. академия на литературу, то нужно сказать, что влияние это слабо. Боевитость в отношении отдельных проблем была проявлена, но четкости и боевитости в отношении всех литературных течений не чувствуется. Чувствуется определенная расплывчатость в постановке этих вопросов. И кадры, которые объединились вокруг Секции литературы и искусства, еще недостаточны, еще очень слабы, так что здесь нам придется дать общие указания в смысле развертывания работы Секции литературы и искусства.

Вот, товарищи, те общие перспективы и директивы по плану, которые мы должны дать в смысле развертывания научно-исследовательской работы Комм. академии.

Мы переходим к периоду, который М. Н. Покровский назвал периодом развертывания научно-исследовательской работы, как таковой. Это предполагает, что наши

научно-исследовательские учреждения из просветительных учреждений превратятся в научные лаборатории. До сих пор мы—прямо скажу это—переименовали наши секции в институты, но настоящей работы как институты они еще не ведут, за исключением Института высшей нервной деятельности, отчасти Института советского строительства, т. е. старых более или менее организаций, и отчасти только Института мирового хозяйства и мировой политики. Аграрный институт, по существу та же секция, еще никакой институтской работы как таковой не развернул. Институт истории только еще организуется. Точно так же и Институт по философии. Так что здесь пока перед нами стоят только задачи реорганизации этих учреждений в научно-исследовательские институты.

Частую в этом отношении у нас прямо недопустимое положение. Например, в Академии наук имеются музеи, где вы можете наблюдать жизнь малайской деревни, представленную в диаграммах, в моделях и т. д. Но у нас во всей стране нет ни одного музея по колхозам. Здесь у нас есть выставочка небольшая, но это жалкая выставка. До сих пор мы еще не сумели организовать колхозного музея, где были бы собраны все материалы по колхозам. А жизнь между тем идет страшно быстро вперед, историю колхозов придется изучать и собирать этот материал для научно-исследовательской работы где-то необходимо. До сих пор мы такого центра не имеем.

Таким образом, перед нами стоит задача превращения наших институтов в действительно научно-исследовательские учреждения, с определенными лабораториями, с определенными вспомогательными учреждениями, где концентрировался бы материал, где могла бы производиться действительно исследовательская работа как таковая.

В этом смысле и намечается вопрос о создании новых институтов. Вчера в совещании уже поднимался вопрос о создании Экономического института. Далее, у нас сейчас объединены все кооператоры, которые поднимают вопрос о том, чтобы не создавать на стороне Кооперативный институт, а создать его в стенах Комм. академии. Так что здесь повидимому у нас пойдет рост институтов внутри Комм. академии, и необходимо подойти к этому росту практически, по-деловому, т. е. превратить эти учреждения действительно в научно-исследовательские учреждения. Эта задача стоит перед нами, но пока еще к ее разрешению мы еле-еле приступаем.

Вместе с тем, во избежание параллелизма и распыления, нам нужно будет поставить вопрос (а некоторым организациям это пора поставить и на местах, таким, напр., организациям, как украинская и ленинградская) о том, чтобы *некоторые научно-исследовательские учреждения включались* в рамки научно-исследовательских марксистско-ленинских учреждений и, в первую очередь в Комм. академию. Вы знаете, что Институт философии РАНИОНа вошел сейчас в недра Комм. академии. Этим избегают параллелизм, произошла концентрация сил и, нечего скрывать, несомненно, здесь будет проявлена большая принципиальная выдержанность. Уже об Институте истории мы тоже знаем, здесь М. Н. об этом докладывал; несомненно, и по другим институтам будет заметна большая выдержанность в смысле направления научно-исследовательской работы. Но у нас есть целый ряд других учреждений, в отношении которых, по моему—если мы их хотим оживить и сделать их работу более эффективной—необходимо будет поставить вопрос о том, чтобы их втянуть в недра Комм. академии.

Затем, относительно *конференций*. Конференция историков-марксистов выявила колоссальное значение такого рода конференций. И нынешняя конференция, которую мы сейчас с вами заканчиваем, является, несомненно, определенным этапом в развитии нашей теоретической работы. Развернувшиеся здесь прения и те решения, которые мы здесь вынесли, несомненно дадут толчок к развитию научно-исследовательской работы и к выявлению ее направления с большей четкостью, с большей определенностью, чем мы это имели до сих пор. Так что *вопрос о конференциях нужно поставить более широко*. В будущем возможны конференции не только всесоюзного масштаба. Со време-

нем конечно будут также созываться конференции по отдельным республикам, вокруг марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений этих республик. Сейчас мы только начали; был только первый опыт—конференция историков-марксистов—удавшийся опыт—и вторая конференция, которую мы сейчас с вами заканчиваем. На будущий год мы намечаем конференцию работников-марксистов в области литературы и искусства, затем,—конференцию марксистов в области советского права и поднимается вопрос о с'езде, о конференции, если хотите, экономистов. Вот конференции, которые мы намечаем на предстоящий 1929/30 г.

Помимо этого, сейчас мы здесь в стенах Комм. академии—а это необходимо будет, по моему, организовать и не только в Комм. академии, но и в научно-исследовательских учреждениях союзных республик—мы организуем *цикл лекций повышенного типа*. Предположим, для примера, я приведу цикл лекций Деборина или лекции по физике какого-нибудь крупного физика, как например, Иоффе; или даже можно пригласить из-за границы какого-нибудь ученого. Это не лекции широкого популяризаторского характера, а именно лекции узко-научного характера. Это и не доклады, а именно цикл лекций, результат работы в определенной отрасли по определенным научным дисциплинам. Особенно организация подобного рода лекций, я повторю, необходимей является для научно-исследовательских учреждений союзных республик. Я был в Самаре, сейчас был в Ростове на краевом с'езде. Должен сказать, что там положение с теоретической работой крайне неблагоприятно и товарищи прямо «воюют» от того, что у них нет ни докладов, ни лекций выдержанных, которые бы их знакомили с современным состоянием марксистско-ленинской теории. Руководящие работники часто настолько перегружены, что им не до этого. Поэтому необходимо выезд на места с циклом лекций отдельных товарищей. Мы уже практиковали выезд с докладами: ездил т. Пашуканис, выезжал т. Кон, выезжал еще ряд товарищей в отдельные места с отдельными докладами. Но теперь уже это является недостаточным, теперь уже недостаточно поставить один-два доклада в том или другом месте. Сейчас, если мы хотим призвать к теоретической работе на местах, мы должны повидимому практиковать групповые выезды трех или пяти человек с тем, чтобы они организовали цикл, комплекс лекций. Необходимо провести предварительную запись на эти лекции, чтобы на них попадали не случайные люди, а чтобы аудитория была определено подобрана, чтобы это была квалифицированная аудитория, перед которой можно было бы лекции читать не в виде популярных докладов, а в виде серьезных научных лекций. На этот путь нам необходимо стать, в этом направлении нам необходимо действовать.

Теперь относительно *местной работы*. В союзных республиканских центрах кое-где имеются научно-исследовательские учреждения; теоретическая работа ведется в Харькове, Киеве, Ленинграде, Минске, но вы знаете, что в целом ряде краевых городов, даже в областных центрах не имеется никаких научно-исследовательских ячеек, в виде ли общества, в виде ли отделения общества, в виде ли кружка. Ничего этого там нет. Нам необходимо обратить на это внимание и организовать там, может быть, нечто вроде филиалов. Должен сказать, что вначале мелькала мысль о том, чтобы организовать там филиалы, предположим, Коммунистической академии. Вот, например, Ленинградский институт марксизма, повидимому, войдет, как филиал, в Коммунистическую академию. Но ведь этот Институт является достаточно подготовленным научным учреждением. А можем ли мы сделать филиалом Коммунистической академии какой-нибудь кружок или общество? Конечно, нет. Но как бы то ни было, мы должны приступить к организации теоретических научно-исследовательских учреждений в крупных, краевых и областных центрах. Постановка там теоретической работы является необходимым и серьезным делом. Я не знаю—в виде ли организации отдельных обществ, в виде ли научных теоретических кружков, но в этих краевых городах, в этих областных центрах нам необходимо образовать эти ячейки. Со временем, постепенно развиваясь,

они превратятся в научно-исследовательские учреждения, которые в конце концов станут нашими филиалами. Словом, мы должны проделать целый ряд шагов в направлении этой работы, к ней нам необходимо определенно приступить. Почему, например, Аграрному институту не иметь своих кружков аграрников на местах, не случайных, не стихийных, а им организованных? Почему нам не создать систематически организованные научно-исследовательские кружки, хотя бы там, где имеются сельскохозяйственные вузы? У историков есть всесоюзное общество, и они, кажется, имеют свои филиалы в нескольких центрах; аграрникам также повидимому придется подумать о том, чтобы создать в одном центре такую группу, как у историков-марксистов, которая бы работала, а не только участвовала на съездах.

Точно так же и в других областях нам необходимо пойти по этому пути. Иначе в центре кое-что будет делаться, мы будем расти, развиваться, а той базы, на которую мы должны будем опираться во всей стране, в виде научно-исследовательских ячеек, мы иметь не будем.

В связи с этим стоит вопрос о кадрах и средствах. В Коммунистической академии мы увеличили количество научных сотрудников довольно значительно. Сейчас мы имеем уже 160 человек. Рост, по сравнению с прошлым годом, — раза в полтора. Но ясно, что этот кадр является для нас недостаточным и не отвечающим тем требованиям, которые существуют. Нам необходимо будет эти кадры еще увеличить, либо в полтора, либо в два раза. Я понимаю, что это будет зависеть от нашего бюджета, что нам не дадут размахнуться в этом разрезе, но если мы будем производственной организацией для культурных сил, то мы сможем, путем внутреннего перераспределения средств, отпускаемых сейчас на культурное строительство, усилить Комм. академию за счет этих средств, с тем, чтобы мы действительно явились организацией, которая бы давала определенных работников в определенные центры для руководства научно-исследовательской и теоретической работой. Михаил Николаевич уже говорил о том, что у нас растаскивают работников. Это вполне естественно, хотя должен сказать, что действительно очень часто жаль бывает расставаться с тем или иным товарищем, особенно когда он проявляет способности к научно-исследовательской работе, но нам приходится заботиться не только о своем учреждении, а приходится заботиться о всей стране. Поэтому здесь неизбежно будет происходить естественное растаскивание, т. е. естественное винтывание наших работников в те области и те сферы, где происходит не только культурное строительство, но и экономическое и советское строительство. Так что, это вполне естественный процесс. Но сейчас мы можем уже себе позволить такую роскошь, чтобы у нас не забирали работника через несколько месяцев, а хотя бы дали ему поработать у нас год, два, три, т. е. столько, сколько нужно для того, чтобы действительно из него выработался научный работник. Опыт ряда наших научно-исследовательских учреждений несомненно доказал целесообразность именно такого пути. Ненормально, что у нас человек является гостем, которого от нас забирают после того, как он поработает несколько месяцев; когда же он проварится в этой атмосфере два года, из него выходит самостоятельный работник, которого можно пустить на ответственную работу. И в этом направлении, мне кажется, надо будет пойти. Но на это потребуются большие средства, чем те, которые нам отпускали.

В заключение своего доклада скажу, что то направление, которое мы даем в тезисах по составлению плана Комм. академии, мне представляется сейчас шагом вперед. Но мы должны с полной определенностью всем нашим центральным партийным и советским органам сказать, что для настоящего периода уже назрели те условия, когда мы должны идти не маленькими шажками вперед в области культурного строительства и особенно в области организации научно-исследовательской работы, а что в этой области должен быть сделан решительный сдвиг вперед и для этого должны быть даны необходимые силы и необходимые средства.

О РАБОТЕ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

Доклад тов. Савельева

Доклад тов. Савельева. За последний год, прошедший после предыдущей конференции, темп издания собрания сочинений Ленина значительно усилился. В общем за последние 15 месяцев выпущено 8 томов собрания сочинений Ленина, тогда как за предыдущее время в течение года выпускались 1—2 тома. Так что в настоящее время, из общего количества 27 томов, намеченных к выпуску Институтом Ленина, выпущено уже 14 томов, т. е. сделано уже больше половины. Остальные же 13 томов удастся подготовить в текущем году, может быть, с небольшими замедлениями. Таким образом будет выполнена та программа, которую ЦК партии поставил перед Институтом.

Эта цифра в достаточной степени показывает те производственные усилия, которые сейчас затрачивает Институт Ленина для выполнения своей основной и важнейшей задачи.

Если перейти к подведению некоторых итогов, то, конечно, важнейшим фактом является объединение Института с Истпартом, объединение этих двух отделов Центрального комитета в единое учреждение, благодаря чему получилась возможность значительно большего размаха и большей интенсивности в работе как в области изучения вопросов ленинизма, так и других вопросов истории партии. Однако объективные возможности в отношении истории партии реализовать в настоящее время не представляется возможным, считаясь с тем, что издание сочинений Ленина является основным и главным делом Института и, таким образом, почти все его силы обращены на подготовку этого собрания сочинений, над которым в настоящее время, если считать и подсобный персонал, в Институте Ленина занято 60 человек.

Необходимо также отметить еще два момента, которые в значительной степени определяют развертывание работ Института. Это, во-первых, целый ряд постановлений ЦК относительно ускорения выпуска собрания сочинений Ленина. Если раньше Институт Ленина не был связан какими-нибудь очень жесткими сроками в издании собрания сочинений, то сейчас реорганизация и реорганизация сил, переброска их на дело подготовки собрания сочинений были вызваны совершенно категорическими постановлениями ЦК, имевшими место осенью прошлого года, заставившими Институт совершенно реорганизовать свою работу и в значительной степени сконцентрировать и перебросить все его силы на издание полного собрания сочинений Ленина.

Кроме того, Центральным комитетом было дано боевое задание подготовить и выпустить в текущем году пятитомник сочинений Ленина.

Этот пятитомник, который должен быть сопровожден соответствующими примечаниями, вводными статьями и т. д., является сам по себе довольно крупным предприятием и требует в значительной мере приспособления нормальной работы Института к выполнению этого ударного задания. Достаточно отметить, что на подготовку пятитомника, согласно целому ряду постановлений ЦК, выделены особые кадры (около 20 товарищей), в числе которых 15 товарищей специально мобилизованы из Института красной профессуры.

Институт Ленина, если подойти к его работе по существу, все больше и больше развертывается, все более и более усиливает свою научно-исследовательскую часть. Научно-исследовательские задачи сейчас, несмотря на ударную работу, вернее сказать, именно в связи с этой ударной работой, становятся для Института особенно настоятельными, особенно актуальными. Нужно с самого начала оговориться, что научно-исследовательская работа, которую сейчас Институт проводит в связи с выпуском собрания сочинений Ленина, является во всяком случае гораздо значительнее, чем можно думать по первому взгляду. Каждый том, который подготавливается в недрах Института, требует в полном смысле слова подчас лабораторной работы в смысле выявления целого

ряда моментов, фактов того периода, к которому данный том относится. Для быстроты и четкости работы, в связи с каждым томом, или применительно к каждому тому, пришлось организовать даже небольшие аппараты, возглавляемые его составителями.

Смело можем сказать, что подготовка собрания сочинений Ленина, в разрезе всей истории нашей партии, является в то же самое время может быть первой и самой грубой попыткой подготовки научной истории партии. Это объясняется тем, что все, подчас очень скудные и скатные, комментарии и примечания по общенсторическим отделам требуют от составителя основательнейших знаний эпохи, досконального знания литературы, связанной с периодом работы Владимира Ильича, к которому относится тот или иной том.

Это не значит, конечно, что собрание сочинений В. И. Ленина может заменить в дальнейшем задачу написания научной истории партии, которая поставлена перед Институтом соответствующими постановлениями XIV и XV съездов. Но это значит, что мы имеем первое приближение к этим вопросам и сможем установить, выявить целый ряд фактов, осветить целый ряд темных мест. Мы имеем значительный пройденный опыт и, наконец, на этой работе сколачиваются те кадры, которые так необходимы для всякой научно-исследовательской работы в дальнейшем.

Программа предстоящих исследовательских работ не детализирована, но в общем и целом она представляется в следующем виде. В связи с выпуском полного собрания сочинений придется всячески форсировать выпуск отдельных ленинских сборников, охватывающих архивные материалы, письма, заметки и рукописи Владимира Ильича, которых у нас имеется значительное количество и которые дадут возможность подготовить не менее 15, а может быть и 20 сборников. Некоторые материалы, имеющие законченное самостоятельное значение, представляют особую ценность. Кроме тетрадок, о которых докладывал т. Адоратский, имеется еще целый ряд материалов, которые несомненно в ближайшем будущем будут двинуты в обработку. По империализму имеется 14 тетрадок, по национальному вопросу — около 5 печатных листов, по философии — 12 тетрадок, из которых 3 опубликованы, и по аграрному вопросу около 50 печатных листов. Имеются также материалы по статистике и социологии — около 5 печатных листов и т. д.

Кроме этой публикации документов перед Институтом стоит большая задача — подготовка научной биографии Владимира Ильича. Окончание собрания сочинений Ленина даст возможность несколько перестроить работу и бросить значительные кадры на эту, требующую громадной кропотливой работы, задачу коллективного написания научной биографии Ленина, связанной с эпохой, связанной с основными этапами развития революции, с историей партии и т. д.

Из основных работ, которые уже разворачиваются, можно указать на создание целой группы товарищей, работающей над вопросами оформления левой Циммервальда и Кнуталя и зарождения III Коммунистического Интернационала. Особой задачей, поставленной перед институтом соответствующими органами, является также составление особой монографии по истории партии, касающейся периода реакции, периода, наименее освещенного нашими партийными историками и дающего в значительной степени интересные моменты для выявления целого ряда тактических линий Ленина и для понимания развития нашей партии и подготовки Октябрьской революции.

Особой задачей также является комментирование протоколов съездов и конференций нашей партии. Эти протоколы съездов и конференций будут выпущены в 30 томах, которые построены по той же схеме, по которой строится и подготовка собрания сочинений Ленина.

Институт Ленина не мог бы выполнить и половины заданий в отношении подготовки собрания сочинений Ленина, если бы он не располагал соответствующей архивной базой. Необходимо особенно подчеркнуть, что в наших условиях приближение к научно-

исследовательскому учреждению архивной базы является обстоятельством, имеющим громадное значение в смысле правильной организации работы. И действительно вопрос архивной базы для изучения Владимира Ильича Ленина, собрание всех его заметок, писаний, неизданных рукописей, отдельных вариантов — все это получило довольно законченное выражение в Институте Ленина. Тот большой порыв партии, который обеспечивал концентрацию Ленинского наследия в Институте Ленина, является действительно огромным облегчением для подготовки собрания сочинений Владимира Ильича. Совершенно правильно оказался и другой принцип, что эти ценности, эти архивные документы не были разбазарены зря, не были использованы хаотическим образом. Опубликование их было введено в определенные, сравнительно строгие рамки. Конечно, тут есть одна опасность, с которой приходится считаться, вносить соответствующие коррективы. Мы можем, явиться слишком рьяными хранителями тех громадных идеологических ценностей, которые заключаются в неопубликованных материалах, и мы можем иногда слишком отстать от жизни. Эти коррективы Институт Ленина вносит таким путем, что применительно к определенным датам, к определенным моментам и вопросам старается для широкой прессы подготовить тот или другой материал, старается по возможности порядок опубликования документов связать с наиболее насущными, наиболее актуальными задачами партии и научно-исследовательской марксистско-ленинской работой.

Мы можем сказать, что значительная часть литературного наследия В. И. Ленина имеется в собранном, проверенном и разработанном состоянии. Но как обстоит дело с документами по истории партии вообще? Тут работа только еще начинается. В Институте имеется целый ряд важнейших архивов — Женевский архив, архив «Вперед» и «Пролетарий» и т. д., целый ряд важнейших партийно-исторических архивов, которые дают возможность подойти к серьезному их изучению, к систематизации, использованию и т. д. Но партия, в настоящей стадии ее развития, должна самым серьезным образом подумать о сохранности того громадного архивного материала боковой партийно-исторической, научной и политической ценности, который накапливается в ее органах, и через несколько десятков лет может быть станет объектом внимательнейшего изучения. Соответствующая Комиссия, которая фактически возглавлялась Истпартом и Институтом Ленина, проработала этот вопрос и сейчас имеется определенное постановление ЦК, признавшее необходимым немедленно приступить к сосредоточению всего партийного архива при Институте Ленина и создать специальную Комиссию для учета и концентрации местных партийных архивов. Научно-исследовательская работа по истории ВКП(б) в отношении научной разработки всего партийного архивного материала оставляется за Институтом Ленина.

Эта задача организации партийных архивов представляется в настоящее время задачей, которая даст нам возможность в дальнейшем получить такую же надежную и прочную базу для изучения истории партии, какая у нас имеется в отношении изучения деятельности Владимира Ильича. Эта задача стоит не только перед Институтом Ленина, как центральным учреждением, но со всей решительностью выдвигается перед местными органами. Как известно, у нас имеется довольно значительное количество местных органов. После районирования мы будем иметь около 30 единиц, которые, по примеру Института Ленина, основываясь на соответствующем постановлении ЦК, должны будут серьезнейшим образом подойти к вопросу организации партийно-исторических архивов на местах. Тут нужно будет установить соответствующий контакт с Централархивом, и должна быть развернута большая работа центром и местами в смысле выработки общего плана, который можно будет соответствующим образом реально подготовить к следующей конференции.

Журнала «Пролетарская революция», после объединения Института Ленина и Истпарта, становится для нас центральным органом. Задача усиления научно-исследовательского характера этого журнала была поставлена уже давно, но

с концентрацией как архива, так в значительной степени и работников, занимающихся вопросами истории партии, эта задача становится особенно актуальной. «Пролетарская революция» должна, изучая историю нашей партии, не отрываться от действительности и занять определенную боевую позицию в деле борьбы за ленинизм, в деле борьбы со всякого рода уклонами и извращениями ленинизма.

Институт Ленина — хранитель громадного политического наследства Владимира Ильича — должен иметь своей основной задачей, помимо пропаганды ленинизма, борьбу со всякого рода фальсификациями Ленина, со всякого рода халтурой и т. д. Задача заключается в том, чтобы дать революционное мирозерцание Ленина так, как оно есть. Выпуск «ленинские сборники», подготавливая форсированным темпом полное собрание сочинений и избранное собрание, мы тем самым даем партии мощное оружие не только для углубления теоретического познания, но, конечно, и для практических задач. С этой точки зрения собрание сочинений Ленина, как может быть никакое другое соответствующее издание, является руководством к действию. Подготавливая целый ряд документов, неизвестных до сих пор партии, работники Института очень часто наталкиваются на документы, имеющие огромное, активнейшее значение, необходимые форменным образом для текущего дня. Неправильно, конечно, думать, что только последние 5-6 документов Ленина являются его политическим наследством, политическим завещанием. Нужно совершенно определенно отметить, что весь Ленин даже в значительно ранних периодах является таким завещанием. В этом отношении достаточно указать на философские тетрадки, которые относятся к довольно раннему периоду и которые лежат уже около 15 лет: разве они не являются оружием для того, чтобы сейчас правильно поставить вопрос борьбы с механистами? Достаточно отметить, например, такие прямо классические документы, которые относятся к периоду борьбы с примиренчеством и которые ждут своего опубликования.

В проекте резолюции, написанном Лениным в 1910 году, Ленин указывает, что «укрепление нашей партии и ее единство в настоящее время можно создать путем консолидации (он говорит о консолидации всех партийных элементов — большинства и меньшинства. — М. С.), развиваясь на базе революционной социал-демократической тактики и организационной политики, направленной к сокрушительной борьбе с ликвидаторством справа и слева, особенно справа, в виду меньшей опасности, развиваемой левыми ликвидаторами». Здесь Ленин имеет в виду «впередовцев». Вот вам совершенно четкая политическая постановка вопроса о борьбе на два фронта, с особым подчеркиванием борьбы направо, которая была сформулирована В. И. в 1910 году, когда он боролся с примиренчеством, когда он совершенно ясно поставил вопрос о задачах партии.

Сейчас вопрос о революционном соревновании безусловно является злобой дня. Но ведь Владимир Ильич поставил этот вопрос о социалистическом соревновании в 1917 и в начале 18 года.

На днях в «Правде» будет опубликован черновой набросок тезисов Ленина о задачах советской власти, относящийся к 1918 году, в котором он совершенно определенно говорит о том, что организация соревнования должна занять видное место среди задач советской власти в экономической области и подчеркивает, что в настоящее время при тех основах политической власти, которые созданы Советской республикой, при тех экономических свойствах, которые характеризуют Россию с ее необъятным пространством и гигантскими разнообразными условиями, именно теперь у нас организация соревнования на социалистических началах должна представлять собой одну из наиболее важных и наиболее благородных задач организации общества.

Разве это не политическое наследство, разве это не есть директива? И в этом смысле отдельные завещания Владимира Ильича, написанные им десять лет тому назад, являются актуальнейшими и в настоящее время.

Задача Института Ленина — скорейшим образом сделать эти документы достоянием партийной общественности, а задача нашей партии, историческая наша задача — более тесно связать общественность с Институтом Ленина.

О РАБОТЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА

Доклад тов. Позерна

Год тому назад, на прошлой конференции, давая обзор деятельности Института, можно было констатировать, что Институт развил широко деятельность и в нем собралось большое количество работников, занимающихся научной работой. В то время его деятельность главным образом выражалась в объединении индивидуально производившейся исследовательской работы, причем Институт являлся скорее местом для обсуждения, обмена опытом и наметения перспектив в работе. Плановая работа в то время занимала сравнительно небольшое место, и это было самым уязвимым пунктом в работе Института.

Через год можно уже дать совершенно иные результаты, иную картину работы Института. За этот год Институт оформился в известной мере сжавшись, т. е. сжав свой состав постоянных работников, действительных членов и научных сотрудников 1-го и 2-го разряда. Одновременно с тем как были отброшены те работники, которые числились на бумаге, не принимая активного участия в работе, была получена возможность, совершенно реально распределяя работу между членами и научными сотрудниками Института, поставить уже ряд актуальных задач и планомерно подойти к разработке целого ряда вопросов, из которых многие являются чрезвычайно важными в настоящий момент и связаны с самыми актуальными проблемами современности.

Институт сейчас оформился в виде четырех секций: Экономической, Философской, Исторической и Социологической. По сути дела мы имеем не секции, а институты, потому что такой работой, которую развила Историческая секция или Экономическая секция, мог бы себя показать целый самостоятельный институт.

В состав Ленинградского института входят 22 действительных члена, утвержденных Гусом, из которых 10 являются членами ВКП(б); 40 научных сотрудников 1-го разряда, из которых 20 — члены ВКП(б), и 31 научный сотрудник 2-го разряда, из которых 24 — члены ВКП(б). Преобладание беспартийных среди действительных членов получило не совсем по вине Института. По постановлению РАНИОНа Институт объединился с Ленинградским институтом истории и ввел в состав своей Исторической секции таких деятелей, как Пресняков, Тарле, Греков, Валь, Романов, Богаевский и еще некоторых других. Таким образом сразу в Исторической секции получилось крупное ядро беспартийных. Однако включение этой группы очень крупных и старых работников несколько не отразилось на идеологическом содержании работы Исторической секции.

К настоящей плановой работе Институт приступил только с осени. Были поставлены группы по каждой секции с определенным руководителем, и этим группам были даны определенные задания. *Философская секция:* группа истории материализма под руководством т. Тьямского; группа методологии под руководством т. Гоникмана; группа по современной философии под руководством т. Ширвиндта. *Социологическая секция:* группа по теории революции и диктатуры пролетариата под руководством тов. Кирпотина. *Экономическая секция:* группа по мировому хозяйству и империализму под руководством тов. Кашарского; группа по изучению методологии советской экономики под руководством т. Бахановского. *Аграрная подсекция:* группа по методологии изучения социальной дифференциации; группа по методологии планирования сельского хозяйства; группа по коллективизации сельского хозяйства. *Историческая секция* имеет целый большой комплекс групп: группа по изучению Великой французской ре-

волюции под руководством т. Захера; группа по изучению рабочего движения и социализма в эпоху империализма под руководством т. Зайделя; группа по изучению аграрных отношений в России под руководством т. Томсинского; группа по изучению истории стачечного движения 1905—1916 года под руководством т. Балабанова; группа по изучению профдвижения под руководством т. Меламеда; группа по изучению революционного движения и социальных конфликтов в древнем мире под руководством т. Ковалева; группа по изучению истории войн, в частности гражданской войны. В этой группе собрались военные работники, аспиранты и научные работники Толмачевской академии. Они пока не приняты в состав членов Института, но работают под нашим наблюдением, ведут активную работу и ввидимому дадут скоро интересные результаты. По группе эпохи империализма намечено было 6 докладов. Вся программа по этой группе будет выполнена полностью до конца академического года. По группе французской революции намечено 6 докладов, 3 из которых уже прочтены. Между прочим доклад Тарле «История восстания в Жерминале и Прерале» подвергся очень большому обстрелу. Это было одно из любопытных заседаний Исторической секции, и Тарле со своим уклоном к экономическому материализму должен был пережить изрядное количество довольно неприятных моментов и должен был признать ряд своих ошибок. Между прочим, доклады всегда читаются по тезисам, и тезисы самым тщательным образом просматриваются в Бюро секции. В некоторых случаях особенно тезисы беспартийных докладчиков, подвергались предварительной большой критике, иногда возвращались для исправления, но таких случаев было сравнительно немного.

Группой по изучению социальных конфликтов древнего мира была выполнена значительная работа. Еще до прошлой конференции в Институт пришла группа сотрудников академика Марра — эфетистов, которые засвидетельствовали свое неперемное желание работать в контакте с Институтом. Некоторые из этих работников — профессоров — теперь приняли участие в работе в качестве «допущенных» в Институт. Разряд «допущенных» включает в себя тех лиц, которых не считают марксистами и которые еще только делают первые шаги к марксизму более или менее активно. Их допускают к участию в обсуждении докладов, ставят их доклады под строгим контролем и впоследствии оценивают возможность принятия их в состав работников Института. Между прочим по этой группе — социальные конфликты древнего мира — работают такие лица, как проф. Богаевский, Франк-Каменецкий, Крюгер, Струве, Кагаров. Они прочитали 8 или 9 докладов, выполнили программу группы, и теперь есть возможность выпустить сборник.

Среди работников этой группы Кагаров — активный работник Академии наук, и через него, Серебровского и еще некоторых работников Института не без успеха устанавливается связь с Академией наук. Другие работники этой группы — сотрудники Ленингр. университета и Академии материальной культуры (академик Марра). Из докладов по этой группе чрезвычайно ценный и, пожалуй, исключительно ценный в научном отношении доклад Крюгера. «Папирология как источник хозяйственной и социальной истории древнего мира». По своему заглавию этот доклад напугал работников Института, но оказалось, что содержание его гораздо более интересно, чем его заголовок.

Группа по крепостной России под руководством Томсинского тоже почти кончает свою работу и подготовила сборник.

Группа по истории профдвижения и по истории стачечного движения занялась разработкой архивных материалов и исправляет таблицы Варзара, дополняя их по многим источникам, и уже к осени даст расширенные, пополненные таблицы стачечного движения с 1905 по 1916 год. Это — чрезвычайно серьезная работа, и она несомненно привлечет внимание историков рабочего движения далеко за пределами Ленинграда.

В Экономической секции работа протекала тоже в достаточной степени продуктивно. Хотя поставленные ей задания смогли быть выполнены в меньшей мере, однако во всяком случае и здесь работа движется в достаточной мере энергично.

В Аграрной подсекции дело обстоит в отношении руководства не совсем благополучно. В настоящий момент уже получено согласие т. Уварова — ИКП'иста, который работает в Ленинградском Комм. университете, принять участие в работе этой секции на будущей год. Работа Аграрной подсекции чрезвычайно энергична. Она не ограничивается рассмотрением теоретических вопросов и, например, произвела обследование расслоения крестьянского хозяйства в нескольких волостях Ленинградской области. В общем и целом эта подсекция выполняет ряд работ, непосредственно связанных с теми задачами, которые ставятся нашими партийными и советскими организациями.

Группа по мировому хозяйству и империализму заслушала один из трех намеченных ею докладов, но до конца года она справится с поставленным ей заданием.

В философской секции мы имеем ряд докладов по плану. В общем и целом надо сказать, что работа Философской секции идет также достаточно активно.

В секции Социологической (истмата и ленинизма) прочитано 8 докладов, причем по группе теории революции и диктатуры пролетариата имеется ряд весьма ценных докладов.

Всего за этот период времени по всем секциям прочитано 67 докладов: 29 — по Исторической секции, 16 — по Экономической, 14 — по Философской и 8 — по истмату и ленинизму.

В результате научно-исследовательской работы подготавливается ряд сборников, между прочим сборник «Крепостная Россия», сборник «Революционное движение и социальные конфликты древнего мира» и сборник по современной философии. Затем подготавливается 2-й номер «Проблем марксизма».

Все же нужно сказать, что плановая научно-исследовательская работа заставляет желать лучшего, потому что из 67 докладов только половина являются плановыми.

Другой задачей Института является учебная работа. Для повышения квалификации преподавателей вузов организован семинар по «Науке логики», по политической экономии, по философии. В ближайшее время начинает работать семинар по истории ВКП(б). Этой работой охвачено свыше 150 аспирантов вузов и научных учреждений.

Затем за этот год Институт широко развернул работу с партийным активом. Из состава партактива 14 человек работает в семинаре по ленинизму и около 20 человек — по политэкономии. Кроме того, работники Института читают лекции по историческому материализму. В семинарах действительно работает группа весьма серьезных работников Ленинградской парторганизации. Наряду с этим репутация Института, как марксистского научного центра Ленинграда, непрерывно повышается и в кругу беспартийных работников. Можно сказать, что сейчас нет почти ни одного крупного учреждения не только гуманитарных, но и естественных наук, в котором беспартийные работники не интересовались бы в той или иной степени работами Института марксизма. К нему привлечены работники из Физико-технического института, из Института усовершенствования врачей, из Академии наук, Академии материальной культуры, Ленинградского университета и т. д. Институт, совершенно несомненно, становится сейчас притягательным центром активных научных работников, идущих к марксизму.

Основной кадр Института состоит из 90 человек, приблизительно из них в штате числится только 22. Но вокруг этого кадра мы имеем свыше 200 научных работников, захваченных в орбиту работ Института, и сверх того от 100 до 150 человек из партактива. Следует также упомянуть, что Институт выходит в своей работе за пределы Ленинграда. Делались доклады не только в Ленинградских районах, но работники Института выезжали с докладами и в область. Ряд докладов был прочитан в таких районах, как Псков, Воровичи и т. д.

Основной задачей Института является усилить группу основных работников Института и к будущему году достигнуть 100% выполнения плана. Задача Института вместе с тем заключается в усилении учебной работы. Необходимо иметь аспирантуру не только по экономике и социологии, а также и по философии и истории.

О РАБОТЕ УКРАИНСКОГО ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Доклад тов. Викула

Еще год тому назад конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений Союза одобрила работу Украинского института.

Украинский Институт марксизма-ленинизма начал осуществлять и в значительной степени осуществляет еще и в настоящее время свою работу в особо неблагоприятных условиях. С одной стороны, Украинский институт имеет против себя старые кадры украинских буржуазных ученых, которые уже успели создать себе на Украине репутацию признанных научных авторитетов. С другой же стороны, по линии марксистско-ленинской научной разработки не только общих проблем марксистско-ленинской теории, но и проблем, вытекающих из специальных нужд и особенностей классовой борьбы пролетариата Украины в эпоху пролетарской диктатуры, Украинский институт получил в наследство чрезвычайно мало. Кроме того, в первое время работы Института со стороны некоторых товарищей часто встречалось непонимание необходимости такой научной работы, которая учитывала бы специфические моменты классовой борьбы пролетариата Украины и развивалась в направлении строительства интернациональной украинской социалистической культуры. Вероятно некоторым товарищам известно течение, называемое лебедешниной, которое считало, что не дело пролетариата принимать участие в строительстве украинской культуры.

Обстановка, в которой приходится работать Украинскому институту марксизма, чрезвычайно сложна. На Украине одновременно приходится вести борьбу как против русского великодержавного, так и против украинского шовинизма. На идеологическом участке фронта вылазки наших классовых врагов требуют самого пристального внимания, поскольку за националистическими фразами, окрашенными порой в советские и даже марксистские цвета, не всегда можно сразу разглядеть скрывающуюся за ними действительную их классовую сущность. Достаточно указать на выступление т. Хвилевого, вероятно известное многим товарищам. Выступление это предпринято было под флагом литературной дискуссии, с попытками обставить его соответствующим «научным» аппаратом. В нем приводилось противопоставление Украины Москве, бросался клич культурного отрыва от пролетарской Москвы, лозунг «ориентации на Европу»... То же самое мы имеем в области изучения украинской экономики, в области изучения тех проблем, которые ставит украинская действительность. Здесь среди коммунистов был тоже уклон от партийной линии, от ленинской линии, уклон того же порядка: противопоставление Украины Москве. Не говоря уже о том, что на Украине существует целый ряд историков, экономистов и т. д., которые, являясь псевдомарксистами, протаскивают под видом «марксизма» националистическую идеологию в той или иной форме. Наконец, нельзя упускать из виду одного чрезвычайно важного обстоятельства, усложняющего работу на Украине. Всем известно, что значительная часть украинского народа, около 8.000.000, находится за пределами Советской Украины, в тех государствах, где, к сожалению, еще господствует капиталистический строй — в Польше, Румынии, Чехо-Словакии. Таким образом, если русским товарищам приходится считаться с той работой, которую ведет эмигрантщина, то тем более приходится считаться с ней на Украине... Вернее: не столько с работой украинской эмигрантщины, сколько с работой тех западно-украинских буржуазных группировок, с которыми сомкнулась украинская эмигрантщина. Ведь на Западной Украине украинская буржуазия имеет свои культурные учреждения, свои научные центры. И вот на базе этих восьми миллионов она очень энергично развивает свою деятельность. Конечно, эти восемь миллионов не являются ее опорой. Наоборот, коммунистическая партия Украины пользуется на этих землях огромным влиянием, и широкие массы трудящихся тянутся к Советскому Союзу, к Советской Украине. Но совершенно

понятно, что там есть определенные слои, на которых базируется работа западно-украинских буржуазных кругов, развиваясь под покровительством Пилсудского. И, конечно, вполне естественно, что результаты этой работы просачиваются также и на Советскую Украину. Таким образом наша задача состоит не только в борьбе с тем, так сказать, что рождается и существует на Украине, но и с тем, что в условиях благоприятствующих этой направленной против нас работе, создается на землях Западной Украины.

Вот вкратце та обстановка, в которой приходится работать. Объем работы очень велик, и поэтому незначительным марксистским научным силам приходится буквально разрываться. А между тем ответственность на них лежит очень большая, и здесь особенно требуется от них действительно прочная марксистско-ленинская научная закладка. Естественно, что Украинский институт марксизма в начале своей деятельности должен был главное внимание уделять не столько научно-исследовательской работе, сколько выработке и воспитанию новых кадров марксистско-ленинских научных работников. Таким образом в первое время учебная работа в значительной и даже в огромнейшей степени поглощала силы научных работников, и только в последние годы научно-исследовательская работа начала развертываться более интенсивно.

В настоящее время Украинский институт марксизма состоит из трех отделений (*экономического, философского и исторического*), включающих в себя 10 кафедр, кафедру национального вопроса, существующую на правах отделения, и межкафедровую статистическую комиссию. Институт имеет свой периодический научный орган — «Прапор марксизма». Научный кадр Украинского института марксизма-ленинизма состоит из 48 действительных членов, 17 членов-корреспондентов и 29 научных сотрудников, а также аспирантов двух старших курсов (всех аспирантов 170 человек). Этот научный кадр состоит в подавляющем большинстве из партийцев. Кроме того, к работе различного рода комиссий, существующих при различных кафедрах, привлечены широкие круги марксистов, работающих в той или иной научной области вне Института марксизма, ученые специалисты, а также практические работники государственных и общественных учреждений.

Из 10 упомянутых кафедр три — истории партии, права и литературоведения, — основаны на протяжении последних полутора лет, т. е. примерно за отчетный период. На протяжении того же времени созданы упомянутая уже статистическая комиссия, комиссия по изучению народного хозяйства и экономической мысли на Украине и комиссия по изучению истории продуктивных органов общественного человека. За это же время начато издание научных сборников и записок отделений и кафедр, организованных при Украинском институте марксизма-ленинизма, создано Общество историков-марксистов и общество «Воинствующий материалист-диалектик»; налаживаются систематические выезды профессуры и аспирантуры Института с научными и научно-популярными докладами в рабочие центры и организуется руководящее участие Института в работе украинских издательств по линии научной и научно-популярной литературы.

При кафедре теоретической и конкретной экономики работает ряд комиссий, из которых уже была упомянута комиссия по изучению народного хозяйства и экономической мысли на Украине, которая разработала уже на три года план своих работ. Кафедра приступила к разработке плана на 1929/30 г. Основная установка кафедры при этом — максимально усилить разработку проблем, связанных с практическими задачами хозяйственного социалистического строительства Союза и Украины в частности.

Целый ряд зачитанных на кафедре докладов был напечатан в соответствующих журналах, некоторые из них вышли отдельными книгами и брошюрами. Теперь кафедра разработала целый ряд тем, которые должны лечь в основу серии популярных брошюр по экономике Украины.

Кафедрой аграрного вопроса — являющейся молодой кафедрой — особое внимание уделялось учебной работе, хотя и на этой кафедре зачитано несколько научных докладов.

Не лишним будет отметить, что небольшое, правда, число ее учеников в настоящее время уже являются серьезными научными работниками и составляют основное ядро научно-исследовательского с.-х. института при Наркомземе Украины. Кроме того, кафедра принимала непосредственное участие в хозяйственном и культурном строительстве и в частности проработала по инициативе Госплана некоторые вопросы пятилетнего плана.

Кафедрой коллективизации и кооперации за отчетный период было организовано бюджетное обследование 140 колхозов, проведенное при финансовой помощи хозяйственных органов. Это обследование было проведено согласованно с Кооперативной секцией Коммунистической академии по единой программе. Собранный материал даст возможность научно осветить ряд актуальных проблем организационно-производственного содержания строительства колхозов.

Кроме этой большой работы, кафедра работала над рядом докладов, посвященных как истории кооперации вообще, так и истории кооперации на Украине.

По историческому отделению кафедра истории Украины ставила вполне естественно своей главной задачей борьбу с буржуазным псевдо-марксистским течением в украинской истории. Надо сказать, что в области борьбы с буржуазной украинской историей кафедра истории Украины проделала большую работу как в смысле разработки целого ряда тем, заложив основу действительно марксистского изучения украинского прошлого, так и в том смысле, что за свою недолгую работу ей удалось создать кадр молодых украинских историков-коммунистов. В плановом порядке ею сделано 9 докладов и 8—внеплановых.

На историческом же отделении в этом году основана кафедра истории партии и Октябрьской революции на Украине, и в ближайшее время предполагается дальнейшее пополнение числа ее членов, с тем, чтобы объединить вокруг нее всех коммунистов, занимающихся историей партии и историей Октябрьской революции на Украине. До настоящего времени работа кафедры была больше научно-учебной. В настоящее время членами этой кафедры по поручению Истпарта ЦК КП(б)У готовится научное издание стенографических отчетов съездов и конференций КП(б)У.

По кафедре всеобщей истории за отчетный период зачитано 17 докладов и напечатан ряд научных работ. В частности следует отметить работы, касающиеся славянской контрреволюции 1848 года, как имеющие специальный интерес, особенно для Западной Украины.

Философская кафедра за отчетный период развила также довольно интенсивную деятельность, которая в этом году была несколько слабее в том смысле, что количество докладов было несколько меньше. Нужно отметить, что с самого начала своего существования кафедра философии взяла курс на установление тесной связи и подчинение своему влиянию естественников-материалистов, борясь с идеалистическими, позитивистскими и вульгарно-механическими тенденциями в науке и укрепляя в широкой среде естественников на Украине влияние диалектического материализма. Большую работу по борьбе с механистами и всякими другими извращениями марксистской философии провело также общество «Воинствующий материалист-диалектик». Оно уделяло также большое внимание борьбе с буржуазной философией и в частности с западно-украинской и эмигрантской философией, вынустив в этом году весьма содержательный сборник «Воинствующий материалист».

Работа кафедры социологии протекала главным образом в комиссиях: комиссии по изучению исторического материализма, комиссии буржуазной истории, комиссии социологии искусства и комиссии истории продуктивных органов общественного человека.

Недавно организована кафедра права. Эта кафедра аспирантов не имеет и ведет исключительную научно-исследовательскую работу. В этом году 2 месяца тому назад основана межкафедровая статистическая комиссия... Здесь был заслушан один доклад и намечен план на конец этого года.

Большую работу провела кафедра национального вопроса. За отчетный период ею поставлен целый ряд докладов. Кафедра дала в печать № 1 своих «Научных записок» и сборник, посвященный национальной политике КП(б)У. Сдан в печать сборник работ Р. Люксембург по нац. вопросу под редакцией кафедры. Составлен учебник для вузов и совпартшкол по нац. вопросу. Отдельные работники кафедры также печатают в настоящее время свои работы, и в частности выходит первый том работ по нац. вопросу руководителя кафедры Н. А. Скрышника.

Журнал Института Марксизма «Прапор марксизма» в текущем году должен преобразоваться из трехмесячника в двухмесячник с ориентировкой на удовлетворение нужд широких слоев научных работников-марксистов и научного молодняка.

Такова та работа, которую проделал Украинский институт марксизма-ленинизма за отчетный период, и нужно сказать, что он вышел из стадии первых шагов и неуклонно развивается в направлении расширения и укрепления своей научной деятельности, становясь научным марксистско-ленинским центром не только для Советской Украины, но и для всех украинских земель. Огромный культурный подъем среди украинского пролетариата, все больший интерес его к проблемам культурного строительства, все более растущая роль его как гегемона украинского культурного процесса создают непоколебимую базу для работы Украинского института марксизма-ленинизма, но вместе с тем предъявляют к нему все более высокие требования.

Необходимо отметить то обстоятельство, что развившийся из кафедры Марксизма и марксведения Украинский ин-т вступает сейчас в такую стадию своей работы, когда дальнейшее ее расширение, поднятие ее на более высокую ступень, требует ее реорганизации и создания условий, при которых наши научные работники марксисты-коммунисты действительно могли бы заняться научной работой как своей основной работой. Другими словами, необходимо увеличить средства, отпускаемые на научную работу Украинскому институту марксизма-ленинизма, необходимо обеспечить его работникам возможность получать заграничную литературу, возможность командировок и т. п. Наряду с этим к работе Украинского института необходимо привлечь в большей степени, чем до сих пор, внимание других научно-исследовательских учреждений Союза как в смысле того, чтобы помочь ему сконцентрировать на Украине достаточные кадры марксистско-ленинских научно-исследовательских сил, так и в смысле серьезной товарищеской критики трудов Украинского ин-та марксизма, критики, исходящей из учета тех условий, в которых ему приходится работать, в смысле, наконец, привлечения большего внимания научных деятелей Союза, в частности РСФСР, к тем проблемам, которые выдвигает украинская действительность перед марксистско-ленинской мыслью, и в более широком, чем это было до сих пор, обмене докладчиками между Институтом марксизма и другими марксистско-ленинскими научно-исследовательскими учреждениями, в особенности Комм. академией.

В настоящее время необходимо отметить, что одним из основных условий развития марксистско-ленинской научной мысли в Союзе вообще является неременное осуществление постановления 1-ой Конференции о плановой увязке работ между Украинским институтом марксизма и Комм. академией, а также и другими марксистско-ленинскими научно-исследовательскими учреждениями Союза.

О РАБОТЕ КАФЕДРЫ МАРКСИЗМА И ЛЕНИНИЗМА ПРИ УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Доклад тов. Камышана

Украинский институт марксизма-ленинизма стал чрезвычайно большим фактором на почве борьбы с враждебными марксизму течениями на Украине, однако он является не единственным отрядом революционного марксизма на Украине. Другим

таким отрядом является Кафедра марксизма и ленинизма при Украинской Академии наук. Работники этой кафедры прекрасно чувствуют, насколько важна та работа, которую делает кафедра. Отсюда тот подъем и то напряжение, с каким они работают и подходят к разрешению стоящих перед ними задач.

Кафедра насчитывает всего 2 года своего существования. На первых порах, как это было и с Институтом марксизма, стало ясно, что тот коллектив работников старой генерации, который давно уже работал в области теории и истории марксизма, недостаточен. Таким образом встал вопрос о кадрах, и первый период существования кафедры был годами подготовки кадров молодых научных работников. За эти 2½ года в этом отношении достигнуты совершенно определенные результаты. На сегодня мы имеем на 3-м курсе около 35 аспирантов, которые уже, в сущности, приступили к научно-исследовательской работе.

Общий кадр, которым обладает Кафедра марксизма и ленинизма, равняется приблизительно 100 чел., что для Киева является чрезвычайно большой цифрой.

Кафедра ведет научно-исследовательскую работу по трем основным секциям: *секции экономики, секции исторической и секции философско-социологической*. При каждой секции работает целый ряд комиссий. Отметим важнейшие комиссии. При *секции экономики* работают: комиссия по изучению экономики Киевщины; комиссия по изучению экономической мысли на Украине; комиссия по изучению условий труда. При *философско-социологической секции* работают следующие комиссии: комиссия методики преподавания истмата; комиссия по изучению социологии права; комиссия по изучению религиозной идеологии; комиссия методологии естествознания и комиссия национального вопроса.

За истекший год на заседаниях комиссий и секций проведен целый ряд докладов, целый ряд дискуссий. Все секции и комиссии, работающие при секциях, показали уже себя в течение истекшего периода весьма работоспособными, показали свою научную продукцию. Работниками кафедры написан целый ряд статей и выпущен целый ряд научных книг. Сейчас готовится ряд сборников по отдельным проблемам экономики, истории, философии и искусства, некоторые из которых уже сданы в печать.

Проводя свою научно-исследовательскую работу, кафедра ставит себе задачей борьбу со всякого рода антимарксистскими и псевдо-марксистскими течениями, существующими на Украине, которые часто выливаются как в форму украинского шовинизма, так и в форму великодержавно-русского шовинизма. Работники кафедры прекрасно понимают ту грозную опасность, которую представляют эти враждебные течения в области экономики, в области истории, а также в области изучения других дисциплин. Тут кафедрой проделана большая работа, однако остается сделать еще очень многое. По этому поводу существует чрезвычайно четкая постановка вопроса: в течение ближайшего года Кафедра марксизма и ленинизма по всем своим секциям должна развернуть напряженную работу не только по линии повышения научной продукции, но также сосредоточить внимание на враждебных течениях и дать им совершенно реальный, совершенно осязаемый отпор. В своей работе работники кафедры преследуют именно эту цель, ставят перед собой именно эту задачу, так как от того, как будет выполнена эта задача, от того, как она будет разрешена, зависит, по существу говоря, оправдание существования кафедры. Проводя свою научно-исследовательскую работу, кафедра руководствуется принципом той национальной политики, которую проводит наша партия вообще, и в частности на Украине. Сугубое внимание обращается на те вопросы, которые выдвигаются прошлым Украины и условиями украинской действительности. Поэтому большое внимание уделяется именно украинской тематике.

Например, на ближайший год экономическая секция ставит себе задачу изучить целый ряд тем из истории экономической мысли на Украине, киевское направление политэкономии, организацию структуры капитала в промышленности Правобережья и т. д.

Это ни в коей мере нельзя понимать как отказ от изучения общих вопросов марксизма, вопросов истории марксизма, но параллельно с этими общими вопросами чрезвычайно большое внимание уделяется и будет уделяться украинской тематике.

Именно это внимание, уделяемое украинской тематике, именно это отношение к проблемам, выдвигаемым условиями украинской действительности, чрезвычайно раздражает наших врагов из враждебного нам идеологического лагеря. Как-то докладчик, после блестящего выступления т. Скрышника, имел случай беседовать с выдающимся украинским ученым, ученым противоположного лагеря. Этот ученый был возмущен тем, что мы, по его выражению, лезем и к украинским проблемам. И он предложил такое распределение тем: «Вы, марксисты, берете себе общие вопросы теории марксизма, а все вопросы, имеющие отношение к украинике, — берем мы».

Именно этот подход людей из враждебного лагеря лучше всего показывает, почему на проблемы украинской действительности необходимо обращать самое большое внимание, ибо если не брать тем из украинской тематики, то эти темы возьмут наши враги и разрабатывают их далеко не на пользу тому делу, какому служим мы.

Та научная продукция, какую давала кафедра, не удовлетворяет ее работников именно потому, что эта продукция еще недостаточно высока, и именно поэтому чрезвычайно слабо влияние кафедры на Украинскую академию, при каковой она существует.

На первой конференции научно-исследовательских учреждений с этой трибуны Д. В. Рязанов спрашивал: что это значит «при» Академии наук? Это чрезвычайно волнует работников кафедры. За отчетный год этого «при» стереть не удалось, оно остается попрежнему. Но по этой линии уже кое-что сделано. Прежде всего кафедра организационно увязалась с Украинской Академией в том смысле, что некоторые работники кафедры входят в состав Совета Академии. Еще более важным моментом является то, что в ВУАНе организуется так наз. социологическая комиссия, к работам которой привлечен целый ряд работников кафедры. Руководство этой комиссией обеспечено в том смысле, что они будут целиком руководить ее работой. Далее, при Украинской Академии наук существует Научно-экономическое общество. До сих пор между кафедрой и этим обществом никакой органической связи не было, но теперь между кафедрой и обществом налажена большая связь, не только организационного характера, но и связь по линии научно-исследовательской работы. Сотрудники кафедры и аспиранты работают в этом обществе и выступают там с научными докладами. Эти доклады будут безусловно все время расти в своем количестве. С другой стороны, внедряясь туда, ставя там целый ряд докладов, можно надеяться и на кафедре марксизма и ленинизма услышать целый ряд докладов со стороны академиков. Совсем недавно один из академиков выступал с докладом о золотой валюте. Предполагается поставить его на заседании кафедры с тем, чтобы подвергнуть тщательному анализу все те антимарксистские положения, которые были выдвинуты этим академиком в своем докладе. Без всякого комчанства надо признать, что чрезвычайно много делается по линии овладения той молодежью, которая собрана около ВУАНа, и по линии овладения вузовской молодежью Киева, чрезвычайно многочисленной, ибо Киев является большим культурным центром. На пленумах читаются доклады научно-популярного характера, которые собирают чрезвычайно большое количество товарищей; в дальнейшем эти пленумы будут проводиться по определенному плану с заранее намеченными темами выступлений. Через эти пленумы надо будет овладеть широкими слоями киевской молодежи и подчинить их влиянию научной пропаганды. Кроме того, намечен целый ряд научных заседаний, посвященных вопросам, наиболее волнующим в данный момент киевскую студенческую молодежь и интеллигенцию, как например вопрос о кооперации, о борьбе с неонародническим направлением в области экономики и особенно в области изучения сельского хозяйства, вопросы, касающиеся украинской литературы, и т. д.

По линии увязки с ВУАНом чрезвычайно большое внимание уделяется повышению научной продукции кафедры. В этом отношении помощь безусловно должен оказать Украинский институт марксизма. С Украинским институтом марксизма кафедра тесно связана не только потому, что Институт марксизма впитал в себя лучшее, что есть на Украине из марксистов-ленинцев, но и потому, что он обещает кафедре большую братскую поддержку. Кафедра стремится завязать тесные сношения не только с Институтом марксизма. Ею делаются попытки завязать тесные связи также с научно-исследовательскими учреждениями в Белоруссии. Но наибольшее внимание кафедра уделяет вопросу увязки с Коммунистической академией. В течение этого года в Киеве побывали с докладами некоторые товарищи из Москвы—т.т. Блюмин, Мендельсон и Папуканис,— и было бы очень хорошо, если бы эти эпизодические доклады влились в систему. Это тесно связало бы кафедру с работой Коммунистической академии. Было бы также очень хорошо, если бы московские товарищи и товарищи из других республик откликнулись на вопросы, выдвигаемые непосредственными условиями украинской действительности. Скажем, на Украине были такие экстренные моменты, как выступление Шмелева и выступление Волобуева, который стремился поставить стену между Украиной и Москвой и обосновать «экономическую обособленность Украины». На это выступление никто из московских товарищей не откликнулся, и создалось представление, что часто московские товарищи не следят за тем, что пишется и что делается украинскими работниками. Препятствием к этому служит незнание украинского языка, и в настоящее время ставится вопрос о печатании на русском языке резюме каждой статьи.

Во всяком случае, ненормально, когда целый ряд очень ответственных московских товарищей, руководящих большой научно-исследовательской работой, не имеют никакого представления о том, в какой области работает тот или другой товарищ на Украине по линии научной специализации, не имеют представления о том, что напечатано в украинских научно-марксистских журналах. Над этот момент нужно обратить внимание и добиться того, чтобы московские товарищи, в особенности товарищи, работающие в нашей братской академии, которую мы чрезвычайно высоко уважаем, следили и за тем, что делается на Украине.

В общем кафедра имеет целый ряд достижений, однако имеется целый ряд обстоятельств, которые мешают развертыванию ее научно-исследовательской работы.

Во-первых, бюджет кафедры ничтожен и не дает возможности в достаточной степени развернуть работу. С другой стороны, препятствует неимоверная перегруженность работников, которая, в особенности в Киеве, для актива кафедры совершенно невероятна. По совершенно проверенным сведениям этот актив нагружен по 50—60 час. в неделю. Понятно, что при такой нагрузке политической, педагогической, профессиональной и общественной работой, конечно, чрезвычайно трудно вести научно-исследовательскую работу. И поэтому кафедра поставила вопрос о том, чтобы возбудить ходатайство перед соответствующими органами об упорядочении нагрузки, которая лежит на кадрах работающих, в частности, при марксо-ленинской кафедре.

Несмотря на все эти трудности, кафедра все-таки растет, ее работники работают чрезвычайно много, поднимая научную продукцию и осуществляя те задачи, которые стоят перед нами в области борьбы на идеологическом фронте с враждебными марксизму течениями.

О РАБОТЕ БЕЛОРУССКИХ МАРКСИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Доклад тов. Се́нкевича

Белоруссия, до революции являвшаяся в отношении научно-исследовательской работы черным пятном на карте бывшей царской России, не имевшая ни одного высшего учебного заведения, после Октября и благодаря Октябрю, обогатилась 4-мя высшими

учебными заведениями и покрылась довольно значительной сетью научных и научно-исследовательских учреждений.

Белорусская Академия наук, созданная советскими руками, развила значительную работу в области гуманитарных наук, истории, географии, языковедения и в ряде других отраслей, относящихся к изучению природы и экономики Белоруссии. При Академии имеется краеведческий центр с широкой сетью филиалов. В 100 районах имеется 97 краеведческих кружков и обществ в средних и высших школах, объединяющих до 10 тыс. человек. Громадное значение в условиях Белоруссии имеет также работа исследовательского Института лесного и сельского хозяйства им. Ленина с целой сетью опытных станций, привлеченного к своей работе до 3-х тысяч крестьян-исследователей, ведущих культурное хозяйство. Громадная работа стоит и перед организацией исследовательским Институтом промышленности Белоруссии. Кроме того значительную научно-исследовательскую работу ведут также исследовательские учреждения, существующие при органах здравоохранения: Институт социальной гигиены, Институт борьбы с туберкулезом, Пастеровский институт и др.

Кроме научно-исследовательских учреждений на территории Белоруссии работает ряд научных обществ: Научное общество при Белорусском государственном университете с целым рядом секций, Научное общество при Белорусской с.-х. академии, Минское научное общество врачей и др. Научно-исследовательские организации развили значительную издательскую деятельность. Выходит ряд периодических научных изданий и сотни неперiodических изданий.

Это показывает, что Белоруссия имеет громадные достижения в области развития научной и научно-исследовательской работы, и наша задача состоит в том, чтобы направить эту работу на служение интересам социалистического строительства. В нашу задачу входит оплодотворение всей научно-исследовательской работы марксистской методологией, материалистической диалектикой. Отсюда громадное значение приобретает работа марксистско-ленинских научно-исследовательских организаций, наличие марксистских научных кадров.

Как и во всем Союзе, научная и научно-исследовательская работа в Белоруссии ведется, главным образом, руками, доставшимися нам в наследство от старого мира. Среди них мы имеем лояльно, искренне работающих специалистов, но есть и такие, которые в своей научной работе проводят враждебную нам антимарксистскую идеологию. Наряду с профессорами, стоящими в своих работах на материалистической позиции, мы имеем профессору, проводящую в своих лекциях и научных трудах грубый механизм, полное игнорирование диалектики в области философии и естествознания, националистические тенденции в области разработки аграрного вопроса, профессору, использующую при преподавании литературоведения формально-эмпирический метод.

Наиболее опасным фронтом в Белоруссии с ее развивающейся молодой национальной культурой является литературный фронт. Через каналы литературы, в особенности художественной литературы, всего легче просачиваются национально-демократические тенденции и взгляды. Отсюда—громадное значение в условиях Белоруссии приобретает постановка марксистской критики.

Наиболее слабыми местами на идеологическом фронте, кроме литературы, является этнография, языковедение и естественные науки. В этих областях мы почти не имеем наших марксистских сил.

Если посмотреть, какими силами мы располагаем, то нужно сказать, что в последнее время мы накопили уже значительные марксистские кадры. Со времени организации при Белорусском государственном университете в 1921 г. курсов по диалектическому материализму, эти кадры значительно выросли и пополнились.

В числе марксистских научно-исследовательских организаций мы имеем научное марксистское общество Белоруссии и кафедру марксизма в Академии наук Белорус-

сии. Эта кафедра находится в периоде организации. Имеется редакционная комиссия по изданию сочинений Ленина, ведущая значительную работу по разработке марксистской терминологии. Недавно при научном обществе врачей организован кружок «Ленинизм в медицине», имеющий тенденции развиваться в научное общество того же названия.

Наиболее обеспечены марксистскими силами исторический и философский фронты. Марксисты Белоруссии за сравнительно короткий период дали значительную научную марксистскую продукцию, которая печатается в органах научных обществ, в «Трудах Белорусского государственного университета», в органе ЦК—«Большевик Белоруссии», а также и в союзных органах—«Под знаменем марксизма», «Вестник Комм. академии» и др. Начиная с 1929 г., Научное общество марксистов начало выпускать свои марксистские сборники. Кроме этого целый ряд работ уже вышел отдельными изданиями. Однако не все работы товарищей марксистов являются ортодоксально-марксистскими, и в работах некоторых авторов, в частности, по линии истории, мы имеем отрывки народничества, имеются тенденции идеализировать мелкобуржуазные партии, работавшие на территории Белоруссии—Бунд, ШПС, Белорусскую социалистическую громаду.

На нашем идеологическом фронте проведена довольно большая борьба, в особенности по вопросам истории и экономики. На последнем съезде Секции научных работников, члены марксистского общества выступили против правой профессуры, в особенности против профессуры Витебского Ветеринарного института. Но надо отметить, что критика и рецензия на немарксистские научные работы поставлены еще очень слабо и носят случайный характер. Характерно отметить такой факт, что в одной из Харбинских газет один из профессоров Харбинского университета сумел дать рецензию на 25 выпусков «Трудов Белорусского университета», в то время как марксисты таких рецензий еще не дали.

Первая организация марксистских сил Белоруссии имела место в 1923 г. В то время было организовано Белорусское марксистское общество и поставлено несколько докладов. Это общество просуществовало несколько месяцев но, за отсутствием главным образом кадров, оно умерло естественной смертью.

Следующая попытка объединения марксистских сил относится к 1926 г. Вначале она шла по линии организации марксистов-историков. В мае 1927 г. организовалось Белорусское общество историков-марксистов, которое в июне того же года было реорганизовано в Научное общество марксистов БССР. Общество насчитывает свыше 50 человек и функционирует в составе четырех секций: *исторической, философской, экономической и литературной*. В последнее время приступлено к организации педолого-педагогической секции.

Работа Общества ведется по линии постановки докладов как на пленумах, так и в секциях. Наиболее активной является историческая секция, насчитывающая 14 членов. Работа исторической секции идет главным образом по линии разработки проблем истории Белоруссии, истории революционного движения Белоруссии. В настоящее время секция уделяет большое внимание постановке преподавания истории и изданию пособий для высшей школы. При секции организована комиссия по изучению истории гражданской войны в Белоруссии, с привлечением участников гражданской войны.

Кафедра марксизма при Белорусской Академии наук находится в периоде организации. Эта кафедра ставит своей задачей теоретическую разработку проблем диалектического материализма и ленинизма и методологическое содействие кафедрам Академии в направлении диалектико-материалистической проработки проблем, входящих в круг их ведения, а также борьбу со всяческими противомарксистскими течениями в науке, особенно проявляющимися в БССР, и наконец—подготовку молодых марксистских кадров научных работников, связанных коренным образом Белоруссией.

Кафедра ставит перед собою задачу выпустить в свет основные труды Маркса, Энгельса и Плеханова на белорусском языке. Вышел уже третий том Ленина.

Дело укрепления марксистских позиций на научном фронте ставит целый ряд задач. Одной из первоочередных задач является пополнение марксистскими силами извне, с помощью главным образом Москвы, а также создание новых марксистских кадров из местных сил. В то время как по линии хозяйственно-экономической мы все-таки имеем более или менее правильное распределение сил и средств Союза между различными районами СССР, этого нельзя сказать о распределении наличных марксистских сил и средств на нашем культурном фронте. На это надо обратить серьезнейшее внимание, иначе трудно будет справиться с теми хозяйственными и культурными задачами, которые ставит партия. Оканчивающие Институт красной профессуры и РАНИОН застревают здесь, в Москве, а в Белоруссии как в университете, так и в комвузах мы имеем совершенно свободные кафедры по новейшей истории России, по экономической политике, по истории партии. В Белоруссии не возвращают даже тех товарищей, которых из Белоруссии направляли для подготовки в Москву.

Не лучше обстоит дело с подготовкой и переподготовкой тех кадров, которые посылаются в Институт красной профессуры. Посланные товарищи не связаны с Белоруссией и они не занимаются разработкой проблем, связанных с изучением Белоруссии.

Второе, на что необходимо обратить внимание в связи с подготовкой кадров, это работа с аспирантурой на месте. Работа эта до настоящего времени поставлена из рук вон плохо и в ближайшем будущем необходимо будет добиться ее улучшения. Белоруссия не в состоянии дать законченного как марксистского, так и специального образования и поэтому необходимо создать условия, чтобы аспиранты после полутора-двух лет заканчивали свою квалификацию в Москве и Ленинграде. Остро также стоит вопрос с поднятием дальнейшей научной квалификации имеющихся научных марксистских кадров. Чрезмерная перегрузка, о которой говорил товарищ с Украины, по линии учебной, партийной и профессиональной, не только исключает возможность дальнейшей квалификации, но превращает наших товарищей буквально в инвалидов труда. Достаточно указать на тот факт, что из 7—8 преподавателей-марксистов в вузах за последние два-три месяца четверо буквально вышли из строя, свалились с ног. Вопрос о разгрузке марксистских работников является весьма актуальным в условиях Белоруссии.

Следующая задача, которая стоит перед марксистскими силами БССР, это задача изучения проблем краевого характера, истории Белоруссии, экономики, вопросов аграрной революции, социалистического переустройства деревни, вопросов культурного строительства. Подобно тому, как и у украинских товарищей, стоит задача по изучению по тем же линиям Западной Белоруссии. Между прочим, при Белорусской академии имеется Комиссия по изучению Западной Белоруссии. Для ученого, особенно аграрника, параллельное изучение аграрной проблемы в советских условиях и в Западной Белоруссии представляет благодарную задачу.

Одновременно необходимо обратить большое внимание на марксистскую критику научных сил, враждебных марксизму. Будет правильно сказать, что мы находимся в периоде организации марксистских сил Белоруссии. Нам нужно идти по пути дальнейшего собрания марксистских сил, по линии дальнейшей увязки нашей работы, и здесь стоит задача более тесной связи, в первую очередь, с Москвой, с Коммунистической академией, и потом с товарищами, работающими на Украине, в Ленинграде и других местах Союза. Связь эта в настоящее время совершенно отсутствует. Те благие пожелания, которые были вынесены на конференции прошлого года о том, что связь эта должна осуществляться путем выездов, недостаточны. Выездов из Москвы не было. Однако, кроме выездов желательно было бы иметь и связь по линии плановой работы. Товарищи из Белоруссии по соответствующим секциям могли бы приезжать на научные доклады и

лекции, которые ставятся в Москве. Также придется обратиться за помощью, главным образом, по линии подготовки новых марксистских кадров. По линии организационной будет поставлен вопрос о создании в Белоруссии Института Маркса и Ленина, который объединит силы, работающие в Научном марксистском обществе, Истпарте, Комиссии по изданию сочинений Ленина и др.

РЕЗОЛЮЦИИ

2-й ВСЕОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ.

РЕЗОЛЮЦИЯ О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

(По докладу т. А. М. Деборина)

Вторая Всесоюзная Конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений считает необходимым продолжать работу в области философии, исходя из следующих положений:

1. Марксистско-ленинская философия—диалектический материализм—является единственной научной теорией, дающей пролетариату целостное мировоззрение и оружие в борьбе за пролетарскую диктатуру и социалистическое переустройство общества. Являясь итогом всей совокупности достигнутых человечеством знаний, она подтверждается каждодневным опытом классовой борьбы и каждым шагом вперед научного исследования.

Значение материалистической диалектики в особенности возрастает в условиях современной эпохи—эпохи умирающего капитализма, пролетарских революций и строящегося социализма. Глубокие противоречия современного буржуазного общества, необычайная сложность всех социальных явлений, быстрая смена событий, борьба нарождающихся социальных форм с умирающими могут быть осмыслены только с точки зрения диалектического материализма.

2. Состояние современной буржуазной философии отражает разложение капиталистического общества. Современная буржуазная философия не только не оплодотворяет положительного знания, но всячески тормозит его развитие. Жалкое эпигонство, ползучий эмпиризм, формализм, открытая поповщина и мистицизм—таков философский облик современной буржуазии.

Теория II Интернационала является прямым выражением его практики. Открыто защищая буржуазный строй, выступая против революционного движения рабочего класса во всем мире, изменив полностью делу социализма, II Интернационал и в области теории открыто выступает противником марксизма. Отказываясь от диалектического материализма, теории II Интернационала во главе с Каутским извращают марксизм и клеветают на него. Как в области философии, так и в области общественных наук и естествознания их воззрения находятся целиком под влиянием буржуазного миропонимания.

3. В то же время в СССР диалектический материализм, неуклонно расширяя свое влияние на самые широкие массы, все более и более проникает во все области научного знания.

Основные задачи, стоящие перед марксистской философией нашего времени, были определены Лениным в его статье «О значении воинствующего материализма». По пути их разрешения за последние годы были достигнуты значительные успехи. Идет систематическая работа по изучению и разработке философского наследия Маркса, Энгельса и Ленина, материалистической переработке гегелевской диалектики, изучению истории материализма и диалектики. Ведется борьба с различными видами современного идеализма, поповщины и ревизионизма как у нас, так и на Западе (этический и религиозный социализм—де-Ман, Каутский, Кунов, махизм—Шпенглер, Гуссерль, Бергсон, витали-

сты—Берг, эмигрантская философия, фашистская философия и т. д.). Начата разработка проблем современного естествознания с точки зрения диалектического материализма. За эти годы сложился и вырос кадр работников-коммунистов в области философии и естествознания.

4. Однако, вместе с тем необходимо отметить, что достигнутых успехов далеко не достаточно по сравнению с грандиозностью стоящих в настоящее время перед марксизмом-ленинизмом задач. В частности, в области естествознания делаются лишь первые шаги применения марксистского метода. Необходимо усилить и углубить связь работы в области философии с рядом актуальных проблем в области общественных наук, необходимо значительно шире развернуть работы по внедрению методологии Маркса, Энгельса и Ленина в различные области социального знания. Наконец, необходимо принять все меры к расширению кадров подготовленных работников в области марксистской философии.

5. Прогрессирующая в условиях развивающегося социалистического строительства классовая борьба вызывает известное оживление как открыто враждебных марксизму-ленинизму идейных течений, так и различных ревизионистских отклонений от него. Самый доподлинный идеализм и ревизионизм, приспособляясь к условиям диктатуры пролетариата, подчас рядятся в марксистские одежды, выступают под флагом специального знания, либо извращают Маркса, Энгельса и Ленина, прикрываясь неправильно истолкованными цитатами из их сочинений.

Непонимание всей сложности переходного периода, противоречивого характера нашего развития, вырастающее отсюда дельчество, упрощенчество и непонимание громадных теоретических задач, выдвигаемых нашей эпохой, с одной стороны, сопротивление проникновению марксизма-ленинизма в новые области знания, с другой стороны,—пытают различные анти- и псевдомарксистские уклоны в философии: позитивизм, отрицание значения материалистической диалектики, искажение ее, уклоны от марксистского и ленинского понимания проблем исторического материализма и т. п.

6. Наиболее активным философским ревизионистским направлением за последние годы являлось течение механистов (Л. Аксельрод (Ортодокс), А. К. Тимирязев, А. Варьяш и др.). Ведя по существу борьбу против философии марксизма-ленинизма, не понимая основ материалистической диалектики и подменяя на деле революционно-материалистическую диалектику вульгарным эволюционизмом, а материализм—позитивизмом, объективно препятствуя проникновению методологии диалектического материализма в область естествознания и т. д., это течение представляет явный отход от марксистско-ленинских философских позиций.

Конференция считает необходимым продолжать систематическую критику и разоблачение ошибок механистического направления с точки зрения последовательного марксизма-ленинизма.

7. Важнейшими задачами, стоящими перед философией марксизма-ленинизма, являются дальнейшая разработка теории диалектики и углубленное проведение метода диалектического материализма как в области общественных наук (в области исторического материализма, экономики, истории, права, литературоведения и т. п.), так и в области естествознания.

Кризис, переживаемый современным теоретическим естествознанием, является продолжением того кризиса, анализ которого был дан еще Лениным. Новейшие успехи естествознания не умещаются в рамках старых механистических и формально-логических теорий. На этом паразитирует буржуазная философия, стремящаяся использовать кризис в естествознании для своих целей. Однако, действительного разрешения основных методологических затруднений естествоиспытатели могут достигнуть только применяя метод материалистической диалектики. «Современное естествознание лежит в родах. Оно рождает диалектический материализм» (Ленин).

Конференция отмечает, что разрешение задачи разработки теории материалистической диалектики и методологии современного естествознания—возможно лишь на основе самой тесной связи между работой марксистов в области философии и естествознания.

8. Пролетарская революция, расшатав старые представления и предрассудки в широких массах, выдвигает задачу выработки нового мировоззрения в широчайших слоях рабочего класса.

Решительный удар по религиозной идеологии может быть нанесен только распространением диалектически-материалистического мировоззрения среди масс. Положительное содержание антирелигиозной пропаганды может быть дано только тем, что она будет строиться на основе диалектического материализма.

Поэтому конференция считает необходимым расширение издания атеистической литературы, удовлетворяющей новому этапу антирелигиозной пропаганды.

9. Конференция считает необходимым расширение и углубление преподавания в вузах и комвузах диалектического материализма.

10. Конференция считает необходимым сосредоточить всю работу в области философии на почве неуклонной борьбы за учение Ленина, органически связывая разработку теоретических вопросов философии с задачами социалистического строительства и борьбой за коммунизм.

11. Конференция приветствует опубликование философского наследия Ленина, дающего новый толчок к разрешению основных проблем диалектического материализма, и считает разработку этого наследия насущнейшей задачей диалектиков-материалистов.

РЕЗОЛЮЦИЯ О ЗАДАЧАХ МАРКСИСТОВ В ОБЛАСТИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

(По докладу т. О. Ю. Шмидта)

1. Реконструкция народного хозяйства СССР выдвигает на одно из первых мест развитие крупнейшего фактора этого процесса—теоретического естествознания. С другой стороны, кризис современного теоретического естествознания (являющийся кризисом роста), которым стремятся воспользоваться все антимарксистские течения, от механистов до идеалистов включительно, ставит перед марксизмом неотложную задачу овладения этой областью.

2. Западная наука не представляет единого целого. Большой ошибкой было бы отделить ее от гегельской характеристикой ее как «буржуазной» или «идеалистической». Ленин отличал «стихийных материалистов», к которым в то время принадлежало большинство экспериментаторов, от идеалистов, махистов и пр. В настоящее время это деление еще осложняется, с одной стороны, под влиянием накопления нового фактического материала, с которым теория не справляется, а с другой—под влиянием политической обстановки после войны и революции. Классово-политические причины заставили большинство ученых проделать поворот вправо, в сторону явного идеализма. Религия проповедуется открыто—в научных журналах. Каждое затруднение в объяснении новых явлений дает пищу разлагающему скепсису, некоторыми учеными встречается с восторгом, так как позволяет «освободить дух от гнета законов природы».

3. С другой стороны растет стихийная, неосознанная тяга к диалектике. Противоречия в основных вопросах науки (например, проблема пространства и времени, строение материи, причинности), радуя идеалистически настроенных естественников, толкают другую часть ученых на настоячивые поиски исхода. Никогда не осознавалась так сильно потребность в синтезе. Так как примитивный механический материализм разрешить эти противоречия не в силах, то объективный ход развития науки привел к мо-

менту, когда только диалектика может вывести из глубокого кризиса. Сознательных диалектиков-материалистов на Западе нет, но элементы диалектики имеются у очень многих научных мыслителей, часто в идеалистической или эклектической оболочке. Наша задача—найти эти зерна диалектики, очистить и использовать их.

4. Ученые СССР частью бредут на поводу «новейших» западных видоизменений идеализма и агностицизма, частью хранят традиции старого упрощенного материализма (механистического), а в небольшой, но растущей части сознательно изучают диалектический материализм. Последние обычно одновременно и в политическом отношении идут с нами. Рост нашего влияния на беспартийных будет пропорционален как общим успехам строительства социализма, так и нашим успехам в разработке диалектического материализма в естествознании. Овладение диалектикой дается беспартийным естествовникам нелегко. На первых порах выплыли весьма легковесные и непродуманные «учения», пользующиеся марксистской терминологией и даже претендующие иногда на монополию звания марксистов (в своей науке), но не имеющие для этого достаточных оснований.

5. Борьба диалектиков и механистов, ввиду отсутствия в лагере диалектиков подготовленных естествовников, вначале получила форму дискуссии между философами, с одной стороны, и естествовниками,—с другой. Рост наших собственных кадров вскоре, однако, изменил ситуацию и борьба уже перекинулась в лагерь самих естествовников. Механистическая группа остановилась беспомощно перед возникшими затруднениями и, не будучи способной подвергнуть накопившийся материал диалектической обработке, тинула философию и естествознание назад, ослабляя тем наши позиции в борьбе с идеализмом, а иногда, сама того не сознавая, скатывалась к идеализму. Эта борьба, отнявшая много сил и времени, имела следующие результаты: а) углубила понимание диалектического материализма в среде естествовников-марксистов; б) возбудила у естествовников-немарксистов интерес к диалектическому материализму, у некоторых—и стремление его изучать; в) показала философам-марксистам крайнюю необходимость большей увязки их работы с работой естествовников. Однако, эту борьбу ни в коем случае не следует считать законченной, ибо и в настоящее время значительная часть естествовников, делая в своих конкретных исследованиях порой блестящие диалектические построения, вследствие отсутствия философского образования и боязни последовательных марксистских выводов, в общетеоретических заключениях тяготеет к механистическому миропониманию.

6. Наша борьба за диалектический материализм в естественных науках несравненно труднее, чем в общественных. Причины:

а) В то время как буржуазные учения в естествоведении давно уже обнаружили свое бесплодие, естествознание, опираясь на развитие экспериментальных методов, продолжает давать блестящие результаты, хотя и в обстановке нарастающего кризиса науки.

б) Марксизм в общественных науках имеет уже свою историю. Он продолжал после Маркса-Энгельса теоретически разрабатываться и практически проверяться в действительности, получив в связи с революцией огромный размах под руководством Ленина. В естествознании же после Энгельса марксизм почти не разрабатывался, и только у Ленина мы имеем сравнительно немного, правда, гениальных страниц.

в) Наличных сил у нас в естествознании неизмеримо меньше, чем в общественных науках. Их ничтожно мало по сравнению с разветвленностью естественных наук и силами буржуазной науки.

7. Огромность задачи и недостаток сил диктуют на ближайшие годы следующую программу работы:

- а) Собирать и воспитывать кадры подготовленных марксистов-естествовников.
- б) Сплачивать вокруг них широкие слои естествовников-материалистов.

в) Разрабатывать и применять материалистическую диалектику как в конкретной области отдельных наук, так и в естествознании в целом.

г) Пристально следить за идеалистическими течениями в буржуазном лагере.

д) Добиться идеологической гегемонии среди передовых естествовников в СССР, оказывая всяческую поддержку близким нам по своей идеологии.

е) Активно вмешиваться в борьбу течений на Западе.

8. Совершенно необходим тесный союз с марксистами, работающими в общественных науках и в области философии. Кустарные пошатки механистов построить «свою» философию на основе современного естествознания, оторванно от развития диалектической философии и обществоведения, привели к печальным результатам.

9. Марксистская методология естественных наук не может строиться на общих суждениях, оторванно от конкретных проблем науки и от участия в конкретной, экспериментальной работе. Экспериментальная работа естествовников-марксистов должна попрежнему вестись и вне учреждений Комакадемии, при поддержке последней. Но для сохранения руководства в наших руках необходимо, чтобы Комакадемия имела и свою опорную экспериментальную базу в виде научных институтов по основным отраслям. Опыт создания при Комакадемии Института по изучению высшей нервной деятельности оказался очень удачным. Настоятельно необходимо в ближайшую очередь включение в состав Комакадемии биологического научно-исследовательского Института им. К. А. Тимирязева. В УССР необходимо при УИМЛ создание руководящего естественно-научного исследовательского учреждения с экспериментальной базой.

10. Конференция одобряет деятельность Секции естественных и точных наук Комакадемии по сплочению кадров и организации периферии, которая выразилась в создании успешно развивающих свою работу обществ материалистов (физиков-математиков, биологов, врачей и психоневрологов), а также аналогичную работу, проводящуюся в УССР. Конференция считает необходимым организацию обществ естествовников-материалистов, по типу существующих при Комакадемии, в союзных республиках, с отделениями в главных культурных центрах, и объединение их во всесоюзные ассоциации. Центральным органом этих организаций должен быть журнал «Естествознание и марксизм», выход которого конференция приветствует. В редакцию журнала должны войти представители союзных республик.

11. Конференция считает одной из актуальных задач Комакадемии марксистское изучение истории естествознания. Работа, которая до сих пор ведется в этом направлении, явно недостаточна. Необходимо расширить существующий при Секции естественных и точных наук кабинет истории естествознания, обеспечить его материально и привлечь к его работе молодые кадры естествовников. Необходима организация аналогичных научно-исследовательских учреждений в союзных республиках.

12. Конференция считает недостаточной пропаганду марксистского естествознания среди широких масс, которая велась до сих пор, что дало возможность захвата части научно-популярной деятельности кругами, враждебными марксизму. Следует приступить к энергичному проведению этой пропаганды как путем руководства литературной и преподавательской работой, так и путем создания музеев по пропаганде материалистического естествознания при Комакадемии и аналогичных учреждениях в союзных республиках и крупнейших научных центрах.

13. Необходимо реальное усиление внимания к вопросу о расширении кадров марксистов-естествовников и о закреплении их на научной работе.

14. Рост наших кадров, пробуждающийся интерес к углубленной методологической проработке основных проблем естествознания делают актуальной необходимость созыва Всесоюзного съезда естествовников-материалистов. Комакадемия должна немедленно приступить к организации этого съезда, который следует созвать в течение 1929/30 акад. года. В оргбюро съезда должны войти представители союзных республик.

15. Собрав кадры и окрепнув во внутренней дискуссии, естествовники-марксисты должны, наконец, выступить и за границей. Перевод лучших наших работ, организация выступлений на съездах с платформой диалектического материализма, участие в научных журналах статьями методологического характера, установление связи с относительно близкими нам научными кругами—первые этапы на этом пути.

РЕЗОЛЮЦИЯ О ЗАДАЧАХ МАРКСИСТСКОЙ НАУКИ В ОБЛАСТИ АГРАРНОГО ВОПРОСА

(По докладу т. Л. Н. Крицмана)

1. Современный этап реконструкции народного хозяйства и социалистического строительства, достигнутый уровень и темп индустриализации выдвинули необходимость значительного подъема сельского хозяйства и решительного сдвига его на путь крупного общественного сельского хозяйства, через развитие кооперации, коллективизации и организации совхозов, а вместе с тем и усиления вытеснения сельскохозяйственного капитализма.

2. Процесс социалистической реконструкции народного хозяйства СССР тесно связан, с одной стороны, со все усиливающимся вовлечением бедняцко-средняцких масс деревни в дело социалистической перестройки деревни под руководством пролетариата, а с другой—с сопротивлением капиталистических элементов страны и обострением классовой борьбы в городе и деревне.

3. В развернутом социалистическом наступлении на капиталистические элементы города и деревни особо важное значение имеет марксистско-ленинская аграрная наука, освещающая основные проблемы, встающие в процессе социалистического переустройства советской деревни. Она разоблачает, с одной стороны, буржуазные и мелкобуржуазные аграрные теории, стремящиеся дискредитировать широко развертывающееся социалистическое строительство в стране пролетарской диктатуры, пытающиеся доказать невозможность пролетарской победы в борьбе за социализм, а с другой—выкрывает несостоятельность ревизионистских течений (троцкизм и правый уклон), плетущихся в хвосте буржуазных и мелкобуржуазных теорий.

4. Конференция научных марксистско-ленинских учреждений отмечает успешное наступление марксистской аграрной науки, приведшее к признанию рядом видных неонародников (Челинцев, Чайнов) правоты марксистской критики основных положений их теоретических воззрений.

5. Конференция отмечает распад ранее единого мелкобуржуазного идеологического фронта—неонародничества, в результате чего часть этого фронта тесно смыкается с буржуазией (кондратьевщина), а другая часть сдает свои позиции марксизму (Челинцев). Отмечая успехи в этой области, Конференция подчеркивает, что одной из основных задач, стоящих перед аграрниками-марксистами, является продолжение разоблачений буржуазных и мелкобуржуазных течений в аграрной мысли, решительное наступление на все те участки аграрной науки, где до сих пор находят себе убежище буржуазные и мелкобуржуазные воззрения.

6. Конференция считает необходимым вести самую решительную борьбу против буржуазных теоретиков (Кондратьев, Литошенко и др.), которые выступают в качестве апологетов капиталистического развития деревни, изображая кулаков в качестве «носителей прогресса» и сопротивляясь проводимому партией наступлению на капиталистические элементы деревни.

7. Отмечая, что правый уклон в партии, являющийся особенно опасным в настоящий момент и выдвигающий значительную часть своих основных оппортунистических положений особенно настойчиво в вопросах сельского хозяйства (теория «деградации»,

теория мирного вранства кулака в социализм, вопросы замедления темпа колхозного строительства и т. д.), Конференция подчеркивает актуальную необходимость теоретической борьбы и разоблачений как остатков контрреволюционного троцкизма с его недооценкой возможностей вовлечения бедняцко-средняцких масс крестьянства в социалистическое строительство под руководством пролетариата, так и оппортунистических шатаний правоуклонистов.

8. В марксистской аграрной науке правоуклонистские тенденции сказались в попытках замазать противоречия в развитии советской деревни, существующие там формы эксплуатации, в попытках отделить непроходимой стеной мелкобуржуазные массы от капитализма, забывая, что «мелкое крестьянское хозяйство есть глубокая основа капитализма» (Ленин), и в попытках представить теоретическое выявление этих моментов в качестве полутроцкистских улонов. Конференция научных марксистско-ленинских учреждений отмечает, что все эти попытки замазать основные противоречия в развитии советской деревни представляют уступку кулацким усилиям скрыть классовую борьбу, выявляющуюся как в процессе расслоения, так и в борьбе за широко развивающееся колхозное и совхозное строительство.

9. Отмечая достижения Аграрного института (ранее Аграрной секции), Коммунистической академии и журнала «На аграрном фронте», твердо стоящих на основных марксистско-ленинских позициях как в борьбе с кондратьевщиной, неонародничеством, так и в борьбе с троцкизмом и правым уклоном, Конференция констатирует, что работы Института легли в основу как широко развернувшейся марксистско-ленинской научно-исследовательской работы в этой области, так и ряда практических мероприятий советской власти (закон о землеустройстве и землепользовании и др.).

10. Конференция поручает Коммунистической академии упрочить работу Аграрного института, широко развернув ее в направлении изучения строительства социализма в советской деревне и условий этого строительства, а также и в направлении усиления наступления на буржуазную и мелкобуржуазную идеологию и оппортунистические шатания в аграрном вопросе. Твердо следуя основным марксистско-ленинским положениям, Аграрный институт должен и впредь еще в большей степени концентрировать вокруг себя теоретическую исследовательскую работу аграрников-марксистов Союза, способствующих своей исследовательской работой практическому строительству социализма в Советском Союзе.

11. Конференция отмечает, что на базе достигнутых успехов марксистско-ленинской аграрной науки стала остро необходимой консолидация и организационное сличение марксистских аграрных сил СССР. Значительным шагом в выполнении этой задачи является созыв Первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов. Конференция призывает все марксистско-ленинские учреждения отнестись с особым вниманием к задаче подготовки созыва Конференции аграрников-марксистов, с целью обеспечения ее подлинного марксистского состава и продуктивной научной работы.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДАМ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Заслушав отчеты Коммунистической академии, Института Ленина, Ленинградского Института марксизма, украинского Института марксизма и ленинизма (Харьков), Кафедры марксизма и ленинизма при ВУАН (Киев), Кафедры марксизма и ленинизма Белорусской Академии наук и Белорусского общества марксистов, конференция констатирует, что за истекший период работа марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений продолжала развиваться как в смысле ее расширения и углубления, так и в смысле большей ее плановости. Одним из успехов марксистско-ленинской науки за истекший период Конференция считает расширение круга деятельности наших ученых

марксистов за пределы СССР путем участия на заграничных конгрессах (участие русских и украинских историков-марксистов в «Берлинской неделе» и на Всемирном историческом конгрессе в Осло). Конференция подчеркивает переход на более высокую организационную ступень, выразившийся в создании ряда специальных научно-исследовательских институтов.

Конференция в особенности отмечает рост Коммунистической Академии при ЦИК СССР (организация Аграрного института, Института философии и Института истории), а также укрепление ее связей, как всесоюзного центра, с работой марксо-ленинских научно-исследовательских учреждений союзных республик.

Конференция отмечает достигнутые Институтом Ленина успехи, выразившиеся в ускорении издания собрания сочинений Ленина, а также в собирании и опубликовании всего литературного наследия Владимира Ильича.

Конференция отмечает целесообразность и своевременность издания пятитомника избранных произведений Ленина на языках народов СССР, который должен стать основным пособием по изучению ленинизма для широкого партийного, рабочего и крестьянского актива.

Конференция считает правильным и целесообразным происшедшее слияние Института с Истпартаком ЦК ВКП(б) и одобряет намечившийся курс на превращение крупнейших местных Истпартов в научно-исследовательские организации в области изучения истории партии.

Конференция констатирует, что Украинский Институт марксизма и ленинизма за истекший период сделал большой шаг вперед в деле марксистско-ленинской разработки как общетеоретических вопросов, так и специальных вопросов, вытекающих из конкретных условий Украины. Образуя рядом новых учреждений (кафедр, комиссий и обществ), УИМЛ становится центром научной марксистско-ленинской мысли не только для советской Украины, но и для всех украинских земель.

Эти достижения УИМЛа означают завоевание твердых позиций в идеологической борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными группировками, стремящимися воздействовать на культурный процесс Украины в духе национального шовинизма.

На ряду с УИМЛом, как центром марксистской научной мысли на Украине, не менее важным фактором на передовом фронте идеологической борьбы, которую пролетариату приходится вести на Украине, является Киевская Кафедра марксизма и ленинизма, имеющая за истекший промежуток времени ряд достижений как по линии научно-исследовательской, так и пропагандистской. Конференция с особым удовлетворением отмечает первые шаги кафедры, направленные к обеспечению марксистского влияния в работе Всеукраинской Академии наук.

Конференция констатирует, что в БССР за истекший период проведена большая работа по консолидации марксистских сил и поднятию их квалификации. В настоящий момент на очередь дня выдвигается постепенное преобразование существующих марксистских научно-исследовательских учреждений в Институт марксизма-ленинизма, главной задачей которого является, наряду с научно-исследовательской работой, также подготовка молодых марксистских кадров.

Конференция констатирует успехи Ленинградского института марксизма в деле превращения его в центр, объединяющий марксистско-ленинских научных работников Ленинграда. Это объединение тем более важно, что в Ленинграде сосредоточены особенно значительные силы буржуазных ученых.

Отмечая начатую ЛИМом работу по подготовке новой научной смены и учитывая огромную потребность Ленинграда в научных коммунистических кадрах, Конференция считает желательным дальнейшее развертывание аспирантуры при ЛИМе и подчеркивает особо благоприятные условия для воспитания новых научных коммунистических кадров в Ленинграде с его мощным пролетарским партийным активом.

Конференция одобряет развертывание ЛИМом систематической работы среди аспирантов и молодых научных работников Ленинграда по поднятию марксистской квалификации, а также с удовлетворением отмечает организацию ЛИМом философских семинариев для научных работников в области естествознания и работу по поднятию теоретической квалификации партийного актива.

Исходя из успешности работы ЛИМа и своеобразия его состава и работы, Конференция считает целесообразным вхождение ЛИМа в состав Коммунистической академии.

Наряду с отмеченными достижениями Конференция считает необходимым указать на имеющиеся недостатки в исследовательской работе марксистско-ленинских учреждений. Важнейшим из этих недостатков Конференция считает значительное количество внеплановых работ и в некоторой части не вполне достаточную увязку исследовательских планов с актуальными вопросами современности.

Одной из причин указанных недостатков является недостаточная плановая связь между исследовательскими марксистско-ленинскими учреждениями и чрезвычайные трудности для местных учреждений в использовании накопленных учреждениями Москвы материалов и научного опыта.

На основании всего вышеприведенного Конференция

1) Поручает Коммунистической академии возбудить перед соответствующими учреждениями вопрос о создании единого планирующего центра научно-исследовательской работы во всеоюзном масштабе, не предпринимая форм осуществления этой плановой увязки.

2) Признает, что Коммунистическая академия должна более энергично выполнять роль всесоюзного планирующего и руководящего центра в марксистско-ленинской научно-исследовательской работе, созвав предварительно специальное организационное совещание, с участием представителей главнейших учреждений, для разработки наиболее целесообразных форм такой плановой увязки.

3) Признает необходимым координирование работы ведомственных (наркоматских) научно-исследовательских институтов с работой Коммунистической академии и ведомственных учреждений союзных республик с соответствующими марксистско-ленинскими научно-исследовательскими институтами, с тем, чтобы было обеспечено идеологическое руководство со стороны последних.

4) Признает желательным, чтобы научные работники-коммунисты, командируемые на научную работу, закреплялись на ней на длительный срок (не менее двух лет).

5) Считает необходимым для борьбы против угрожающей деградации коммунистов научных работников предоставление им не реже раза в два года 4—6-месячного отпуска специально для научной работы.

6) Поручает Коммунистической академии возбудить перед соответствующими органами вопрос о материальном положении марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений (научные штаты, научное оборудование, библиотеки и т. д.).

7) Конференция особо подчеркивает необходимость укрепления кадров научных работников Коммунистической академии и других марксистско-ленинских исследовательских учреждений, путем командирования необходимого числа оканчивающих ИКП и РАНИОН и возвращения на научную работу товарищей, взятых на административную работу.

А. ДЕБОРИН. ДИАЛЕКТИКА И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

«Диалектика и естествознание» А. Деборина — книга актуальная в самом глубоком смысле этого слова. Естествознание, вступив в полосу бурного развития, переживает кризис своих методологических основ. Своими собственными силами естествознание неспособно выбраться из этого кризиса, на помощь ему должна прийти марксистская философия. Глубочайшая актуальность книги А. Деборина заключается в том, что она не ограничивается характеристикой современного естествознания, но дает методологические указания, дает *руководящие* принципы. Реальное значение книги особенно велико благодаря тому, что автор оперирует большим естественно-научным материалом, выдвигает основные естественно-научные проблемы, заставляет самих естествовников, притом самых крупных из них, говорить о великой нужде естествознания в научной методологии, короче — значение этой книги в том, что автор говорит в ней не только от имени философии, но и от имени самого естествознания. «Диалектика и естествознание» несомненно многое сделает для того, чтобы пути марксистской философии и естествознания сошлись с обоюдной пользой. В этом отношении «Диалектика и естествознание» продолжает начатое «Диалектикой природы» Энгельса и «Материализмом и эмпириокритицизмом» Ленина дело завоевания естественных наук марксистской методологией. Если в эпоху «Материализма и эмпириокритицизма» важнейшей задачей марксизма была борьба за материализм, то в нашу эпоху наряду с первой встает и вторая задача: внедрение в естествознание диалектического метода.

Благодаря стихийному тяготению современного естествознания к диалектике в новейшей буржуазной философии диалектика опять становится в порядок дня: ее либо приемлют, но в идеалистической интерпретации, либо отвергают с точки зрения «исправленного» и «дополненного» механического материализма. Если положительные мысли Ленина о применении марксизма к естественным наукам были высказаны им в связи с борьбой, которую он вел против группы русских махистов и идеалистов во главе с А. А. Богдановым, прикрывающих свой отход от марксизма марксистской фразеологией, то в наше время положительная марксистская разработка коренных естественно-научных проблем связана с критикой появившегося в нашей среде нового типа ревизионизма, отрицающего марксистскую диалектику и вообще право марксизма на руководящую роль в естествознании. Речь идет о механистическом направлении, которое, прикрываясь марксизмом, не только отходит от марксизма, но играет реакционную роль по отношению к естественным наукам, уже достаточно созревшим для того, чтобы вступить на путь диалектического материализма. То обстоятельство, что книга А. Деборина большей частью посвящена полемике с механистами, вульгаризирующими важнейшие вопросы, отнюдь не помешало автору рассматривать эти вопросы на большой теоретической высоте и дать положительное разрешение многих проблем.

Разработка и пропаганда диалектики имеет для нашей страны и особенно для настоящего периода исключительное значение. Перед страной стоят грандиозные

практические задачи, происходит коренная ломка в экономике и в культуре, ломка, которая может быть характеризована как революция. Вся практическая работа партии подчинена конечным целям социалистической реконструкции. В этих условиях неизбежна борьба с узким практицизмом.

Разрешение глубоко-диалектических задач, поставленных перед нами практикой, невозможно без диалектики, поэтому всякая борьба против диалектики в теории является отражением борьбы против диалектической революционной практики.

Актуальность борьбы против механистического направления нашла достаточное ясное подтверждение в резолюциях 2-й всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений.

«Диалектика и естествознание» А. Деборина, в которой шаг за шагом вскрываются крупнейшие теоретические ошибки механистов, имеет, как это ясно видно из резолюции, не только теоретическое, но и актуально-политическое значение. Этим определяется характер книги.

Для нас гораздо важнее ее положительное содержание, которое несомненно является крупным вкладом в марксистскую литературу. В связи с этим мы попытаемся осветить узловые проблемы, поставленные автором, только попутно отмечая точку зрения «механистов» на те или иные вопросы.

Выдвинутый механистами тезис «Наука — сама себе философия», выражающий в несколько иной форме лозунг Минина «Философию — за бортом», дал повод т. Деборину обосновать в положительной форме важнейшие общие задачи марксистской философии. Сущность логики с марксистской точки зрения, отношение между философией и конкретными науками, отношение между теорией и практикой, — вот первый круг вопросов, затронутых в «Диалектике и естествознании».

«Неправильное представление о диалектической логике, — говорит т. Деборин, — существует не только у буржуазных философов, но и у марксистов, выступающих в качестве отрицателей и ниспровергателей философии. Эти марксисты находятся всецело в плену у буржуазных философов. Под логикой они все понимают чисто формальную науку, имеющую дело с законами мышления в чисто субъективном и узком ее понимании» (18).

Мы от себя прибавим, что у многих марксистов, хотя и не относящихся к числу «отрицателей» и «ниспровергателей», тоже существует не всегда правильное представление о сущности логики с марксистской точки зрения. Тот взгляд, что логика занимается *только* законами мышления и что логику совершенно не интересуют законы объективного мира, которыми, мол, занимаются конкретные науки, — совсем не редкое явление. То обстоятельство, что Гегель в своей «Науке логики» рассматривает не только субъективную, но и объективную логику, относят, очевидно, за счет гегелевского объективного идеализма. Большой заслугой т. Деборина является выяснение и разработка взглядов Энгельса и Ленина на сущность логики. «Под учением о мышлении Энгельс понимает науку о *теоретическом мышлении* в широком смысле слова, *теорию научного мышления* вообще... В этом же смысле и Ленин пишет, что логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей» (19).

Положение Энгельса, что «от всей прежней философии остается... в качестве самостоятельной науки только учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика», — тов. Деборин совершенно правильно понимает не как отказ от философии вообще, а как переход к *новой форме философии*, сущность которой заключается не в простом изучении внешних форм мышления, а в исследовании категорий действительности. Диалектическая логика изучает объективные *процессы* и их субъективное выражение, причем второе рассматривает как отражение первого. «Диалектика в более широком смысле, — говорит т. Деборин, — есть наука, имеющая своим пред-

метом наиболее общие *законы движения и развития*, одинаково присущие как природе и мышлению, так и человеческой истории. Если материализм XVIII столетия установил согласие между мышлением и бытием с точки зрения *содержания* их, то диалектическая философия исследовала предпосылку о согласии между бытием и мышлением с точки зрения *формы*. Поэтому мы можем еще иначе определить диалектику, — как науку о формах или *законах связи* в области физической природы, человеческой истории и мышления» (2).

В научном познании эти формы, законы внешнего мира выражаются в *понятиях*. «Наука же о понятиях есть наука о мышлении». Из данной характеристики понятий следует, что наука о мышлении не может заниматься понятиями как таковыми, вне отношения этих понятий к законам внешнего мира. Объективные формы бытия являются *содержанием* понятий, форм мышления. Однако не только логика оперирует понятиями, *всякая наука* должна оперировать ими. «Результаты, в которых обобщаются данные опыта, как говорит Энгельс, суть понятия». Ограниченность естествознания заключается в том, что оно не всегда оперирует понятиями, что оно «ускользает» от диалектического обобщения. «Во всяком случае, — говорит т. Деборин словами Энгельса, — естествознание находится теперь на такой степени развития, что оно не может уже ускользнуть от диалектического обобщения. Естествоиспытатели облегчат себе этот процесс, если не забудут, что результаты, в которых обобщаются данные опыта, суть понятия; искусство же оперировать понятиями не врожденно и не заключается в обыденном здравом смысле, но требует действительного мышления».

«Действительное мышление», т. е. философия, имеет больше чем двухтысячелетнюю историю, результаты которой должно усвоить и использовать естествознание.

В свете указанных рассуждений Энгельса т. Деборин показывает убожество мыслей механистов с их лозунгом: «Наука — сама себе философия». Лучше всего выразил этот лозунг симпатизирующий механистам проф. Боричевский, заявивший, что в марксизме имеется два течения, резко отличающихся друг от друга: философское или вненаучное и внутринаучное. Противопоставив Ленина, как «философа науки», Плеханову, как собственно философу, Боричевский обнаружил свое глубочайшее непонимание как Ленина, так и Плеханова, так и марксистской философии вообще. Боричевский не понимает специфичности связи между наукой и философией, которая, разумеется, тоже есть особая наука, и их значения друг для друга. Дальнейшее «углубление» лозунга «Наука — сама себе философия» мы находим у А. К. Тимирязева в следующем его заявлении: «Для извлечения этой диалектики из природы необходимо в каждом конкретном случае самое тщательное исследование, которое надо довести до того, чтобы диалектика сама выступала в качестве результата всего исследования» (350). Тов. Деборин вскрывает смысл этого отношения к диалектике.

«Если диалектика есть *метод исследования*, особый *подход* к явлениям, — замечает т. Деборин, — то, очевидно, что она должна *направлять* наше исследование и *способствовать* добыванию правильных результатов».

Право диалектики на руководящую роль по отношению к отдельным конкретным наукам обусловлено тем, что она есть «итог наук» вообще, всех наук о всех областях природы, общества и мышления. Рассматривая диалектику как «выводы» только естествознания (см. о Степанове, с. 348), механисты обнаруживают незнание исторических корней диалектики и особенно марксистской диалектики, опирающейся также на общественные науки и историю общественной жизни.

В «Диалектике природы», — говорит т. Деборин, — Энгельс хотел подробно разработать то, что в «Анти-Дюринге» дано в виде общих положений. На основании учета характера заметок и «Диалектики природы» т. Деборин рисует картину той работы, которой намеревался заняться Энгельс. В первой части работы Энгельс должен был дать *общую теорию диалектики как науки*, во второй части — собственно

«Диалектику природы» и в третьей — материалистическую диалектику в применении к обществу.

Большой заслугой т. Деборина является его указание на то, что Энгельс соби­рался построить «диалектически-теоретическое естествознание, т. е. что можно было бы еще иначе назвать философией естествознания» (32). В различных местах своей книги т. Деборин останавливается на этой идее Энгельса и детально ее обосновывает.

«Натурфилософия» Гегеля, — говорит т. Деборин, — оказала на Энгельса большое влияние «своим синтезом и рациональной группировкой естествознания». Энгельс в своей «Диалектике природы» следует Гегелю во многом как в отношении классификации естествознания и теоретического освещения отдельных отраслей его, так и общего синтеза на основе диалектического метода» (41).

Подвергая исчерпывающей критике идеалистическое и метафизическое существо гегелевской «философии природы», необходимо использовать все положительное, заключающееся в ней, и прежде всего тот образец применения диалектики к естествознанию, который она нам дает. Энгельс не считал нужным строить особую, независимую от эмпирического естествознания, философию природы, но стремился, однако, внести диалектический метод в исследование природы, установить *связь между науками*, дать основы диалектической и материалистической классификации наук. Установление подлинной связи между науками возможно только на основе диалектической логики, синтезирующей индуктивный и дедуктивный методы. В книге приводится следующее замечательное положение Энгельса: «Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется тем, чтобы перечислить и сопоставить без связи формы движения и мышления, т. е. различные формы суждения и умозаключения. Она, наоборот, выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает высшие формы из низших».

Энгельс считает учение Гегеля о суждениях и умозаключениях гениальным. Связь между общим, особенным и единичным в понятии и обусловленное этой связью развитие понятий есть отражение реального движения во внешнем мире. Без установления правильных, т. е. отвечающих объективной истине, отношений между родом, видом явлений и единичными явлениями невозможно разработать научную классификацию наук. Классификация должна исходить из переходящих друг в друга форм движения материи и диалектических законов этого перехода. «Диалектика природы, как ее понимает Энгельс, есть *система связей и процессов в природе*, подобно тому как диалектика истории есть *система связей и процессов в человеческой истории*» (55).

В статье «Энгельс и диалектика в биологии» т. Деборин подробно останавливается на диалектике суждений и умозаключений. «Различные формы суждений составляют исторические ступени в развитии нашего познания любого закона природы. Наше познание начинается с единичных фактов, с суждения наличного бытия и возвышается до суждения понятия, где выражены одинаково всеобщность формы и содержания» (121). Развитие суждений и умозаключений соответствует истории науки. Формальная логика, — говорит т. Деборин, — дискредитировала логику вообще тем, что она занималась простой схематизацией суждений, но не выводила их друг из друга на основе естественного развития. Диалектическая логика, опираясь на историю науки, сама служит развитию науки. Естествознание многое теряет от того, что часто слишком односторонне пользуется индуктивным методом. Эксперимент дает многое, но не дает всего... «Теория диалектического материализма является надежнейшим орудием познания объективных связей и законов, господствующих в природе... Эта теория часто способна *предвосхитить* (курсив наш.—Л. М.) в смысле общепринципиального экспериментальное разрешение самых сложных вопросов» (142). Наука стремится установить *закон явлений*. Смысл закона заключается в установлении или нахождении истинных отношений

между отдельными явлениями, видовыми и родовыми, между единичным, особенным и всеобщим. Наука должна отправляться не только от единичного к всеобщему, но и от всеобщего к единичному, не только от явления к сущности, но и от сущности к явлению. «В дедукции идут от сущности к явлениям; индукция представляет собой обратный путь — от явлений к сущности. Умозаключение необходимости выражает единство сущности и явления, или, иначе говоря, закон явлений» (123).

«Еще Геккель жаловался, говорит т. Деборин, что многие крупнейшие естествоиспытатели ограничивались только наблюдением и описыванием фактов, не заботясь об уяснении сущности явлений, это объясняется тем, что они не занимались *размышлением*, т. е. методологией исследования. Из этого, между прочим, вытекает и агностицизм, свойственный многим естествоиспытателям. Методологическое бессилие есть постоянный спутник агностицизма. Даже такой крупный биолог и мыслитель, как К. А. Тимирязев, стал на агностицистскую позицию, когда подошел к вопросу о происхождении жизни. «Синтетической биологии, — говорит он, — пока еще не существует. А что если ей никогда не суждено осуществиться, что если жизнь современна материи?» (144).

Проблема отношения между философией и конкретными науками тесно связана с проблемой отношения между теорией и практикой. Естествознание очень часто ссылается на эксперимент, практику, *противопоставляя* практику якобы абстрактному теоретическому мышлению. С точки зрения теории диалектического материализма такое противопоставление недопустимо, так как она рассматривает теорию и практику в их неразрывном единстве. «...Философское, т. е. диалектическое, отношение к действительности составляет единство практического и теоретического отношения»...

Абсолютно верно следующее замечание т. Деборина: «Вопрос о возможности «сведения» химии и биологии к механическим законам есть вопрос *принципиальный*. Его *методологическая* постановка и разрешение не могут находиться в зависимости от того, достигнуто ли уже или не достигнуто еще *практически* такое «сведение» (308).

Механисты, исходя из своей механистической концепции и вульгаризируя понятия практики, пытаются изобразить мысль т. Деборина так, будто последний отвергает практику как критерий истины, будто теория с точки зрения т. Деборина может быть верна *вопреки* практике. Они допускают здесь две ошибки. Они не понимают, во-первых, что диалектический тезис о невозможности «сведения» высших качеств к низшим подтверждается всем практическим ходом естественных и общественных наук и, во-вторых, что экспериментальное воспроизведение жизни из элементов неорганической материи вовсе не есть аргумент за «сведение» жизни к механике, а только подтверждает невозможность такого «сведения». Пример со «сведением» лишний раз подтверждает, что непонимание сущности диалектической логики приводит к большой путанице в важнейших вопросах теоретического естествознания и к огромной непроизводительной трате сил.

Во втором круге вопросов, поставленных в «Диалектике и естествознании», рассматриваются на основе большого фактического материала важнейшие законы диалектики: переход количества в качество и обратно, закон взаимного проникновения противоположностей, проблема абстрактного и конкретного, случайности и необходимости и т. д.

Правильное понимание проблемы качества связано с признанием диалектического характера движения. Диалектический материализм рассматривает движение монистически, исходит из связи и преемственности всех форм движения. Механисты тоже пытаются подойти к проблеме движения монистически. Все же коренная разница между механическим и диалектическим материализмом заключается в том, что первый за связью, непрерывностью и единством всех форм движения не замечает особенностей каждой формы движения. Монизм движения механический, и ли механистический, материализм усматривает не в единстве всех форм движения, качественно отличающихся друг

от друга, а в существовании *единственной* механической формы движения, единственного качества с различными количественными вариациями. Такой «монизм» ничего общего не имеет с диалектическим монизмом. Больше того,—в ряде случаев этот «монизм», останавливаясь перед невозможностью механического объяснения внешних форм движения, перерастает в дуализм или дает основание для дуалистического, идеалистического или полудиалистического подхода к миру. Так, митрополит Введенский, исходя из положения, что «...единая материя, приблизительно одинаково расположенная (порядково и объемно) в мироздании, вся подчинена закону чисел», делает тот вывод, что «современная механика есть точь-в-точь сколок с христианских догматов» (265).

Механический материализм понимает движение как простое перемещение в пространстве. Движение в свете диалектического материализма есть понятие более широкое, включающее также понятие *развития*, т. е. качественного изменения движения. «В механике,—заявляет т. Деборин,—качество не изменяется, движение там сводится лишь к простому перемещению. «В надмеханических же областях,—говорит Энгельс,—движение является также и изменением качества» (83).

Механисты не понимают диалектического характера движения, единства прерывности и непрерывности, подчеркивая только непрерывность движения. Закон единства противоположностей совершенно выпадает из поля зрения механистов. Принцип развития они подменяют *вульгарным эволюционизмом*. Тов. Деборин приводит и развивает следующее замечательное положение Ленина: «Две основные... концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего, только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к «уничтожению старого и возникновению нового».

В доказательство закона единства противоположностей т. Деборин ссылается на заявления ряда физиков (Ми, Планка, Гильберта и т. д.).

Необходимо обратить внимание на ту замечательную критику, которая дана в «Диалектике и естествознании» по поводу «классического» примера А. К. Тимирязева с отдельными шарами и с коллективом шаров. Отдельный шар символизирует одну молекулу, а «коллектив» шаров — «собрание молекул». Тимирязев доказывает, что температура, это—новое «качество», есть результат коллективного движения молекул и может быть «сведена» к механическому движению одной изолированной молекулы. Тов. Деборин доказывает, что понятие «сводимости» Тимирязев отождествляет с понятием разложимости группы молекул на отдельные молекулы. Типично механическое понимание «сводимости». «...Механическая точка зрения,—говорит т. Деборин,—не может справиться с *коллективами*; она имеет дело всегда, в конечном счете, с *индивидуями*, с отдельными элементами, молекулами, частицами и пр. Поэтому она коллективное движение всегда сводит к движению *отдельных, единичных* элементов, фактически их отождествляя» (233).

Придерживаясь одностороннего взгляда на проблему прерывности и непрерывности движения, невозможно обосновать развитие, качественное изменение мира. По этому взгляду в жизни и не-жизни господствует одна и та же закономерность. Говорить об «узлах» и «скачках» с точки зрения механистов реакционно.

Развивая этот взгляд, механисты неизбежно противопоставляют себя Энгельсу. В статье «Энгельс и диалектическое понимание природы» с исключительной ясностью показано на основе заявлений самих механистов, что диалектическая точка зрения Энгельса создает версию об эволюции, которая якобы была у Энгельса в этом вопросе. Оказывается, что Энгельс стоял раньше на виталистической, т. е. идеалистической точке зрения и только позже стал на механические, т. е. материалистические позиции!

Это положение, говорит т. Деборин, свидетельствует о *ревизионистском* характере всей концепции механистов.

В подходе к проблемам случайности и конкретного понятия, как и в вопросе о качественных изменениях, механисты обнаруживают свою ревизионистскую концепцию в развернутом виде.

Огромной заслугой т. Деборина является то, что он популяризовал марксистское учение о случайности. До появления его статей на тему «Энгельс и диалектика в биологии» в нашей литературе господствовала вульгарная точка зрения, исходящая из субъективной характеристики случайности. Эта вульгарная точка зрения, изложенная в много раз переиздававшихся популярных учебниках, настолько приобрела прочную предрассудка, что ее теперь исключительно трудно выбивать из некоторых голов. Диалектика, рассматривая случайность как известную форму необходимости, не лишает ее известного специфического, вполне объективного значения. Проблема случайности может быть понята лишь в связи с проблемой внутреннего и внешнего. «Можно сказать, что случайное совпадает с внешней необходимостью. Все, что обусловливается чисто внешними условиями, не вытекающими из необходимой природы вещей, можно называть случайным... Случайное есть то, что обусловлено или, говоря словами Гегеля, положено только другим, т. е. не собственной природой его» (128—129).

В связи с вопросом о случайности т. Деборин останавливается на проблеме статистической и динамической закономерностях, поставленной в современной физике, ссылаясь на Бореля, Планка и т. д. Очень любопытно, что идеалист Берг для обоснования своих *идеалистических* положений в биологии вынужден отрицать случайность. Берг придерживается точки зрения Бэра, по которой случайным может быть названо такое явление, в котором необходимость не связана с известной *целью*. Идеалистический телеологизм базируется на метафизическом понимании случайности. Нагляднейший образец того, как механический материализм перерастает в идеализм! Дарвин—говорит т. Деборин—мог обосновать и обосновал свою теорию развития только на основе синтеза случайности и необходимости.

Проблема конкретного понятия разбирается в «Диалектике и естествознании» в связи с вопросом о *реальности* естественно-исторического вида. Механисты, стоя на формально-логической точке зрения, отрицают реальность таких категорий, как вид и класс, и рассматривают эти категории как чисто рассудочные абстракции.

Механисты не в состоянии понять всей глубины постановки этого вопроса марксистом. Вид они понимают как вещь, как простую единичность и поэтому не могут признать его реальности. Но все дело в том, что вид нужно рассматривать как *определенную форму* движения.

Но могут ли механисты правильно разрешить проблему вида и конкретного понятия, если они не понимают сущности движения как развития?

Таковы важнейшие вопросы, поставленные в «Диалектике и естествознании». Богатство вопросов, затронутых в ней, глубокое и ортодоксальное их разрешение делают ее настольной книгой каждого марксиста. Книга ортодоксальна в самом глубоком смысле этого слова. Попытки ревизовать марксизм, ревизуя диалектику, либо ревизуя материализм, получают в «Диалектике и естествознании» решительный и глубоко обоснованный отпор. С другой стороны, марксизм принимается здесь не как «догма», а как живой метод и применяется на ряде существеннейших вопросов в конкретных науках.

Приходится жалеть только, что пяти тысячный тираж книги при том повышенном интересе к философии, который у нас в последнее время замечается, далеко недостаточен.

Л. Маньковский

С. А. ОРАНСКИЙ, ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ МАРКСИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ. т. I.

За последние годы вышло несколько книг, посвященных трактовке основных проблем исторического материализма. Укажем хотя бы на книги А. Ф. Вишневого «Исторический материализм», Н. Перлина—подобного же названия.

Характерной чертой этих работ является значительное внимание, уделяемое авторами проблемам марксистской философии и почти полное игнорирование опыта современной буржуазной социологии в трактовке различных социологических проблем и вопросов.

Вышедшая работа С. А. Оранского занимает среди них несколько особое место. Она содержит: введение, посвященное предмету и задачам социологии, главу I—о родоначальниках социологии, II—о главнейших направлениях в современной социологии, III—о законах социальных и естественных, IV—V—об обществе и его строении, VI—VII—VIII главы—о проблеме классов. Уже одно перечисление содержания книги показывает, что автор пытается поставить и разрешить основные вопросы исторического материализма на несколько ином фоне, чем это делалось ранее. Тов. Оранский анализирует вопросы на основе критики буржуазных социологических направлений. Это обстоятельство придаст свежесть всей работе. Советская общественность чрезвычайно мало знакома с историей и современным состоянием буржуазной социологии. Для освещения этого вопроса поразительно мало делалось и делается нашей марксистской мыслью. Между тем можно было бы извлечь много поучительного в результате знакомства с теми вопросами, которые ставятся иностранной социологической мыслью. По всему этому, попытку С. А. Оранского ознакомить советскую общественность с буржуазной социологией, хотя бы в связи с трактовкой проблем исторического материализма, мы должны расценивать как своевременную и достойную внимания. Книга дает общее представление о течениях буржуазной социологии и по преимуществу в методологическом аспекте. Иной задачи не ставил себе сам автор. Полное изложение и анализ различных течений иностранной социологии—это цель специального исследования и не одного человека и не одного года.

Обзор различных социологических теорий ни в какой степени не мог помешать т. Оранскому ни с точки зрения архитектоники, ни по существу заняться рассмотрением философских предпосылок. Более того, эта работа необходима. В самом деле, разве можно обойтись при трактовке любой проблемы исторического материализма без соответствующего предварительного рассмотрения важнейших вопросов марксистской философии. Ведь известно, что общеметодологические категории находят полностью применение в области общественных наук и что категорий исторического материализма суть лишь конкретная форма всеобщих диалектических законов. Правильное понимание категорий диалектического материализма в известной степени предохраняет от искажений, которые могут быть часто невольно допущены при исследовании отдельных проблем марксистской теории общества. Касаться поэтому философских предпосылок необходимо было С. А. Оранскому не «поскольку», но в строго определенном порядке.

В общем, книга т. Оранского представляет значение и интерес и для широких советских кругов она сможет принести существенную пользу. В значительной степени менее может извлечь из нее читатель, подготовленный в вопросах буржуазной социологии.

Другим несомненным достоинством работы т. Оранского является выдержанность ее с точки зрения марксизма.

Наконец, ясность и простота изложения выгодно отличают книгу и делают ее доступной для широкой советской общественности. Это о книге в целом.

Теперь перейдем к отдельным главам.

В введении С. А. Оранский обосновывает существование марксистской теории общества (автор предпочитает называть последнюю марксистской социологией): Для него исторический материализм и является марксистской теорией общества. Но аргументация в пользу этого тезиса нам кажется недостаточной и мало убедительной. С. А. Оранскому, конечно, известно то напряженное внимание, которое уделяется со стороны марксистов-обществоведов проблеме исторического материализма как марксистской теории общества и как методу исследования.

Мы считаем правильной мысль автора, что исторический материализм является методом и теорией. Но ограничиваться в работе об основных вопросах исторического материализма буквально несколькими страницами, посвященными этой проблеме, как это делает автор, конечно, нельзя. Необходимо было уделить этому больше и места и внимания. Лапидарные, оставленные без солидного освещения формулировки и положения способны лишь вызвать в лучшем случае недоумение. Нам кажется, что архитекторика работы несколько не пострадает, если автор в конце своей работы части указанную проблему сделает предметом специального рассмотрения. От этого вся работа только выиграет.

Доказательство положения, что исторический материализм является и методом и марксистской теорией общества, должно идти по линии, как это и делает вначале автор, выявления тех закономерностей, которые присущи обществу в целом и принципиально отличают его от других областей природы. Далее. Автор попытался отграничить предмет исторического материализма от предмета специальных наук положением, что первый изучает причинное отношение между базисом и надстройкой, а вторые—внутренние закономерности, которые присущи надстройкам. Ни с тем, ни с другим положением согласиться нельзя. Признание существования какой-то внутренней «относительно самостоятельной» закономерности в надстройках очень сомнительно по своей достоверности и методологической правильности. Первое же положение проверяется тем самым фактом, что любая специальная наука из области надстроек—история, религии, искусство и т. д.—всегда пытается проследить зависимость в развитии содержания и формы той или иной надстройки от развития базиса.

Одна часть. Вопреки мнению автора, никогда противники названия «марксистская социология» из среды марксистов не утверждали, что исторический материализм есть философия истории (с. 12).

Главы, посвященные возникновению социологии и современным ее течениям включают много интересных и правильных мыслей. Тем не менее нужно высказать следующие критические соображения.

Первое. Изложение иностранной социологии все же очень схематично. Оно помещает составитель читателю вполне адекватное представление об отдельных социологических направлениях. Не лучше ли было, несколько расширив объем книги, представить более всесторонне каждую социологическую школу. Второе. Характеристика позитивизма и отдельных течений натуралистической социологии приобретает некоторую однотонность. Сведение к механическому корню отдельных социологий все же не устраняет специфики каждой из них. Позитивизм и неопозитивизм далеко не однородны. Задача марксистской критики заключается в точном выяснении отличных и сходных черт в отдельных направлениях позитивизма. Далее. Перечень главнейших направлений в современной социологии не полон. Необходимо бы выделить, к примеру, социологическую школу, которая, помимо громаднейшего влияния вообще на буржуазную социологическую мысль, представляет, конечно, особое направление, не могущее быть сведенным к какому-либо из перечисленных автором.

По мнению Леви-Брюля, французская социологическая школа является истинной наследницей контизма. Именно в методологическом отношении (а эта сторона главным образом интересует С. А. Оранского) большой интерес представляют развитие ею положения.

В связи с этим представляется уместным вопрос: на основании какого критерия мы выделяем и должны выделять из всей массы различных буржуазных социологических течений, старых и современных, течения, представляющие основные линии развития буржуазной философии? Этот вопрос обязателен для каждого приступающего к широкому синтезу и анализу и классификации различных направлений в социологии.

С отсутствием разбора этого вопроса и ясного ответа на него в книге связана неполная классификация главнейших направлений современной социологии. Наличие того и другого полностью предохранило бы тов. Оранского от целого ряда не совсем правильных утверждений. К примеру: разве можно целиком согласиться с положением, что «Марксово понятие (общества.—Ф. Т.) в некоторых отношениях ближе к взгляду органической школы, чем психологической» (122). Все дело в том, что само-то психологическое направление не однородно. Индивидуально-психологическое (Тарда) значительно дальше, чем органическое, в трактовке понятия общества. Ну, а коллективно-психологическое (социологической школы), конечно, ближе. Очень категорично звучит утверждение, что никто из социологов-позитивистов не дал ответа на вопрос, в чем заключается особая специфичность общества (72). Ведь несколькими строками дальше говорит же автор о Дюркгейме, который попытался утвердить специфичность общественной жизни. Школа же Дюркгейма представляет, как известно, наиболее влиятельное позитивистское социологическое течение в современной Франции.

Из других не совсем адекватных положений необходимо отметить: перечисление заслуг органической теории (51) и характеристику основной тенденции современной позитивистской социологии (73).

Роль и значение органической школы и ее заслуги могут рассматриваться лишь в историческом аспекте, в сравнении с тем умственным течением, которое она сменила. Заслуга органической школы заключалась поэтому не только в том, что она рассматривала общество, как организм, как органическое целое, но также в том, что методы естественных наук она переносила в область общественных, где ранее господствовали мистика и телеология. Верным ли является положение, что преобладание эмпиризма—характерная черта современной (подчеркиваем, современной) буржуазной социологии? До недавнего времени это положение было бесспорным. В последние же годы намечается тенденция противоположного порядка: переход к чрезвычайно широкому обобщениям и схемам. В этом нас убеждает хотя бы знакомство с современной французской социологией. К примеру возьмем двухтомную работу Ласбах, *La cité humaine*.

Глава третья посвящена очень важному, интересному, но совершенно неразработанному вопросу об отношении социальных законов к естественным.

Нам представляется, что она является наиболее бледной в работе. Положения автора не вызывают сомнения. В частности, формулировка соотношения частных и общих законов (на с. 104) является правильной. Но автор почему-то отказался от углубления вопроса и ограничился, если не считать привлечения материала из буржуазной социологии, приведением положений, в основном уже известных. Между тем читатель в праве ожидать углубленного анализа самой категории закона закономерности как важнейшей методологической категории. Тем более, что сам автор обещал иногда касаться, когда нужно, философских предпосылок.

Главы IV—VIII развертывают правильную трактовку основных категорий исторического материализма. Автор внес ясность в целый ряд вопросов, которые были предметом полемики между марксистами. Особенно необходимо отметить четкую постановку вопроса о производительном труде, об обществе, двух основных классах общества, понимании интеллигенции как межклассовой социальной группы. Существенных пробелов в этих главах нет. Необходимо отметить отсутствие анализа социального факта так, как он понимается в буржуазной общественной науке. Этот вопрос является одним из важнейших для уяснения отдельных современных социологических направлений.

Глава, посвященная анализу деклассированных групп, мало разработана, неглубока. Между тем вопрос о причинах деклассирования совершенно почти не освещен в литературе. То, что автор говорит о роли алкоголя в деклассировании, милитаризма и пр., конечно, вопроса не разрешает. Неубедительно также положение, что платформой интеллигенции является или капиталистическая, или социалистическая, но отнюдь не мелкобуржуазная (с. 217).

Таковы, нам кажется, те основные замечания, которые необходимо было сделать в отношении отдельных глав. Они ни в коем случае не могут изменить той общей оценки, которую мы сделали выше.

Ф. Тележников

ВМЕСТО ОТВЕТА (ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Редакционное примечание к нашей статье в № 27 «Вестника Комм. академии» обещало в одном из ближайших №№ ответ на нашу критику т. Кона. Но можно ли считать произведение т. Казанского ответом т. Кона на нашу критику? Т. Кон *гласно* не взял на себя ответственности за это произведение, и мы не знаем, является ли т. Казанский уполномоченным своего учителя или только его добровольным литературным защитником.

Правда, т. Кону трудно солидаризироваться с своим учеником, который выдает его с головой, ни единым словом не защищая его ошибок в теории денег, где все прорехи т. Кона выступают в концентрированном виде и обнаруживают далеко неприглядную наготу количественной теории денег. Очевидно, у т. Казанского не хватило смелости для того, чтобы либо принять нашу критику теории денег т. Кона и найти корень ошибок последней в его теории стоимости, либо открыто принять на себя все грехи «количественных» упражнений т. Кона.

Своеобразная «последовательность» т. Казанского обнаруживается весьма ярко в *замалчивании* им коренных изменений, внесенных т. Коном в итоге наших споров с ним во 2-е изд. «Курса». Ни слова, напр., не сказано об изменении т. Коном *определения политической экономии* (ср. стр. 11 первого изд. и стр. 10—11 второго изд.). В этом измененном определении т. Кон, принимая добрую половину наших возражений, игнорирует подчеркнутое нами в нашем определении противоречие между производительными силами и производственными отношениями, как *основу классовой борьбы*. Поэтому обвинению т. Казанского, что мы, дескать, игнорируем в определении полит. экономии проблему классовой борьбы, должно быть им направлено по адресу своего учителя. Для всякого же марксиста ясно, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями выражается в классовых противоречиях и классовой борьбе. Если это не ясно т. Казанскому, то рекомендуем ему обратиться к «Теории исторического материализма» Н. И. Бухарина и другим работам по истмату, где об этом трактуется популярно.

Тов. Казанский берет на себя такую черную работу, как защита выброшенного т. Коном определения соотношения между трудом, стоимостью и меновой стоимостью¹.

¹ В то время как в первом изд. т. Кон определяет стоимость как «труд, затраченный на производство товара», причем труд у него выступает вместе с тем как субстанция *менной стоимости*, а меновая стоимость—как овеществление закона стоимости (стр. 36—7), во втором изд. он радикально меняет фронт и определяет стоимость как овеществленный труд, причем труд здесь объявляется субстанцией стоимости, а не меновой стоимости, *меновая же стоимость* оказывается проявлением *стоимости* в количественно определенных пропорциях, возникающих между обмениваемыми товарами на рынке (стр. 42).

Свидетельством методологической неосведомленности т. Казанского в этом вопросе является отрицание различия между трудовой затратой, производящейся во всяком обществе, и *овеществлением* труда в товаре.

Тов. Казанский, защищая целый ряд неверных положений и формулировок т. Кона, которые последние заменены новыми, поставил себя в весьма нелепое положение. Мы выдвигаем перед ним такую дилемму: либо т. Кон был прав в 1-м изд. и отказался от него *по ошибке*,—тогда т. Казанскому надо скорее отмежеваться от недостойного учителя, либо т. Кон был неправ,—тогда цена критического творчества т. Казанского столь же велика, как и степень его научной добросовестности.

Не желая возобновлять уже решенного спора, мы ограничиваемся здесь краткими замечаниями по поводу творимых нашим критиком легенд.

Первой легендой является мнимое разногласие между тт. Абезгаузом и Дукором в дискуссии в РАНИОне по вопросу о включении момента физиологической однородности затрат человеческого труда в категорию абстрактного труда. Будучи чрезвычайно удивлены перенесением спора в столь мало интересную для читателя плоскость, мы сожалеем, что т. Казанский не последовал эпитафии своей статьи. В противном случае он бы обнаружил, что т. Дукор дал в своем выступлении следующую формулировку: «понятие абстрактного труда по Марксу выражает общечеловеческий характер труда, т. е. затрату человеческой рабочей силы вообще как специфическую общественную форму труда» (дискуссия «Абстрактный труд и стоимость»). В полном согласии с этим т. Абезгауз заявлял, что «в понимании Маркса в противоположность докладчику (т. е. И. И. Рубину) объединяется понятие общечеловеческого труда, физиологическая однородность рабочих сил и социальное уравнивание их деятельности, труда, возможное лишь на этой основе» (65), что далее «общественный труд всегда есть отношение разных видов труда друг к другу как к общечеловеческому труду, как к затрате одной и той же человеческой рабочей силы» (70), что «будучи выражено объективно как абстрактный труд (деньги), конкретный труд становится действительно общественным» (70).

Так обр., разногласия в дискуссии целиком выдуманы нашим критиком. Всякий читатель может сверх того легко убедиться, что позиция, занятая тт. Дукором и Абезгаузом в дискуссии с т. Рубиным, целиком нашла себе выражение и в наших коллективных статьях *против т. Кона*.

Мы неизменно подчеркивали *материалистический* характер марксовской диалектики, свидетельством чему являются как прямые наши высказывания, так и наш общий подход к проблемам полит. экономики. Так, еще весной 1927 г. (т. е. до появления «Курса» т. Кона) мы заявляли: «Если проследить весь ход изложения «Очерков», то самым крупным недостатком их является замалчивание *материалистической* диалектики Маркса: не учтено и не выявлено для читателя диалектическое развитие мысли Маркса и *материалистическая* основа его диалектики» (Абезгауз, цит. диск. с. 63); «противопоставление материального социального, которое мы имеем у т. Рубина, с точки зрения диалектического материализма, незаконно» (Дукор, там же, 48); наконец, в полном согласии с Марксом, Энгельсом, Лениным и Плехановым мы сделали *исходным пунктом наших выступлений* положение, что «последовательная диалектика есть *материалистическая* диалектика, а последовательный материализм есть *диалектический материализм*» (ВКА № 27, стр. 69—70, статья Абезгауза, Дукора, Ноткина). В итоге разрушается *вторая* легенда нашего критика о затушевывании нами материализма как основы метода Маркса.

Третьей—на сей раз политической—легендой является обвинение нас в смешении кулака с середняком, мотивированное тем, что мы якобы не проводим *качественного* различия между простым товарным хозяйством и капитализмом. Мы подчеркивали это различие, а также необходимость диалектического скачка при переходе простого товарного хозяйства в капиталистическое. Но мы не можем отождествлять, на подобие т. Казанского, справедливое требование Ленина выяснить «различие типов хозяйства и уровня жизни

у процветающих капиталистических и нуждающихся мелких хозяев» в *условиях капитализма* с стремлением т. Кона и его ученика анализировать *особые законы*, регулирующие «чистый рай» мелких товаропроизводителей, свободных от капиталистического гнета. Такая концепция игнорирует то обстоятельство, что мелкое крестьянское хозяйство, предоставленное своим имманентным законам развития, *без соответствующей активной политики пролетарской диктатуры*, неизбежно перерастает в капитализм. Эта концепция игнорирует корни капитализма, заложенные в простом товарном хозяйстве, *самопроизвольное* развитие которого вне его действительного охвата *всесторонней* кооперацией в пролетарском государстве; ведет к победе «торгашеского лица» середняка над его «трудовым лицом». С помощью такой концепции нетрудно и вовсе снять проблему борьбы с мелкобуржуазными тенденциями простых товаропроизводителей, т. е. смазать задачу переделки середняцкого хозяйства. Вместе с тем становится понятным, почему т. Казанский упорно обходит утверждение Маркса, что существование простого товарного хозяйства как господствующей формации, есть «обман, которого никогда не было в истории» («Теории», т. III, стр. 304). Ведь спор шел именно о том, существовало ли простое товарное хозяйство *в чистом виде*, согласно его логическому определению, т. е. как *господствующая формация*, или нет. Если нет, то простое товарное хозяйство *в чистом виде* представляет собой только простейшую абстракцию капиталистического хозяйства (ВКА, № 27, стр. 73, примечание). Существование простого товарного хозяйства как исторического *præus*'а капитализма, как перехода от феодализма к буржуазному способу производства, мы не только не отрицали, но выдвигали против Рубина (см. ВКА, № 27, стр. 74, прим.). Мы лишь утверждали и утверждаем, что товарное хозяйство как абстракция капиталистического способа производства, как логический *præus*, и товарное хозяйство как исторический *præus* капитализма, не покрывают друг друга. Исторически чистого типа товарного хозяйства, как особой общественно-экономической формации, не существовало, оно исторически несамостоятельно и поэтому нельзя изобретать для него особого регулятора. Именно поэтому Ленин заявлял, что «простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного товара на другой уже включает в себе в неразвернутой форме все главные противоречия капитализма (Ленинский сборн., IX, с. 197). И как-раз на это обстоятельство мы обращали внимание т. Кона, пытавшегося отграничить каменной стеной анализ простого товарного хозяйства от анализа капитализма в политической экономии путем конструирования «особых регуляторов». Делать отсюда вывод, что мы смазываем различие между середняком и кулаком, т. е. классовые противоположности, может только человек, не брезгающий любимыми средствами.

Итог таков: т. Казанский защищает ошибки, частично устраненные т. Коном. Как показывает выступление т. Кона на недавней дискуссии в ИКП с И. И. Рубиным, он вынужден на деле отступать от своей первоначальной механистической позиции. Но это отступление продлевается им недостаточно смело. Только решительное и открытое преодоление ошибок механистического порядка создаст действительную почву для критического преодоления идеалистических воззрений И. И. Рубина.

Г. Абезгауз, Г. Дукор и А. Ноткин.

От редакции. Дальнейшее обсуждение затронутых в дискуссии вопросов переносится в журнал «Проблемы экономики».

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
<i>Деборин, А.</i> Современные проблемы философии марксизма	3
<i>Подволоцкий, И.</i> Ленинский концепт «Науки логики» и проблемы материалистической диалектики	30
<i>Шария, П.</i> Новый вид эклектизма под флагом новой философской системы	79
<i>Розовский, Л.</i> Родбертус как теоретик ренты	103

ДОКЛАДЫ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

<i>Трахтенберг, И.</i> Теория современного кредита (доклад и прения)	131
<i>Варьяш, Э.</i> Экономическая программа Международного Кооперативного Альянса.	177

II ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ.

<i>Адоратский, В.</i> О работах Ленина по философии	198
О работе марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений (Доклады гг. Покровского, Милютина, Савельева, Позерна, Викула, Камышана и Сенкевича)	210
Резолюции конференции	242

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Маньковский, А.</i> Деборин. Диалектика и естествознание	251
<i>Тележников, Ф.</i> Оранский. Основные вопросы марксистской социологии	258
<i>Абезгауз Г., Дукор Г. и Ноткин А.</i> Вместо ответа (письмо в редакцию)	261

О ПРИЕМЕ В АСПИРАНТЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА.

В 1929/30 г. будет произведен прием по трем секциям: а) социологической (истмат и ленинизм), б) экономической, в) философской.

Условия приема те же, что в соответствующие Институты РАНИОН'а (см. публикацию в «Правде» от 16/II 1929 г. за № 39/4173 и справочник аспиранта на 1929/30 г.), со следующими дополнениями:

1. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ: принимаются только члены ВКП(б) со стажем не менее 5 лет. Коллоквиум производится: а) по истории ВКП(б) в объеме курса Комвуза, б) по политической экономии, по историческому материализму и диалектическому материализму в объеме минимума для поступления во все Институты РАНИОН'а, в) ЛЕНИН—Материализм и эмпириокритицизм.

2. ФИЛОСОФСКАЯ СЕКЦИЯ: один из курсов формальной логики (Введенский, Мянто или Ланге).

Прием заявлений, документов и работ производится с 15/IV по 15/VIII по адресу: Ленинград, Мойка 59.

При Институте организована консультация для поступающих в аспиранты.

Директор ЛИМ'а ПОЗЕРН.

„ПРАПОР МАРКСИЗМУ“

Научный двухмесячник — орган Украинского Института Марксизма-Ленинизма, под редакцией: гг. Скрышника (председатель редколлегии), С. Видула, А. Камышана, Ю. Магуренка, Д. Наумова, Н. Попова, Е. Рохкина, В. Юрияца и М. Яворского.

Журнал «ПРАПОР МАРКСИЗМУ» (Знамя Марксизма) имеет следующие отделы: философия и социология, экономика и право, искусство, история Запада, России и Украины, нацвопрос, библиография и хроника.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на год—8 р., на полгода—4 р. 25 к., отдельный номер—1 р. 50 к. 7

Годовые подписчики «Прапора Марксизма» на 1929 г. могут получить комплект за 1928 г. за 4 рубля вместо подписной цены 8 рублей.

Журнал выходит книгами по 15 печатных листов.

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА:

Харьков, ул. Карла Либкнехта, № 33.

ПОДПИСКУ ПРИНИМАЮТ:

Периодсектор ДВУ, Харьков, Сергиевская пл., Московские ряды, № 11.